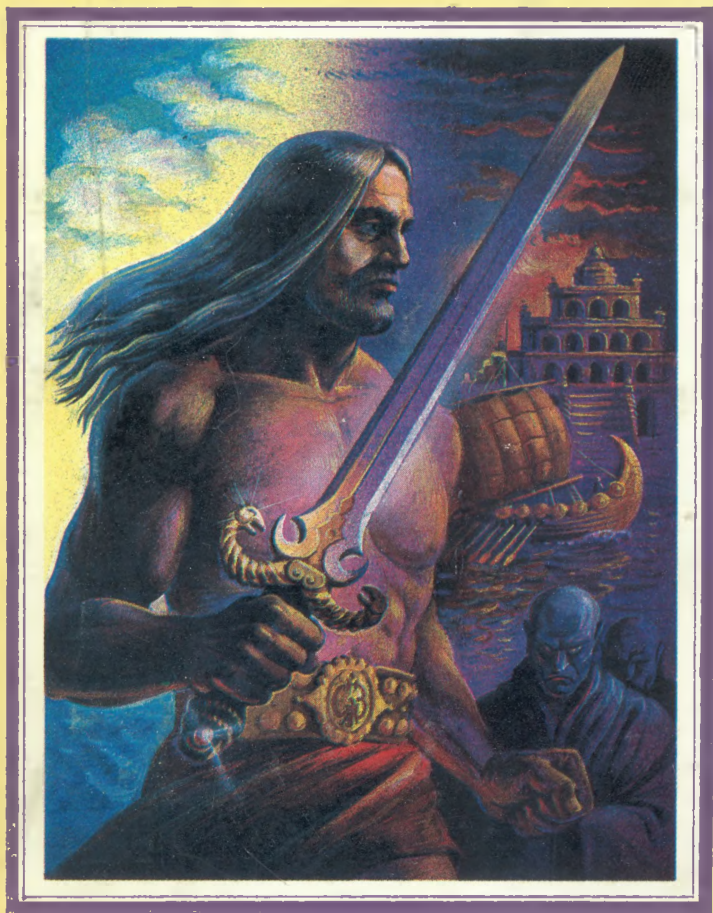

Абрахам МЕРРИТТ

КОРАБЛЬ ИШТАР

Абрахам МЕРРИТТ

Абрахам МЕРРИТТ

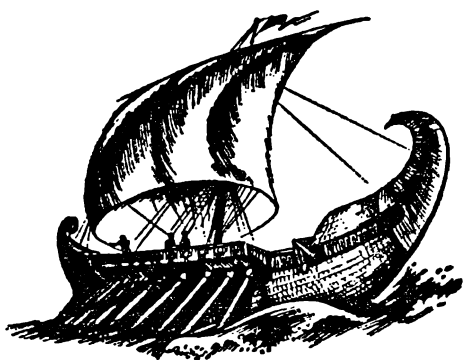

Абрахам Мерритт

КОРАБЛЬ ИШТАР

Санкт-Петербург
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1993

Мерритт А.

М52 Корабль Иштар: Романы/Пер. с англ. —
СПб.: Северо-Запад, 1993. — 442 с.
ISBN 5-8352-0119-2

Абрахам Мерритт (1884–1943) — крупнейший американский писатель-фантаст. Творчество этого писателя в значительной степени повлияло на развитие англо-американской литературы, и в частности — фэнтези. Настоящим изданием «Северо-Запад» начинает выпуск сочинений А. Мерритта.

Несколько слов о содержании данной книги.

Джон Кентон, преуспевающий житель современной цивилизации, волею волшебства переносится в мир аккадских богов, выясняющих свои запутанные отношения с помощью обычных людей. Угодив в самую гущу интриг, затеянных богами, Джон Кентон становится главным действующим лицом в борьбе добра и зла, света и тьмы, Богини Иштар и Нергала — Повелителя Теней — Бога, правящего в подземном царстве.

Если в «Корабле Иштар» события разворачиваются в древнем мире, подчиняясь воле богов Аккадской мифологии, то в романе «Семь ступеней к Сатане» действие происходит вблизи современного Нью-Йорка, в мистическом подземелье, наполненном лучшими сокровищами со всего света, добытыми обманом, интригами и убийствами. Властвует в подземелье некий монстр, называемый Сатаной. Ему беспрекословно подчиняются самые высокопоставленные люди планеты, которых он коллекционирует, как и драгоценности.

Ученый Джеймс Киркхем разгадывает тайну Сатаны.

Перепечатка отдельных глав и всего произведения в целом — запрещена. Всякое коммерческое использование данного произведения возможно исключительно с ведома издателя.

© Л. Прозорова, Н. Иванова, перевод, 1993.

© «Северо-Запад», оформление и подготовка текста, 1993.

® ~~Северо-Запад~~. Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0119-2

ВЗГЛЯД НА ТВОРЧЕСТВО А. МЕРРИТТА

Одно упоминание об Абрахаме Мерритте приводит в трепет любителей фантастики как никакое другое имя, ибо нет сомнений, что произведения Мерритта будут жить, пока жива сама фантастика.

Абрахам Мерритт родился 20 января 1884 г. в Беверли, штат Нью-Джерси. Его родители, как по линии отца, так и по линии матери, были самыми истовыми квакерами, поэтому и дали сыну чисто библейское имя. Учился Мерритт в колледже в Филадельфии, затем в качестве вольнослушателя посещал университет в Пенсильвании. Именно в это время у Мерритта произошел разрыв с семьей, что, скорее всего, послужило причиной внезапного ухода Мерритта в журналистику. Он стал заместителем редактора «American Weekly», воскресного приложения к «Hearst Sunday Papers».

Если говорить об увлечениях Мерритта, то они многочисленны и разнообразны. Это — коллекционирование жуков, ботаника, цветоводство. Мерритт очень любил леса и моря, джунгли и развалины древних городов, оставаясь при этом ярким сторонником посидеть дома у камина, перекинуться в покер, выпить бокал какого-нибудь хорошего вина. Личная неприязнь Мерритта распространялась на шум больших городов и истребление диких животных. Он скептически относился к появлению радио, новой моды и вообще ко всему тому, что можно назвать

«жизнью общества потребления», считая, что все это послужило причиной исчезновения жизненных укладов и обычаев так называемых «дикарей», «варваров».

Первая повесть А. Мерритта «Стеклянный дракон» была напечатана 24 ноября 1917 года в «All Story», и продолжение этой повести — «Народ шахты» — в том же году и в том же журнале. Вскоре вслед за этими первыми произведениями появилась знаменитая «Лунная заводь», которая без сомнения навсегда останется классикой в жанре фэнтези.

После публикации в 1919 году следующей повести, «Три берега старой Франции», Мерритт получил множество писем, особенно из Англии, с похвальными отзывами о своем блестящем произведении, где центральной темой стоит проблема жизни после смерти. Авторы писем говорили, что повесть Мерритта дала им новую надежду, что они по-другому взглянули на судьбы своих сыновей, погибших на полях первой мировой войны. Один горячий поклонник предложил даже высечь эту повесть золотыми буквами на скрижалях и отдать на вечное хранение в «Westminster Abbey».

Потом в 1920 году был опубликован «Железный Властелин». Мерритт долго не был удовлетворен написанным. Он переписывал повесть три или четыре раза, и одной из версий этого произведения стал «Железный монстр», увидевший свет в 1927 году в «Science and Invention». Эта повесть, точнее одна из ее версий, была напечатана в России в журнале «Мир приключений» под названием «Живой металл».

В 1923 году вышел в свет «Лик в бездне». Успех этого произведения был настолько шумный, что Мерритт сразу же садится писать продолжение. Новую повесть Мерритт назвал «Корабль Иштар». Однако Боб Дэвис, будущий редактор журнала «Argosy», прочитав первый вариант повести, уговорил Мерритта создать на этом материале полноценный самостоятельный роман. Мерритт дал согласие. Работа над «Кораблем Иштар» заняла у писателя довольно-таки значительное время. Позже Мерритт рассказывал, что сначала написал заключительную часть романа, а после очень удачно приноровился пристраивать к концовке недостающие куски.

«Женщина из леса» — следующая повесть Мерритта. По всей видимости, она была единственной вещью из всего творческого наследия Мерритта, которая не оправдала возлагаемые на нее надежды. Направленная в журнал «Argosy», повесть была отвергнута. Боб Дэвис не усмотрел в ней ни динамичного сюжета, ни захватывающей интриги. Огорченный Мерритт послал повесть в «Weird Tales», где Ф. Райт быстро прибрал ее к рукам. Позже мистер Райт признавался, что это была первая публикация в «Weird Tales», которая печаталась без поправок и сокращений.

1927 год был знаменательным для Мерритта — увидел свет его роман «Семь ступеней к сатане». Сначала его целиком напечатали в «Argosy» и как сериал в «New York Daily Mirror», а затем издали отдельной книжкой. В довершение ко всему роман был экранизирован. О киноверсии своего произведения Мерритт говорил: «Я смотрел картину и плакал. Единственным сходством между книгой и фильмом было название. К тому же фильм на корню подрубил книжную распродажу «Семи ступеней». Ведь те люди, кто посмотрел картину, не получили и десятой доли того заряда чувств и переживаний, которое дает прочтение текста». Нужно заметить, что Мерритт немного слукавил — «Семь ступеней» продавались очень бойко, даже невзирая на широкий прокат фильма.

В 1930 году появилась «Мать-Змея», долгожданное продолжение романа «Лик в Бездне». Оба эти произведения в том же году были изданы под одной обложкой.

В 1932 году в свет выходит роман «Обитатели миража», сначала в журнале «Argosy», а затем и отдельным изданием. В этом же году Мерритт пытается опубликовать как самостоятельное издание роман «Гори, ведьма, пылай!». Однако замыслы автора терпят неудачу. Лишь позже появляется журнальная версия романа с переработанной концовкой. Эта версия включала в себя гораздо больше элементов из легендарной истории оживших кукол и совсем немного так называемых «научных толкований». Есть мнение, что если бы Мерритт остался верен самому себе, то он должен был завершить свой роман на том

моменте, когда кукла убивает мадам Мэндилип. Завершить и... оставить читательское воображение наедине с самим собой.

Сам Абрахам Мерритт своим лучшим произведением называл «Корабль Иштар». Так же ему нравились отдельные главы из «Обитателей миража» и «Гори, ведьма, пылай!». Мерритт мечтал о том, что «Корабль Иштар» можно сделать в виде прекрасной радиопьесы или поставить киноверсию. И почему-то считал, что только немецким режиссерам такая работа под силу. Действительно, много лет спустя германские кинематографисты сделали прекрасную картину по роману «Гори, ведьма, пылай!».

Кстати, в адрес романа «Гори, ведьма, пылай!» было всего больше критических замечаний. Автора обвиняли, будто бы он придумал слишком уж невероятную и нелепую историю. Отвечая на критику, Мерритт ссылаясь на священную глиняную табличку, найденную в халдейском городе Ур и датированную 850 годом до Р.Х. в период царствования Ассур-насирпала.

Табличка гласит: «И есть у них идолы, так похожие на человека, но воображение мое меркнет перед их сутью. И уносили они мое дыхание, выдергивали мои волосы, раздирали мои одежды, мазями из неведомых трав они натирали мое тело. О, Бог Огня! Рассей их чары! Ибо ведут они меня к смерти моей». Запись на табличке замечательна своим сходством с некоторыми моментами в романе «Гори, ведьма, пылай!».

Что же касается качества издания своих произведений, то Мерритт считал, что Лео Коунри, оформивший обложку «Обитателей миража» и обложку одного из изданий «Лунной заводи» — лучший из всех художников-иллюстраторов.

Мерритт любил читать Гамильтона, Лейнстера и Келлера, но в то же время считал, что фантастика о космических путешествиях (т.е. литература в жанре «science fiction») подлинного будущего не имеет.

Мерритт говорил:

«События, описанные в большинстве фантастических произведений, подходят как к нашей Земле, так и к любой другой планете. Другими словами, даже если перенести героев неведомо куда, в какую-

нибудь далекую галактику, хорошей фантастики все равно может не получиться. К примеру, Уэллс. Я думаю, что «Война миров» действительно классная фантастика, чем последовавшие после этого «Первые люди на Луне».

Возвращаясь к роману «Гори, ведьма, пылай!», хотелось бы вспомнить один интересный случай. Мерритт рассказывал, что образ доктора Лоуэлла не совсем вымышленный, такой человек действительно существовал, но подлинное его имя является тайной. Мерритт поведал об одном невероятном происшествии, которое случилось с ним и Лоуэллом.

Известный в Филадельфии книготорговец был найден убитым. Подозрение пало на некоего Поля, который снимал комнату рядом с местом преступления. Этот Поль был самый настоящий гений. Он блестяще окончил несколько престижных европейских университетов и в придачу к этому был еще и гипнотизером. Одним из его коронных номеров было управление женщиной-призраком. Женщина появлялась перед ним неизвестно откуда и наигрывала на виолончели тихую мелодию. Пока велось следствие по делу об убийстве книготорговца, Поль был помещен в клинику под наблюдение доктора Лоуэлла. Однажды Лоуэлл, Мерритт и доктор Спитджер, знаменитый специалист по головному мозгу, посетили Поля, чтобы собственными глазами убедиться в его паранормальных способностях. В палате было темно. Поль начал призывать свою призрачную виолончелистку. И она на несколько секунд появилась перед взорами присутствующих. Палата наполнилась чарующими, таинственными звуками виолончели. И вдруг призрак исчез. Объяснить происшедшее никто не смог.

Однажды Мерритт рассказал еще более невероятную историю:

«Я рыбачил в сорока милях от Порт-Антонио рядом с небольшим островком. Вдруг мне показалось, что весь остров диковинным образом поднялся в воздух. Все пространство вокруг стало вдруг каким-то неестественно прозрачным, выпуклым и светлым, будто бы я глядел на этот участок моря в супертелескоп. Можно было даже видеть бушевавший в Блю-Монтайн ураган. И в то же время океан наполнился сотнями удивительных радуг, будто бы меня

со всех сторон окружали невидимые гигантские призмы, преломляющие свет ярко пылающего солнца. Мысленно я назвал этот потрясающий мираж «enchanted sea» (зачарованное море). Вдруг небо окрасилось в невероятный желтый цвет. На мою шлюпку налетел ураган. Ветер был такой сильный, что даже когда его порывы утихли, мне казалось, что из глубин океана бьют гигантские гейзеры. «Я не спал и не ел тридцать шесть часов подряд, забившись в маленькую каюту шлюпки. Когда же буря закончилась, суденышко находилось почти в трехстах милях от берегов Гаити. Как оно там оказалось, я до сих пор не знаю».

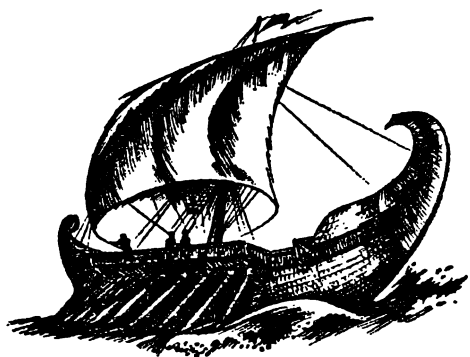
Еще много удивительных историй мог бы рассказать Мерритт. Он даже собирался описать все происшедшее с ним в отдельной книге, желая озаглавить ее «Когда пробуждаются древние боги».

Но будем надеяться, что многие из реально происшедших событий великий писатель включил в свои замечательные произведения.

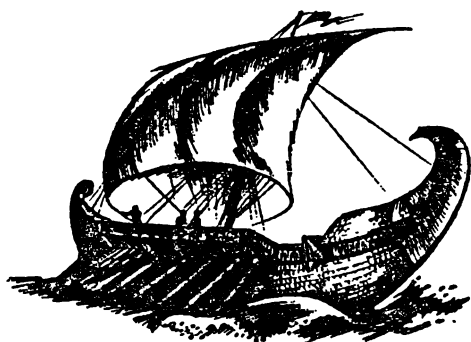
ЮЛИУС ШВАРЦ

*Из книги «Reflections in the Moon Pool»
(«Мерцание на Лунной Заводи»)*

КОРАБЛЬ ИШТАР

ЧАСТЬ 1

1. Появление корабля

Странный, незнакомый аромат струился от камня. Кентону он напомнил легкие прикосновения нежных рук, как будто молящих о чем-то.

Он давно уже ощущал этот запах, неизвестный, ни на что не похожий, он тревожил Кентона, вызывая в сознании какие-то неуловимые образы, обрывки мыслей, которые исчезали еще до того, как разум их улавливал. Кентон ощутил его сразу, как только снял с камня все покровы. Форсит, старый ученый-археолог, нашел этот камень в безбрежных песках, ставших ныне саваном давно исчезнувшего Вавилона.

Кентон еще раз смерил взглядом камень — четыре фута в длину, чуть больше в высоту и немного меньше в ширину. Дымка прошедших столетий подобно невидимому одеянию окутывала его желтоватую поверхность. С одной стороны на камне была надпись — несколько строк древней клинописи; если верить предположениям Форсита, они были выбиты во времена царствования Саргона Аккадского, четыре тысячи лет тому назад. Царапины и трещины покрывали поверхность камня, и от этого полустершиеся знаки были едва заметны.

Кентон наклонился, и струйки аромата, словно десятки щупалец, потянулись к нему, цепляясь, как крошечные пальчики, тоскующие, просящие, молящие о чем-то...

Молящие об освобождении!

Что это вдруг пришло ему в голову? Кентон поднялся. Рядом лежал молоток, он поднял его и в нетерпении ударил по камню.

И камень ответил!

До Кентона донесся слабый шум, становившийся все громче и громче, в котором слышались слабые голоса колоколов, напоминающие отдаленный хрустальный перезвон. Но вот все звуки стихли, и остался только этот высокий, мелодичный перезвон — такой чистый, он доносился к Кентону из глубины бесконечных веков.

Раздался страшный треск, и камень раскололся. В месте разлома вспыхнуло сияние, похожее на блеск розового жемчуга, и волнообразно нахлынул тот же аромат, но в нем больше не было тоски и мольбы.

Кентон ликовал! Праздновал победу!

Внутри камня что-то было. Скрытое от глаз, оно покоилось там со времен Саргона Аккадского четыре тысячи лет.

Хрустальный перезвон раздался вновь. Он зазвучал во всю мощь, затем начал стихать и замер, возвратившись в глубину бесконечного времени. И тогда камень рассыпался, распался, превратился в облако сверкающей пыли, которая, кружась, медленно оседала.

Облако парило подобно мерцающей дымке. Оно исчезло, как будто отдернули штору.

Там, где был камень, стоял корабль!

Он качался на волнах, вырезанных из лазурита и увенчанных молочно-пенными гребнями горного хрусталя. Весь корабль светился слабым матово-хрустальным сиянием. Носовая часть его была изогнута подобно турецкой сабле. В носовой части корабля находилась каюта, стенами которой служили высокие борта. В этом месте цвет хрусталя постепенно сгущался, становился теплее, а сама каюта светила, как розовая жемчужина.

В центре корабля, занимая треть его длины, находилось огороженное углубление. От носовой части сюда спускалась палуба из слоновой кости. Другая палуба, примыкавшая к углублению со стороны кормы, была из черного янтаря; там находилась другая каюта, больше, чем первая, но гораздо ниже и цве-

том — черная как смоль. По обеим сторонам к углублению примыкали широкие площадки — продолжение палуб. В середине корабля проходила граница между черной и белой палубами, похожая на место встречи двух противоборствующих сил. Это не был плавный переход одного в другое, граница проходила четко, граница между врагами.

Из углубления поднималась зеленая как изумруд, высокая, тонкая мачта. Широкий шелковый парус мерцал, как будто сотканный из огненных опалов. На мачте и реях висели канаты, сплетенные из тусклых золотых нитей.

По семь огромных весел находилось на обоих бортах корабля, их ярко-алые лопасти глубоко погружались в жемчужно-лазурные волны.

Оказывается, это сверкающее драгоценностями судно было обитаемым! Как же он раньше не заметил эти крошечные фигурки?

Похоже, они только что появились на палубе... женщина, выскользнув из розовой каюты, застыла с вытянутой рукой, закрывая дверь. На палубе из слоновой кости располагались еще три женские фигурки, они сидели, низко склонив головы, две сжимали в руках арфы, а третья держала двойную флейту.

Маленькие фигурки высотой не более двух дюймов... Игрушки!

Он никак не мог разглядеть ни их лиц, ни одежды. Очертания фигурок были размыты, нечетки, их окутывала какая-то дымка. Видимо, у него что-то со зрением, решил Кентон. На мгновение он зажмурился.

Открыв глаза, он взглянул на черную палубу. С нарастающим недоумением он стал всматриваться внимательнее: сначала здесь никого не было — он мог поклясться, теперь же у края углубления стояли четыре маленьких человечка.

Загадочная дымка вокруг игрушек сгустилась. Конечно, все дело в глазах — в чем же еще? Ему лучше прилечь и отдохнуть. Кентон с трудом повернулся и медленно пошел к двери. Он остановился в нерешительности, чтобы взглянуть еще раз на сверкающую тайну.

Вся комната потонула во мгле, виден был лишь корабль!

В этот момент Кентон услышал рев наступающих армий, завывание тысяч бурь, пронзительный вой обрушившихся на него ураганов.

Комната рассыпалась, распалась на тысячи частичек. Сквозь шум отчетливо слышались удары колокола — первый, второй, третий...

Он узнал эти звуки. Это часы в его комнате били шесть. Третий удар оборвался на половине.

Твердый пол закачался у него под ногами, и Кентон почувствовал, что висит в воздухе, — в воздухе, подернутом серебристой дымкой.

Но вот дымка рассеялась.

Перед взором Кентона промелькнул простор синего океана, барашки волн; посмотрев вниз, он увидел на расстоянии примерно десяти футов палубу какого-то корабля.

Внезапно сильный удар в висок оглушил его. Молнии рассекали тьму, поглотившую море и корабль.

2. Первое приключение

Кентон лежал, прислушиваясь к тихим звукам, похожим на слабый шелест волн. Этот легкий шорох, постепенно нарастая, слышался отовсюду. Глаза Кентона были закрыты, но он чувствовал свет. Что-то плавно покачивало его, убаюкивая. Кентон открыл глаза.

Он находился на корабле; он лежал на палубе, упираясь головой в борт. Прямо перед ним вверх тянулась мачта. В углублении у ее основания на веслах сидели прикованные цепями гребцы. Мачта, похоже, была вытесана из дерева и покрыта прозрачным лаком зеленоватого оттенка. Все это о чем-то напоминало Кентону.

Где он видел такую мачту раньше?

Наверху развевался шелковый парус цвета опала. Над головой низко нависло небо, подернутое легкой серебристой дымкой.

Услыхав тягучий женский голос, Кентон сел. Голова у него кружилась. Справа, в изогнутой носовой части корабля, он увидел каюту, светившуюся розоватым свечением. Над каютой тянулась галерея с

цветущими деревьями, в ветвях которых шелестели белоснежными крыльями голуби. Их лапки и клювы, казалось, обмакнули в густое вино.

В дверях каюты стояла женщина, высокая и гибкая, как ивовый прут. Она пристально всматривалась куда-то мимо Кентона. Три девушки сидели у ее ног. Две держали в руках арфы, третья поднесла к губам флейту. И опять в сознании Кентона зашевелились смутные воспоминания, замиравшие, как только он вновь взглянул на женщину.

Глаза женщины были подобны лесным долинам — такие же зеленые и полные мимолетных неуловимых теней, изящную головку украшали правильные черты лица, алые страстные губы. Ямочка у основания шеи, казалось, ждала поцелуев. На лбу она носила тонкий серебряный полумесяц, по обеим сторонам которого струились золотисто-рыжие волосы, обрамляя прекрасное лицо. Разделяясь на груди, золотой водопад спускался колечками почти до самых ног, обутых в легкие сандалии.

Она была юной, как Весна, — и мудрой, как Осень; Весна какого-то древнего Боттичелли — но вместе с тем и Мона Лиза; если и девственная телом, то душой уже много испытывавшая.

Кентон проследил за ее взглядом. На противоположной стороне углубления, где находились гребцы, стояли четверо мужчин. Один из них был крепкого сложения и явно выше Кентона. Во взгляде его прозрачных глаз, неподвижно уставленных на женщину, читалась враждебность, угроза. Его огромная приплюснутая голова и мертвенно-бледное лицо с ястребиным носом были гладко выбриты. С головы до ног он был запахнут в черную мантию. Слева от него стояли еще двое бритоголовых, сильных и гибких, как волки, тоже закутанных в черные покрывала. Каждый держал в руках бронзовый рог, формой напоминающий морскую раковину.

Взгляд Кентона задержался на одном из бритоголовых. Мужчина сидел на корточках, упиравшись острым подбородком в высокий барабан с изогнутыми стенками, обтянутыми чешуей какой-то огромной змеи, — отполированной, переливающейся на свету огненно-красным и черным. Крепкие, но короткие ноги поддерживали чудовищно мощное тело, муску-

листое тело гиганта. Обезьяньими руками он обнимал барабан, упираясь в поверхность инструмента кончиками длинных пальцев, похожих на лапки паука.

Но больше всего Кентона заинтересовало лицо этого человека. Язвительность и коварство читались в нем, но, в отличие от других лиц, оно не было средоточием одной только злобы. Тонкие губы большого лягушачьего рта искривились в усмешке. Глубоко посаженные блестящие черные глаза с откровенным восхищением смотрели на женщину с полумесяцем во лбу. С оттопыренных ушей свисали круглые пластины кованого золота.

Женщина быстро подошла к Кентону. Она была так близко, что он мог бы протянуть руку и дотронуться до нее. Но казалось, она его не видит.

— Эй, Кланет! — воскликнула она. — Я слышу голос Иштар. Она приближается к своему кораблю. Готов ли ты достойно встретить ее, о Прах у ног Нергала?

Ненависть промелькнула на бледном лице мужчины, и вспышка ее была подобна дыханию ада.

— Этот корабль принадлежит Иштар, — ответил он, — но ведь и мой Мрачный Повелитель имеет на него право, не так ли, Шаран? Дом Богини наполнен светом, но скажи мне, разве это не тьма Нергала — та, что сгущается позади меня?

И Кентон увидел, что палуба, на которой находились эти люди, черна, как отполированный гагат. И опять в его сознании проснулись смутные, неузнанные воспоминания.

Внезапный порыв ветра, похожий на пощечину, накренил корабль. Со стороны розовой каюты раздались крики голубей, птицы взлетели, как белое облако, кое-где помеченное красным, и закружились вокруг женщины.

Обезьяньи руки отпустили барабан, пальцы замерли, не касаясь змеиной чешуи. Тьма сгустилась и поглотила барабанщика; тьма окутала всю корму.

Кентон чувствовал, как сгущаются какие-то неведомые силы. Он скользнул вниз, прижимаясь к фальшборту.

Со стороны розовой каюты раздался звук трубы, сильный и властный. Кентон повернул голову, и волосы у него встали дыбом.

Над розовой каютой поднимался огромный шар, похожий на полную луну, но он не был бледным и холодным, в нем живо пульсировал ослепительный розовый свет. Свет разливался над кораблем, а там, где раньше стояла женщина по имени Шаран, — была другая! Облитая лучами светила, она казалась больше, веки ее были смежены, но сквозь них просвечивало сияние глаз! Зеленым нефритом они светились через опущенные веки, как будто эти веки были прозрачны. Тонкий полумесяц горел сочным огнем, а вокруг него бушевали волны золотых волос.

Голуби, хлопая белоснежными крыльями, с криками кружились над кораблем.

Во тьме, окутавшей корму, раздался барабанный бой.

Тьма стала рассеиваться, проявив лицо; наполовину скрытое. оно парило во мраке, одно лицо, без тела. Это было лицо человека по имени Кланет — и все же оно только отдаленно напоминало лицо Кланета, так же как лицо новоявленной женщины напоминало лицо Шаран. В прозрачных прежде глазах плясало адское пламя, зрачки пропали. Какое-то мгновение лицо парило, окруженное тьмой, потом сгустившийся мрак поглотил его.

Теперь Кентон отчетливо видел, что этот мрак был занавесом, ниспадающим в самой середине корабля, разделяя судно пополам; Кентона от этой границы отделяли какие-нибудь десять футов. Он лежал на светлой палубе. Опять что-то неясное шевельнулось в его памяти. Лучи, исходящие от розового шара, ударились в пелену мрака и образовали на ней большой круг; он был как паутина, сплетенная из лучей розовой луны. Мрак сгустился, пытаясь опутать эту светящуюся сеть.

На черной палубе с удвоенной силой загремели удары в барабан и зазвучали пронзительные звуки бронзовых раковин. Трубный рев смешался с ударами, и в этих звуках слышен был пульс Абаддона, жилища проклятых.

С противоположной стороны раздавались звуки арф, шквалами крошечных стрел взлетали аккорды,

сопровождаемые пением флейты, резким и пронзительным, как удар копья. Стрелы и копья звуков, врезаясь в бой барабана и трубный рев, наступали и теснили их.

Во тьме началось какое-то движение. Тьма кипела. Тьма бурлила. Внутри светящегося круга роились темные тени. Похожие на гигантских червей, они врезались в паутину, пытаясь освободиться, пробившись сквозь нее.

И паутина поддалась!

Ореол сохранил очертания, но середина прогнулась, и круг превратился в огромную полусферу, внутри которой корчились и извивались ужасные тени. Барабанный бой и бронзовые трубы на черной палубе проревели победу.

Со светлой палубы раздался плач золотых рожков. Из шара разлилось ослепительное свечение. Края паутины, загибаясь, потянулись друг к другу. Вот они сомкнулись над темным пространством, тени забились и закружили внутри, словно рыбы, пойманные в сеть. Затем будто неведомая сильная рука подняла эту сеть, и паутина взлетела над кораблем. Теперь она была такая же яркая, как шар. Слышался тонкий, высокий отвратительный вой взятых в плен черных теней. Они сжались, рассыпались, исчезли без следа.

Сеть раскрылась, выпуская маленькое облако черной пыли.

Паутина устремилась к шару, из которого возникла. Потом в мгновение ока исчез и шар! Исчезла и тьма, окутывавшая черную палубу. Высоко над кораблем кружили белые голуби, торжествуя победу.

Кентон почувствовал, как кто-то коснулся его плеча. Он поднял голову и встретился взглядом с затуманенным взором женщины по имени Шаран; теперь это была только женщина, не богиня. В ее глазах он прочел удивление, испуг, недоверие.

Кентон вскочил на ноги. Волна слепящей боли накрыла его с головой, палуба завертелась перед глазами. Он попытался преодолеть слабость, но не мог. Корабль закружился у него под ногами, а вдаль кружились бирюзовое море и серебристый горизонт.

Вихрь захватил все вокруг, сам Кентон кружился внутри него, падая все ниже и ниже. Он не видел

ничего вокруг. И опять он услышал завывание бури, пронзительный вой неземных ветров. Но вот ветры стихли, и трижды ударил колокол.

Кентон стоял посреди собственной комнаты! Удара колокола — это бой его часов. Шесть часов? Но ведь последним звуком, который он слышал в этом, реальном мире перед тем, как его унесло таинственное море, был третий удар часов, удар, прозвучавший лишь наполовину.

Боже — ну и сон! И все это в течение одного удара часов!

Кентон поднял руку и потрогал ушибленный висок. Он поморщился — удар, во всяком случае, был настоящий. Спотыкаясь, он подошел к кораблю и стал в недоумении его рассматривать. Игрушечные фигурки передвинулись — к тому же появились и новые! Уже не четверо, а только двое человечков находились на черной палубе. Один стоял, указывая в сторону правого борта и опираясь рукой о плечо рыжебородого игрушечного солдата с агатовыми глазами, с головы до ног закованного в сверкающую броню.

Исчезла и женщина, стоявшая в дверях розовой каюты, когда Кентон впервые увидел корабль. На пороге оказались пять стройных девушек с копьями в руках.

А та женщина стояла теперь на площадке, прижимавшей к правому борту, низко склоняясь над ограждением.

Весла корабля не были погружены в лазурные волны: поднятые вверх, они замерли перед ударом.

3. Вновь на корабле

Кентон попытался сдвинуть человечков с места. Неподвижные, твердые, как алмаз, фигурки, казалось, вросли в палубу; какие бы усилия ни прикладывал Кентон, они не двигались.

Тем не менее фигурки каким-то образом переместились — и куда девались исчезнувшие? И откуда появились новые?

Фигурки больше не были скрыты дымкой — все контуры ясно вырисовывались. У человечка на черной палубе, который протянул руку, указывая куда-то, были маленькие кривые ноги, лысина его блестела, а на ушах висели широкие золотые пластины. Кентон узнал его — это был барабанщик.

Голову женщины украшал маленький серебряный полумесяц, по обеим сторонам которого спадали волны золотисто-рыжих волос...

Шаран!

А там, куда она всматривалась, — не там ли именно лежал он сам, на том, другом корабле, во сне?

Тот, другой корабль? Он вновь увидел две его палубы, черного дерева и слоновой кости, розовую каюту и изумрудную мачту. Ну конечно, это один и тот же корабль! Или все это — сон? Тогда кто передвинул фигурки?

Удивление Кентона росло. Вместе с ним росло и беспокойство, и острое любопытство. Оказалось, он ни о чем не может думать, внимание его приковано было к кораблю, нервы натянуты, и весь он обратился в напряженное ожидание. Кентон взял покрывало и накинул его на таинственный корабль. Он направился к выходу, с каждым шагом вновь и вновь преодолевая сильное желание обернуться. Он с трудом вышел из комнаты, ему казалось, что невидимые руки хватают его и тянут назад. Так и не обернувшись, Кентон навалился плечом на дверь и запер ее на замок.

В ванной он осмотрел ушиб. Висок болел довольно сильно, но ничего серьезного не было. Через полчаса холодных компрессов все внешние следы происшедшего практически исчезли. Кентон размышлял, что мог упасть на пол под воздействием странных запахов, — и понимал, что все это не так.

Он пообедал в одиночестве, едва замечая, что находится перед ним, тщетно пытаясь разобраться в произошедшем. Какова история этого камня из Вавилона? Каким образом корабль оказался внутри — кто и зачем сделал это? Форсит писал, что нашел его в кургане Амран, к югу от Qger, разрушенного дворца Навополассера. Существовало мнение, и Кентон знал об этом, что на месте этого кургана в

древнем Вавилоне находился Э-Сагилла, зигтурат, то есть храм, построенный в виде поднимающихся ступенями галерей. Храм называли тогда Великим Домом Богов. Форсит предполагал, что этот камень был особенно почитаем, иначе чем еще можно было объяснить, что когда Сеннашериб разрушил город, камень уцелел и впоследствии был вновь возвращен в перестроенный храм?

Но почему был он так почитаем? И почему чудесный корабль был заточен в камне?

Ключом к разгадке могла бы стать клинопись, если бы она лучше сохранилась. Форсит писал, что в ней несколько раз настойчиво повторяется имя Иштар — вавилонской Богини-Матери и, кроме того, богини мести и разрушения; четко видны были также украшенные стрелами знаки Нергала, бога, правящего в подземном царстве, Повелителя теней; и символы Набу, бога мудрости. Эти три имени были, пожалуй, единственным, что удавалось разобрать. Как будто тлетворное влияние времени, сгладившее другие слова, оказалось перед ними бессильно.

Читать клинопись для Кентона было почти так же легко, как читать по-английски. Теперь он вспомнил, что имя Иштар в надписи — это имя разгневанной богини, выражающее ее разрушительные ипостаси, несущее в себе опасность, угрозу, поскольку всегда соотнесено со знаками Набу.

Форсит, видимо, этого не заметил, а если и заметил, то не придавал значения. И скорее всего он не почувствовал таящегося в камне аромата.

Однако ни к чему было ломать себе голову над этой надписью. Она исчезла навсегда, обратившись в пыль.

Кентон в нетерпении отодвинул стул. Он понимал, что вот уже в течение часа медлит, разрываясь между отчаянным желанием вернуться туда, где находился корабль, и боязнью обнаружить, что все происшедшее было всего лишь сном, игрой воображения, что маленькие фигурки стоят там же, где он впервые увидел их, что все это — и корабль, и человечки — всего лишь игрушки.

— Сегодня больше не беспокойтесь обо мне, Джевинс, — сказал он дворецкому, — у меня важная работа. Если кто-нибудь придет, скажите, что меня

нет дома. А я запрюсь в своей комнате, и, пожалуйста, не отвлекайте меня, если только не протрубит архангел Гавриил.

Старый дворецкий, служивший еще отцу Кентона, улыбнулся.

— Хорошо, мистер Джон, — сказал он, — вас никто не потревожит.

Чтобы попасть в комнату, где находился корабль, Кентон должен был пройти через другую, хранившую редчайшие находки, привезенные им из разных уголков Земли. Внезапно взгляд его привлекло голубоватое сияние, и он остановился как вкопанный. Это светилась рукоятка меча, хранившегося в одном из шкафов. Любопытное оружие, он купил его у кочевника в Аравийской пустыне. Меч висел на древнем плаще, в который хитрый араб завернул его, прежде чем скрыться в своей палатке. Сколько же столетий оставили свой след на побледневшей лазури этого плаща, на фоне которой, подобно знакам каббалы, свивались и развивались серебряные змейки?

Кентон взял в руки меч. Рукоятку тоже оплетали серебряные змейки — близнецы изображенных на плаще. С одной стороны к рукоятке примыкала бронзовая перемычка цилиндрической формы, длиной восемь дюймов и диаметром три. Книзу она расширялась, расплющивалась и переходила в острый клинок, похожий на лист какого-то дерева. Клинок достигал двух футов в длину и шести дюймов в ширину. В рукоятке меча мутным голубоватым светом мерцал большой камень.

Миг — и это уже не просто мерцание: камень стал прозрачным и засиял, как огромный сапфир!

Подчиняясь какой-то смутной мысли, подсказывавшей ему, что эта новая загадка связана с кораблем, Кентон набросил плащ на плечи. Держа в руках меч, он вошел в свою комнату, закрыл за собой дверь, пройдя к кораблю, сдернул с него покрывало.

Кровь застучала у него в висках, и Кентон отпрянул.

Теперь на корабле было всего две фигурки — барабанщик, закрыв голову руками, сидел, скорчившись, на черной палубе, и девушка на другой половине наклонилась над ограждением, всматриваясь куда-то вниз.

Кентон быстро выключил свет и стал ждать.

Тянулись минуты. Мерцающие огни улицы проникали сквозь шторы, освещая корабль неверным светом. Слышался равномерный шум транспорта, его монотонность нарушалась звуками гудков, похожими на приглушенные взрывы, — знакомый голос Нью-Йорка.

Но что это за ореол вокруг корабля? И что стало с уличным шумом?

Тишина вливалась в комнату, как вода наполняет сосуд.

Вдруг раздался какой-то звук, мягкий, томный, похожий на слабый шелест волн. Он навевал дремоту, усыплял, глаза у Кентона закрывались. С усилием он приподнял веки.

Серебристая туманная сфера медленно и плавно надвигалась на него. В этой дымке парил корабль, весла его не шевелились, парус был слегка спущен. Вокруг его изогнутого носа завивались ажурные барашки бледно-синих волн.

Вот уже половина комнаты заполнилась этими барашками, но Кентон стоял выше, палуба находилась у него под ногами.

Корабль приближался. Кентон не мог понять, почему он не слышит ни завывания ветра, ни рева бури, ничего, кроме слабого шепота волн.

Он отступил и натолкнулся спиной на стену. Перед ним парил таинственный мир, центром которого был корабль.

Кентон рванулся вперед.

И вновь завывли, засвистели ветры. Кентон слышал звуки, но они словно не имели отношения к происходящему. Внезапно все стихло.

Под ногами Кентон почувствовал твердую поверхность.

Он стоял на палубе цвета слоновой кости лицом к розовой каюте, а среди цветущих деревьев ворковали голуби с малиновыми клювами и пунцовыми лапками. У двери каюты стояла девушка, и в ее нежно-карих глазах Кентон прочел то же удивление, испуганное недоверие, что и во взгляде Шаран, когда она впервые увидела его лежащим у изумрудной мачты.

— Ты — сам Повелитель Набу, раз ты возник прямо из воздуха, и на тебе его плащ мудрости, вытканый свивающимися змеями, — прошептала она. — Нет, не может быть — Набу уже стар, а ты молод. Ты — его посланник?

Она упала на колени, потом, скрестив руки, прижала их ко лбу ладонями наружу, вскочила и бросилась к двери каюты.

— Кадишту! — Она ударила в дверь кулаком. — Это посланник Набу!

Дверь распахнулась. На пороге стояла женщина по имени Шаран. Она окинула Кентона взглядом, затем посмотрела в сторону черной палубы. Кентон повернул голову и увидел барабанщика — тот, казалось, спал.

— Стой на страже, Саталу! — прошептала Шаран девушке.

Схватив Кентона за руку, она потянула его в каюту. Две девушки в изумлении уставились на него. Шаран подтолкнула их к выходу.

— Уйдите, — прошептала она, — уходите и стойте на страже вместе с Саталу.

Девушки выскользнули из каюты. Шаран подбежала к внутренней двери и задвинула засов, потом повернулась и медленно подошла к Кентону. Она протянула руки и тонкими пальцами коснулась его глаз, губ, груди — как будто хотела удостовериться, что он на самом деле стоит перед ней.

Она взяла руки Кентона в свои и, наклонившись, коснулась лбом его запястий, окутав их золотом волос. При этом прикосновении желание, острое и обжигающее, пронзило Кентона. Прекрасные волосы походили на шелковистые силки, в которых жаждало задохнуться его сердце.

Кентон собрался с силами и отнял руки, защищая себя от чар Шаран.

Она подняла голову и взглянула на него.

— Что хочет сказать мне Повелитель Набу? — Опасная сладость и легкий вызов, прозвучавшие в ее голосе, задели Кентона. — Что ты принес мне, посланник? Говори — я готова слушать, ибо в мудрости своей разве не послал Мудрейший Повелитель ко мне того, кого буду слушать с радостью?

Вокруг словно затрепетал невидимый шаловливый веер, кокетливая искорка мелькнула во влажных глазах Шаран, на мгновение обращенных к Кентону.

Трепеща от ее близости, Кентон пытался собраться с мыслями, отыскивал нужные слова. Оттягивая время, он осматривал каюту. У дальней стены стоял алтарь, усыпанный сверкающими драгоценностями — жемчугом, бледным лунным камнем, молочно-матовым хрусталем. Серебристые языки пламени бились в семи хрустальных чашах, покоившихся перед алтарем. За ними находилась ниша, но яркий свет не давал рассмотреть, чем она заполнена. Кентон ощутил чье-то незримое присутствие — отгороженная пламенем ниша скрывала в себе нечто таинственное.

К противоположной стене примыкало низкое широкое ложе слоновой кости, инкрустированное матовым хрусталем и украшенное золотыми арабесками. На стенах висели разноцветные шелковые одеяла, вытканые цветами. Груды подушек и мягкие шелковые коврики покрывали пол каюты. Через широкие низкие окна сзади и слева от Кентона лился серебристый свет.

На подоконник села птица, белая как снег, с алыми лапками и клювом. Она пристально посмотрела на Кентона, почистила перышки, проворковала что-то и улетела.

Кентон почувствовал легкое прикосновение; лицо Шаран находилось совсем близко, в ее глазах таилось сомнение.

— Ты в самом деле посланник Набу? — спросила она и замолчала, ожидая ответа. А он так и не нашел, что ей сказать. — Да, должно быть, так, — она запнулась, — иначе как бы ты попал на корабль Иштар?.. Это плащ Набу, и ты держишь его меч... множество раз видела я эти вещи в храме Урука... а я устала от всего этого, — продолжала она шепотом. — Как бы мне хотелось увидеть Вавилон! Ах, как бы мне хотелось!

Наконец Кентон нашел нужные слова.

— Шаран, — начал он смело, — я в самом деле послан к тебе. Это правда, а наш Повелитель Набу — Повелитель Правды, и значит — это он послал

меня. Но прежде чем я буду говорить, скажи мне, что это за корабль?

— Что это за корабль?! — Она отпрянула, охваченная смятением. — Но если тебя послал Набу, ты должен знать это!

— Я не знаю, — ответил он, — я не знаю даже, какое послание принес тебе, ты сама должна разгадать его. Но вот я здесь, на этом корабле, рядом с тобой. И я слышу приказ — может быть, это сам Набу говорит со мной — я должен молчать, пока ты не расскажешь мне, что это за корабль.

Некоторое время Шаран молчала, пристально всматриваясь в его глаза, пытаясь его понять.

— Пути богов нам неведомы, — вздохнула она, — нам не постичь их. И все же — я повинуюсь.

ЧАСТЬ 2

4. Грех Зарпанит

Шаран села и указала Кентону на место рядом с собой. Она положила руку ему на грудь, и сердце Кентона встрепенулось; почувствовав это, Шаран немного отодвинулась и, улыбаясь, взглянула на него из-под опущенных ресниц. Она поджала стройные ноги и сидела, задумавшись, стиснув коленями бледные кисти рук. Наконец Шаран заговорила. Голос ее звучал низко, немного монотонно.

— Так слушай же историю прегрешения Зарпанит против Иштар — могущественной богини, матери богов и людей, повелительницы Земли и Неба и той, которая любила ее!

Зарпанит была верховной жрицей в храме богини в Уруке. Ее называли Кадишту — Священная. А я, Шаран из Вавилона, была ее жрицей, и она любила меня так же, как ее любила Иштар. С помощью Зарпанит богиня советовала и предостерегала, награждала и наказывала властителей и простых смертных. Тело Зарпанит служило храмом богине, куда она входила, чтобы говорить устами женщины, светиться в ее глазах.

Этот храм назывался Домом Семи Богов. В нем почитались разные боги — Син, Бог всех богов, живущий на Луне, его сын Шамаш, чей дом — это Солнце, бог мудрости Набу, Ниниб — бог войны,

темный Нергал, не имеющий рогов, Повелитель мертвых, и Бел-Меродах, Величайший Повелитель. И все же это был храм Иштар — Иштар, почитавшей в своем священном доме всех других богов.

Однажды с севера, из Куту, где находился храм Темного Нергала, такой же, как храм Иштар в Уруке, в Дом Семи Богов пришел жрец. Его звали Алузар, и он стал верховным жрецом Нергала в этом храме. Так же, как Иштар принимала облик Зарпанит, Нергал воплощался в Алузаре и говорил через его уста. С Алузаром пришли и другие жрецы, среди которых был и этот выродец Кланет. Он был так же близок Алузару, как я — Зарпанит.

Шаран подняла голову и взглянула на Кентона из-под приопущенных ресниц.

— Теперь я узнаю тебя! — воскликнула она. — Ты лежал тогда на палубе и смотрел, как я билась с Кланетом! Да, теперь я узнаю — хотя тогда у тебя не было ни этого плаща, ни меча, и ты исчез, едва я на тебя взглянула!

Кентон улыбнулся.

— В лице твоём был страх, — сказала она, — страх в твоих глазах; а потом ты исчез!

Она приподнялась; Кентон увидел, что ее подозрительность укрепляется. Услышав в ее голосе нотки презрения, он едва не рассвирепел. Схватив Шаран за руку, он вновь усадил ее рядом.

— Да, то был я, — сказал он, — но не моя вина в том, что я ушел тогда, — ведь я вернулся, как только смог. А глаза обманули тебя. Не смей и думать о том, что ты видела в них страх! Посмотри! — яростно настаивал он.

Шаран пристально посмотрела на него, вздохнула и опустила голову, вздохнула опять и медленно наклонилась к Кентону. Он сжал ее в объятиях.

— Довольно, — Шаран оттолкнула его, — у тебя нет на уме зла. Я отрекаюсь от своих слов — в твоих глазах не было страха. И это не было бегством. Говори — и я пойму тебя. Да будет так!

— Между Иштар и Нергалом, — продолжала она прерванный рассказ, — были и остаются ненависть и вражда. Ибо Иштар дарует жизнь, а Нергал ее отнимает, она служит добру, а он — злу. И кто

может соединить Небо и Ад, жизнь и смерть, доброе и злое?

А она, Зарпанит, Кадишту, Священная, любимая жрица Иштар — она соединила. Ибо она не спускала глаз с того, от кого должна была отвернуться, она любила то, что должна была ненавидеть.

Да — жрица Повелительницы жизни полюбила Алузара — жреца Бога смерти! Любовь ее разгоралась ярким пламенем, свет которого озарял его — его и никого больше. Будь Зарпанит богиней, она пошла бы за Алузаром в Жилище Потерянных, как сама Иштар отправилась туда за своим возлюбленным Таммузом, чтобы спасти его или остаться там вместе с ним.

Да, она готова была остаться с ним в холодной темноте подземелий, где блуждают тени умерших и слышатся их слабые голоса. В мрачных владениях Нергала, в пустоте его обиталища, в его черном жилище, где самая темная тень земли показалась бы солнечным светом, Зарпанит была бы счастлива, зная, что Алузар с ней.

Так велика была ее любовь!

И я помогала ей, потому что любила ее, — прошептала Шаран, — но Кланет вынашивал против Алузара коварные планы, он ждал удобного случая, чтобы выдать его и занять его место. Алузар же доверял ему. И вот наступила та ночь...

Шаран замолчала, словно бы заново переживая ужас случившегося.

— Наступила ночь, когда Алузар и Зарпанит соединились... они встретились в ее покоях. Их руки сплелись, губы слились...

И в эту ночь Иштар спустилась с небес и воплотилась в Зарпанит!

Едва это произошло, Нергал поднялся из своего темного царства и воплотился в Алузаре...

И вот в объятьях друг друга, глядя друг другу в глаза, сгорая в огне смертной любви, лежали Иштар и Нергал, небо и ад, дух жизни и дух смерти!

Дрожь пробежала по телу Шаран, она зарыдала, и прошло немало времени, прежде чем она заговорила снова.

— Наконец объятья их были разорваны, нас окружили страшные ураганы, ослепили молнии. Когда

вернулось сознание, мы увидели перед собой всех жрецов и жриц Семи Богов. Все уже было известно!

Даже если бы Иштар и Нергал не встретились в ту ночь, все равно грех Зарпанит и Алузара был бы раскрыт. Кланет, который должен был стоять на страже, выдал их, навлекая на них всеобщий гнев!

— Будь проклят Кланет! — Шаран вскинула руки. Кентон на себе ощущал пульсацию ее ненависти, подобную ударам огненных струй. — Да будет он пресмыкаться в холодной тьме обитали Нергала и никогда не сможет умереть! О, богиня Иштар! Гневная Иштар! Отдай его прежде мне, чтобы я сама видела, как он уходит туда!

5. Как рассудили боги

— Некоторое время, — продолжала Шаран, — мы лежали в кромешной тьме, Зарпанит и я, об Алузаре мы ничего не знали. Велик был грех этих двоих, но была в нем и моя доля. Долго не находили нам кары. Я утешала Зарпанит, как могла, я любила ее и не думала о себе — ведь сердце ее разрывалось, она не знала, что стало с ее любимым.

И вот наступила еще одна ночь, когда жрецы пришли к нам. В полном молчании они отвели нас к Ду-аззага, Сверкающему Залу, где совещались боги. Другие жрецы привели Алузара. Перепуганные, они открыли дверь и втокнули нас троих внутрь.

Душа моя сжалась и задрожала, и я почувствовала, как рядом вздрогнула Зарпанит. Ду-аззага был весь залит светом, и не изображения богов, а сами боги сидели перед нами! Они смотрели на нас, подернутые мерцающим облаком. Там, где находился Нергал, сгущалась огненная тьма.

В лазурной дымке, окружавшей святилище Набу, зазвучал голос бога мудрости.

— Твой грех, женщина, так велик, — вымолвил он, — и твой, жрец, тоже, что он потревожил богов! Что можете вы сказать в свое оправдание, прежде чем мы объявим о нашем решении?

Голос Набу был холоден и бесстрастен, как свет дальних звезд, но в нем угадывалось понимание.

Внезапно я почувствовала еще большую любовь к Зарпанит, и это придало мне силы; а она стояла рядом со мной, напряженная, дерзкая, защищенная, как щитом, своей любовью. Она ничего не ответила — только протянула к Алузару руки. Его любовь была столь же бесстрашна, он обнял Зарпанит.

Губы их встретились — и карающие боги были забыты!

И вновь заговорил Набу:

— Эти двое сгорают в пламени, погасить которое способна только Иштар, а может быть, и она здесь бессильна.

Услышав это, Зарпанит освободилась от объятий любимого, приблизилась к ореолу, скрывавшему Иштар, и обратилась к ней:

— Скажи, о Богиня, разве не ты порождаешь этот огонь, который мы зовем любовью? Разве не ты создала его, разве не ты зажгла этот факел над бездной Хаоса? И разве ты не знала, сколь велико могущество творения рук твоих? О Священная Иштар, эта любовь пришла ко мне незваной, она явилась и овладела мной, мной, которой ты владела и сейчас владеешь, хотя ты и оставила меня. И моя ли в том вина, что сила этой любви разбила двери моего храма, что эта любовь ослепила меня, что я видела лишь его — его, на которого пролился этот волшебный свет? Ты создала любовь, о Иштар, и если не хотела ты делать ее всепобеждающей, зачем дала ты ей такую силу? А если любовь стала сильнее тебя, тебя, которая создала ее, разве мы — мужчина и женщина — повинны в том, что не смогли совладать с ней? Даже если любовь и не стала сильнее тебя, все равно человек слабее. Так покарай ее, свое дитя, о Иштар, а не нас!

Молчание богов нарушил Повелитель Набу:

— В ее словах истина. О Иштар, это пламя ты знаешь лучше любого из нас. И тебе отвечать земной женщине.

Из-за дымки, скрывавшей богиню, раздался голос, разгневанный, но и в гневе мелодичный.

— Есть правда в твоих словах, Зарпанит, что была мне когда-то дочерью. Есть правда, и поэтому я сдержу свой гнев. Ты спрашиваешь, кто сильнее — любовь или я, ее творец. Мы узнаем это! Ты и твой

возлюбленный будете жить вместе. Вы будете всегда рядом, вы сможете видеть друг друга, ваши взгляды будут встречаться, но никогда — руки и губы. Вы сможете говорить друг с другом, но никогда — о том пламени, что зовут любовью! Ибо если оно разгорится и соединит вас, то я, Иштар, сама буду биться с ним. И это будет не та Иштар, которую ты знала. Нет, то будет моя сестра, которую люди называют Гневной, Богиней-Разрушительницей, она примет твой облик, Зарпанит! И так будет до тех пор, пока твое пламя не победит ее или не погаснет.

Голос Иштар затих. Боги молчали. Вдруг из огненной завесы, окружавшей Нергала, раздался громовой голос Повелителя Смерти.

— Вот как ты рассудила, Иштар! А теперь послушай, что скажу тебе я, Нергал, — я не отступлюсь от этого человека! И я не разгневан, нет — ведь это его глазами я видел так близко твои, о Мать Жизни, — тьма содрогнулась от хохота, — я останусь с ним и я встречу тебя, Иштар-Разрушительница! Мое искусство сравнится с твоим, моя сила — с твоей, и так будет, пока я не погашу это пламя, я, а не ты. Ибо в моих владениях нет такого огня, а когда эти двое придут ко мне, огонь этот может испугать мое темное царство!

И опять черное облако затряслось от смеха, а ореол богини задрожал от ее гнева.

Втроем мы были в отчаянии — как бы тяжело нам ни пришлось, намного мучительней было слышать, как насмешается Темный над Матерью Небес.

Раздался тихий голос Иштар:

— Да будет так, о Нергал!

Остальные боги молчали. Я подумала, что в глубине скрывавшей их дымки они смотрят друг на друга в нерешительности. Наконец раздался бесстрастный голос Набу:

— Что станет с той, другой женщиной?

В голосе Иштар звучало нетерпение:

— Пусть судьба ее будет неразделима с Зарпанит. Пусть у Зарпанит будет свита.

Опять заговорил Набу:

— А жрец Кланет — мы отпускаем его?

— Что? Неужели мой Алузар останется без свиты? — захохотал Нергал. — Нет, пусть все будут рядом с Кланетом и служат ему!

И снова я подумала, что боги пребывают в замешательстве. Потом Набу спросил:

— Ты согласна, Иштар?

— Да будет так! — ответила Иштар.

Зал Ду-аззага потонул в дымке, я осталась одна среди пустоты.

Проснулись мы уже на этом корабле, посреди незнакомого моря, в этом неизвестном мире; все, что решили боги в Ду-аззага, начало сбываться. Со мной и Зарпанит оказались еще несколько девушек из храма. Алузара сопровождал Кланет со своими темными помощниками. Нам дали гребцов — сильных рабов из храма, по двое на каждое весло. Боги создали прекрасный корабль, и мы ни в чем не нуждались.

Гневная искорка промелькнула в глазах Шаран.

— Да, — сказала она, — добрые боги сделали все, чтобы нам было хорошо, и потом опустили корабль на море посреди этого незнакомого мира, чтобы он стал полем битвы Любви и Ненависти, ареной борьбы Гневной Иштар и Темного Нергала, камерой пыток для жрицы и жреца.

Вот в этой каюте проснулась Зарпанит — с именем Алузара на устах. Она выбежала на палубу, а из черной каюты уже выходил Алузар, шепча ее имя. Я видела, как она приблизилась к границе между черным и белым, и вдруг! — как будто невидимые руки отбросили ее назад. Ибо там есть преграда, посланник, преграда, выстроенная богами, преодолеть которую не может никто из нас; но тогда мы еще об этом не знали. То же самое произошло и с Алузаром.

Потом, когда они поднялись и протянули друг к другу руки, Зарпанит овладела Разрушительница, Разгневанная Сестра Иштар, а сгустившаяся вокруг Алузара тьма поглотила его. Когда тьма стала рассеиваться, то вместо Алузара мы увидели лик Нергала, Повелителя мертвых!

Все произошло именно так, как объявили боги. Приняв облик людей, так любивших друг друга, бились бессмертные, их ненависть была подобна ост-

рым мечам; прикованные к веслам рабы тряслись от страха, или начинали неистовствовать, или, созерцая все эти ужасы, падали замертво. Девушки бросались на палубу или с криками убегали в каюту. Только я не кричала и не спешила укрыться, ибо, увидев богов в Ду-аззага, я никогда больше не чувствую страха.

Так мы и плыли неизвестное время, ибо времени не существует здесь, и нет привычных дня и ночи. Но Зарпанит и Алузар вечно рвались друг к другу, и вечно Гневная Иштар и Темный Нергал препятствовали им. Неисчислимы хитрости Повелителя Теней, и много у него оружия. Но разве не полон всегда и колчан Иштар, разве не многочисленны ее искусства? И я не знаю, посланник, сколько времени страдали Зарпанит и Алузар. Влекомые любовью, они хотели преодолеть преграду, их разделявшую. Пламя их любви пылало ярко — ни Иштар, ни Нергал не могли погасить его. Любовь их только крепла. И вот настал решающий день.

Был разгар битвы. Иштар, воплотившаяся в Зарпанит, стояла на палубе недалеко от того места, где сидели гребцы; Нергал, приняв облик Алузара, посылал навстречу молниям богини свои дьявольские силы.

Притаившись у двери каюты, я наблюдала за ними и вдруг увидела, что сияние, окружавшее Иштар, задрожало и померкло. Лицо богини дрогнуло и побледнело, и вот уже черты Зарпанит проступали сквозь него.

Тьма, окутывавшая Повелителя мертвых, вдруг осветилась, как будто сильное пламя забилося внутри нее!

Иштар шагнула к черной палубе, потом еще раз и еще. И тут я поняла, что она идет не по своей воле. Нет! Она шла медленно, неуверенно, как будто что-то подталкивало ее вперед. Точно так же навстречу ей шел Нергал.

Они подходили друг к другу все ближе и ближе. Сияние вокруг Иштар тускло, потом разгоралось вновь, а во тьме, скрывавшей Нергала, вспыхивали и гасли опять лучи света. Медленно, но неотвратимо они приближались друг к другу. Я видела лицо Алузара, оно все сильнее проступало сквозь маску, его скрывавшую.

Медленно, очень медленно стройные ноги Зарпанит вели Иштар к границе, так же медленно навстречу ей шел Алузар. И вот они встретились!

Встретились их руки, губы, они сжимали друг друга в объятьях — еще до того, как побежденные боги оставили их.

Они не разняли рук. И упали — мертвые. Умершие в объятьях друг друга.

Никто из богов не одержал победу. Нет! Победила любовь — любовь мужчины и женщины. Теперь эта любовь стала свободна.

Тела Зарпанит и Алузара лежали здесь, на светлой палубе. Не разнимая их рук, мы опустили их в волны.

Я решила убить Кланета. Но я забыла, что битва Иштар и Нергала не окончена. И вот — богиня вселилась в меня, а Нергал принял облик Кланета! Опять, как и раньше, они продолжали борьбу, опять, как и раньше, невидимая преграда крепкой стеной стояла между черной и белой палубами.

И все же я была счастлива, ибо знала, что боги забыли о Зарпанит и Алузаре. Я поняла, что эти двое, нашедшие свободу в смерти, больше не являлись причиной их битв, что их смерть ничего не значила для Нергала и Гневной Иштар — ведь борьбу за корабль они могли продолжать.

Вот так мы плывем — и сражаемся, плывем — и сражаемся... Сколько уже времени, я не знаю. Должно быть, много-много лет прошло с тех пор, как мы предстали перед богами, и все же смотри — я так же молода и прекрасна! Так говорит мне зеркало, — вздохнула она.

6. «Разве я не женщина?»

Кентон молчал. Да, она была молода и прекрасна, а Урук и Вавилон стали пустыней за эти тысячи лет!

— Скажи, — голос Шаран прервал его размышления, — скажи мне, храм в Уруке все так же почитаем людьми? И гордится ли еще своим могуществом Вавилон?

Кентон не ответил. Он думал о том, что попал в какое-то странное место, где реальность сплетается с порождениями взбунтовавшегося разума.

А Шаран, прочтя в его взгляде тревогу, смотрела на Кентона с возрастающим сомнением. Вдруг она вскочила, и гнев задрожал в ее прекрасных глазах.

— Ты пришел, чтобы сказать мне что-то? — воскликнула она. — Говори — и быстрее!

Кем бы ни была Шаран — жертвой колдовских чар или игрой его воображения, — сказать он мог только одно — правду.

Кентон так и сделал. Он рассказал ей все, начиная с того, как в доме его оказался камень, он ничего не приукрасил даже в мелочах, чтобы ей все стало ясно. Она слушала, не сводя с него глаз, впитывая каждое его слово; удивление на ее лице сменилось недоверием, а потом ужасом и отчаянием.

— И даже точно неизвестно, где находился древний Урук, — закончил он. — Там, где был Дом Семи Богов, теперь пески, а Вавилон, могущественный Вавилон, сравнялся с землей много тысяч лет назад.

Шаран вскочила на ноги и набросилась на него, глаза ее сверкали, золотистые волосы разметались.

— Лжец! — закричала она. — Лжец! Теперь я поняла, кто ты: тебя послал Нергал!

В ее руке блеснул кинжал; заломив запястье, Кентон повалил девушку вниз.

Она перестала сопротивляться и, ослабевшая, лежала у него на руках.

— Урук — пыль! — простонала она. — Храм Иштар — пыль! Вавилон — пустыня! Ты сказал, что Саргон Аккадский мертв вот уже четыре тысячи лет. Четыре тысячи лет! — Она вздрогнула и вырвалась от него. — Но если это правда, то кто тогда я? — прошептала она побелевшими губами. — Кто я? Мне уже больше четырех тысяч лет, и я живу! Тогда кто я?

Шаран была в панике, глаза ее затуманились, пальцы судорожно вцепились в подушку. Кентон наклонился к ней, и она обвила его шею руками.

— Я — живая? — воскликнула она. — Я — человек? Я — женщина?

С мольбой она прижалась к нему нежными губами, благоухание ее волос поглотило его. Он чувство-

вал ее гибкое тело, призывное в своем отчаянии; он ощущал испуганное биение ее сердца. Между поцелуями она продолжала шептать:

— Разве я не женщина? Я не живая? Скажи мне, я не живая?

С каждым поцелуем желание все сильнее охватывало Кентона, Шаран сдерживала этот огонь, и он ясно понял, что не любовь и не страсть двигали ею.

Страх был причиной ее ласк. Она испугалась, ужаснулась, заглянув в бездну глубины в четыре тысячи лет, разделявшую их жизни. Прижимаясь к нему, она искала уверенности. Она прибегла к последнему средству — изначальному признанию в себе женщины, к уверенности в непреодолимых чарах своей женственности.

Нет, обжигая его губы поцелуями, она убеждала не его — себя.

Кентону было все равно. Он держал ее в объятьях и целовал.

Вдруг она вырвалась из его рук и вскочила на ноги.

— Так значит, я — женщина? — торжествующе воскликнула она. — Я — женщина, я — живая?

— Женщина, — прохрипел Кентон, протягивая к ней руки. — Живая! О Боже! Конечно!

Закрыв глаза, она глубоко вздохнула.

— Это правда, — произнесла она, — это — единственная правда из всего того, что ты сказал. Нет — молчи! — остановила она его. — Если я живая, значит все, что ты сказал мне, — ложь, потому что меня бы уже не было, если бы Вавилон обратился в пыль и прошло четыре тысячи лет с тех пор, как я впервые ступила на этот корабль. Лживый пес! — воскликнула она, и Кентон почувствовал на губах удар ее унизированной кольцами руки.

Кольца поранили его, но больше, чем сам удар, его поразила внезапность перемены, которая произошла в женщине. Шаран распахнула внутреннюю дверь каюты.

— Луарда! Атна! Все сюда! — властно приказала она. — Связать этого пса! Свяжите, но не убивайте его.

В каюту вбежали семь девушек, вооруженных легкими копьями, короткие юбки прикрывали их бедра,

а до талии они были обнажены. Девушки набросились на Кентона. Шаран тем временем подбежала к нему и вырвала у него из рук меч Набу.

Совсем рядом Кентон чувствовал нежное благоухание молодых женских тел, но они были безжалостны и неподатливы, как сталь. На голову ему набросили голубой плащ, концы завязали вокруг шеи. Но Кентон наконец стряхнул с себя оцепенение, и бешеная ярость проснулась в нем. Сорвав с головы плащ, он бросился к Шаран. Опередив его, Шаран заслонила стройные тела девушек. Девушки пустили в ход копьа. Как матадор отгоняет нападающего быка, они теснили Кентона все дальше и дальше. Одежда на нем была разорвана, местами выступила кровь.

До него донесся смех Шаран.

— Лжец! — дразнила она его. — Лжец, трус и глупец! Это Нергал послал тебя, чтобы твоя лживая история лишила меня мужества! Убирайся прочь, обратно к Нергалу!

Девушки побросали копьа и рванулись к нему. Они были уже совсем близко, Кентон увидел множество рук, которые пытались повалить его. Позабыв, что перед ним женщины, Кентон сопротивлялся изо всех сил. Стараясь не упасть, он неистовствовал, как какой-нибудь древний воин из легенды. Но задев ногой за дверную перемычку, он упал, увлекая за собой нападавших. Падая, они навалились на дверь, та распахнулась, и все они очутились на палубе.

Вдруг Кентон услышал резкий крик Шаран. Вероятно, это был какой-то важный сигнал, потому что руки, крепко державшие Кентона, разжались и выпустили его.

Взбешенный, он вскочил на ноги и увидел, что стоит на самой границе, разделяющей черную и светлую палубы. Вот почему Шаран отозвала от него своих фурий — они приблизились к этому опасному месту.

Опять раздался ее смех, похожий на удар хлыста. Она стояла среди цветущих деревьев, а вокруг порхали голуби. Усмехаясь, она подняла над головой меч Набу.

— Эй, грязный лжец! — издевалась Шаран. — Эй, пес, ты не смог справиться с женщинами! На, возьми свой меч!

— Я иду, черт возьми! — закричал Кентон, пытаюсь двинуться вперед.

Корабль качнуло. Теряя равновесие и пытаясь удержаться на ногах, Кентон шагнул назад и оказался на самой границе, разделяющей две палубы.

Вот он уже на другой стороне — и невредим!

Нечто более глубокое, чем обычное сознание, восприняло случившееся как событие первостепенной важности. Какова бы ни была сила преграды, для Кентона ее не существовало. Он уже занес ногу, чтобы вернуться назад, но тут раздался голос Кланета:

— Остановите его!

В ту же секунду длинные жилистые руки схватили Кентона за плечи и развернули спиной к светлой палубе. Перед ним стоял барабанщик. Он подхватил Кентона, вцепившись в него ногтями, и потащил, как щенка, за собой.

Кентон едва удержался на ногах. Вокруг него сжималось кольцо одетых в черное мужчин, их бесстрастные лица покрывала мертвенная бледность. Позади них Кентон увидел рыжебородого воина с глазами цвета бледного агата, с ног до головы закованного в броню; рядом с ним стоял черный жрец.

Но Кентон не почувствовал страха. Он рванулся сквозь черные мантии, но они навалились на него, и он упал.

Корабль опять качнулся, на этот раз сильнее. Сбитого с ног Кентона отбросило в сторону. Волна захлестнула его, а откатываясь, смыла вцепившиеся в него руки. Другая волна подхватила его и выбросила за борт. Выбравшись наконец на поверхность, Кентон поискал взглядом корабль.

Поднялся сильный ветер, корабль летел вперед, удалившись не меньше, чем на сто ярдов. Кентон закричал, поплыл к кораблю. Он видел, как спустили парус, бросили весла, пытаясь совладать с ветром. А корабль летел все быстрее и быстрее.

И наконец совсем скрылся из видимости.

Кентон остался один посреди чужого моря.

Волны накатывались на него, фонтаны брызг хлестали. Он слышал рокот прибою, шипение воды, разбивающейся о скалы. Опять его подхватила волна; поднятый на гребень, он увидел впереди огром-

ную желтую каменную глыбу, поднимавшуюся среди больших валунов, морские волны ударялись о камни и разлетались пенными фонтанами брызг.

Огромная волна подхватила его и швырнула прямо на желтый камень.

Силы удара Кентон не почувствовал, ему казалось, что он прорывается сквозь толстую паутину. Бесконечно долго он летел через мягкую плотную тьму, слыша вокруг себя пронзительное завывание тысяч бурь. Внезапно движение прекратилось, и шум стих.

Он лежал ничком, сжимая в руках что-то твердое. Повернувшись, он увидел под рукой прохладное гладкое дерево. Кентон сел...

Он был в своей комнате!

Шатаясь, Кентон поднялся, пораженный. Что это за темное пятно под ногами? Это вода, с него ручьями льется вода, вода странного цвета, с каким-то красным оттенком.

Кентон понял, что промок насквозь, до костей. Облизнув губы, он почувствовал вкус соли. С его одежды, разорванной в клочья, стекала вода.

Смешиваясь с водой, из множества ран сочилась кровь!

Едва держась на ногах, Кентон подошел к кораблю. Человечки на черной палубе наклонились за борт и всматривались в море.

На галерее, украшавшей розовую каюту, он увидел одну фигурку...

Шаран!

Он дотронулся до нее — твердая холодная игрушка.

И все же — Шаран!

И опять накатила волна — волна неистового гнева. Смех Шаран звучал у Кентона в ушах, и он, проклиная все, стал искать что-нибудь твердое, чтобы разбить сверкающий корабль вдребезги. Никогда больше не будет Шаран издеваться над ним!

Он ухватил за ножки тяжелое кресло, занес его высоко над головой и готов уже был нанести сокрушительный удар...

Как вдруг, несмотря на вкус соли, Кентон вновь ощутил на губах мед и мускус ее поцелуев — поцелуев Шаран!

Кресло выпало у него из рук.

— Иштар! Набу! — прошептал он и упал на колени. — Верните меня на корабль! Иштар, делай со мной, что хочешь, только верни меня на свой корабль!

7. Раб

Ответ не заставил себя ждать. Кентон услышал рев волн, разбивающихся о скалистый берег. Шум приближался.

Как будто смытая массой воды, исчезла стена комнаты, на ее месте возникла огромная набегающая волна, она сомкнулась над Кентоном, подняла его, опять бросила вниз и наконец отступила, оставив его, задыхающегося, выбираться на поверхность.

Он опять оказался посреди бирюзового моря!

Корабль был рядом. Рядом! Его изогнутый нос находился совсем близко, вот он уже почти проплыл мимо. Едва касаясь гребней волн, с корабля свешивалась золотая цепь. Кентон потянулся к ней — и не достал.

Его отбросило назад. Сияющий корабль тенью мелькнул мимо Кентона. Но вдруг он увидел еще одну цепь, черную, спускавшуюся с кормы.

Уцепившись за нее руками, он поплыл, рассекая волны. Потом медленно, осторожно он стал выбираться из воды, крепко держась за цепь. Подтянувшись уже к самому борту, он поднял голову, чтобы взглянуть на палубу.

Длинные сильные руки схватили Кентона за плечи, подняли, швырнули на деревянный пол. Его крепко связали, ноги стянули ремнями.

Кентон увидел перед собой лицо барабанщика с лягушачьим ртом, а за его мощной спиной — бледное лицо Кланета. Раздался его голос:

— Гиги, давай его внутрь.

Кентон почувствовал, как огромные руки барабанщика легко, словно младенца, подняли его и понесли в черную каюту.

Барабанщик опустил Кентона и стал рассматривать его с удивлением и любопытством. С таким же

любопытством на него уставились агатовые глаза рыжебородого воина и прозрачные — Кланета.

Кентон окинул взглядом всех троих. Черный жрец — тело его было мощным и мускулистым, как у слона, кожа — мертвенно-бледной, слабый ток крови в жилах ничем не выдавал себя; лицо его напоминало лицо Нерона, вылепленное из холодной глины неумелыми руками.

Гиги — барабанщик с лягушачьим ртом. У него были заостренные уши, короткие кривые ноги, подерживавшие мощное тело, огромные плечи и длинные жилистые обезьяньи руки, силу которых Кентон уже испытал; ядовитая усмешка играла в уголках его узких губ. В нем было что-то от древних богов, что-то от Пана.

Рыжебородый перс, он пришел из тех времен, когда персидские полчища были для всего мира тем, чем позднее стали римские легионы. Во всяком случае, так показалось Кентону, когда он увидел его легкую кольчугу, обтянутые шелком ноги в высоких ботинках, кривые кинжалы и турецкую саблю на поясе. Он больше, чем остальные, походил на обыкновенного человека. В облике Кланета таилось что-то загробное, потустороннее, Гиги напоминал некий мрачный шарж, а у этого под аккуратно подстриженной бородой видны были полные яркие губы, выдававшие чувственность, любовь к жизни, кожа была светлее и нежнее, чем у Кентона, тело — крепкое и мускулистое. Но его угрюмое лицо носило глубокий отпечаток покорности и скуки, которую не могло прогнать даже искреннее живое любопытство, вызванное появлением Кентона.

Перед Кентоном стояла огромная каменная глыба из красного железняка. Шестеро жрецов, преклонив колени, молились чему-то, находившемуся в нише над камнем. Кентон не мог понять, что это было, но чувствовал, что оно источает зло. Существо было чуть выше человеческого роста, черное и бесформенное, оно напоминало какое-то скопление свивающихся теней. Оно пульсировало и трепетало, тени сгущались, сжимались, исчезали внутри него, а на их месте появлялись новые.

Каюта была темной, мрачные стены напоминали черный мрамор. По стенам метались тени, сгущались

в углах, казалось, они только и ждут приказа, чтобы обрести плоть.

Зловещие, мрачные тени — они походили на те, что скрывались в нише.

Как и в каюте Шаран, здесь имелась внутренняя дверь, у которой сейчас столпились одетые в черное бледные жрецы.

— По местам, — скомандовал им Кланет, первым нарушив молчание. Жрецы исчезли. Закрыв за ними дверь, черный жрец коснулся ногой одного из молившихся.

— Наш повелитель Нергал доволен вашим поклонением, — сказал он, — смотрите — он услышал ваши молитвы!

Кентон взглянул на существо в нише. Оно не было больше окутано тенью, Кентон мог его рассмотреть. Оно имело человеческое тело, а лицо его было тем самым ужасным ликом, который Кентон видел во время битвы богов.

Лицо Нергала — Повелителя Мертвых!

А что такое эти трепещущие тени, скрывавшие лицо?

Кентон почувствовал, что Кланет тайком наблюдает за ним. Так все это было подстроено! Подстроено, чтобы напугать его! Он открыто посмотрел в лицо Кланету и улыбнулся.

Перс рассмеялся.

— Эй, Кланет! — сказал он. — Там у тебя что-то не сработало. А может, этот незнакомец видел подобное и раньше. Может, он сам чародей и не то еще умеет. Да, Кланет, придется тебе придумать что-нибудь другое.

Он зевнул и уселся на низкую скамью. Лицо черного жреца еще более помрачнело.

— Тебе бы лучше помолчать, Зубран, — сказал он, — а то может статься, что Нергал придумает что-нибудь и для тебя, чтобы навсегда покончить с твоим неверием.

— Неверием? — отозвался перс. — Нергал существует, меня тяготит другое. Мне надоело это однообразие. Неужели ты не можешь придумать ничего другого, Кланет? Неужели Нергал не может? Что-нибудь новенькое, а? Клянусь Ариманом, я хочу, чтобы он сделал что-нибудь!

Он опять зевнул во весь рот. Разгневавшись, черный жрец повернулся к молившимся.

— Уйдите, — приказал он, — и пришлите ко мне Закеля.

Один за другим молившиеся вышли из каюты. Черный жрец, не сводя с Кентона глаз, опустился на скамью. И барабанщик, сидя на корточках, тоже рассматривал его. Перс что-то бормотал про себя, перебирая свои кинжалы. Дверь отворилась, и в каюту вошел еще один жрец. В руке он держал длинный извивающийся кнут с металлическими наконечниками, конец которого несколько раз обвивал его руку. Жрец склонился перед Кланетом.

Кентон узнал его. Он видел его раньше, этот человек сидел на высокой площадке у подножия мачты. Закель был надсмотрщиком, своим кнутом он мог достать любого из гребцов, если тот работал плохо.

— Тот ли это, кого ты видел на палубе несколько снов назад? — спросил Кланет. — Ты говоришь, он растаял в воздухе, когда эта девка Иштар наклонилась над ним?

— Это он, господин, — ответил надсмотрщик, — да, господин, это он, — сказал Закель, подходя к Кентону и всматриваясь внимательнее.

— Куда же он скрылся? — спросил Кланет, обращаясь скорее к самому себе, чем к другим. — В каюту Шаран? Но если так, почему же она выгнала его, отдав на растерзание своим кошкам? И откуда взялся этот меч, которым она размахивала и дразнила его? Мне знаком этот меч...

— Господин, тогда он не был в каюте, — вмешался Закель, — Я видел, как она искала его и вернулась к себе одна. А он исчез.

— И как он догнал нас? — вслух размышлял Кланет. — Два сна назад... Корабль далеко ушел за это время. Мы видели, как он барахтался в воде. И вот он опять здесь. И раны его кровоточат, будто совсем свежие. И как он пересек границу? Да — как пересек границу?

— О, вот наконец-то ты задал хотя бы один существенный вопрос, — воскликнул перс. — Пусть он расскажет, и, клянусь Девятью Преисподними, недолго потом я останусь у тебя, Кланет!

Кентон увидел, как барабанщик делает знаки Зубрану, словно предупреждает его о чем-то, увидел, как подозрительно сощурился черный жрец.

— Ха-ха! — Гиги рассмеялся. — Зубран шутит. Разве не покажется ему жизнь там такой же скучной, как и здесь, с нами? Не так ли, Зубран?

И опять в его голосе послышалось предупреждение. Перс понял это.

— Да, пожалуй, это верно, — проворчал он. — Все равно, я ведь дал клятву Нергалу. И все же, — пробормотал он, — боги наделили женщину таким даром, который не надоест и за всю историю мира.

— В царстве Нергала они теряют его, — мрачно ответил черный жрец. — Помни об этом и попридержи язык, а то как бы он не привел тебя в места похуже этих — здесь у тебя по крайней мере есть тело.

— Позволь сказать, господин, — Кентон услышал голос Закеля; в его взгляде Кентон почувствовал угрозу.

Черный жрец кивнул.

— Он, наверное, не почитает нашего Повелителя и поэтому смог перейти границу, — сказал Закель. — Возможно даже, что он вырвался из рук твоих жрецов, сгинул в пучине моря, а потом все равно вернулся?

— Враг Нергала, — пробормотал Кланет.

— Но это еще не значит, что он друг Иштар, — мягко заметил барабанщик. — Справедливо, что, поклявшись Темному, он не смог бы перейти границу. Но справедливо и то, что, служи он Иштар, это было бы столь же невозможно.

— Это правда! — Лицо Кланета прояснилось. — И мне знаком этот меч — это клинок Набу.

С минуту он молчал, задумавшись. Его хриплый голос зазвучал учтивее, когда он заговорил снова.

— Незнакомец, — проговорил он, — прости, если мы грубо обошлись с тобой. Гости не часто посещают наш корабль. Ты — позволь мне так выразиться — напугал нас до потери вежливости. Закель, развяжи его.

Угрюмый надсмотрщик наклонился и освободил Кентона.

— Если, как я полагаю, тебя послал Набу, — продолжал черный жрец, — то знай, что у меня нет причин ссориться с Мудрейшим и с теми, кто служит ему. И мой господин, Повелитель Мертвых, никогда не имел разногласий с богом мудрости. И как же может быть иначе — ведь один из них хранит ключи знания этой жизни, а другой — ключи, отпирающие двери последнего и всеобщего знания. Нет, между ними нет разногласий. Ты служишь Набу? Это он послал тебя сюда? Зачем?

Кентон молчал, тщетно пытаясь хоть что-нибудь придумать. Он понимал, что не может теперь оттягивать время, как в разговоре с Шаран. Понимал он и то, что нельзя говорить правду, как он это сделал в прошлый раз, за что и был выпшвырнут вон. Здесь он был лицом к лицу с настоящей опасностью, не то что в розовой каюте. Вновь раздался голос Кланета.

— Но если ты и приближенный Набу, это, кажется, не спасло тебя от копий Иштар, и ты утратил его меч. А раз так, то это, наверное, не спасет тебя от моего кнута и моих цепей?

И Кентон увидел, как огонь злобы полыхнул в мертвых зрачках. Черный жрец вскочил.

— Отвечай же! — воскликнул он.

— Отвечай! — взревел Гиги. — Или ты онемел от страха?

Но в нарочито-гневном голосе барабанщика Кентону послышалось дружеское участие.

— Возможно, это и могло спасти меня, но не спасло, — ответил он мрачно.

Черный жрец, посмеиваясь, вновь опустился на скамью.

— Это не спасло бы тебя и тогда, когда бы я захотел лишить тебя жизни, — сказал он.

— Тебя ждет смерть, если он так решит, — проговорил Гиги.

— Кто бы ты ни был, — продолжал черный жрец, — и откуда бы ты ни пришел к нам, — ясно одно: ты обладаешь способностью разбить цепь, которая давно уже тяготит меня. Нет, Закель, останься, — повернулся он к надсмотрщику, который собрался уходить. — Твой совет всегда полезен. Останься!

— Один из рабов умер, — сказал надсмотрщик. — Я хотел снять с него цепи и выбросить тело за борт.

— Умер? — Кланет заинтересовался. — Который? Отчего он умер?

— Кто знает? — Закель пожал плечами. — От слабости, наверное. Он плыл с нами с самого начала. Он сидел рядом со светловолосым рабом с Севера, которого мы купили в Эмактиле.

— Да, он прослужил достаточно, — сказал черный жрец. — Нергал забрал его. Пусть тело его останется закованным в цепи еще немного. Останься здесь.

Он опять обратился к Кентону, голос его звучал уверенно, казалось, Кланет принял окончательное решение.

— Я предлагаю тебе свободу. В Эмактиле, куда мы направляемся, ты будешь иметь все — почести, богатство, если сделаешь то, о чем я прошу. Если захочешь, ты станешь жрецом, и у тебя будет храм. Золото, женщины, поклонение — если согласишься исполнить мое желание.

— Что же я должен сделать, чтобы получить все это? — спросил Кентон.

Черный жрец встал и наклонился к нему, глядя прямо в глаза.

— Убить Шаран! — сказал он.

— Ничего не выйдет, Кланет, — усмехнулся перс. — Разве ты не видел, как они побили его. Это то же самое, что посылать на львицу человека, который не справился с ее котятками.

— Нет, — ответил Кланет, — я не хочу, чтобы он шел по палубе, где его непременно увидят часовые Шаран. Он может пробраться вокруг по цепи с одного борта на другой. В каюте, где она спит, есть окно, он сможет залезть туда.

— Но, господин, пусть он прежде принесет клятву Нергалу, — вмешался Закель, — иначе он может не вернуться.

— Глупец! — заговорил Гиги. — Если он сделает это, возможно, он вообще не сможет попасть туда. Мы не можем ручаться, что перед ним не встанет та преграда, которая стоит перед нами, преданными Темному, как и перед теми, кто служит Иштар.

— Да, — кивнул черный жрец, — мы не смеем так рисковать. Ты прав, Гиги.

— Зачем убивать Шаран? — спросил Кентон. — Позволь мне сделать ее рабыней, чтобы я смог расквитаться с ней за насмешки и удары. Дай мне ее — и бери себе все богатства и почести.

— Нет! — черный жрец подался к Кентону, пристально всматриваясь в его глаза. — Она должна быть убита. Она — сосуд, в который вливается богиня. Если Шаран умрет, на корабле не останется никого, в ком могла бы воплотиться Иштар. Я, Кланет, знаю это. Если Шаран умрет, править будет Нергал — через меня! Нергал победит — через меня!

В голове у Кентона созрел план. Он пообещает убить Шаран, а сам прокрадется в ее каюту и расскажет о планах черного жреца. Как-нибудь он заставит ее поверить в это.

Слишком поздно заметил Кентон, что Кланет разгадал его замысел. Слишком поздно понял, что надсмотрщик уже давно не спускает с него пристального взгляда, все замечая и разгадывая.

— Смотри, господин! — воскликнул Закель. — Смотри! Разве ты не читаешь, как я, его мысли? Ему нельзя доверять. Ты хотел моего совета, говорил, что мое слово истинно, так позволь высказать то, что у меня на уме. Я думал, что он тогда исчез, растворился в воздухе, о чем я и сказал тебе. Но так ли это на самом деле? Только боги могут приходить и уходить, как им вздумается. Никто из людей не может. Нам казалось, что мы видим его в морской пучине, но было ли так в действительности? С помощью колдовских сил он все это время мог скрываться в каюте Шаран. Мы видели, как он вышел оттуда.

— Но его вытолкнули ее женщины, Закель, — вмешался барабанщик. — Его били, вспомни. Между ними нет никакой дружбы, Кланет. Они вцепились ему в горло, как собаки, нагнавшие оленя.

— Сплошное притворство! — воскликнул Закель. — Уловки, чтобы обмануть тебя, господин. Они могли бы убить его. Почему же они не сделали этого? Его раны — всего лишь булабочные уколы. Они выгнали его, да, но куда? Сюда, к нам. Шаран знала, что он может перейти границу. Разве стала бы она делать нам такой подарок, если бы у нее не было на уме

чего-нибудь еще? А как ты думаешь, господин, что у нее на уме? Только одно — послать его сюда, чтобы он убил тебя, как ты собираешься послать его убить ее! Он такой сильный — и дает женщинам побить себя! У него меч, острый священный клинок — и он позволяет женщинам отобрать его. Ха-ха! — Закель захохотал. — Ты веришь этому, господин? Я — нет!

— Клянусь Нергалом! — твердил как заклинание Кланет, лицо которого превратилось из бледного в серовато-синее, — клянусь Нергалом!..

Схватив Кентона за плечи, он вытолкнул его на палубу и сам вышел следом.

— Шаран! — проревел он. — Шаран!

С трудом подняв голову, Кентон увидел, что Шаран стоит в двери каюты, обнимая за талию двух девушек.

— Нергалу и Иштар не до нас, — усмехнулся черный жрец. — У нас скучная жизнь. У моих ног лежит раб, он умирает. Шаран, ты знаешь его?

Он наклонился и поднял Кентона, как ребенка. Лицо Шаран не изменилось, она смотрела так же холодно и презрительно.

— Он для меня ничто — червь, — ответила она.

— Ничто? — заревел Кланет. — Но ведь по твоей воле он пришел ко мне. К тому же он все время лжет, Шаран. По старому закону рабов наказывают за это. Я выставлю против него четверых моих людей. Если он победит, он еще проживет немного, чтобы развлечь нас. Но если нет — я вырву его лживый язык и пришлю тебе, как залог моей любви, о Шаран, Священный Сосуд Иштар! Ха-ха! — засмеялся черный жрец, увидев, как она побледнела. — Проверь свои чары, Шаран. Заставь этот язык говорить! Пусть она, — голос Кланета звучал мягко и вкрадчиво, — пусть он шепчет тебе о любви, говорит, как ты прекрасна, Шаран, как несравненна — о прелестная Шаран! Пусть и упрекнет тебя слегка, ведь это по твоей милости его вырвут! Ха-ха-ха! — захохотал Кланет. — Шлюха! — злобно бросил он.

Кланет сунул в руку Кентона легкую плеть.

— Сражайся, раб! — рявкнул он. — Сражайся за свой лживый язык!

Вперед вышли четыре жреца, доставая из-под одежды плети с металлическими наконечниками. Не

успел Кентон опомниться, как они уже рванулись к нему. Как тощие голодные волки они накинулись на него, избивая кнутами. Лавина ударов обрушилась ему на голову, на голые плечи. Он пытался неуклюже защищаться, отвечать на эти удары. Металлические наконечники оставляли на его теле глубокие полосы, по груди, спине, плечам начала сочиться кровь.

Один удар пришелся по лицу, ослепив Кентона.

Издалека до него донесся волшебный голос Шаран, в котором слышалось презрение:

— Раб, неужели ты не можешь даже защищаться?

Проклиная все на свете, Кентон бросил бесполезную плетъ. Совсем рядом он увидел ухмыляющееся лицо жреца, который только что ударил его. И не успел тот поднять свой хлыст для очередного удара, как Кентон размахнулся и ударил кулаком в этот усмехающийся рот. Он почувствовал, как треснула кость, зашатались зубы. Жрец упал и откатился к самому борту.

В то же мгновение остальные трое набросились на Кентона. Они впивались в него ногтями, стараясь достать до горла, пытались сбить с ног. Кентон вырвался. Нападавшие на мгновение отступили, потом опять бросились в атаку. Один выдвинулся немного вперед. Схватив его, Кентон заломил ему руку за спину, уперся коленом в бок, приподнял и с силой швырнул на тех двоих. Жрец рухнул, ударившись головой о палубу. Раздался треск, как будто переломили вязанку хвороста; по телу прошла судорога, ноги вывернулись, словно в каком-то ужасном сальто, и наконец жрец ослабел и затих.

— Отличный удар! — услышал Кентон голос перса.

Вдруг он почувствовал, как цепкие пальцы схватили его за щиколотки. Падая, он увидел перед собой лицо, представлявшее собой сплошное красное пятно, — на этого жреца пришелся первый удар Кентона. Чужие руки сжались у него на горле. И тут Кентон вспомнил одну ужасную картину, свидетелем которой он стал во время такого же неравного боя во Франции. Он поднял правую руку, выставив вперед указательный и средний пальцы, нащупал глазницы и надавил изо всей силы. Раздался предсмертный крик, и цепкие пальцы отпустили горло Кенто-

на: по его рукам стекали кровавые слезы. Из глазниц жреца свисали кровавые клочья.

Кентон вскочил. Он ударил ногой окровавленное лицо — один раз, потом еще и еще, и руки, сжимавшие щиколотки, разжались.

Краем глаза он увидел побледневшую Шаран, широко раскрытыми глазами она смотрела на него. Смеха черного жреца больше не было слышно.

Четвертый из нападавших ринулся на Кентона, в руке у него блеснуло широкое лезвие ножа. Кентон наклонил голову и приготовился к встрече. Схватив руку, сжимавшую нож, он заломил ее за спину. Раздался хруст кости. Жрец пронзительно вскрикнул и упал.

Кентон заметил, что Кланет смотрит на него, раскрыв от удивления рот.

Кентон рванулся, целясь кулаком ему в челюсть, но черный жрец выставил вперед руки и, поймав нападавшего посреди прыжка, поднял его над головой, чтобы со всего размаху бросить вниз, на палубу.

Кентон закрыл глаза — значит, это конец.

Вдруг он услышал тревожный голос перса:

— Эй, эй, Кланет! Не убивай его! Именем Ишека, властителя преисподней, не убивай его, Кланет! Сохрани ему жизнь, чтобы он и дальше дрался!

Потом заговорил барабанщик:

— Нет, нет, Кланет! — Кентон почувствовал, что его крепко держат ногти Гиги. — Нет, Кланет! Он дрался честно и хорошо. У нас таких немного. Может быть, он передумает, если мы его поучим. Помни, Кланет, — он может перейти границу.

Огромное тело жреца дрогнуло, и Кентон почувствовал, что его опускают вниз.

— Поучим? Ха-ха! — раздался рывкающий голос надсмотрщика. — Отдай его мне, господин, вместо того гребца, который умер. И я приучу его к порядку!

Черный жрец отпустил Кентона. Постояв над ним некоторое время, он кивнул, повернулся и пошел в каюту. После всего случившегося силы оставили Кентона, он лежал, сжавшись и обхватив колени руками.

— Закель, сними с мертвого раба цепи и брось его за борт, — услышал Кентон голос Гиги. — Я покараю его, пока ты вернешься.

Кентон услышал шаги удаляющегося надсмотрщика. Барабанщик склонился над ним.

— Хорошо дерешься, волчонок, — тихо сказал он. — Хорошо дерешься! Сейчас тебя закуют, но ты покорись. Жди — и твой час пробьет. Слушай, что я говорю, волчонок, и я сделаю все, что в моих силах.

Он ушел. Недоумевая, Кентон поднял голову. Он увидел, как барабанщик наклонился, поднял тело жреца, которому Кентон сломал шею, и одним движением сильных рук бросил его за борт. Так же он поступил и со следующим телом — это был труп с разmozженным черепом. Потом он в нерешительности остановился над безглазым, который с воем ползал по палубе, пытался подняться, но опять падал. Весело усмехнувшись, Гиги взял его за ноги и швырнул за борт.

— Вот уже тремя меньше, — пробормотал он.

Дрожь прошла по телу Кентона, зубы его стучали, подступающие рыдания сдавили горло. Барабанщик с удивленной усмешкой посмотрел на него.

— Ты хорошо дрался, волчонок, — сказал он. — Так почему же ты дрожишь, словно побитая собака, у которой отобрали недоеденную кость?

Он положил руки на кровоточащие плечи Кентона. Кентон постепенно успокоился. Казалось, будто через руки Гиги в него вливается потоком некая сила, и он жадно ее впитывает. Будто открыли шлюзы в некоем древнем озере спокойствия, и равнодушие ко всему заполнило Кентона, равнодушие к жизни и к смерти.

— Вот так! — сказал Гиги, вставая. — Закель уже пришел за тобой.

Надсмотрщик стоял рядом. Дотронувшись до плеча Кентона, он указал на ступеньки, ведущие вниз, туда, где сидели гребцы. Нащупывая руками дорогу в полутьме, Кентон стал спускаться, Закель шел за ним. Они остановились у одного из огромных весел, над которым Кентон увидел мощные плечи, все в узлах мускулов, склоненную голову со светло-золотистыми и длинными, как у женщины, волосами. Золотоволосый гребец спал. Поясницу его охватывало большое бронзовое кольцо, крепкой цепью соединенное с крюком, глубоко вделанным в спинку скамьи.

На руках у гребца были кандалы. Две прочные цепи тянулись от них к металлическому кольцу на весле.

Слева от спящего лежало еще одно бронзовое кольцо, на весле висела пара наручников.

Закель толкнул Кентона к скамье, надел ему на пояс кольцо, запер замок.

Когда надсмотрщик надевал на него наручники, Кентон не сопротивлялся.

Внезапно почувствовав на себе чей-то теплый взгляд, Кентон обернулся и увидел Шаран. В ее глазах была жалость и легкая тень чего-то другого, отчего сердце Кентона бешено забилося.

— Я приучу тебя к порядку, не бойся! — сказал Закель.

Кентон обернулся еще раз.

Шаран исчезла.

Он преклонил голову на весло рядом со спящим гребцом.

На весло... он прикован!.

Раб!

8. История Сигурда

Кентона разбудил резкий звук свистка. Что-то похожее на раскаленный железный прут хлестнуло его по плечу. Он вздрогнул, поднял голову, тупо уставился на закованные в кандалы руки. Удар повторился, на этот раз сильнее.

— Вставай, раб! — услышал он рывкающий голос; Кентону был знаком этот голос, но его как будто опоили одуряющим зельем — он не мог вспомнить, кому этот голос принадлежит. — Вставай! Берись за весло!

Совсем рядом раздался другой голос, хриплый шепот; в нем было дружеское участие:

— Поднимайся, или его кнут оставит на твоей спине кровавые письмена.

Кентон с трудом поднялся, руки сами собой скользнули в два гладких углубления на ручке весла. Стоя на скамье, Кентон видел вокруг себя бирюзовую гладь океана, над которой, казалось, опрокинули чашу с серебристым туманом. Впереди было

четверо гребцов, двое стояли, двое сидели, держась за огромные весла, которые, так же как и его весло, были укреплены на борту корабля. За ними поднималась черная палуба.

Внезапно он все вспомнил. Первый голос — это голос Закеля, а горячие удары — это его плеть. Кентон повернул голову. Он увидел еще около двух десятков гребцов, черных от загара; они сидели и стояли на своих веслах, то сгибая, то разгибая спины, и корабль Иштар двигался вперед, разрезая синюю гладь моря. На площадке у подножия мачты, презрительно ухмыляясь, стоял Закель. Кентон получил еще один удар длинного кнута.

— Не оборачивайся! Греби! — рявкнул Закель.

— Грести буду я, — раздался знакомый шепот. — Ты просто качай весло, пока не наберешься сил.

Кентон взглянул на светлые длинные, как у женщины, волосы. Но ничего женского не было в лице, на короткое мгновение обращенном к нему. Глаза, холодные как лед, были, как и лед, синие, хотя сейчас они оттаяли и светились грубоватой добротой. Солнце и морские ветры оставили свой след на этом лице. Не было ничего женского и в мускулах, игравших на плечах и спине гребца, когда он двигал огромным веслом с той же легкостью, с какой женщина держит метлу.

Северянин с головы до ног, викинг из какой-то древней саги и, как и сам Кентон, корабельный раб — вот кем был великан, которого Кентон увидел спящим на весле.

— Я Сигурд, сын Тригга, — тихо сказал северянин. — Какая жестокая Норна привела тебя на этот заколдованный корабль? Говори тихо, наклонись ниже над веслом. У дьявола с кнутом острый слух.

Сгибаясь и разгибаясь с ударами весла, Кентон стоял на скамье. Оцепенение, охватившее его, уже прошло. Прошло еще и оттого, что кровь, подгоняемая работой, быстрее задвигалась в его венах.

— Ты не из слабых, — с одобрением проворчал его сосед. — Весло утомляет, но по нему в тебя вливается сила моря. Ее нужно пить понемногу, набирайся сил, но не спеши. И потом, может быть, ты и я вместе...

Он замолчал и быстро испытующе взглянул на Кентона.

— Если судить по внешности, ты — один из людей Эйрнна, с Южных островов, — прошептал он. — Я не имею злобы против них. Много раз мы бились с ними, и после этих битв крылатые Валькирии никогда не возвращались в Валгаллу с пустыми руками. Смелые люди, сильные люди, они умирали с боевым кличем на устах, целуя клинок и острие копья, как будто целуют невесту. Ты — один из них?

Кентон собрался с мыслями. Он должен ответить так, чтобы завязалась дружба, так откровенно ему предложенная; полная правда может вызвать недоумение, а излишняя туманность — подозрение.

— Меня зовут Кентон, — ответил он тихо. — Мои предки служили Эйрнну. Они хорошо знали викингов и их корабли и не передали мне никакой вражды к ним. Я буду твоим другом, Сигурд, сын Тригга, ибо никто из нас не знает, сколько времени я пробуду здесь, рядом с тобой. И раз ты и я вместе...

Он многозначительно замолчал, как и викинг. Северянин кивнул и опять бросил на него острый испытующий взгляд.

— Как постигла тебя эта участь? — проговорил он. — С тех пор как они схватили меня на острове Колдунов, мы не заходили ни в одну гавань. Тебя не было здесь, когда меня приковали к этому веслу.

— Сигурд, клянусь именем Одина, Отца всего живого, я не знаю! — Рука северянина дрогнула, когда он услышал имя своего бога. — Какая невидимая сила вырвала меня из моей земли и принесла сюда. Сын Хелы, что правит на черной палубе, предложил мне свободу, если я соглашусь совершить подлость. Я отказался. Я дрался с его людьми и убил троих. А потом меня приковали к веслу.

— Ты убил троих! — Викинг восхищенно смотрел на Кентона, глаза его блестели, зубы обнажились в улыбке. — Ты убил троих! Bravo, друг! Bravo! — воскликнул он.

Что-то змеей прошипело рядом с Кентоном и ударило северянина по спине. Брызнула кровь, удары обрушивались еще и еще. Послышалось рывканье Закеля:

— Собака! Свинячье отродье! Или ты обезумел? Я сдеру с тебя шкуру!

Тело Сигурда, сына Тригга, содрогалось под ударами. Он затравленно посмотрел на Кентона; на губах у него выступила кровавая пена. Внезапно Кентон понял, что не удары были тому причиной, а стыд и бессильная ярость; под ударами кнута кровоточило сердце викинга, оно могло разорваться.

Рванувшись вперед, Кентон подставил под плеть свою голую спину, принимая удары на себя.

— Ха! — заорал Закель. — Ты тоже хочешь? Ты хочешь поцелуев моего кнута? Ну так возьми, возьми сколько можешь!

Раздался свист, последовал безжалостный удар, и опять свист и удар. Кентон стойко терпел, ни на секунду не открывая для ударов спину северянина, думая о том, как он расплатится за все, когда пробьет его час...

Когда он завладеет кораблем!

— Стой! — затуманенным от боли взглядом Кентон увидел барабанщика, стоявшего на палубе. — Ты что, хочешь убить его, Закель? Клянусь Нергалом, если ты сделаешь это, я попрошу Кланета, чтобы он доставил мне радость, разрешив приковать тебя к этому веслу!

— Греби, раб! — угрюмо проворчал Закель.

Теряя сознание, Кентон наклонился над веслом. Северянин схватил его руку и крепко сжал ее.

— Я Сигурд, сын Тригга, внук Ярла! Повелитель драконов! — он говорил тихо, но в голосе его слышался звон скрежетающихся клинков; глаза его были закрыты, казалось, он произносит молитву. — Мы теперь братья по крови, Кентон из людей Эйрна. Братья — ты и я. Нас породнили красные руны, начертанные на твоей спине, когда ты укрыл меня от кнута. Я стану твоим щитом, как ты был моим. Мечи наши станут одним мечом. Твой друг будет моим другом, а твой враг — моим. И если понадобится тебе моя жизнь — возьми ее! Я, Сигурд, сын Тригга, клянусь именем Одина, Отца всего живого, и всеми сущими богами! И если я нарушу эту клятву, то пусть будут мучить меня ядовитые змеи Хелы до тех пор, пока не увянет Иггдрасиль, Древо жизни, и не наступит Рагнарек, Ночь Богов!

У Кентона дрогнуло сердце.

Северянин сильнее сжал его руку. Потом выпустил ее и опять склонился над веслом. Больше он ничего не сказал, но Кентон знал, что клятва дана.

Щелкнул кнут надсмотрщика, и раздался свисток. Четверо гребцов впереди, подняв весла, задвинули их в специальные углубления. Викинг сделал то же самое.

— Садись, — сказал он. — Сейчас нас вымоют и накормят.

Целый водопад обрушился на Кентона, потом еще. Соль разъедала раны, на глаза наворачивались слезы.

— Тише, — предостерег его Сигурд. — Боль скоро пройдет, а соль залечит раны.

Затем каскад воды обрушился и на викинга. Двое загорелых мужчин ходили между гребцами, их обнаженные спины были иссечены шрамами. В руках они несли ведра. Они облили водой двух гребцов, сидевших впереди Кентона. Вот они повернулись и двинулись назад по узкому проходу между скамьями. Казалось, они сошли с какого-то древнего ассирийского барельефа — у них были сильные тела, вытянутые лица с пухлыми губами и крючковатыми носами. Никакое движение мысли не отражалось в этих лицах. Глаза их зияли пустотой.

Принесли еще воды, они вылили ее на пол. Двое других рабов поставили на скамью между Кентоном и северянином грубую деревянную тарелку и чашку. На тарелке лежало около дюжины длинных палочек и множество лепешек, похоже было, что они сделаны из маниока; жители тропических стран пекут такие лепешки на солнце. В чашке была густая темно-красная жидкость.

Кентон попробовал толстые палочки, по вкусу они почему-то напоминали мясо. Относительно лепешек он не ошибся — они действительно были сделаны из маниока. Острая, терпкая жидкость слегка забродила. Такая еда придавала сил. Северянин улыбнулся Кентону.

— Кнута нет, мы можем говорить, но не слишком громко, — сказал он. — Такое правило. И пока мы пьем и едим, брат, спроси у меня без страха, о чем хочешь.

— Из всех вещей прежде всего я хочу узнать две, — сказал Кентон. — Как ты попал на корабль, Сигурд? И как сюда попала эта еда?

— Еда попадает по-всякому, — ответил викинг. — Это заколдованный корабль, к тому же проклятый. Он нигде не может стоять долго, и нигде его не принимают с радостью. Нигде, даже в Эмактиле, где обитает множество чародеев. Там, где мы бросаем якорь, нам быстро приносят еду и питье, чтобы поскорее избавиться от нас и не разгневаться демонов, которые там обитают. У них огромная сила — у этого бледного сына Хелана и женщины на светлой палубе. Иногда мне кажется, что она — дочь Локи, которого Один заковал в цепи за его грехи, а иногда — что она дочь Фрейи, Матери богов. Но кем бы она ни была, она прекрасна, и у нее светлая душа. У меня нет к ней ненависти.

Он поднес чашку к губам.

— А что касается меня, — продолжал он, — это очень короткая история. Я плавал в южных морях на одном из кораблей Рагнора Красное Копье. Сначала с нами было двенадцать огромных драконов. Мы шли к югу, совершая по пути множество набегов. Прошло немало дней, шестеро наших драконов покинули нас, и вот мы пришли в один египетский город. Это был очень большой город, в нем оказалось множество разных храмов, но ни одного храма наших богов.

Нам не понравилось, что среди такого множества ни один храм не принадлежал Одину, Отцу всего живого, и мы пришли в ярость. И вот однажды ночью, выпив слишком много египетского вина, шестеро из нас отправились в храм, чтобы захватить его и отдать Одину.

Мы вошли в храм. Он был весь темный, и там находилось много людей в черных мантиях, как здесь, на этом корабле. Когда мы сказали им, что собираемся сделать, они зажужжали, как пчелиный рой, и, как стая волков, набросились на нас. Мы убили многих и завоевали бы этот храм для Одина, но — протрубил рог!

— Подошло подкрепление, и вы не справились? — спросил Кентон.

— Вовсе нет, брат, — ответил Сигурд. — Это был волшебный рог. Усыпляющий. Сон наполнил нас, как паруса в бурю наполняет ветер. Руки и ноги не слушались, мы уже не чувствовали рукоятей наших окровавленных мечей и вырвали их. И, сраженные сном, мы упали среди убитых.

Проснулись мы в храме. Мы думали, что это тот же храм, потому что было так же темно и вокруг было множество жрецов, одетых в черное. Нас заковали в цепи, били плетью и сделали из нас рабов. Потом мы поняли, что находимся не в Египте, а в городе, который называется Эмактила, на острове Колдунов, он стоит в каком-то заколдованном море. Я и мои товарищи долго работали на черных жрецов, потом меня привели на этот корабль, когда он стоял на якоре в Эмактиле. И с тех пор я склоняюсь здесь над веслом, наблюдая их чародейства и борясь за свою жизнь.

— Усыпляющий рог! — в удивлении воскликнул Кентон. — Но я не понимаю, Сигурд!

— Ты поймешь, друг, — сказал Сигурд мрачно. — Довольно скоро поймешь. Закель хорошо владеет им, вот, слушай — начинается.

Откуда-то сзади раздался глубокий, мягкий, монотонный звук рожка. Низкие вибрирующие звуки, казалось, разливались по всему телу, лаская, как мягкие руки, усыпляя и одурманивая.

Звук порождал сонное состояние.

По глазам викинга было видно, что он пытается побороть дремоту. Но вот веки его медленно сомкнулись, руки ослабли, кулаки разжались, он качнулся, уронив голову на грудь. Тело его тяжело сползло вниз.

Звук не прерывался.

Как ни старался Кентон, он не мог побороть мягкую, обволакивающую дремоту. Тело его занемело. Бесчисленным множеством маленьких струек сон растекался по членам, по его жилам и нервам, опутывал мозг.

Все тяжелее становились веки.

Больше он не мог сопротивляться. Цепи зазвенели, и Кентон упал рядом с Сигурдом..

Какой-то глубокий внутренний голос, проникнув в бездны очарованного сна, потревожил сознание Кентона. Веки его дрогнули, и он стал медленно открывать глаза, но, повинуясь какому-то неясному чувству, замер. Сквозь приопущенные ресницы Кентон посмотрел вокруг. Его наручники соединяла с веслом длинная цепь. Во сне он передвинулся и лежал теперь у спинки скамьи, положив голову на вытянутую руку. Прямо перед ним находилась светлая палуба. Возле самого ее края стояла Шаран, смотревшая на Кентона. Нежно-голубая ткань, по которой руки давно умерших ассирийских девушек выткали золотые лотосы, скрывала ее грудь, обвивалась вокруг стройной талии и ниспадала к обутым в сандалии изящным ножкам. Шаран наклонилась вперед, пристально вглядываясь в Кентона; рядом с ней стояла черноволосая Саталу.

— Госпожа, — услышал Кентон голос Саталу, — он не может служить Нергалу, если люди Нергала заковали его в цепи.

— Нет, — задумчиво сказала Шаран, — нет, в этом я ошибалась. Если бы он служил Нергалу, он никогда бы не смог перейти границу. И Кланет тогда не стал бы так насмехаться надо мной...

— Он молод и очень красив, — вздохнула Саталу. — И он сильный, он дрался, как лев.

— Если крысу загнать в угол, она тоже будет драться, — ответила Шаран с презрением. — Как побитая собака, он позволил посадить себя на цепь. И он обманул меня! Он оказался вороной в павлиньих перьях! У него был меч, а он не сумел им воспользоваться! О, Саталу! — воскликнула Шаран, и рыдания послышались в ее голосе. — О, мне стыдно! Лжец, трус и раб — и все же он разбудил что-то в моем сердце, чего не касался еще ни один мужчина. О, мне стыдно, мне стыдно, Саталу!

— Не плачь, госпожа! — Саталу схватила дрожащие руки Шаран. — Может быть, ты ошибаешься. Откуда нам известно? А если он говорил правду? Мы не можем знать, что случилось в мире, который мы покинули так давно. К тому же он очень красив — и молод!

— Во всяком случае, — горько сказала Шаран, — он раб.

— Ш-ш, — предупредила ее Саталу, — Закель идет.

Повернувшись, они пошли к каюте, и Кентон не мог больше их видеть.

Пронзительно зазвучал свисток. Рабы зашевелились, Кентон вздохнул, поднялся, протер глаза и взялся за весло.

Он ликовал. Слова Шаран означали только одно — он нравился ей. Возможно, нить, соединявшая их, была совсем тоненькой, но все же она была. А если бы он не был рабом — когда он перестанет быть рабом, — что тогда? Это будет уже не тоненькая нить. Он рассмеялся, но тихо, чтобы не услышал Закель. Сигурд удивленно посмотрел на Кентона.

— Усыпляющий рог, должно быть, навевал тебе сладкие сны, — пробормотал он.

— Да, Сигурд, сладкие, — ответил Кентон. — Они расшатывают наши цепи, и мы скоро их разорвем.

— Да пошлет Один побольше таких снов, — тихо сказал северянин.

9. Сделка с Шаран

Когда наступило время усыпляющего рога, Кентон заснул и без него. Острый взгляд надсмотрщика разгадал самоотверженный план Сигурда, и тот постоянно наблюдал за Кентоном, стегая его плетью, когда видел, что всю тяжесть работы берет на себя северянин. Руки у Кентона покрылись мозолями, все тело ныло, чувства притупились. Это продолжалось в течение пяти снов.

Наконец он смог преодолеть свою вялость и задал Сигурду вопрос, который давно уже не давал ему покоя. Половина всех гребцов находилась за линией, разделявшей черную и белую палубы, эту линию не могли перейти ни Кланет, ни Шаран, ни их слуги. Но Закель и другие жрецы ходили среди гребцов, как им заблагорассудится, из одного конца углубления в другой. И хотя Кланет, Гиги или перс никогда не спускались сюда, Кентон не сомневался, что и они смогли бы пройти по углублению на противоположную часть корабля. Почему же тогда жрецы не за-

хватят розовую каюту? Почему Шаран со своими женщинами не спустится сюда и не окружит каюту Кланета? Почему не пускают они свои стрелы и копья в стаю черного жреца?

Викинг сказал, что корабль заколдован, и чары, тяготеющие над ним, не имеют себе равных. Раб, который умер, находился на корабле с самого начала его плавания, и он рассказал Сигурду, что эта таинственная невидимая преграда всегда разделяла гребцов. Ни копье, ни стрела не могли преодолеть ее, если только они не были посланы богами.

Два лагеря были бессильны друг перед другом. Ни Шаран, ни Кланет не могли покинуть корабль, когда он заходил в гавани. Женщины Шаран и слуги черного жреца могли — но ненадолго. Они вскоре возвращались, потому что корабль притягивал их. Что бы случилось, если бы они не вернулись? Раб не знал, он сказал, что это невозможно, корабль все равно вернет их назад.

Сгибая и разгибая над веслом ноющую спину, Кентон размышлял обо всем этом. Да, божества, вынесшие кораблю такой приговор, были дотошливыми, они не упустили ни одной мелочи. Кентона это слегка позабавило.

Они придумали эту игру и, конечно же, сами определили ее правила. Интересно, сможет ли Шаран ходить по всему кораблю, когда он сам станет здесь хозяином?

За этими размышлениями Кентона застал рожок Закеля, и под его монотонное звучание Кентон погрузился в бездонное забытие сна.

Когда он проснулся, разум его был кристально чист, он чувствовал себя прекрасно, тело освободилось от боли и стало гибким и энергичным. Он принялся грести с легкостью.

— Сила вливается в тебя из моря, как я и предсказывал, — проворчал Сигурд.

Кентон рассеянно кивнул — он пытался найти путь к освобождению.

Что происходит на корабле, когда гребцы спят? Может ли представиться какая-нибудь возможность освободиться или освободить викинга, если он сумеет перебороть сон?

Если бы он мог!

Как защититься от звучания этого рожка, навещающего сон подобно древним сиренам, которые своими песнями околдовывали моряков, заблудившихся в их стране?

Сирены! Кентон внезапно вспомнил приключения хитроумного Одиссея. Историю о том, как тот страстно пожелал услышать песню сирен — и не погибнуть. Как он приплыл в их владения, наполнил уши гребцов мягким воском, как приказал привязать себя к мачте и потом, все проклиная, пытался разорвать свои узы, сгорая от желания броситься им в объятья, он услышал эти завораживающие звуки — и благополучно уплыл прочь.

Поднялся ветер — ровный, устойчивый, он наполнил паруса и повел корабль вперед по гребням волн. Раздалась команда поднять весла. Кентон откинулся на спинку скамьи. Сигурд молчал, лицо его было задумчиво, взгляд блуждал где-то далеко, он вспоминал далекие дни, когда его драконы рассекали волны Северного океана.

На коленях у Кентона лежали лохмотья. Опустив руки, он стал тихонько вытягивать нити, сплетая их и связывая в маленькие шелковые веревочки. Викинг не замечал его действий. Вот уже и готовы обе. Зажав одну в руке, Кентон поднял ладонь к лицу и, как бы потирая щеку, незаметно всунул веревочку в ухо. Подождав немного, он то же самое проделал и со второй. Вой ветра превратился в легкий шепот.

Осторожно, не торопясь, он вынул затычки. Скрутив их еще туже, Кентон снова заткнул уши. Теперь вместо воя ветра слышался лишь слабый далекий звук. Довольный, Кентон спрятал затычки за пояс.

Корабль летел вперед. Пришедшие через некоторое время рабы окатили гребцов водой, потом принесли им еду.

Еще не зазвучал усыпляющий рог, а Кентон уже опустил на скамью и положил голову на руку, зажав в ладонях шелковые затычки. Быстрым движением он сунул их в уши и расслабился. Монотонное гудение рожка превратилось в далекий, едва различимый звук. Но все равно слабость постепенно овладевала телом. Кентон сопротивлялся. Вот звук рожка замер, и Закель ушел. Слегка приоткрыв гла-

за, Кентон увидел, как надсмотрщик поднялся по ступенькам и направился в каюту Кланета.

Черная палуба была пуста. Не открывая глаз, Кентон перевернулся, обхватил спинку скамьи и положил голову на руку. Через опущенные ресницы он осматривал противоположную часть судна.

До его слуха донесся звонкий серебристый смех. К самому краю светлой палубы подошла Шаран в сопровождении темноволосой Саталу. Шаран села и распустила волосы, пламенеющее золотисто-рыжее облако окутало ее лицо и плечи, казалось, что она сидит под шелковистым благоухающим покрывалом. Саталу приподняла эту сверкающую массу и принялась ее расчесывать.

Сквозь эту восхитительную завесу Шаран смотрела на него. Невольно Кентон приподнял веки и встретился с ней взглядом. Она ахнула, приподнялась и, откинув волосы, стала пристально всматриваться в его лицо.

— Он не спит! — прошептала она.

— Шаран! — выдохнул Кентон.

В ее глазах он опять увидел стыд, лицо стало холодным. Подняв голову, она слегка усмехнулась.

— Саталу, — сказала она, — тебе не кажется, что зловоние здесь сильнее, чем обычно? — Она опять поморщилась. — Да, так и есть. Как на невольничьем рынке в Уруке, когда привозят новых рабов.

— Я... я не замечаю, госпожа, — неуверенно проговорила Саталу.

— Ну да, да, конечно, — голос Шаран был беспощаден, — смотри, вот он сидит, новый раб. Странно, он спит с открытыми глазами.

— И все же он не похож на раба, — опять неуверенно возразила служанка.

— Вот как? Что с твоей памятью, девочка? — вкрадчиво спросила Шаран. — Как мы отличаем раба?

Черноволосая девушка не ответила, она только ниже склонилась над локонами своей госпожи.

— По цепям и по следам от ударов кнута, — насмешливо произнесла Шаран, — вот как мы узнаем раба. А у этого есть и то и другое — к тому же великое множество.

Кентон молча сносил ее насмешки, он лежал не шевелясь; он даже не все слышал из сказанного ею, а только жадно смотрел на нее, любясь ее красотой.

— Ах, я думала, он пришел ко мне с мудрыми словами, с обещаниями, он заронил надежду в моем сердце, — вздохнула Шаран. — И я открыла ему свою душу, ведь я надеялась, Саталу! Мою душу! А он отплатил мне ложью, пустыми обещаниями, к тому же он слаб — не смог справиться с моими девушками. И вот он сидит — лживый и слабый человек, которому я доверилась, его бессильные руки в кандалах, а на спине следы кнута. Раб!

— Госпожа, о, госпожа! — прошептала Саталу.

Но Кентон молчал, хотя насмешки Шаран задели его за живое. Неожиданно Шаран поднялась и запустила пальцы в сверкающие кудри.

— Саталу, — тихо произнесла она, — могу ли я своим присутствием разбудить раба? Может ли раб — если он молод и силен — разорвать ради меня свои цепи?

Она повернулась; сквозь тонкие одежды просвечивали изящные розовые изгибы ее груди и бедер, гибкие и совершенные; тряхнув волосами, она лукаво взглянула на Кентона, поправила локоны и выставила вперед крошечную розовую ножку.

Забыв обо всем, Кентон поднял голову, кровь горячо стучала у него в висках.

— Цепи разорвутся, Шаран! — воскликнул он. — Я разорву их, будь уверена! И тогда...

— И тогда, — отозвалась она, — и тогда мои девушки побьют тебя, как и раньше! — Она усмехнулась и ушла.

Кентон смотрел ей вслед, кровь в голове громко пульсировала. Он увидел, как Шаран, остановившись, что-то сказала Саталу. Девушка обернулась и подала ему знак, предупреждая о чем-то. Кентон закрыл глаза и положил голову на руку. Вскоре послышались шаги Закеля. Раздался свисток.

«Если она в самом деле думала то, что говорила, то зачем бы стала предупреждать его?» — думал Кентон.

Шаран взглянула на Кентона со своей палубы.

С тех пор как она стояла здесь, насмехаясь над ним, уже прошло какое-то время. Но сколько — если

измерять его привычными для Кентона мерками — он не мог сказать. Сети безвременья опутали его.

Много раз он без сна лежал на скамье, поджидая появления Шаран. Но она не выходила из каюты, а если и выходила, то не показывалась ему на глаза.

Кентон не сказал викингу о том, что чары усыпляющего рога больше ему не страшны. Хотя он всей душой доверял Сигурду, но не был уверен в его ловкости. Он сомневался, что викинг сможет искусно притвориться спящим. А Кентон не мог рисковать.

И вот опять Шаран стояла у изумрудной мачты и смотрела на него. Рабы спали. На черной палубе никого не было. В этот раз Шаран была серьезна. Она заговорила сразу о главном.

— Кто бы ты ни был, — зашептала она, — ты можешь делать две вещи — перейти границу и бодрствовать, когда спят другие рабы. Ты сказал, что разорвешь цепи. Я верю, что и это правда, если только...

Она замолчала, Кентон прочел ее мысль.

— Если только я не солгал тебе, как я солгал тебе раньше, — сказал он спокойно. — Я не лгал тебе.

— Если ты разорвешь цепи, — сказала она, — ты убьешь Кланета?

Кентон сделал вид, что размышляет.

— Зачем мне убивать Кланета? — спросил он наконец.

— Зачем? — В голосе Шаран появились презрительные нотки. — Зачем? Разве не он заковал тебя в цепи? Бил тебя плетью? Сделал рабом?

— А разве не Шаран встретила меня копьями? — спросил он. — Не Шаран растравляла мне раны солью своих насмешек?

— Но ты обманул меня! — воскликнула Шаран.

Кентон опять притворился задумавшимся.

— Какова же будет награда этому лжецу, этому слабому рабу, если он убьет черного жреца для тебя? — спросил он напрямик.

— Награда? — повторила Шаран, не понимая.

— Чем ты отплатишь мне?

— Отплачу тебе? Да, я отплачу! — Презрение в ее голосе обожгло Кентона. — Я отплачу. Ты получишь свободу, я дам тебе мои драгоценности, возьми все...

— Свобода у меня будет, когда я убью Кланета, — ответил он. — А для чего мне твои драгоценности на этом проклятом корабле?

— Ты не понял, — сказала Шаран. — Когда ты убьешь черного жреца, я высажу тебя там, где ты захочешь. И тогда драгоценности пригодятся тебе.

Помолчав, она добавила:

— А разве они не имеют ценности там, откуда ты пришел и куда, пока на тебе не было цепей, ты всегда возвращался, если угрожала опасность?

Сладким ядом растекался ее голос, но Кентон только рассмеялся.

— Чего же ты еще хочешь? — спросила она. — Если этого недостаточно, то чего еще?

— Тебя! — ответил он.

— Меня! — Шаран не верила своим ушам. — Чтобы я отдавала себя кому-то как награду! Отдавала — тебе! Собака! — бушевала она. — Никогда!

До этого момента Кентон заранее рассчитал каждое свое слово, но сейчас, когда он заговорил, в его голосе звучал такой же искренний гнев, как и у Шаран.

— Нет! — воскликнул он. — Нет! Не ты отдашь! Клянусь Богом, Шаран, я сам возьму!

Он протянул к ней закованные в железо руки.

— Я завоюю этот корабль без твоей помощи — ты называла меня лжецом и рабом, а теперь швыряешь мне плату, как мяснику. Нет! Я завоюю корабль и сделаю это своими руками. И этими же руками я завоюю тебя!

— Ты мне угрожаешь! — Лицо Шаран озарилось гневом. — Ты!

Из-под одежды она выхватила узкий кинжал и швырнула ему. словно ударившись о твердую невидимую стену, кинжал звякнул и отскочил, расколовшись, упал к ее ногам.

Шаран побледнела и отпрянула.

— Ты ненавидишь меня, — усмехнулся Кентон. — Пусть так и будет, Шаран. Ибо что такое ненависть, если не пламя, очищающее сосуд для вина любви?

Звук, с которым Шаран закрыла дверь, войдя в каюту, нельзя было назвать мягким. Хмуро усмехнувшись, Кентон склонился над веслом. Вскоре он спал так же крепко, как и похрапывающий рядом северянин.

10. Корабль плывет

Кентон проснулся от какого-то шума. На обеих палубах стояли люди. Размахивая руками, они показывали куда-то вдаль и громко говорили о чем-то. Над ними парила стая птиц. Впервые Кентон видел птиц в этом странном мире. Их крылья походили на крылья огромных бабочек. Их сверкающие перья, казалось, были покрыты ярко-красным и золотистым лаком. Их голоса звучали как звон маленьких колокольчиков.

— Земля! — воскликнул викинг. — Мы заходим в гавань. Наверное, чтобы запастись водой и пищей.

Дул свежий ветер, и гребцы не работали. Забыв о плети Закеля, Кентон встал на скамью и смотрел на берег во все глаза. Надсмотрщик этого не заметил, он сам был занят тем же.

Впереди поднимался высокий остров, залитый солнцем; разноцветные пятна, как маленькие радуги, вспыхивали тут и там. Если не считать этих ярких вкраплений, весь остров матово светился, как большой изогнутый топаз, лазурное море переливалось у берегов, как молочный опал, а на вершине острова ветви деревьев склонялись под густой листвой, напоминая огромные золотисто-янтарные плюмажи из страусовых перьев. Над островом радужными вспышками загорались яркие цветы.

Корабль подошел ближе. На носу, смеясь и весело переговариваясь, столпились девушки. Шаран стояла на галерее и задумчиво смотрела вперед.

Остров приближался. Разноцветный парус спустили, и корабль медленно подошел к берегу. Нос его уже почти коснулся земли, и только тогда повернули руль. Они плыли вдоль берега, а незнакомые деревья склоняли над палубой свои листья, похожие на те, что мороз рисует на оконном стекле. Листья были топазово-желтые и солнечно-янтарные; ветви деревьев мерцали, словно вырезанные из желтого хризолита. На них висели огромные огненно-красные цветы, по форме напоминающие лилии.

Медленно, очень медленно двигался корабль. Он вошел в небольшую протоку, ведущую к центру острова. Берега были покрыты яркими разноцветными пятнами, и Кентон увидел, что это цветочные поля,

поднимавшиеся друг за другом в виде огромного амфитеатра. Разноцветными вспышками оказались всевозможные птицы размером от крошечных стрекоз до огромных грифов, таких, что живут высоко в Андах. Их сверкающие крылья, казалось, были покрыты ярким лаком.

От острова исходил тонкий аромат. В ярком многообразии цветов изумрудом вспыхивало оперение птиц.

Долина кончилась, и листва деревьев вновь медленно шелестела по палубе. Корабль вошел в устье протоки, вдали показался водопад, как будто жемчужный дождь падал в заросшее папоротником золотистое озеро. Раздался лязг цепи, всплеск упавшего якоря. Нос корабля повернулся, врезался в листву и коснулся берега.

Держа на головах огромные корзины, женщины Шаран перелезали через борта. Шаран смотрела на них со своей галереи, ее взгляд стал еще более задумчив. Женщины исчезли в усыпанной цветами чаще, все слабее и слабее доносились их голоса, и наконец их уже совсем не стало слышно. Подперев ладонями голову, Шаран жадными, широко раскрытыми глазами смотрела вокруг. Над ее золотистыми волосами, струящимися по обе стороны серебряного полумесяца, кружила птица, перья которой переливались изумрудным и голубым цветом, а голос звучал, как звон волшебных колокольчиков. В глазах Шаран Кентон увидел слезы. Поймав его взгляд, Шаран смахнула их, рассердилась. Повернувшись, она собралась уходить, но потом медленно опустилась и села под деревом, так что он не мог ее видеть.

Девушки возвращались, неся корзины, наполненные фруктами, пурпурными и белыми плодами и пучками тех палочек, которые Кентон уже пробовал. Одна за другой они входили в каюту и возвращались с пустыми корзинами. Так повторялось несколько раз. Потом в руках у них вместо плетеных корзин появились меха и бурдюки, в которые они набирали воду из озера. И опять они приходили и уходили, неся вздувшиеся бурдюки на плечах.

Наконец девушки вышли с пустыми руками, скинули те немногие одежды, что были на них, и с веселыми криками бросились в озеро. Они плескались

и плавали, напоминая речных нимф, и переливающийся жемчугом поток ласкал нежные изгибы их тел — цвета слоновой кости, нежно-розовых, светло-оливковых. Выйдя из воды, они стали плести венки и, бережно сжимая в руках благоухающие лилии, нехотя возвращались на корабль, укрываясь в розовой каюте.

Теперь через борта медленно перебирались люди Кланета. Они также приходили и уходили, принося с собой добычу и переливая воду в бочки.

Корабль вновь пришел в движение. Зазвенела цепь, подняли якорь, взлетели вверх весла, и судно отошло от берега. Взвился разноцветный парус. Корабль повернулся, встал по ветру и медленно поплыл, разрезая аметистовую гладь воды. Все чаще взлетали весла. Золотистый остров уменьшился, стал таять в дымке и наконец исчез из глаз.

Корабль шел вперед.

Вперед и вперед — каким курсом и в какой порт, Кентон не знал. День за днем шел корабль. Огромная чаша с серебристым туманом, краем которой был горизонт, сжималась или становилась шире по мере того, как сгущался или редел туман. Поднимались и стихали бури. В их завывании серебро тумана превращалось в огненную медь, в черный, темнее ночи, янтарь. Нередко пелену бурь пронизывали молнии, фантастические и прекрасные. Когда они вспыхивали, казалось, что распадаются на части какие-то гигантские призмы или разбиваются вдребезги радуги из драгоценных камней. Удары грома сопровождали эти бури. Звон колокольчиков, удары цимбал сменялись россыпью огненных самоцветов.

Постепенно, как и предсказывал Сигурд, сила моря вливалась в Кентона, закаляя его, превращая все его тело в совершенный инструмент, прочный и гибкий, как шпага.

Сигурд рассказывал ему предания викингов, неспетые саги, навсегда утраченные сказания Севера.

Дважды за Кентоном присылал черный жрец; спрашивал его, угрожал, уговаривал — все тщетно. И каждый раз, почернев еще больше, жрец отсылал Кентона обратно к его цепям.

Столкновения богов больше не случалось. Как и Шаран во время сна рабов не выходила из каюты.

Когда все бодрствовали, Кентон не мог даже повернуть головы, чтобы не навлечь на себя удар кнута. Поэтому он часто позволял звукам рожка усыплять себя — зачем бодрствовать, если Шаран прячется?

Однажды, лежа без сна, Кентон услышал, как кто-то спускается по ступенькам. Он незаметно повернулся, так что лицо его было скрыто спинкой скамьи. Шаги затихли рядом.

— Зубран, — это был голос Гиги, — этот человек стал похож на молодого льва.

— Довольно сильный, — отозвался перс, — жаль, что силы его расходуются здесь, на то, чтобы вести этот корабль из одного тоскливого места в другое.

— Я согласен с тобой, — сказал Гиги. — Сейчас у него есть сила. И есть мужество. Вспомни, как он убил жрецов.

— Вспомни! — В голосе Зубрана больше не было скуки. — Разве можно это забыть! Клянусь сердцем Рустама — как мог я забыть это? Кажется, впервые за сотни лет я увидел что-то похожее на настоящую жизнь. И этим я обязан ему.

— К тому же, — продолжал Гиги, — он предан тем, кого любит. Я рассказывал тебе, как он подставил свою спину, закрывая раба, что спит сейчас с ним рядом. Мне это очень понравилось, Зубран.

— Это великодушный поступок, — сказал перс. — Для совершенного вкуса, пожалуй, чуточку слишком красивый, но все же великолепный.

— Мужество, верность, сила, — вслух размышлял барабанщик, — и хитрость, — добавил он с веселой усмешкой. — Необычайная хитрость, Зубран, потому что он нашел способ оградить себя от звуков усыпляющего рога, и сейчас он только притворяется спящим.

Сердце у Кентона на мгновение замерло и сразу же бешено забилося. Откуда он узнал? И знал ли он наверняка? Или это только догадка? В отчаянии Кентон старался унять нервную дрожь, заставить тело расслабиться.

— Как! — воскликнул перс с недоверием. — Только притворяется? Гиги, ты бредишь!

— Нет, — тихо ответил Гиги. — Я наблюдал за ним, когда он не видел. Он не спит, Зубран.

Кентон вдруг почувствовал у себя на груди, прямо у бьющегося сердца, его лапу. Усмехнувшись, барабанщик убрал руку.

— К тому же, — сказал он с одобрением, — этот тип осторожен. Он немного доверяет мне, но не слишком. А тебя он совсем не знает и поэтому не доверяет тебе. Он лежит тихо и говорит себе: «Гиги не знает точно. Он не может быть полностью уверен до тех пор, пока я не открою глаза». Да, он осторожен. Но смотри, Зубран, он не сумел удержать кровь, и краска проступила у него на лице, и он не в силах замедлить удары сердца, чтобы оно билось спокойно, как у спящего.

Гиги опять усмехнулся, на этот раз с раздражением.

— Есть еще одно доказательство его осторожности — он не сказал своему другу, что рог не имеет над ним власти. Слышишь, как храпит длинноволосый? В таком сне нельзя усомниться. Это мне тоже нравится — он понимает, что если секрет знают двое, есть опасность, что его узнают все.

— Мне кажется, он крепко спит, — Кентон почувствовал, как перс наклонился над ним.

Веки у него поднимались сами собой, огромным усилием воли держал он глаза закрытыми, дышал ровно, не двигался. Сколько еще они простоят здесь, разглядывая его?

Наконец Гиги заговорил.

— Зубран, — сказал он тихо, — как и ты, я устал от черного жреца и от бесплодной борьбы Иштар и Нергала. Но, связанные клятвой, ни ты, ни я не можем восстать против Кланета или причинить вред его слугам. И не имеет значения, что эти клятвы вырвали у нас хитростью. Мы дали обет — и он нас связывает. Пока жрец Нергала правит на этой палубе, мы не можем сразиться с ним. Но представь, что Кланет не будет больше править, что другая рука ввергнет его в царство его мрачного повелителя, что тогда?

— Сильная должна быть рука! Где мы найдем такую среди этих морей? А если найдем, как заставить ее подняться на Кланета? — усмехнулся перс.

— Я думаю — вот она, — Кентон опять почувствовал прикосновение Гиги. — Мужество, предан-

ность, сила, быстрый ум и осторожность — у него есть все это. И потом — он может перейти границу!

— Клянусь Ариманом! Это так! — прошептал перс.

— Теперь я дам другую клятву, — сказал Гиги, — и ты сделаешь то же самое. Если его цепи будут разорваны, он легко сможет пройти в каюту Шаран, и, я думаю, ему не составит труда получить назад свой меч.

— Ну и что тогда? — спросил Зубран. — Он все равно будет один против Кланета и всей его стаи. Мы не сможем помочь ему.

— Не сможем, — ответил барабанщик, — но мы не станем ему мешать. Наши клятвы не обязывают нас защищать черного жреца, Зубран. Будь я на его месте, когда разорвались бы мои цепи и я добыл бы меч, я нашел бы способ освободить его друга, который спит теперь рядом с ним. А он, я думаю, сумел бы отвлечь на себя всю стаю, пока этот волчонок, который уже стал взрослым волком, встретился бы с Кланетом.

— Да... — неуверенно заговорил перс, но потом продолжил веселее, — я хотел бы увидеть его свободным, Гиги. По крайней мере, кончится это проклятое однообразие. Но ты дал клятву.

— Клятва за клятву, — ответил Гиги. — Если цепи его будут разорваны, если он добудет меч, если встретится с Кланетом и мы не станем мешать ему и если он убьет Кланета, поклянется ли он стать нам другом, Зубран? Как ты думаешь?

— Почему он должен давать клятву, — спросил Зубран, — если мы еще не освободили его?

— Ты прав, — прошептал Гиги, — но если он даст такую клятву, я освобожу его!

В сердце Кентона вспыхнула надежда, потом закралось холодное сомнение. Не было ли все это ловушкой? Хитростью, чтобы помучить его? Он не пойдет... И все же — свобода!

Гиги опять наклонился к нему.

— Верь мне, Волк, — сказал он тихо. — Клятва за клятву, если согласен — посмотри на меня.

Ему предлагали бросить жребий. Что бы ни случилось, он согласится. Кентон открыл глаза и на мгновение задержал пристальный взгляд на светящихся черных бусинах, которые были сейчас так

близко. Потом опять опустил веки и стал дышать медленно, притворяясь, что крепко спит.

Гиги со смехом поднялся. Кентон слышал, как они прошли вверх по ступеням.

Опять свобода! Неужели это правда? И когда Гиги — если только это не ловушка — когда Гиги освободит его? Долго лежал он так, и пламенная надежда сменялась ледяными душу сомнениями. Неужели это правда?

Свобода! Свобода и — Шаран!

11. Цепи разорваны

Ждать Кентону пришлось недолго. Едва только замер звук усыпляющего рога, как он почувствовал, что кто-то трогает его за плечо. Цепкие пальцы уцепились за ухо, приподняли веки. Перед ним было лицо Гиги. Кентон вынул шелковые затычки, спасающие его от непреодолимого сна.

— Вот как ты это делаешь, — Гиги с интересом стал рассматривать затычки. Он присел рядом с Кентоном.

— Волк, — сказал он, — я хочу поговорить с тобой, чтобы ты смог получше узнать меня. Я буду сидеть здесь, рядом, но сюда может прокрасться кто-нибудь из этих проклятых жрецов. И тогда я сразу же сяду на место Закеля. А ты повернись ко мне лицом и прими то обманчивое положение, которому я столько раз был свидетелем.

Он поставил ногу на скамью.

— Зубран сейчас с Кланетом, они спорят о богах. Зубран, хотя и поклялся служить Нергалу, считает, что этот бог — лишь слабое подобие Аримана, персидского бога тьмы. Он также убежден, что во всей этой войне за корабль, которая ведется между Иштар и Нергалом, нет не только искусности и оригинальности, но отсутствует всякий вкус, а на это никогда бы не пошли его боги; уж если бы они затеяли нечто подобное, они бы все сделали намного лучше. Зубран радуется, видя, что это раздражает Кланета.

Он опять поднялся и посмотрел вокруг.

— Тем не менее, — продолжал он, — в этот раз он спорит с Кланетом, чтобы отвлечь его, а особенно Закеля, на то время, пока мы с тобой разговариваем. Кланету в подобных спорах всегда нужна поддержка Закеля. Я сказал, что не могу слушать их разговоров и побуду здесь, пока они не закончат. А они не закончат, пока я не вернусь, ибо Зубран умен, о, он очень умен, он ожидает, что наш разговор положит конец его невыносимой скуке.

Гиги хитро взглянул на светлую палубу.

— Поэтому не бойся, Волк, — он покачался на своих кривых ногах. — Только когда я уйду, отодвинься в сторону и наблюдай за мной. Если понадобится, я дам тебе знак.

Он отошел вразвалку и уселся на место надсмотрщика. Повинуясь ему, Кентон притворился спящим, вытянув руку на спинке скамьи и положив на нее голову.

— Волк, — вдруг заговорил Гиги, — там, откуда ты пришел, растет кустарник под названием чилкуор?

Потеряв дар речи от такого вопроса, Кентон уставился на него. Но, видимо, Гиги задал вопрос не без причины. Слышал ли он когда-нибудь о таком растении? Кентон напряг память.

— Его листья примерно такой величины, — Гиги показал пальцами расстояние в три дюйма. — Он растет только там, где начинается пустыня, и крайне редко встречается, и это очень печально, очень. Слушай, а может быть, ты его знаешь под другим названием? Может быть, сейчас ты вспомнишь. Надо растолочь бутоны, когда они уже набрали цвет, затем смешать с кунжутovým маслом и медом, добавить немного жженой слоновой кости и намазать этим голову. И втирать — вот так, вот так, — он энергично продемонстрировал все это на своей сверкающей лысине.

— И вскоре, — продолжал он, — начинают прорастать волосы, они растут, как пшеница весной после дождя, и вот — голой макушки уже нет! Свет уже не убегает в испуге, отражаясь от блестящей лысины, а играет в волосах. И опять человек, который недавно был лысым, становится прекрасным в глазах женщин! Клянусь Надаком, клянусь Танитом, приносящим радости! — воскликнул Гиги с вооду-

шевлением. — От этой мази волосы растут! Еще как растут! Они выросли бы даже на дыне, если ее натереть этой мазью. Они, как трава, полезли бы и из этих досок, если их как следует натереть. Так ты не знаешь, о каком растении я говорю?

Пытаясь побороть замешательство, Кентон покачал головой.

— Да, — печально сказал Гиги, — бутон чилкуора обладает такой силой. И потому я ищу его, — он глубоко вздохнул, — чтобы вновь стать прекрасным в глазах женщин.

Он опять вздохнул. Потом, одного за другим, он хлопнул каждого раба по спине кнутом Закеля, всех, даже Сигурда.

— Да, — пробормотал он, — да, они спят.

Темные глаза его блеснули, по губам пробежала усмешка.

— Ты не можешь понять, — сказал он, — почему я говорю о таких мелочах, как кусты, волосы, лысина, тогда как ты лежишь здесь, скованный цепями. Но, Волк, это далеко не мелочи. Это они привели меня сюда. А не будь меня здесь, ты думаешь, мог бы помыслить о свободе? О нет, — сказал Гиги, — жизнь — серьезная вещь, поэтому серьезно все то, из чего она состоит. И поэтому в ней не может быть мелочей. Давай передохнем минутку, Волк, пока ты усваиваешь эту великую истину.

И опять он прошелся кнутом по спинам рабов.

— А теперь, Волк, — продолжал Гиги, — теперь я расскажу тебе, как я попал на этот корабль, и причиной тому были чилкуор, его воздействие на мои волосы и моя лысина. И ты увидишь, что и твоя судьба зависит от всего этого. Волк, когда я был совсем юным — я жил тогда в Найневе, — девушкам я казался необычайно привлекательным. Когда я проходил мимо, они кричали: «Гиги! Гиги, красавчик, малыш! Поцелуй меня, Гиги!»

Голос Гиги звучал жалобно, и это рассмешило Кентона.

— Ты смеешься, Волк, — сказал он, — ну что же, так мы быстрее пойдем друг друга.

Его глаза лукаво сверкнули.

— Да, — сказал он, — так и говорили: «Поцелуй меня». И я целовал, потому что все они казались мне

такими же привлекательными, как и я им. Я становился взрослее, и взаимное притяжение росло. Ты, несомненно, заметил, — сказал Гиги самодовольно, — что у меня необычное телосложение. Когда закончилось мое отрочество, то самое красивое, что у меня было, — это мои волосы. Черные и кудрявые, они спадали кольцами мне на спину. Я заботился о них, надушивал, и девушки, любившие меня, оплетали ими свои пальчики, когда я брал их на руки и поднимал высоко или когда моя голова лежала у них на коленях. Им и мне это доставляло радость.

А потом меня подкосила лихорадка. И когда я выздоровел, все мои волосы выпали!

Он опять вздохнул.

— Одна женщина из Найневе пожалела меня. Это она намазала мне голову мазью из чилкуора, она рассказала мне, как ее готовят, и показала кустарник. Прошли годы, ах, счастливые годы, и вот я опять заболел лихорадкой. И опять мои волосы выпали. Я был тогда в Тире, Волк, и я поспешил вернуться в Найневе. Но добрая женщина уже умерла, и на том месте, где рос кустарник, были теперь пески!

Он опять глубоко вздохнул. Как ни заинтересовался Кентон рассказом, услышав этот грустный вздох, он не смог удержаться от подозрительного взгляда. В словах Гиги ему почудилась какая-то наигранность.

— Потом, когда я решил продолжать поиски, — быстро заговорил Гиги, — до меня дошли слухи, что влюбленная в меня принцесса направляется в Найневе, ко мне. Какой стыд и отчаяние я пережил! Я не мог предстать перед ней лысым. Ибо никто не полюбит лысого!

— Никто не полюбит толстого, — усмехнулся Кентон. Он выразил свою мысль в привычной ему манере, и Гиги ничего не понял.

— Что ты сказал? — спросил он.

— Я сказал, — с серьезным видом ответил Кентон, — что для человека с такими достоинствами, как у тебя, потеря волос должна была иметь в глазах женщины не большее значение, чем потеря птицей одного пера.

— Ты красиво говоришь, — вяло заметил Гиги. — В нескольких словах заключено так много. Конечно, — продолжал он, — я был в отчаянии. Я мог бы спрятаться где-нибудь, но я боялся, что у меня не хватит силы духа, чтобы долго скрываться. Она была прекрасна, Волк. К тому же я понимал, что если она узнает, что я в Найневе, а так оно несомненно случится, она найдет меня. Она была светлокожей, а между светлыми и темными женщинами есть одна разница — последние ждут, когда ты к ним придешь, а первые принимают сами себя искать. И я не мог укрыться ни в каком другом городе — везде были женщины, которые любили меня. Что мне было делать?

— Почему же ты не носил парик? — спросил Кентон. Его так заинтересовал рассказ Гиги, что он позабыл о своих цепях.

— Я же сказал тебе, Волк, что им нравилось оплетать мои волосы вокруг пальцев, — ответил Гиги сурово, — что бы тогда случилось с париком? Нет, нет — парик не для таких женщин. Я скажу тебе, что я сделал. И сейчас ты поймешь, как переплетаются мои волосы с твоей судьбой. Высочайший жрец Нергала в Найневе был моим другом. Я пошел к нему и попросил совершить чудо — сделать так, чтобы моя лысина вновь покрылась волосами. Это привело его в негодование, и он сказал, что он не станет расходовать свое искусство на такие пустяки.

И тогда, Волк, я впервые усомнился в силе этих колдунов. Я видел раньше, как этот жрец совершил чудо. Он вызвал духов, и волосы зашевелились у меня на голове — тогда у меня еще были волосы. Я думал, что ему будет несложно сделать так, чтобы мои, собственные, волосы зашевелились у меня на голове.

Но теперь-то я знаю. Он просто не мог! Я избрал наилучший путь — и попросил его спрятать меня где-нибудь на некоторое время, так, чтобы моя принцесса не смогла отыскать меня, и откуда я сам, несмотря на мое безволие, не мог бы пробраться к ней. Он улыбнулся и сказал, что знает как раз такое место. Он сделал меня слугой Нергала и дал мне одну вещь, благодаря которой, как он сказал, меня узнает и будет ко мне благосклонен некто Кланет.

Он также заставил меня дать клятвы, которые нельзя нарушить. Я с легкостью поклялся, думая, что эти обеты всего лишь временны и что его друг Кланет — это верховный жрец какого-нибудь тайного храма, где я буду в безопасности. Я отправился спать, преисполненный надежд, счастливый, как ребенок. А проснулся — здесь!.. Это мрачная шутка, — гневно проговорил Гиги, — и такой же мрачной местью обернется этому жрецу из Найневе, если я только смогу найти его!.. И с тех пор я здесь, — добавил он, — связан службой Нергалу и не могу пойти на палубу, где обитает этот маленький сосуд радости по имени Саталу, которую я охотно заключил бы в объятия. Я связан клятвами и не могу покинуть корабль, когда он пристает к берегу, ибо я просил укрыть меня в святилище, куда бы не могла пройти моя принцесса и откуда я сам не мог бы уйти.

— Клянусь Тиаматом, повелителем Бездны — я попал в такое святилище! — уныло воскликнул он. — И клянусь Белом, покорителем Тиамата — как и Зубран, я устал от этого!

— Но не будь меня здесь, — добавил он, помолчав немного, — кто бы разбил твои оковы? Этот кустарник и моя лысина, влюбленная принцесса и мое тщеславие — все это привело меня сюда, чтобы, когда придет время, я освободил тебя. Из таких вот нитей сплетают боги наши судьбы.

Он наклонился к Кентону, в его блестящих глазах не было никакой враждебности, в изгибе лягушачьих губ читалась непривычная нежность.

— Волк, ты мне нравишься, — сказал он просто.

— И ты мне, Гиги, — Кентон забыл все свои опасения. — Очень нравишься. И я во всем доверяю тебе, но Зубран...

— Не сомневайся в Зубране, — быстро сказал Гиги. — Его тоже заманили хитростью на этот корабль, и он рвется на свободу еще сильнее, чем я. Когда-нибудь и он расскажет тебе свою историю. Ха-ха! — он засмеялся. — Зубран всегда в поисках нового, а известное ему надоедает. Такова его судьба — попасть в новый, незнакомый мир и увидеть, что он хуже, чем старый. Нет, Волк, не бойся Зубрана. С мечом и щитом он будет рядом с тобой,

пока и это ему не надоест. Но и тогда он останется верен тебе.

Гиги стал серьезным и не мигая смотрел на Кентона, казалось, он вглядывается в его душу.

— Подумай хорошо, Волк, — прошептал он, — преимущества не на твоей стороне. Может быть, нам не удастся помочь тебе, пока Кланет правит здесь. Может быть, ты не сумеешь освободить длинноволосого, что сейчас рядом с тобой. Против тебя будет Кланет, двадцать его слуг и, может быть, сам Нергал! Если ты проиграешь — тебя ждет смерть, долгая и мучительная. Сейчас, прикованный к веслу, ты все-таки жив. Подумай хорошо!

Кентон протянул ему скованные запястья.

— Когда ты разобьешь мои цепи, Гиги? — таков был его ответ.

Лицо Гиги осветилось, черные глаза заблестели, он вскочил, и в ушах заиграли золотые пластины.

— Сейчас! — ответил он. — Именем Сина, Отца богов, именем Шамаша, его сына, и Бела-Победителя — сейчас!

Просунув руки внутрь огромного бронзового кольца на поясе Кентона, он легко раздвинул края, как будто в его руках был воск, а затем разбил замки на запястьях.

— Беги, Волк! — прошептал он. — Беги!

Ни разу не оглянувшись, Гиги зашагал вверх по ступенькам. Кентон медленно поднялся. Цепи упали. Он взглянул на спящего викинга. Как освободить его? И как потом разбудить его, пока не вернется Закель?

Кентон огляделся. На месте, где сидел надсмотрщик, он увидел сверкающий нож с длинным тонким лезвием. Гиги оставил его здесь — для него? Кентон не знал. Зато он знал точно, что теперь может разомкнуть оковы викинга. Он шагнул вперед...

Как много времени прошло, прежде чем он сделал второй шаг.

Туман застилал ему глаза.

Этот туман размыл очертания спящих гребцов, они казались привидениями. И Кентон не видел больше ножа.

Кентон протер глаза и посмотрел на Сигурда. И этот тоже стал призраком!

Он оглядел корабль. Четкие линии бортов таяли под его взглядом. Краем глаза он увидел сверкающее бирюзой море, но вот оно скрылось в тумане, стало таять. Исчезло совсем!

Какое-то мгновение Кентон словно парил в густом тумане, пронзаемом серебряными лучами света. Вот свет погас. Кентон летел в черную пустоту, а вокруг завывали буйные ветра.

Темнота растаяла. Сквозь закрытые веки он чувствовал свет. И он уже не падал. Он стоял, покачиваясь. Кентон открыл глаза...

Он опять находился в своей комнате!

За окнами слышался гул машин, его однообразие нарушалось резкими звуками автомобильных гудков.

Кентон бросился к кораблю. Не считая рабов, там была только одна маленькая фигурка, одна игрушка. Человек стоял на ступенях, ведущих в углубление гребцов, рот у него был раскрыт от удивления, кнут застыл в опущенной руке; каждая напряженная линия его тела выражала безграничное изумление.

Закель, надсмотрщик!

Кентон посмотрел на гребцов. Рабы спали, их весла замерли...

Вдруг он заметил в зеркале свое отражение. Он долго стоял, внимательно разглядывая себя.

Ибо человек, стоявший перед ним, был совсем не тот Кентон, кого унесло из этой комнаты ворвавшееся сюда загадочное море; у него была твердая линия рта, бесстрашные глаза по-соколиному сверкали. На широкой груди играли мускулы — красивые, гибкие и твердые как сталь. Он согнул руки, и на них тоже обозначились выпуклости мышц. Повернувшись, он стал рассматривать спину.

Ее покрывали шрамы, следы укусов кнута. Кнута Закеля...

Закель — игрушка?

Никакая игрушка не могла бы оставить таких шрамов!

И никакая игра не могла так развить мускулы.

Сознание Кентона востребовалось. Он ощутил стыд, страстное желание, отчаяние.

Что подумает о нем Сигурд, когда проснется и увидит, что его нет, Сигурд, которому он поклялся быть братом. Что подумает Гиги — Гиги, с которым

они обменялись клятвами и который, доверяя ему, разбил его оковы?

Отчаяние охватило Кентона. Он должен вернуться! Вернуться раньше, чем Сигурд и Гиги обнаружат его исчезновение.

Сколько времени он здесь? В ответ ему раздались удары часов. Он насчитал восемь. Восемь!

В его привычном мире прошло два часа с тех пор, как он попал на корабль. Всего два часа! И за это время столько произошло? Так изменилось его тело?

А что случилось на корабле за эти две минуты, что он здесь?

Он должен вернуться! Он должен...

Кентон подумал о схватке, ожидавшей его. Мог ли он взять с собой пистолет, когда вернется, если только он мог вернуться? С таким оружием он готов будет сразиться с любыми колдунами черного жреца. Но пистолет находился в другой комнате, в другой части дома. Кентон опять посмотрел на себя в зеркало. Если бы его увидели слуги — вот таким! Они бы не узнали его. Как он объяснит все это? Кто ему поверит?

И они могут выгнать его, выгнать из этой комнаты, где стоит корабль. Закрыть ему единственный путь назад, в мир Шаран!

Он не мог так рисковать.

Кентон опустился на пол и схватил золотые цепи, висевшие на носу корабля, — такие тонкие, такие маленькие были они! Они украшали игрушечный корабль, сделанный из драгоценных камней.

Всю свою волю Кентон сконцентрировал на этом корабле, звал его, приказывал!

Он почувствовал, как золотая цепь шевельнулась в его руке, стала увеличиваться. Дернулась еще, и Кентон почувствовал боль. Цепь все росла. Вот он стал разгибаться в поясице, и опять ему показалось, что кто-то больно тянет каждый его мускул, каждую кость, каждый нерв.

Его ноги оторвались от пола.

Взвыли ветры — но только на одно короткое мгновение. Наконец все стихло, и слышался лишь слабый шелест волн. Кентон чувствовал их соленые поцелуи.

Внизу плескалась лазурь. Вверху поднимался изогнутый нос Корабля Иштар. Но этот корабль совсем не был похож на драгоценную игрушку. Нет! Заколдованный корабль — живое воплощение того маленького символа; реально существующий корабль, где удары настоящие и где подстерегает настоящая смерть, может быть, и сейчас она подкарауливает его где-нибудь совсем рядом!

Цепь, на которой висел Кентон, поднималась вверх и входила в отверстие, похожее на огромный глаз, находившееся между каютой и изогнутым носом корабля. Неподалеку поднимались и опускались огромные весла. Отсюда его не было видно; гребцы сидели спиной к Кентону, и дыры, в которые вставлялись весла, были плотно закрыты толстой кожей, чтобы через них не проникала вода. Скрытый отвесным бортом, Кентон был незаметен и для тех, кто находился на черной палубе.

Медленно, как можно теснее прижимаясь к борту корабля, Кентон осторожно пополз по цепи. Вверх, к каюте Шаран. Вверх, к маленькому окошку, которое открывалось из ее каюты на палубу. Огромная турецкая сабля — нос корабля — скрывала эту часть палубы.

Он двигался медленно, очень медленно, все время останавливаясь и прислушиваясь. Наконец Кентон добрался до отверстия, перекинул ногу через борт и выбрался на палубу. Пробравшись к окну, он прижался к стене каюты. Теперь никто на корабле не мог увидеть его, никто, даже Шаран, если бы ей вздумалось выглянуть в это окно.

Он притаился и стал ждать.

12. Корабль завоеван

Кентон осторожно поднял голову. Цепь, по которой он поднялся, была накручена вокруг грубой лебедки, и к ее концу был прикреплен тонкий крюк, больше похожий на дрек, чем на якорь. Несомненно, что если черный жрец следил за рулем, мачтой и гребцами, то якорем занимались женщины Шаран. Кентон слегка встревожился, заметив дверь в даль-

ней стене каюты, — там располагались девушки-воительницы. Но он подумал, что вряд ли кто-нибудь выйдет сюда, пока корабль не пристанет к берегу. Во всяком случае, ему придется рискнуть.

Через открытое окно до него доносился шум голосов. Кентон услышал презрительный голос Шаран:

— Да, он разбил цепи, как и обещал, а потом сбежал!

— Но, госпожа, — это говорила Саталу, — куда он мог пойти? Быть может, его схватил Кланет?

— Нельзя обмануться в гнев Кланета, — ответила Шаран. — Нельзя обмануться в том, как он избил Закеля плетью. Все это не притворство, Саталу.

Значит, черный жрец избил Закеля. Что ж, это, во всяком случае, была хорошая новость.

— Нет, Саталу, — сказала Шаран, — к чему спорить? Он накопил сил, разбил цепи и сбежал. И доказал этим, что он трус, что я всегда и говорила, но чему никогда не верила — до сегодняшнего дня!

Наступило молчание. Потом опять заговорила Шаран:

— Я устала. Луарда, стой на страже за дверью. Все остальные — идите спать или делайте что хотите. Саталу, расчеши мне волосы, а потом оставь меня.

Снова наступила тишина, продлившаяся на этот раз дольше. Потом раздался голос Саталу:

— Госпожа, ты почти спишь, я уйду.

Кентон еще немного подождал. Подоконник находился примерно на уровне его подбородка. Он осторожно выпрямился и заглянул внутрь. Сначала взгляд его упал на алтарь, украшенный светящимися драгоценностями — жемчугом, лунным камнем, молочным хрусталем. Казалось, внутри каюты никого нет. Не было и огня в семи хрустальных чашах.

Кентон посмотрел вниз. Прямо под ним находилось изголовье широкого ложа, украшенного золотыми арабесками. Уткнув голову в подушки, на нем лежала Шаран, только тонкое шелковое покрывало и поток золотых волос скрывали ее тело. Она плакала, как плачет любая женщина, когда у нее болит душа.

Плакала — из-за него?

Взгляд Кентона привлекло мерцание стали, сияние сапфира. Это был его меч — меч Набу. Он

покаялся, что не примет этот меч из рук Шаран — возьмет сам, без ее помощи. Меч висел низко на стене, прямо над головой Шаран, так близко, что ей достаточно было только протянуть руку, чтобы взять его.

Кентон отступил назад и стал в нетерпении ждать, когда затихнет плач Шаран. Любовь — или страсть — переполняли его, но, как он ни старался, он не мог найти в своем сердце жалости.

Вскоре всхлипывания Шаран стихли. Подождав еще немного, Кентон опять осторожно приблизился к окну. Шаран спала, повернувшись лицом к двери каюты, на ее длинных ресницах все еще дрожали слезы, грудь мягко поднималась и опускалась в размеренном дыхании сна.

Ухватившись за подоконник, Кентон медленно приподнялся, так что его голова и плечи оказались внутри. Он подтянулся еще, и вот его руки коснулись мягкого ковра на полу. Он соскользнул вниз, удерживаясь за подоконник ногами. Медленно, как акробат, он стал опускать ноги. Наконец замер ничком у изголовья кровати Шаран, вытянувшись во весь рост.

Он подождал еще. Ровное дыхание Шаран не изменилось. Кентон поднялся на ноги и скользнул к двери, которая вела в каюту остальных девушек. Оттуда слышался приглушенный гул голосов. Кентон беззвучно задвинул засов на двери. Эти кошечки под замком, сказал он себе, усмехаясь.

Кентон огляделся. На низком сиденье лежал небольшой кусок шелковой ткани, на спинке висел еще один, длиннее, похожий на шарф. Кентон взял маленький и ловко скрутил его — получился подходящий кляп. Потом он взял большой кусок ткани и осмотрел его. Ткань оказалась плотной и крепкой, как раз то, что надо, но этого было недостаточно. Он подошел к стене и снял еще одно такое же полотно.

Кентон на цыпочках приблизился к Шаран. Она беспокойно зашевелилась, как будто почувствовала на себе его взгляд, и стала просыпаться.

Она еще не успела открыть глаза, а Кентон уже сунул ей в рот шелковый кляп. Потом, навалившись на нее всем телом, он резким движением приподнял ее голову и обмотал шарф вокруг, закрыв рот. Концы

шарфа он связал. Так же быстро он приподнял Шаран и длинными концами скрутил ей руки.

Шаран узнала его. Ее глаза гневно засверкали, она вырывалась, стараясь ударить его коленями. Навалившись ей на ноги, Кентон вторым шарфом обвязал ей колени и щиколотки.

Шаран лежала не шевелясь и не спускала с него глаз. Дразня ее, Кентон послал ей воздушный поцелуй. Аккуратно и бесшумно он снял со стен еще несколько полотенец и завернул ее. Потом крепкими веревками привязал получившийся кокон к кровати.

Не обращая больше внимания на спеленутую Шаран, Кентон вышел из каюты. Каким-то образом надо заманить сюда девушку по имени Луарда и сделать ее столь же беспомощной, как и ее госпожа. Он самую малость приоткрыл дверь и заглянул сквозь узкую щелку. Луарда сидела к нему спиной, совсем рядом, устремив взгляд на черную палубу.

Пробравшись назад, Кентон сорвал со стены еще одно покрывало и нашел кусок ткани поменьше, из которого сделал кляп. Потом он опять слегка приоткрыл дверь и позвал девушку высоким тонким голосом:

— Луарда! Госпожа тебя ждет! Быстрее!

Луарда вскочила. Кентон отпрянул и прижался к стене. Ничего не подозревая, девушка открыла дверь, сделала шаг и остановилась как вкопанная, увидев связанную и беспомощную Шаран.

Именно этого Кентон и ждал. Обхватив девушку за шею, он свободной рукой сунул ей в рот кляп, одновременно закрывая дверь ногой. Девушка как змея извивалась у него в руках. Кентон связал ей рот. Она сопротивлялась, пытаясь поцарапать его, обвить свои ноги вокруг его ног. Он сильнее стянул ткань у нее на шее. Девушка перестала сопротивляться, и Кентон связал ей руки. Потом, положив ее на пол, он связал девушке ноги, как и Шаран.

Теперь Луарда была так же беспомощна, как и ее госпожа. Кентон поднял ее, перенес туда, где лежала Шаран, и положил на пол рядом с ложем.

Только теперь, стоя перед Шаран, он снял со стены меч.

В горящих глазах, устремленных на него, Кентон увидел безграничную ярость, но в этом взгляде не было страха.

Тихо засмеявшись, Кентон склонился к Шаран и прижался губами к ее связанному рту, поцеловал ее горящие гневом глаза.

— А теперь, Шаран, — сказал он со смехом, — я покорю корабль и без твоей помощи! А когда я сделаю это, я вернусь и покорю тебя!

Он слегка приоткрыл дверь и оглядел корабль.

На черной палубе сидел Гиги, упершись лбом в край барабана, его руки безутешно обмякли. Вся его фигура выражала такое отчаяние, что Кентону захотелось окликнуть барабанщика. Но это желание пропало, как только он увидел в углублении гребцов голову Закеля.

Кентон присел, и голова его исчезла; теперь он знал, что в таком положении надсмотрщик его не увидит. Привязав меч у пояса, он осторожно выполз из каюты. В каюте женщин Шаран не было двери на палубу, а имелось только окно. Чтобы выйти, женщинам необходимо было пройти через каюту Шаран. Если они почувствуют что-то неладное и обнаружат, что дверь заперта, они несомненно выберутся через окно. Ну что ж, с этим ничего не поделаешь; к тому же Кентон надеялся, что справится со своей задачей раньше, чем охранницы начнут беспокоиться. Если он сможет застать Кланета врасплох в его логове, быстро и бесшумно покончить с ним, то вдвоем с викингом они бы легко справились с остальными, и пусть тогда женщины делают, что им вздумается. Они уже не смогут ни помочь, ни помешать ему.

Прижимаясь к палубе, Кентон подполз к окну и прислушался. Голосов не было слышно. Приподнявшись немного, он осмотрелся; Закеля он не увидел — его загораживала мачта. Не спуская глаз с безутешного Гиги, Кентон встал и заглянул в окно. Восемь девушек спали в каюте, свернувшись на шелковых подушках или положив голову на грудь подруге. Кентон бесшумно закрыл окно.

Он опять приткнулся к палубе и пополз к правому борту. Перекинув тело через борт, какое-то мгновение он висел вверх головой, держась только руками, а ногами нащупывая цепь. Спустившись по ней, он опять ухватился за борт и, цепляясь и перебирая по его образу руками, стал двигаться дальше.

Поравнявшись с мачтой, откуда он собирался нанести свой первый удар, Кентон подтянулся на руках и змеей соскользнул на палубу. Прижавшись к самому борту, он переждал некоторое время, чтобы восстановить дыхание.

Прямо перед ним был Гиги — вот он резко поднял голову от барабана и уставился на Кентона. Уродливое лицо прорезали тысячи морщинок изумления, но в то же мгновение оно опять стало безразличным и неподвижным. Гиги зевнул, поднялся, потом, прикрыв рукой глаза и повернувшись лицом к левому борту, стал внимательно всматриваться, как будто увидел что-то вдалеке.

— Клянусь Нергалом, Кланет должен узнать об этом! — сказал он и заковылял к черной палубе.

Кентон приблизился к краю углубления. Он увидел Закеля, который, привстав со своего места, всматривался вдаль, пытаясь разглядеть, что же так заинтересовало барабанщика.

Одним прыжком Кентон очутился около мачты. Надсмотрщик резко обернулся. Он уже открыл рот, чтобы закричать, и опустил руку, нащупывая кинжал, спрятанный у пояса, когда меч Кентона, просвистев в воздухе, врезался ему в шею.

Голова Закеля скатилась с плеч, рот широко раскрылся, глаза выпучились. В течение трех ударов сердца его тело еще держалось на ногах, обливаемое потоком крови, рука все еще сжимала кинжал.

Тело Закеля стало медленно оседать.

Из-за пояса выпал рожок, Кентон протянул к нему руку, но мертвое тело упало прямо на рожок, раздавив его.

Ни звука, ни выкрика не было слышно со скамей гребцов, они сидели, раскрыв от удивления рты, весла замерли у них в руках.

Кентон принялся искать ключи, чтобы освободить Сигурда. Он отстегнул их от пояса Закеля, вырвал из негнущихся пальцев покойника кинжал и бросился по узкому проходу вниз, к викингу.

— Брат! Я думал, ты ушел! Забыл Сигурда! — лепетал северянин. — Клянусь Одином, великолепный удар! Голова этого пса скатилась с плеч, как будто сам Тор ударил своим молотом...

— Тише, Сигурд! Тише! — В отчаянной спешке Кентон пытался найти в связке ключей тот, который подойдет к кандалам викинга. — Мы должны завоевать корабль... вместе, ты и я... чертовы ключи, где же... Если мы доберемся до логова Кланета до того, как поднимется тревога, возьми на себя жрецов. Кланета оставь мне. Не трогай Гиги и Зубрана, рыжебородого. Они не могут нам помочь, но они поклялись не поднимать на нас руки... помни это, Сигурд... ах...

Лязгнув, наручники раскрылись; разомкнулся и замок большого кольца на поясе Сигурда. Сбросив наручники, северянин вскочил и дернул с себя металлический пояс. Он стоял, и его светлая грива развевалась по ветру.

— Свобода! — взревел он. — Свобода!

— Замолчи! — Кентон зажал ему рот рукой. — Ты что, хочешь, чтобы все они сбежались сюда, пока мы и шага не успели сделать?

Он вложил в руку викинга кинжал.

— Возьми пока это, — сказал он, — потом найдешь себе что-нибудь получше.

— Это! Ха-ха! — засмеялся Сигурд. — Женская игрушка! Нет, Кентон, Сигурд поступит не так!

Бросив кинжал, он схватил огромное весло и вырвал его из уключины. Сигурд резко наклонился вперед, прижимая рукоять весла к борту, слышался треск разламывающейся древесины. Он наклонился назад, опять раздался треск, и в руках Сигурда оказалась огромная дубина длиной десять футов. Держась за сломанный конец, Сигурд стал размахивать ею над головой, цепи с висящими на них наручниками раскачивались, как булавы.

— Пошли! — рявкнул Кентон, подбирая кинжал.

Поднялся страшный шум: рабы, крича, пытались разорвать цепи.

С противоположной палубы послышался резкий визг: это девушки Шаран выбирались через окно.

Кентон сожалел, что теперь не удастся застать черного жреца врасплох. Надеяться можно было только на свои силы — на меч, зубы и когти. Его меч и дубинка Сигурда против Кланета и всей его стаи!

— Быстрее, Сигурд! — закричал Кентон. — На палубу!

— Сначала я, — ответил Сигурд, — я буду тебе щитом!

Оттолкнув Кентона, он бросился вперед. Не успел он взбежать на палубу, как наверху уже столпились бледные рычащие жрецы, в руках у них сверкали мечи и короткие острые кинжалы.

Вдруг под ногой Кентона что-то шевельнулось, и он упал. Посмотрев вниз, он увидел усмехающееся лицо. Кентону помешала отрубленная голова Закеля. Подняв ее за волосы, Кентон размахнулся и швырнул ее прямо в лицо стоявшего впереди жреца. Послышался тупой удар, голова упала и откатилась в сторону.

Жрецы отпрянули. Они не успели вновь собраться с силами, а викинг уже поднялся на палубу и начал теснить их, размахивая дубиной. По пятам за ним шел Кентон, пробираясь к черной каюте.

Восемь черных мантий преграждали им путь. Ударом весла северянин расколотил череп одному из жрецов, словно яичную скорлупу. Не успел он еще раз поднять свою дубину, как двое набросились на него с копьями. Меч Кентона опустился, глубоко вонзаясь в руку, нацеленную в сердце Сигурда. Одним быстрым движением он распорол тело от пупка до подбородка. Викинг схватил второе копье, закрутив, вырвал его из рук жреца и вонзил ему в сердце. Под ударом клинка Кентона упал еще один.

Со всех сторон стекались другие жрецы, вооруженные копьями и мечами, в руках у них были щиты. С криками они приближались.

Сжимая в руках огромный меч, из черной каюты с ревом вырвался Кланет. За ним шли Гиги и перс. Как нападающий бык, черный жрец бросился вперед, прорываясь сквозь круг своих приближенных. Гиги и перс отошли в сторону и, наблюдая, стояли у барабана.

На мгновение замерев перед Кентоном, черный жрец обрушился вниз с такой силой, что разрубил бы Кентона от плеча до бедер, если бы удар достиг цели. Опередив меч Кланета, Кентон отскочил в сторону и ударил своим клинком.

Он почувствовал, как меч глубоко вошел в тело черного жреца!

Кланет вскрикнул и упал. В то же мгновение его слуги бросились к нему и оттеснили от хозяина нападавших. Сигурд и Кентон оказались в кольце.

— Встанем спина к спине! — закричал викинг.

Кентон услышал звук ударов и увидел, как три черные мантии упали, словно подрезанные гигантским серпом. Мечом Кентон расчищал себе дорогу.

Теперь они были совсем рядом с барабаном. Кентон увидел перса, его твердая рука сжимала обнаженный ятаган. Проклиная все на свете, он тяжело дышал, нервно вздрагивал, как собака, которую держат на привязи и не дают вонзить зубы в добычу. Рот Гиги был широко открыт, на губах выступила пена, лицо исказилось, он стоял, вытянув вперед дрожащие руки, сжигаемый тем же желанием.

Кентон знал, что это было желание помочь ему и Сигурду, но нерушимые клятвы удерживали обоих.

Гиги показал куда-то вниз. Проследив за ним взглядом, Кентон увидел, что совсем близко от викинга крадется жрец, вооруженный мечом. Только одно движение — и Сигурд упал бы с перерубленными сухожилиями. Забыв о себе, Кентон рванулся вперед и нанес удар. Голова жреца откатилась прочь.

Но выпрямившись, Кентон увидел, что Кланет опять занес над ним меч!

«Конец!» — подумал Кентон. Прижимаясь к палубе, он успел отползти в сторону.

Кентон не рассчитывал на викинга. Сигурд заметил мгновенную немую сцену между ним и Гиги. Держа весло горизонтально, он с силой ударил Кланета в грудь.

Несмотря на всю свою мощь, черный жрец пошатнулся и стал падать.

— Гиги! Зубран! Ко мне! — закричал он.

Кентон не успел подняться, как на него напали еще двое. Выпустив из рук меч, он схватил кинжал Закеля. Он ударил, тело над ним замерло и рухнуло вниз, как проколотый шар, в тот же момент он почувствовал удар в плечо. Кентон опять ударил не глядя. Хлынула кровь, он услышал какое-то бульканье, и второе тело тоже свалилось.

Схватив меч, Кентон стал медленно подниматься. Из всей стаи Кланета в живых осталось не более

полудюжины. Они отступили, спасаясь от дубины викинга. Сигурд стоял, тяжело дыша. Черный жрец тоже жадно ловил ртом воздух, сжимая рукой то место, куда пришелся удар весла. Меч Набу пронзил его, и из раны лилась кровь, у его ног уже натекла кровавая лужица.

— Гиги! Зубран! — прокричал Кланет. — Схватите этих псов!

Барабанщик злобно взглянул на него.

— Нет, Кланет, — ответил он, — мы не давали клятвы помогать тебе.

Гиги наклонился, мощным плечом приподнял высокий барабан и швырнул его за борт.

Послышался ропот. Кланет стоял, онемев от удивления.

Волны бились о борт — громко и зловеще.

Раздался грозный барабанный бой, как будто зазвучал призыв!

Брум-ррум-рум!

Барабан бился о борт корабля! Поднимаясь на руках волн, он стучал о корабль!

Он призывал Нергала!

Корабль качнулся. На море упала тень. Вокруг Кланета стала сгущаться тьма.

Удары зазвучали яростнее, извиваясь, черный туман сгущался вокруг жреца; началось адское превращение, превращение жреца в страшную суть Повелителя Мертвых.

— Бей! — закричал Гиги. — Быстрее, бей сильнее!

Он бросился за борт.

Кентон кинулся в самую гущу ужасной тьмы, внутри которой находился черный жрец; размахнувшись, он ударил мечом, раздался пронзительный крик боли и ужаса. Это был голос Кланета. Кентон ударил еще раз.

Вдруг он осознал, что не слышит больше барабанного боя, звуки стихли. Кентон услышал крик Гиги:

— Волк, бей еще! Бей сильнее!

Тьма, окружавшая Кланета, рассеялась. Глаза черного жреца были закрыты, рука зажимала рану, из которой струей текла темная кровь.

Кентон поднял меч, но в это мгновение черный жрец взмахнул рукой, и его кровь брызнула Кентону в глаза. Ослепленный, Кентон замер, и черный жрец

бросился на него. Защищаясь, Кентон выставил вперед свой клинок, увидел, как Сигурд нападает на остальных, и услышал хруст костей, переломанных окровавленным веслом.

Меч Кланета оказался сильнее.

Кентон подскользнулся в луже крови и упал. Черный жрец бросился на него и обхватил руками. Они покатались. Кентон видел, как Сигурд с победными криками наносил удар за ударом..

Вдруг Кланет ослабил хватку, и Кентон сумел вырваться, теперь он прижимал жреца к палубе. Руки Кланета разжались, он ослаб и лежал не шевелясь.

Кентон наклонился над ним, потом взглянул на северянина.

— Не твой, — прохрипел он. — Мой!

Он стал нащупывать кинжал. Вдруг тело жреца напряглось, и, как освобожденная пружина, он вскочил на ноги, оттолкнув Кентона.

Не успел викинг поднять свою дубину, как Кланет был уже у борта.

Он бросился в воду!

Примерно в ста футах от корабля плавал барабан, изрезанный ножом Гиги. Через некоторое время голова Кланета показалась рядом, и он ухватился за барабан. При этом прикосновении огромный инструмент начал погружаться в волны, раздался унылый звук, похожий на плач.

Из серебристой дымки возникла тень, сгустившаяся вокруг жреца. Наконец она полностью окутала его и — исчезла! Не было больше ни жреца, ни барабана!

13. Шаран завоевана

Кровь все еще кипела в жилах Кентона. Он огляделся. Черная палуба была покрыта телами; одни погибли под ударами Сигурда, других сразил его меч, везде были груды тел; некоторые еще шевелились, издавая слабые стоны.

Он посмотрел в другую сторону. Побледневшие девушки столпились у дверей каюты.

А у самой границы между двумя палубами стояла Шаран. Она взглянула на него с гордостью, но в ее затуманенных глазах все еще стояли слезы, дрожавшие на длинных ресницах. Светящегося полумесяца не было, исчезла и божественная аура, которая окружала ее, этот живой храм богини, — даже тогда, когда Иштар была далеко.

Шаран была обыкновенная женщина. Нет, совсем юная девушка! Живая и прекрасная...

Гиги и перс подняли Кентона высоко над головами.

— Да здравствует Владыка корабля! — воскликнул Гиги.

— Владыка корабля! — закричал перс.

Владыка корабля!

— Опустите меня, — приказал Кентон. Они повиновались, и Кентон, пройдя к светлой палубе, наклонился к Шаран.

— Владыка корабля! — он рассмеялся. — И твой владыка, Шаран!

Схватив ее изящные руки, он привлек Шаран к себе.

Вдруг раздался крик Гиги, подхваченный персом. Шаран побледнела...

Из черной каюты вышел Сигурд, неся в руках темную статую, окутанную зловещею тенью, которая стояла в святилище Кланета.

— Остановись! — закричал Гиги и бросился к нему. Но он не успел. Сигурд поднял идола над головой и бросил его в волны.

— Последний дьявол! — закричал он.

Корабль задрожал, как будто огромная рука подняла его за киль и начала трясти.

Движение прекратилось. Вода вокруг потемнела.

В глубине черных волн засветилось огненное пятно. Оно росло и расширялось, становясь похожим на огромную грозовую тучу. Взвилось кроваво-красное облако, местами помеченное черным. Оно росло, красный цвет становился все более яростным, черные тени таили угрозу.

Облако кружилось, от него исходили странные лучи, похожие на веер. Это подрагивающее свечение вертелось, как огромное колесо; от него стали отде-

ляться большие черные и красные шары. Они приближались, постепенно разбухая.

Внутри шаров Кентон различил какие-то неясные очертания, фигуры воинов, закованных в броню, сверкавшую черным и алым.

Воины внутри шаров!

Они сидели согнувшись, уперев головы в колени, они были закованы в мерцающую чешую. У них в руках были призрачные мечи, призрачные луки, призрачные копья.

Шары опускались несметными тысячами, приближаясь к поверхности воды.

И наконец лопнули!

Полчища воинов покрыли потемневшую гладь моря. Их полуприкрытые глаза, в которых не было зрачков, казались глазами мертвецов, их лица покрывала смертельная бледность. Перепрыгивая с волны на волну, они бежали по воде словно по полю засохших фиалок. В полной тишине они приближались к кораблю.

— Слуги Нергала! — застонала Шаран. — Воины Черного! Иштар! Иштар, помоги!

— Призраки! — воскликнул Кентон и высоко поднял обгаренный кровью меч. — Призраки!

Но он понимал, что, кем бы ни были эти воины, они представляли опасность.

Первый ряд выстроился на гребнях волн, будто на длинном холме. В руках воины сжимали луки, которые больше не казались призрачными. Вот они подняли длинные стрелы. Раздался резкий звук спущенной тетивы; словно град ударил по кораблю. Несколько стрел прозвенело у мачты, одна упала к ногам Кентона. Стрела была покрыта змеиной чешуей, черной и красной, ее острие вонзилось глубоко в палубу.

— Иштар! Мать Иштар! Спаси нас от Нергала! — молила Шаран.

В ответ на это корабль резко двинулся вперед, как будто невидимая рука подтолкнула его.

Раздались крики воинов, бросившихся догонять корабль, взвилась еще одна туча стрел.

— Иштар! Мать Иштар! — рыдала Шаран.

Нависшая над кораблем тьма раскололась. В самой гуще ее загорелся светящийся шар, опоясанный гирляндами маленьких лун. Из него вырвалось серебристое пламя, живое, трепещущее. Оно коснулось поверхности моря, проникло в воду. Тени сомкнулись, шар исчез.

Лунное пламя опускалось все ниже и ниже. Навстречу ему засверкали другие шары, розовые, серебристые и жемчужные, они переливались и мерцали нежным перламутром, светились мягким розовым светом.

Кентон почувствовал, что там внутри кто-то есть, какие-то существа, тела, нежные и дивные, женские тела, это они освещали каждый шар своей красотой!

Женщины внутри шаров!

Волшебные сферы опускались и, достигнув поверхности тусклого моря, раскрылись.

Женщины вышли. Обнаженные, если не считать волосяных покровов, черных, как полночь, или серебристых, как лунный свет, пшенично-золотых или ярко-рыжих, как маки, они выходили из мерцающих сфер.

Женщины подняли руки — белые и смуглые, похожие на розовые раковины и на светлый янтарь; эти руки манили к себе морских воинов.

Глаза женщин светились, как маленькие самоцветы — синие сапфиры, темные и светлые, бархатно-черные, солнечно-желтые и волшебнo-янтарные, серые, как острие меча, освещенное светом зимней луны.

Пышнотелые и девически стройные, они качались на волнах и зывали к воинам Нергала, манили их к себе.

В их зове слышалось голубиное воркование, жалобный крик чайки, страстный призыв ястреба, сладость и горечь. Услышав этот зов, чешуйчатое войско дрогнуло, остановилось. Натянутые луки опустились, мечи упали в воду, копыта закружились в пучине волн. Мертвые глаза воинов загорелись возделением.

Раздался призывный клич. Воины рванулись вперед к женщинам...

Гребни волн, по которым шло закованное в броню войско, столкнулись с волнами, на которых восседали прекрасные женщины. Закованные в броню руки обняли их обнаженные плечи, а облака волос, темных, лунно-серебристых и пшенично-золотых, окутали черно-красную броню.

Корабль спешил вперед; воины и женщины слились воедино со сверкающим, переливающимся потоком, который уносил их; волны качались и вздыхали, они были душой влюбленного моря.

— Иштар! Возлюбленная Мать! — молилась Шаран. — Хвала Иштар!

— Хвала Иштар! — отозвался Кентон, преклоняя колено.

Поднявшись, он притянул девушку к себе.

— Шаран! — прошептал он. Нежные девичьи руки сплелись у него на шее.

— Господин мой, я молю о прощении, — вздохнула Шаран. — Я молю о прощении! Но как же мне было знать правду, когда ты лежал на палубе? Я думала, что тебе страшно, — а потом ты исчез! Я любила тебя, — и все же откуда мне было знать, что ты так могуществен?

От нее исходило благоухание, и Кентон был буквально потрясен, от близости ее нежного тела у него перехватило дыхание.

— Шаран! — бормотал он. — Шаран!

Их губы встретились, опьянение жизнью загорелось в жилах Кентона, в сладком пламени губ Шаран сгорели все обиды, нанесенные ей Кентоном.

— Я... отдаю себя... тебе, — прошептала Шаран.

Кентон словно вспомнил что-то...

— Нет, Шаран, — ответил он. — Это я беру!

Взяв ее на руки, он шагнул в розовую каюту, захлопнул ногой дверь и задвинул засов.

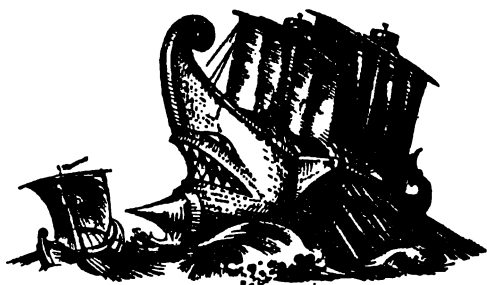
Сигурд, сын Тригга, сидел на пороге розовой каюты. Он чистил меч черного жреца, тихо напевая какой-то древний свадебный гимн.

На черной палубе Гиги и Зубран сбрасывали за борт мертвые тела и прекращали мучения еще не умерших, бросая их вслед за остальными.

Два голубя один за другим вспорхнули с цветущих деревьев и опустились вниз. Продолжая напевать, викинг наблюдал за ними. Вслед за этой парой спустились и остальные. Они ворковали, пытливо склоняя головки набок, шептали и целовались. Выстроившись полукругом перед закрытой дверью каюты, белогрудые голуби с красными клювами и алыми лапками шептались, ворковали, лаская друг друга, и устилали путь, лежавший перед Кентоном и Шаран, белоснежным ковром.

Их повенчали голуби Иштар!

ЧАСТЬ 3

14. Черный жрец продолжает борьбу

— Кентон, мой дорогой повелитель, — шептала Шаран, — даже ты, наверное, не знаешь, как велика моя любовь к тебе!

Они сидели в розовой каюте, голова Шаран склонилась на грудь к Кентону.

Человек, смотревший в это прекрасное лицо, был совсем другим Кентоном. В нем не осталось ничего прежнего. Он стал выше, его лицо и грудь, не закрытая легкой туникой, казались бронзовыми от загара. В бесстрашных голубых глазах смеялась отчаянная дерзость, смешанная пополам с суровой жесткостью. На левой руке Кентона выше локтя светился широкий золотой браслет, на котором Шаран вырезала таинственные знаки. На ногах были надеты легкие сандалии, украшенные магическими символами Вавилона, чтобы ноги Кентона никогда не сбились с тропы любви, ведущей к Шаран, к ней одной.

Сколько же прошло времени с тех пор, как он сразился с черным жрецом, подумал Кентон, крепко обнимая Шаран. Казалось, целая вечность — и как будто это случилось вчера. Сколько же?

Он не знал: в этом мире без времени вечность и вчерашний день сливались воедино.

И Кентону уже было безразлично, сколько времени минуло с того дня.

Корабль плыл вперед, скользил по лазурным волнам, а память о той, другой жизни стиралась и пропадала за горизонтом сознания, как земля скрывается с глаз наблюдателя, стоящего на корабле, который уходит в море. А если Кентон вспоминал о той жизни, душу его охватывал леденящий страх при мысли, что он может перенестись обратно в свой прошлый мир.

Покинуть корабль! Покинуть Шаран, никогда не вернуться!

Корабль шел вперед. Силы зла оставили черную каюту, и теперь здесь жили Гиги, викинг и перс. Сигурд и Гиги управляли двумя огромными веслами, укрепленными на корме и служившими рулем. Иногда в хорошую погоду их сменяли девушки Шаран. В подвале черной каюты викинг обнаружил наковальню, устроил кузницу и выковывал мечи. Один, девяти футов длиной, он выковал для Гиги, и кривоногий великан играл с ним, как с тонким прутиком. Но Гиги больше нравилась булава, которую сделал для него Сигурд: она была такой же длины, как и меч, с огромным бронзовым шаром на конце, утыканным шипами. Зубран не расставался со своим ятаганом. Викинг трудился в кузнице, выковывая более легкое оружие для девушек-воительниц. Он сделал для них щиты и обучил их пользоваться одновременно и мечом и щитом, как это делали викинги в те давние времена, когда плавали на дракарах.

Рассказы о давних временах, а также игры на мечах с Сигурдом, борьба с Гиги, фехтование с Зубраном изменили Кентона.

Вдохновителем этих перемен был Гиги.

— Мы не можем оставаться в безопасности, пока жив Кланет! — говорил он. — Корабль должен быть сильным.

— Мы покончили с Кланетом! — ответил тогда Кентон не без хвастовства.

— Это не так, — сказал Гиги. — Он вернется с огромным войском. Рано или поздно черный жрец вернется.

И вскоре все убедились, что Гиги был прав. На корабле давно уже не хватало гребцов. Однажды, встретив другой корабль, они попросили отдать им одного гребца, капитан согласился, выполнил их желание и в страхе увел корабль прочь.

— Он не знал, что Кланета здесь больше нет, — усмехнулся Гиги.

Но вскоре они повстречали еще один корабль. Капитан, выполняя их требование, не остановил судно, и тогда им пришлось применить силу. Это был небольшой корабль, его быстро догнали и захватили. Капитан рассказал им угрюмо, что Кланет сейчас в Эмактиле, он — Верховный Жрец храма Нергала, а также жрец Святилища Нергала в Доме Семи Богов. И кроме того, черный жрец пользуется особым расположением некоего Повелителя Двух Смертей; это, как они поняли, был правитель Эмактилы.

Капитан рассказал также, что Кланет распространяет слухи, будто корабля Иштар можно не бояться, ибо на нем нет больше Нергала и Иштар, а находятся обычные мужчины и женщины. Сам же корабль надо утопить, а тех, кто находится на борту, захватить в плен. За них Кланетом обещана большая награда.

— И будь мое судно побольше, а команда — многочисленнее, я мог бы претендовать на эту награду, — резко закончил он.

Взяв необходимое, они отпустили его. Но когда корабль был уже на некотором расстоянии, капитан закричал, чтобы они спешили насладиться жизнью, потому что Кланет с многочисленным войском на большом корабле ищет их, и жить им осталось совсем немного!

— Хо-хо, — ворчал Гиги, — о-хо-хо! Кланет ищет нас, вот как. Ну что же, я предупреждал тебя, Волк. Что будем делать?

— Надо пристать к какому-нибудь острову, выбрать удобное место и ждать, — ответил Кентон. — Мы сможем возвести укрепления — так мы встретим его достойнее, чем на море, если, конечно, то, о чем рассказал капитан, — правда.

Мнение Кентона признали разумным, и они стали искать подходящий остров. Сигурд сидел у руля, Гиги, перс и женщины зорко всматривались в горизонт.

— Да, мой дорогой повелитель, даже ты не знаешь, как велика моя любовь, — опять шептала Шаран, обвив шею Кентона руками; в ее глазах свети-

лось обожание. Кентон припал губами к ее рту. Даже сгорая в сладком огне ее прикосновений, он, не замечая своего перерождения, не переставал удивляться, восхищаясь этой перерожденной Шаран. Любовь изменила Шаран с тех пор, как он впервые внес ее в этот приют; когда она стала наградой, завоеванной им по праву сильнейшего.

Мгновенно нахлынули воспоминания — образ покоренной Шаран, картина таинственного чуда, которое ярким пламенем разгорелось над алтарем и огненными узами сплело их души воедино, соединив их нитями обжигающих экстазов!

— Скажи мне, о мой повелитель, как ты меня любишь, — томно шептала Шаран.

Вдруг раздался громкий голос Сигурда:

— Будите рабов! Опустите весла! Начинается шторм!

В какие стало темнее, Кентон услышал пронзительный звук свистка, крики и топот ног. Он разомкнул объятия Шаран, поцеловал ее, и этот поцелуй заключил в себе больше, чем можно было выразить словами. Кентон вышел на палубу.

Небо быстро темнело, его раскалывали резкие вспышки молний. Подобно ударам цимбал, гремел гром. Завывал ветер.

Парус спустили. Подгоняемый сильным ветром, корабль летел вперед. У руля сидел Сигурд.

Хлынул дождь. Корабль стремительно двигался сквозь завесу воды; тьма окружала его, вспышки молний пронизывали черноту мириадами разноцветных прозрачных змей, вытянувшимися до моря.

Резкий порыв ветра накренил корабль. Дверь каюты Шаран распахнулась. Пошатываясь, Кентон подошел к Гиги и крикнул женщинам, чтобы они шли внутрь. Он смотрел, как они, спотыкаясь, уходят.

— Зубран и я останемся на вахте, — крикнул он в самое ухо Гиги. — А ты иди и помоги Сигурду.

Но не отошел Гиги и на ярд, как ветер стих так же внезапно, как и поднялся.

— Направо! — Кентон услышал крик Сигурда. — Посмотрите направо!

Все трое бросились к правому борту. Посреди тьмы, словно далекий прожектор в тумане, тусклым

светом мерцало большое круглое пятно. Оно быстро уменьшалось, одновременно разгораясь все ярче.

Ослепительный луч прорвал туман, пробежал по бурным волнам и осветил корабль. Кентон успел заметить два ряда весел, которые с огромной скоростью несли прямо на них гигантское судно. В носовой части виднелся таран, и его заостренный конец делал корабль похожим на атакующего носорога.

— Это Кланет! — взревел Гиги и бросился к черной каюте. Зубран поспешил за ним.

— Шаран! — закричал Кентон и побежал к девушке.

Корабль резко повернул, его накренило так сильно, что через левый борт полилась вода. Кентон не мог удержаться на ногах и кувырком скатился к борту, на какое-то мгновение замерев на месте.

Маневр Сигурда не мог спасти корабль. Галера тоже сменила курс и двигалась теперь параллельно с кораблем, пытаясь уничтожись его весла с правого борта. Викинг хотел избежать удара, но на атакующем судне находилось множество гребцов, и скорость была слишком велика, чтобы с ним могли соперничать весла корабля Иштар. Взлетая, весла обрушивались на воду, и галера неслась вперед. Ее тяжелый борт ударил по кораблю, и весла раскрошились, как спички!

Пошатываясь, Кентон поднялся. К нему уже бежал Гиги с булавой, за ним Зубран, у которого в руках сверкала сабля. Бросив ненужный теперь руль, к ним присоединился Сигурд, держа в руке щит и высоко подняв свой огромный меч.

С появлением Сигурда слабость Кентона сняло как рукой. Викинг протянул ему щит, Кентон вынул свой меч.

— К Шаран! — задыхаясь, произнес он, и они побежали.

Но они не успели защитить каюту. Множество закованных в броню воинов, вооруженных короткими мечами, опередили их. Спустившись с галеры на корабль, они загородили проход к каюте. А за ними двигались еще многие десятки.

Взвилась вверх гигантская булава Гиги, нанося первые удары. Голубой клинок Набу, ятаган Зубрана, меч Сигурда взмывали и обрушивались, рубили и

кололи. В мгновение ока все вокруг стало красным от крови!

Но соратники не могли сделать и шага вперед, потому что другой воин занимал место убитого, а с галеры спускались все новые и новые.

Просвистела стрела, задрожав в щите Сигурда. Потом другая, пролетев, задела плечо Зубрана.

Раздался рев Кланета:

— Никаких стрел! Черноволосого пса и рыжего взять живыми. Остальных, если надо, убейте мечами!

Воины с галеры окружили их. Сомкнувшись спинами, все четверо продолжали драться. Облаченные в броню воины один за другим падали на палубу. Груды мертвых тел росли. Струйки крови сочились из голубой раны на волосатой груди Гиги. Кровоточили многочисленные порезы Сигурда. Но Зубран был невредим, если не считать раны от стрелы. Он бился молча, тогда как Сигурд, нанося удары, пел и кричал, а Гиги, когда его огромная булава крошила кости и рвала жилы, смеялся.

Но все равно прочная стена преграждала путь к Шаран.

Что с ней? Сердце Кентона оборвалось. Он бросил быстрый взгляд наверх, на галерею. Шаран стояла там вместе с тремя девушками. Сжимая в руках мечи, они отбивались от воинов, пробравшихся сюда по толстым доскам, перекинутым с галеры.

В то самое мгновение, когда Кентон поднял глаза, его поразил вражеский меч. Кентон упал бы, если бы не поддержка викинга.

— Держись, брат! — услышал Кентон. — Вот мой щит. Переведи дух!

На корабле Кланета раздался победный крик. С палубы протянули два длинных шеста с туго натянутыми веревками. Веревки распустились, и сеть накрыла Шаран и трех девушек!

Они пытались разрезать нити, но сеть затянули, и женщины бились внутри, как бабочки. Сеть сомкнулась, и шесты стали медленно подниматься, доставляя груз на корабль!

— Эй, Шаран! — издевался Кланет. — Эй! Сосуд Иштар! Добро пожаловать на мой корабль!

— Боже! — простонал Кентон. Ярость и отчаяние удвоили его силы, он бросился в атаку. Под его

натиском воины отступили. Он рвался вперед. Вдруг что-то закружилось в воздухе и ударило его в висок. Он упал. Вокруг него толпились воины Кланета, они хватали его за руки, за ноги, пытались задушить.

Внезапно что-то отшвырнуло их в сторону. Кентон лежал между кривыми ногами Гиги, булава которого свистела; люди падали, сраженные ее ударами. Кентон с трудом поднял голову. Сигурд защищал его справа, Зубран слева и сзади.

Он посмотрел вверх. Сеть, в которой были женщины, опустилась на палубу галеры.

Кентон опять услышал рев Кланета:

— Добро пожаловать, прекрасная Шаран! Добро пожаловать!

Пошатываясь, он встал, вырвался из рук викинга и двинулся вперед — к ней.

— Схватить его! — раздался крик черного жреца. — Тому, кто поймает его живым, дам столько золота, сколько он весит!

Воины Кланета окружили Кентона, отесняя его назад. Между ним и тремя его защитниками завертелся новый водоворот людей, которые падали, сраженные булавой, мечом и саблей, но на их место вставали другие — они вклинивались в самую гущу битвы, неуклонно отдаляя Кентона от его товарищей.

Кентон прекратил борьбу. В конце концов он сам этого хотел. Это было самое лучшее. Они схватят его — и он будет с Шаран!

— Держите его! — взревел Кланет. — Пусть эта шлюха увидит его!

Чьи-то руки высоко подняли его. Он услышал плач Шаран...

Вдруг голова его закружилась, казалось, какой-то водоворот подхватил его и уносит все дальше, дальше!

Он успел заметить, что Сигурд, перс и Гиги пристально смотрят на него, на их окровавленных лицах начертано недоумение. И они больше не ведут борьбу. Он увидел другие лица, множество лиц, и все они с тем же недоумением смотрели на него, хотя теперь в них появился еще и страх.

Казалось, что они смотрят на него, находясь на краю какой-то огромной воронки, в которую он падает!

Руки, сжимавшие Кентона, растаяли, лица исчезли. — Гиги! — позвал он. — Сигурд! Зубран! Помогите! Вместо ответа Кентон услышал завывание ветров. Потом раздался трубный звук и — стих. Звук этот что-то напоминал Кентону. Кентон слышал его в той, другой жизни — давно, очень давно! Что это? Звук стал громче, повелительней, резче..

Сигнал клаксона!

Вздвогнув, Кентон открыл глаза.

Он увидел свою комнату!

Перед ним стоял сверкающий драгоценностями корабль — игрушка!

Раздался стук в дверь, послышался беспокойный шум взволнованных, испуганных голосов.

Потом — срывающийся голос дворецкого Джевинса, охваченного паникой:

— Мистер Джон! Мистер Джон!

15. Спускаясь по нитям звуков

Поборов приступ слабости, Кентон протянул дрожащую руку, чтобы выключить свет.

— Мистер Джон! Мистер Джон!

Старый слуга стучал в дверь, дергал за ручку, в его голосе слышался страх.

Держась за стол, чтобы не упасть, Кентон собрался с силами и заговорил:

— Что случилось, Джевинс.. — Он хотел, чтобы его напряженный голос звучал легко и естественно. — В чем дело?

Он услышал слабый вздох облегчения, перешептывания слуг. Опять заговорил Джевинс:

— Я проходил мимо и услышал, как вы вскрикнули, сэр. Ужасный крик. С вами все в порядке?

Кентон собрал все силы, чтобы побороть мучительную слабость, и заставил себя рассмеяться.

— Да, конечно, — я просто уснул. Увидел страшный сон. Не волнуйтесь, идите спать.

— Ах, вот оно что..

Явное облегчение слышалось в голосе Джевинса, и все же сомнения не оставляли его. Джевинс не уходил, в нерешительности перетаптываясь за дверью.

Прозрачная красноватая пелена застилала Кентону глаза. Ноги его подкосились, он едва не упал. С трудом добравшись до кровати, он опустился на нее. Внезапный страх охватил Кентона, ему захотелось позвать Джевинса, приказать ему взломать дверь. Но что-то подсказывало ему, что этого делать нельзя, он должен сражаться в одиночку, если только хочет ступить на палубу корабля вновь!

— Идите, Джевинс! — крикнул он резко. — Черт возьми, я ведь просил оставить меня в покое! Убейтесь!

Слишком поздно он понял, что никогда раньше не говорил в таком тоне со старым слугой, который любил его, как родного сына. Неужели он выдал себя и подозрения Джевинса превратились в уверенность? Страх заставил его заговорить вновь.

— Со мной все в порядке! — Он с трудом засмеялся. — Конечно, все в порядке!

Если бы не этот туман перед глазами! Что же это такое? Кентон провел рукой по лбу. Увидев на ладони кровь, он тупо уставился на свою руку.

— Ну что ж, хорошо, мистер Джон. — Сомнения больше не было, в голосе Джевинса были только любовь и преданность. — Но услышав, как вы кричите...

О Боже, неужели он никогда не уйдет? Скосив глаза, Кентон осмотрел руку. До самого плеча она была красной от крови. Кровь капала с пальцев.

— Всего лишь страшный сон, — добавил он тихо, прервав поток собственных мыслей. — Я не буду спать, пока не закончу дела и не лягу в постель, так что идите.

— Тогда спокойной ночи, мистер Джон.

— Спокойной ночи, — ответил Кентон.

Он сидел, преодолевая слабость, до тех пор, пока шаги Джевинса и остальных не замерли вдалеке. Потом он попытался подняться. Но силы оставили его. Кентон упал на колени. Ползком он добрался до маленького шкафчика, с трудом открыл дверцу и вынул бутылку коньяка. Поднеся бутылку ко рту, он сделал большой глоток. Огненный поток пробежал по всему телу, придавая силы. Кентон поднялся.

Почувствовав внезапную резкую боль в боку, Кентон зажал рану рукой. Тонкие теплые струйки сочились сквозь пальцы.

Он вспомнил — его ударил мечом один из воинов Кланета!

В памяти вспыхивали картины случившегося: дрожание стрелы в щите викинга, булава Гиги, немое изумление воинов, сеть, брошенная на Шаран, удивленные лица...

И потом — это!

Кентон снова взял бутылку. Не успев поднести ее ко рту, он замер, напрягая каждый нерв, каждый мускул. Прямо перед собой он увидел очертания какого-то человека, мужчины, с ног до головы забрызганного кровью. На него смотрело волевое, свирепое лицо, в глазах сверкала угроза, на залитые кровью плечи ниспадали длинные спутанные пряди черных волос. Кровью сочилась рана, рассекавшая лоб. Мужчина был голым до пояса: от левого соска до самого бока тянулась глубокая кровоточащая рана, обнажающая ребра!

Окровавленный, грозный, вселяющий ужас всем своим видом, на Кентона смотрел какой-то оживший призрак пиратского корабля, несущего смерть.

Но что это! В его лице было что-то знакомое — глаза! Взгляд привлекло золотое мерцание на правой руке незнакомца. Браслет. И Кентону был знаком этот браслет...

Свадебный подарок Шаран!

Кто стоял перед ним? Мысли Кентона путались, он не мог думать, рассудок охватило какое-то оцепенение, красная пелена застилала глаза, мучительная слабость валила с ног.

Внезапная ярость обуяла Кентона. Он размахнулся, чтобы швырнуть бутылку прямо в это дикое, свирепое лицо.

Человек напротив тоже поднял левую руку, сжимая точно такую же бутылку...

Это был он сам, Джон Кентон, его отражение в длинном зеркале на стене. Этот залитый кровью, израненный, охваченный яростью человек был он сам!

Часы пробили десять.

В Кентоне произошла мгновенная перемена, как будто удары часов были магическим заклинанием. В голове прояснилось, вернулись воля и решительность.

Он сделал еще один глоток и, не глядя в зеркало, не оборачиваясь, чтобы посмотреть на корабль, пошел к двери.

Уже взяв в руки ключ, он остановился в раздумье. Нет, так не пойдет. Выходить в холл было слишком рискованно. Джевинс, наверное, все еще где-нибудь поблизости, и другие слуги могут заметить Кентона. А если он сам не узнал себя, что подумают они, когда его увидят?

Кентон не мог выйти из комнаты, не мог принести воды, чтобы промыть раны и смыть кровь. Придется довольствоваться тем, что есть под рукой.

Он вернулся к шкафчику, по дороге сорвав со стола скатерть. Нога задела какой-то предмет. На полу лежал меч Набу. Он больше не светился голубым, а весь был залит кровью, как и сам Кентон.

Оставив меч на полу, Кентон вылил на ткань немного коньяка, чтобы промыть раны. Потом достал аптечку, где хранились бинты и йод. Закусив от боли губу, Кентон залил йодом глубокую рану на груди, смазал порез на лбу. Из корпии он сделал повязки и перетянул обе раны. Кровотечение остановилось. Жжение йода стало стихать. Кентон опять оглядел себя в зеркале.

Пробила половина одиннадцатого.

Половина одиннадцатого! Сколько было времени, когда он усилием воли вызвал корабль, взяв в руки золотые цепи, которые подняли его и перенесли из этой комнаты загадочный мир?

Было девять!

Прошло всего полтора часа! Но в том, другом мире, где время не существует, он побывал уже рабом и завоевателем, дрался в сражениях, покори корабль и женщину, которая смеялась над ним, а потом полюбила, и наконец стал таким, какой он теперь!

Не прошло и двух часов!

Взяв меч, Кентон подошел к кораблю. Рукоятку он вытер, но клинок не тронул. Прежде чем Кентон решился взглянуть на корабль, он осушил бутылку.

Сначала он посмотрел на каюту Шаран. Цветущих деревьев, казалось, стало меньше. Сорванная с петель дверь лежала рядом, окна были разбиты. На крыше, опустив головки, тосковали голуби.

Всего четыре весла вместо семи оставалось на каждом борту. Из двадцати восьми гребцов осталось десять, на загребных веслах сидели по двое, на остальных — по одному.

Правый борт покрывали глубокие выбоины, следы ударов галеры; корабль Иштар все так же плыл неведомо куда в этом неизвестном мире, из которого Кентон был вырван неведомой силой.

У руля стояла маленькая фигурка — игрушка, управляющая игрушечным кораблем. Это был мужчина с длинными светлыми волосами. У его ног сидели еще двое — один с обезьяньими руками и лысой блестящей головой, другой — рыжебородый, с агатовыми глазами — держал на коленях сверкающий ятаган.

Депрессия охватила Кентона, он почувствовал себя оторванным от самого дорогого; так страдала бы человеческая душа, покинутая всеми на какой-нибудь незнакомой звезде на краю Вселенной.

— Гиги! — простонал Кентон. — Сигурд! Зубран! Возьмите меня к себе!

Наклонившись, он нежно гладил фигурки, согревая их теплым дыханием, как будто пытаюсь оживить их. Он задержался на Гиги — Кентон инстинктивно чувствовал, что тот сильнее и может помочь ему. Сигурд был мужественным, Зубран — проницательным, но в жилах кривоногого великана текла сила земных богов, сила радостно-юной земли, древняя неузнанная сила, давно уже утраченная людьми.

— Гиги! — прошептал он, наклонясь к самому лицу фигурки. — Гиги, Гиги! Ты слышишь меня?

Кажется, фигурка передвинулась?

Чей-то крик нарушил его сосредоточенность. Мальчишки — продавцы газет со своими дурацкими новостями, которые считаются важными в этом нелепом мире, где он чувствует себя изгнанником! Этот крик разорвал тонкие и хрупкие нити, которые уже стали протягиваться между ним и фигурками. Кентон выпрямился, ругаясь. Вдруг в глазах у него потемнело, и он упал. Сказалась огромная потеря

сил, опять подкралась предательская слабость. Кентон дотянулся до шкафчика, отбил горлышко второй бутылки и вылил в рот половину ее содержимого.

Подстегнутая кровь шумела в ушах, возвратившаяся сила разливалась по телу. Кентон выключил свет. Сквозь тяжелые шторы с улицы проник тонкий луч, очертив силуэты трех фигурок. Еще раз Кентон собрал всю свою волю.

— Гиги! Это я! Я зову тебя! Гиги! Ответь! Гиги!

Фигурка пошевелилась, вздрогнула, подняла голову.

Откуда-то издалека до него донесся голос Гиги, слабый, холодный, как острое ледяного ножа, нарисованного морозом на стекле, призрачный и неживой, — казалось, он долетал из неизмеримых далей.

— Волк, я тебя слышу! Волк! Где ты?

Кентон ухватился за эту ниточку звука, как будто она была канатом, протянутым для него над бездной.

— Волк! Или сюда! — голос зазвучал громче.

— Гиги! Помоги мне, Гиги!

Два голоса — тот, далекий и слабый, и его собственный — встретились и слились воедино. Они протянулись над пропастью, разделявшей Кентона и то неведомое измерение, в котором существовал корабль.

Наконец маленькая фигурка выпрямилась, и голос Гиги раздался громче:

— Волк! Иди сюда! Мы слышим тебя! Иди к нам!

И следом — как заклинание:

— Шаран! Шаран! Шаран!

Влекомая звучанием любимого имени, воля Кентона яростно устремилась вперед.

— Гиги! Гиги! Зови меня!

Кентон больше не видел комнаты. Далеко-далеко внизу был корабль, а сам Кентон превратился в маленькую частичку жизни, парящую в пустоте, рвущуюся к кораблю и зовущую, молящую о помощи. Нить звука, связавшая их, натянулась и дрожала, как паутина. Она удерживала Кентона в своих сетях и опускала его вниз.

Корабль начал расти, он был еще окутан дымкой, но становился все больше и больше, и Кентон все ниже и ниже спускался по нитям звука ему навстречу. Эти нити становились крепче, потому что другие

звуки вплетались в них — пение Сигурда, выкрики Зубрана, шелест ветра, похожий на звучание арфы, монотонное бормотание разбивающихся волн, читающих свои молитвы по четкам морской пены.

Корабль приближался. В какое-то мгновение на его фоне проступили дрожащие очертания комнаты Кентона. Казалось, они хотят заслонить корабль, поглотить его. Но корабль вырвался, вызывая к Кентону голосами его товарищей, голосами ветра и моря, слитыми воедино.

— Волк! Ты где-то рядом! Иди сюда! Шаран! Шаран! Шаран!

Призрачный силуэт обрел плоть и поглотил Кентона.

Руки Гиги протянулись к нему, схватили и вырвали из чужой материи.

В этот момент Кентон увидел кружение хаоса, услышал рев и вой, как будто другой мир уходил у него из-под ног, уносимый сильными ветрами!

Он опять стоял на палубе корабля.

Гиги крепко прижимал его к своей волосатой груди, Сигурд обнимал за плечи, Зубран, выкрикивая от радости замысловатые персидские ругательства, сжимал руки Кентона, вцепившиеся в спину Гиги.

— Волк! — проревел Гиги, и слезы заполнили глубокие морщины на его лице, — Где ты был?

— Неважно! — ответил Кентон со слезами в голосе. — Неважно, где я был, Гиги. Я вернулся! О, слава Богу, я вернулся!

16. Пополнение

Слабость одолевала Кентона, напряжение и раны истощили его. Он очнулся в каюте похищенной Шаран. Его раны недавно перевязали. На Кентона смотрели трое мужчин и четыре девушки. В их лицах не было упрека, а застыло любопытство, сдерживаемое благоговейным страхом.

— Должно быть, это очень странное место, — то, где ты был, Волк, — наконец произнес Гиги. — Посмотри! Рана у меня на груди уже зажила, порезы Сигурда — тоже, а твои — как будто совсем свежие.

В самом деле, Кентон увидел, что от раны Гиги остался только красный рубец.

— И ушел ты от нас необычно, брат, — громко произнес викинг.

— Клянусь огнем Ормузда, — заговорил перс, — это было прекрасно. Это помогло нам. Король Цирус учил, что хороший генерал всегда знает, как надо отступать, чтобы спасти свое войско. А твое отступление, друг, было поистине совершенным. Если бы не твое умение, нас бы сейчас здесь не было.

— Это не было отступлением! Это произошло помимо моей воли, — прошептал Кентон.

— Ну что ж, — перс в нерешительности покачал головой, — как бы там ни было, мы спаслись благодаря тебе. Ты был в лапах этих поганных псов, а через секунду ты превратился в тень. И потом даже тень вдруг исчезла!

— Как взвыли эти поганные псы и бросились бежаты! — засмеялся Зубран. — И те, что нападали на нас, тоже разбежались, они бросились в свою конуру, на галеру, несмотря на все проклятья Кланета. Они очень испугались, друг, да и я тоже, на какую-то минуту. Потом их весла погрузились в воду, и они поспешили прочь, а проклятья Кланета все еще доносились до нас, даже когда галеры уже не было видно.

— А Шаран? — простонал Кентон. — Что они с ней сделали? Где она?

— Я думаю, она в Эмактиле, на острове Колдунов, — ответил Гиги. — Не бойся за нее, Волк. Черным жрецам нужны вы оба. Кланету мало будет просто убить тебя или замучить ее — нет, надо, чтобы твои глаза смотрели на ее муки и чтобы она видела твои агонии. Нет, пока он не добрался до тебя, Шаран в безопасности.

— Она, конечно, несчастна, и ей плохо живется, но жизнь ее, несомненно, в безопасности, — подтвердил перс.

— Трех девушек они забрали вместе с Шаран, — сказал Сигурд. — Трех убили. Остались вот эти четыре.

— Они забрали Саталу, мой маленький сосуд радости, — горько сказал Гиги. — И за это Кланет тоже ответит, когда придет расплата.

— Половина рабов погибла, когда галера налетела на нас, — продолжал викинг. — Одним веслами переломало ребра и спины, другие умерли спустя некоторое время. А этот чернокожий, которого мы посадили на место Закеля, — ну и герой! Он сражался там, внизу. У нас теперь осталось всего восемь весел. Чернокожий тоже гребет, но он не прикован. Когда у нас будут новые рабы, он опять станет надсмотрщиком, и его будут почитать.

— Я вспомнил, — опять заговорил Гиги, возвращаясь к тому же, — когда я вытащил тебя из воды, в тот день, когда ты сражался со жрецами Кланета, твои раны, что нанесли тебе девушки, тоже были совсем свежими. А ведь прошло уже много времени, и они должны были зажить. И опять твои старые раны кровоточат, словно свежие. Да, это, видимо, странное место — откуда ты пришел. Волк, там совсем нет времени?

— Это ваш собственный мир, — ответил Кентон. — Вы все — оттуда.

Они в молчании смотрели на него; Кентон вскочил.

— Плыдем в Эмактилу! Сейчас же! Искать Шаран! Мы должны освободить ее! Когда мы пойдем, Гиги? Когда?

Внезапно рана его открылась, и он упал в полном изнеможении.

— Сначала пусть зарубцуются твои раны, — сказал Гиги и начал снимать пропитавшиеся кровью повязки. — К тому же мы должны подготовить корабль к такому путешествию. Найти гребцов. А теперь лежи тихо, пока не поправишься. Кланет не причинит Шаран никакого вреда, пока остается надежда поймать тебя. Это говорю тебе я, Гиги. Поэтому не тревожься.

Для Кентона потянулось нетерпеливое ожидание. Находиться здесь, тогда как черный жрец, возможно, несмотря на уверения Гиги, изливает все свое мщение на Шаран! Это было невыносимо. У Кентона началась лихорадка. Его раны оказались более серьезными, чем он предполагал. Гиги ухаживал за ним.

Лихорадка прошла, и когда Кентон несколько окреп, он рассказал Гиги о мире, который они оставили, о произошедшем в нем в течение тех долгих

веков, что они плавали на этом корабле, не зная времени, о машинах и войнах, о новых законах и обычаях.

— Значит, нет больше викингов, — задумчиво произнес Сигурд. — Мне теперь ясно, что там нет места для меня. Сигурду, сыну Тригга, лучше всего окончить свои дни здесь.

Перс кивнул.

— И для меня там нет места, — отозвался он. — Ибо для человека с изысканным вкусом жить в таком мире, кажется, невозможно. Мне не нравятся ваши правила ведения войны, и я не смог бы к этому привыкнуть, да, я — воин очень старой выправки.

Даже Гиги задумался.

— Мне бы, наверное, там не понравилось, — сказал он наконец. — Все совсем не так. И мне кажется, Волк, ты рискуешь своей свободой и жизнью, вырываясь из того мира в этот.

— Эти новые боги совершенно глупы, — уверенно произнес Зубран. — Они ничего не делают. Клянусь Девятью Преисподними, здешние боги тоже глупы, но они все же чем-то заняты. Хотя, возможно, лучше вообще ничего не делать, чем много раз повторять одну и ту же глупость, — размышлял он.

— Когда мы найдем женщину Кентона и убьем черного жреца, — сказал Сигурд, — я поселюсь на каком-нибудь из этих островов. Я найду себе сильную жену и буду растить потомство. Я научу своих детей строить корабли, и мы будем ходить в походы, как и раньше. Ура! Да здравствуют драконы с красными воронами на парусах и с черными воронами, летящими впереди! — кричал Сигурд.

— Скажи, брат, — обратился он к Кентону, — когда ты найдешь свою женщину, ты поселишься рядом со мной? И Зубран найдет себе жену, и Гиги, если только он не слишком стар. Мы будем растить детей, с нами рядом поселятся другие люди, и, клянусь Одином, мы все могли бы стать старейшинами нового мира!

— Мне это не очень нравится, — быстро отозвался перс. — Для того чтобы вырастить сильных сыновей, которые могли бы сражаться вместе с нами, потребуется много времени. Нет, когда мы покончим с Кланетом, я вернусь в Эмактилу, где меня, я

думаю, уже ждут. Я уверен, там есть недовольные, которых можно поднять на борьбу. Если их окажется мало, что ж, вызвать недовольство в человеке проще простого, это гораздо легче, чем растить сыновей, Сигурд. А я хороший воин, сам король Цирус говорил так. С войском недовольных я захвачу гнездышко короля и сам буду править в Эмактиле! А потом, смотри, Сигурд, не нападай на мои корабли!

Так они беседовали, рассказывая Кентону о своей жизни, и рассказы их казались ему настолько же странными, насколько его истории удивляли их. Раны Кентона заживали быстро, и вскоре на их месте остались лишь красные рубцы. Силы вернулись к Кентону.

Покуда Кентон выздоравливал, они стояли на якоре в маленькой бухте золотистого острова. Скалистое устье бухты оказалось настолько узким, что корабль едва смог пройти в него. Место было вполне безопасным — оно укрывало и от преследования, и от вражеских глаз. Тем не менее корабль скрывался за высоким скалистым берегом, резко обрывавшимся в воду. Над самой палубой шелестела густая листва.

Настало время, когда Кентон почувствовал небывалый прилив сил. Он прошел на корму, где, растянувшись на палубе, беседовали Сигурд, Гиги и перс. В сотый раз остановился он, чтобы взглянуть на странный компас, который указывал путь в этом мире, где не было ни солнца, луны и звезд, ни востока и запада, севера и юга. На деревянной подставке покоилась серебряная чаша, накрытая толстой хрустальной пластиной. По краям чаши были выложены шестнадцать клиновидных алых знаков. Со дна вертикально вверх поднималась тонкая игла, от острия которой отходили голубые стрелки, сделанные в форме змей. Та, что побольше, всегда указывала на Эмактилу, куда, если верить Гиги, черный жрец увез Шаран. Вторая стрелка указывала направление к ближайшей суше.

Как всегда, Кентон терялся в догадках, какие таинственные токи вызывали движение стрелок в этом мире, где не знают полюсов, какие магнитные течения исходят от разбросанных в море островов и притягивают маленькую стрелку. А что такое постоянное притяжение Эмактилы, которое управляет

большой? Какая-то более мощная сила, нежели та, что притягивает стрелку земного компаса.

Внезапно он увидел, что маленькая голубая стрелка завертелась и остановилась параллельно большой, — обе показывали на остров Колдунов!

— Это знак! — воскликнул Кентон. — Смотри. Сигурд! Гиги, Зубран, смотрите!

Все наклонились над компасом, но за этот краткий миг маленькая стрелка передвинулась, и теперь опять показывала на их остров.

— Знак? — спросили они удивленно. — Какой знак?

— Обе стрелки показывали на Эмактилу! — объяснил Кентон. — К Шаран! Это был знак, призыв! Мы должны идти! Быстрее, Гиги, Сигурд, снимаемся с якоря, мы идем в Эмактилу!

В сомнении они посмотрели на Кентона, потом опять на компас, украдкой переглянувшись.

— Говорю вам, я видел! — повторял Кентон. — Мне не померещилось, я вполне здоров. Шаран в опасности! Мы должны отправляться!

— Шш-ш-ш! — Гиги сделал знак рукой, призывая к молчанию. Он прислушался, раздвинул листву и стал всматриваться вдаль.

— Корабль, — прошептал он. — Скажите, чтобы девушки приготовили копья и стрелы. Вооружайтесь — все! И тише!

До них донеслись всплески весел, голоса, приглушенные удары молота, задающего ритм гребцам. Девушки молча стояли у левого борта, подняв луки с натянутой тетивой, рядом находились их разящие копья и мечи, у ног лежали щиты.

Мужчины, пригнувшись, всматривались сквозь листву. Что это за корабль? Кланет напал на их след? Или кто-то другой ищет их, подгоняемый желанием добиться награды, обещанной черным жрецом?

В тесное устье бухты вошла галера. Это было одноярусное судно длиной в два раза больше, чем корабль Иштар, оно имело пятнадцать весел, по двое гребцов на каждом. Еще около десяти человек стояли на носу, но были, наверное, и еще люди. Корабль медленно двигался вдоль берега. От скрытых наблюдателей его отделяло уже менее двухсот футов.

— Здесь приличная глубина, — услышали они, — а это все, что нам нужно.

Обняв товарищей за плечи, Гиги притянул их к себе.

— Волк, — зашептал он, — теперь я верю в этот твой знак. Смотри — прямо за ним последовал еще один, гораздо лучший! Это в самом деле призыв. Вот рабы, которых нам так не хватает, и в трюмах, я уверен, есть золото, которое понадобится нам в Эмактиле.

— Да, рабы и золото, — пробормотал Кентон, но, увидев, как на палубу поднялись еще несколько человек, язвительно добавил: — Осталось только взять все это, Гиги.

— Это не составит особого труда, — прошептал Зубран, — они ничего не подозревают, а захваченные врасплох уже наполовину побеждены. Мы вчетвером прокрадемся к кораблю по берегу. Когда Зала, — он указал на одну из девушек-воительниц, — досчитает до двухсот, они все вместе выпустят свои стрелы, только надо хорошо прицелиться, чтобы уложить как можно больше. А потом мы займемся оставшимися в живых. Только девушки не должны больше стрелять сюда, в носовую часть, чтобы не попасть в кого-нибудь из нас. Пусть они следят за тем, чтобы не подошла помощь. Ну что, хороший план? Клянусь, мы успешно завершим его и потратим на это меньше времени, чем я излагал этот план.

Кентону стало не по себе.

— Клянусь всеми богами! — раздался голос, видимо, это говорил капитан галеры. — Если бы здесь был этот проклятый Корабль Иштар! Будь он здесь, я уверен, никому из нас не пришлось бы больше выходить в плавание. О боги! Если бы нам удалось захватить этот корабль и получить награду Кланета!

Угрызения совести оставили Кентона: перед ним были охотники, волею судьбы оказавшиеся в руках тех, за кем они охотились.

— Ты прав, Зубран, — горячо прошептал он, — позови Залу и объясни ей все.

Они двинулись к чужому кораблю, скрываемые выступом. Кентон с жадностью смотрел на галеру, победа над которой могла приблизить его к Шаран, и ему казалось, что стрелы девушек никогда не взлетят.

Но вот наконец они взвились в воздух и, жужжа, как пчелы, врезались в самую гущу людей. Добрая половина стоявших на носу — а их было около двух десятков — упала, сраженная, остальные с дикими криками бросились врассыпную. Кентон спрыгнул на палубу, рубя мечом направо и налево, взлетала булава Гиги, сверкал клинок Сигурда, и ятаган Зубрана собирал свою дань. Побежденные прежде, чем успели поднять оружие, оставшиеся в живых на коленях просили о пощаде. Кинувшиеся им на помощь с кормы были встречены тучей стрел. Побросав оружие, они сдавались, поднимая руки.

Пленников заперли в каюте, удостоверившись сначала, что в ней не было оружия и оттуда нельзя было выбраться. Расковав гребцов, викинг выбрал девятнадцать самых сильных из них, переправил рабов на корабль, приковав их к пустующим веслам.

На корабле нашлось много золота и других вещей, которые могли бы понадобиться в Эмактиле, — одежду мореплавателей, какую носили в тех местах, длинные плащи, которые помогли бы им остаться неузнанными.

Оставалось решить вопрос, что делать с галерой и с оставшимися на ее борту. Гиги был за то, чтобы всех предать мечу. Перс считал, что будет лучше привести рабов обратно, свой корабль оставить в укрытии и, покончив со всеми пленными, отправиться в Эмактилу на захваченной галере. В этом плане многое привлекало. Корабль Иштар был легко узнаваем, чужое же судно ни у кого не вызовет подозрений. Они могли бы прийти на нем в Эмактилу, когда выполнят все задуманное, и на нем же отправиться обратно на свой корабль.

Но Кентон не согласился. Дело кончилось тем, что, позвав капитана галеры, ему сказали, что, отвечая на вопросы правдиво, он сохранит жизнь себе и остальным.

Капитан рассказал очень немногое, но это немногое заставило сердце Кентона биться учащеннее и вселило в него новые опасения. Да, Кланет, жрец Нергала, привез в Эмактилу какую-то женщину. Он сказал, что добыл ее в бою, в морской схватке, в которой погибло много людей. Он не сказал, с кем сражался и где, и его воинам было приказано молчать. Но поползли слухи, что женщина эта была с

Корабля Иштар. Жрицы Иштар требовали ее к себе, но Кланет, наделенный большой властью, не допускал этого. Совет жрецов, пойдя на компромисс, сделал пленницу жрицей бога Бела, и теперь она находится в Приюте Бела, на самой вершине Храма Семи Богов.

— Я знаю этот храм и Приют Бела, — кивнул головой Сигурд, — как и то, почему жрица должна жить там, — прошептал он, искоса взглянув на Кентона.

— Иногда жрица, скрытая тяжелым покрывалом, появляется на торжествах, связанных с Белом. Но кажется, что она живет в мире грез. Она ничего не помнит, во всяком случае, так говорят.

Больше капитан ничего не знал, кроме того, что Кланет удвоил награду за поимку этих троих, — он показал на Гиги, Сигурда и Зубрана, и утроил за этого — он показал на Кентона.

Оставшихся рабов отпустили на берег. Потом нубиец привел захваченную галеру. Капитан и его команда скрылись в чаще острова.

— Сколько воды и пищи, — ворчал Гиги. — В нашем плену им гораздо лучше, чем было бы нам, попадись мы им в лапы.

Привязав захваченную галеру к своему кораблю, они медленно вышли из скалистого устья. Когда было преодолено около мили, Сигурд спустился на галеру, хорошенько поработал там топором и, вернувшись на корабль, перерубил канат. Галера быстро затонула.

— Вперед! — воскликнул Кентон, работая штурвалом и направляя корабль туда, куда показывала длинная голубая стрелка.

В Эмактилу, к Шаран...

Шаран!

17. К острову Колдунов

Удача сопутствовала им. Над кораблем парила серебристая дымка: простираясь вокруг на довольно большое расстояние — на две длины корабля, — она всегда скрывала судно. Кентон, отдыхая очень мало, заставлял и рабов на веслах работать до изнеможения.

— Надвигается буря, — предупредил Сигурд.

— Молись Одину, чтобы он задержал ее, пока мы благополучно не доберемся до Эмактилы.

— Если бы у нас была лошадь, я принес бы ее в жертву Отцу Всего Живого, — сказал Сигурд. — Тогда бы он задержал бурю до тех пор, пока бы она нам не понадобилась.

— Говори тише, а то как бы нас не затоптали морские кони! — предостерег его Кентон.

Он стал расспрашивать викинга о том, что тот имел в виду, когда прервал своим замечанием рассказ капитана галеры о жрице, живущей в Приюте Бела.

— Она там в полной безопасности, даже Кланет не может причинить ей вреда, но лишь до тех пор, пока ее возлюбленный — один только бог, — сказал Сигурд.

— Один только бог ее возлюбленный! — Кентон свирепо взглянул на Сигурда и схватился за меч. — У нее не будет никого другого, кроме меня, ни человека, ни бога, — понятно, Сигурд? Ну что скажешь?

— Не хватайся за свой меч, Волк, — ответил Сигурд. — Я не хотел обидеть тебя. Но все же боги есть боги! А тот человек сказал еще, что твоя женщина живет в мире грез, она потеряла память, ты помнишь это? А если так, брат, то и ты остался в потерянных ею воспоминаниях!

Кентон содрогнулся.

— Нергал пытался однажды разделить любящих, они любили так же, как я и Шаран, — сказал он. — Но он не смог. И вряд ли жрецу удастся сделать то, что оказалось не по силам его повелителю.

— Это еще ничего не доказывает, — к ним неслышно подошел Зубран. — Боги сильны. Поэтому им не нужны ловкость и коварство. Они рубят с плеча — и добиваются своего. Это противоречит законам красоты, я согласен, но это — самый верный путь. А человек, не имея силы богов, вынужден прибегать к ловкости и коварству. И поэтому человек способен на большее зло, нежели бог. Слабость вынуждает его исхитряться. И богов можно винить лишь в одном — в том, что они не наделили нас своей силой. А значит, тебе следует больше опасаться Кланета, чем Нергала, его повелителя.

— Он не может заставить Шаран забыть меня! — воскликнул Кентон.

Викинг наклонился над компасом.

— Возможно, ты прав, — пробормотал он, — возможно, прав Зубран. А я знаю только одно — пока она во владениях Бела, никто из людей не может причинить ей вреда!

Какими бы смутными ни были его представления, викинг всегда был твердо убежден в своем мнении и высказывался откровенно. Он всегда внимательно присматривался к жрецам Нергала, хорошо помнил город и Храм Семи Богов, а также знал, как войти в Эмактилу, минуя гавань.

И это было чрезвычайно важно, потому что невозможно было представить себе, что они смогут войти в гавань не будучи мгновенно узнанными.

— Смотрите, друзья, — острием меча Сигурд нацарапал на деревянном покрытии палубы некое подобие карты. — Вот город. Он стоит на берегу фьорда. С двух сторон его окружают горы, длинные скалистые хребты глубоко вдаются в море. Но вот здесь, — он указал на то место, где в воду входила левая гряда гор, — есть небольшая бухта, соединенная с морем узкой протокой. Здесь жрецы Нергала совершают тайные жертвоприношения. В город ведет затерянная в горах тропа. Она выводит к Большому Храму. Я ходил по ней, я стоял на берегу бухты. Вместе с другими рабами мы несли жрецов на носилках и все необходимое для жертвоприношений. Кораблю потребуется добрых двое суток, чтобы дойти до этого места из Эмактилы, расстояние же по суше вполосину меньше того, которое сильный человек в моей стране может пройти от зари до полудня в зимний день. Кроме того, здесь можно спрятать корабль. Галеры там проходят редко, и никто не живет поблизости, поэтому жрецы Нергала и выбрали это место.

— Я хорошо знаю Храм Семи Богов, ибо долгое время он был моим домом, — продолжал Сигурд. — Он в тридцать раз выше мачты этого корабля.

Кентон быстро подсчитал: получилось шестьсот футов — приличная высота для храма.

— В центре, — продолжал викинг, — расположены храмы разных богов и богини Иштар, они подни-

маются один над другим. Вокруг них — жилища жрецов и различные святилища. Всего тайных храмов семь, последний из них — святилище Бела. Оттуда поднимается лестница, ведущая в его Приют. У подножия храма широкая площадка, где находятся алтари и всевозможные святыни. Люди приходят сюда молиться. Все входы в храм надежно охраняются. Вчетвером мы не сможем войти туда!

— Но вокруг Храма, который имеет вот такую форму, — он начертил усеченный конус, — ведет большая каменная лестница — вот так, — он нарисовал спираль, соединяющую основание и вершину конуса. — По всей лестнице на определенном расстоянии стоят часовые. У ее основания — гарнизон. Понятно?

— Понятно одно, — проворчал Гиги, — нам потребуется целая армия, чтобы попасть туда.

— Это не так, — ответил викинг, — вспомни, как мы захватили галеру, хотя враги и превосходили нас числом. Мы приведем корабль в эту скрытую гавань. Если там будут жрецы — что ж, мы сделаем, что сможем, — вступим в бой или пустимся в бегство. Но если Норны рассудят иначе и там никого не будет, мы спрячем корабль, а рабов поручим чернокожему. Потом мы переоденемся в одежды моряков и длинные плащи с галеры и по тайной тропе пойдем в город.

Что касается этой лестницы, у меня есть еще один план. Она огорожена стеной высотой примерно по грудь. Если нам удастся ступить на нее незамеченными, мы сможем пробраться в тени этой стены, убивая по дороге часовых, и так добраться до Приюта Бела и увезти Шаран.

— Но в хорошую погоду наш план не удастся, — закончил он. — Должна подняться буря, чтобы стало темно и нас не заметили снаружи. И поэтому я молю сейчас Одина, чтобы собирающаяся гроза не разразилась до тех пор, пока мы не прибудем в город и не взойдем на эту лестницу. Под прикрытием наступающей бури мы сможем быстро осуществить мой план.

— Но так мы не убьем Кланета, — взревел Зубран. — Мы прокрадемся в город, прокрадемся по лестнице, прокрадемся назад с Шаран, если сможем,

и на этом все. Клянусь Ормуздом, мои ноги не приспособлены для этого! К тому же моему ятагану не терпится попробовать шкуру черного жреца!

— Нам не будет покоя, пока жив Кланет! — воскликнул Гиги, возвращаясь к своей излюбленной теме.

— Я сейчас не говорю о Кланете, — громко проговорил викинг. — Сначала — женщина Кентона, а потом мы займемся черным жрецом.

— Признаю ошибку, — сказал Зубран, — мне следовало помнить об этом. Хотя, сказать по правде, мне было бы лучше, если бы нам удалось покончить с Кланетом еще по пути к ней, потому что Гиги прав — пока он жив, не будет покоя ни тебе, ни любому из нас. Но сначала, конечно, мы освободим Шаран.

Викинг уже долгое время не спускал глаз с компаса. Вдруг он отпрянул и показал на него остальным.

Голубые стрелки лежали параллельно, указывая в одну сторону.

— Мы идем в Эмактилу, — сказал Сигурд. — Но я не знаю, где находится вход в этот фьорд. Он должен быть где-то рядом.

Сигурд повернул руль влево. Корабль качнулся. Большая стрелка передвинулась вправо и замерла между двумя красными знаками. Маленькая не шевельнулась.

— Это еще ничего не доказывает, — ворчал викинг. — Ясно одно, мы уходим в сторону от города. Но может быть, горы рядом. Надо идти медленно.

Корабль сбавил ход, медленно пробиваясь сквозь туман. Внезапно дымка сгустилась, потемнела: что-то неотвратимо надвигалось на них. Впереди лежал низкий берег, круто поднимавшийся вверх и таявший в густом тумане. Волны нежно ласкали острые скалы. Сигурд произнес благодарственную молитву.

— Мы на другой стороне гор, — сказал он. — Где-то совсем рядом та бухта, о которой я говорил вам.

Он рванул руль вправо. Корабль повернулся и медленно пошел вдоль берега. Вскоре они смогли различить неясные очертания высокой скалистой гряды. Обогнув ее выступ, викинг повернул руль, направив корабль в другой открывшийся перед ними узкий пролив.

— Здесь можно укрыться, — сказал он, — мы оставим корабль вон там, среди деревьев, стоящих в воде. Корабль не будет видно ни с берега, ни с моря.

Судно медленно вошло в рощу. Густая листва мгновенно поглотила его.

— Надо привязать корабль к стволам, — прошептал Сигурд. — Будьте осторожны, жрецы могут оказаться поблизости. Мы проверим, нет ли их здесь, когда будем уходить. Корабль останется на попечении женщин. И чернокожий будет с ними. До нашего возвращения они должны сидеть тихо, как мыши...

— У тебя будет больше шансов на возвращение, если ты отрежешь свои длинные волосы и бороду, Сигурд, — сказал перс. — И у нас, кстати, тоже, — добавил он.

— Что! — взбешенно воскликнул викинг. — Отрезать волосы! Еще чего! Даже когда я был рабом, к ним не прикасались!

— Мудрый совет! — заметил Кентон. — Зубран, а эта твоя огненная борода и рыжие волосы! И тебе, и нам будет лучше, если ты сбереешь то и другое или хотя бы перекрасишь.

— Ни за что, клянусь Ормуздом! — воскликнул перс, рассерженный не менее викинга.

— Не рой другому яму!.. — рассмеялся Сигурд. — И все же это дельный совет. Лучше остаться без волос, чем без головы на плечах!

Девушки принесли ножницы. Смеясь, они разом отхватили гриву Сигурда, сохранив волосы до плеч, укоротили его длинную бороду. Удивительное превращение совершила эта стрижка с Сигурдом, сыном Тригга.

— Вот кого Кланет ни за что не узнает, если им доведется встретиться, — заявил Гиги.

После этого в руки женщин отдал себя и перс.

Они смочили его волосы и бороду какой-то черной жидкостью. Рыжина поблекла, затем потемнела и приобрела каштановый цвет. Зубран переменялся не так сильно, как Сигурд. Но Кентон и Гиги одобрительно кивнули — во всяком случае, исчезла яркая рыжина, которая выдавала бы его так же легко, как длинные волосы — северянина.

Очередь была за Кентоном и Гиги. Придумать что-нибудь для них оказалось сложнее. Изменить

лягушачий рот Гиги, блестящие бусины глаз, его лысину, мощные плечи было невозможно.

— Сними серьги, Гиги, — обратился к нему Кентон.

— Сними свой браслет, — ответил тот.

— Подарок Шаран! Никогда! — воскликнул Кентон в ярости, не уступавшей гневу северянина и перса.

— Шаран, любившая меня не меньше, чем тебя, надела мне эти серьги, — впервые за последнее время Кентон услышал в голосе Гиги гневные нотки.

Перс тихо рассмеялся, и это сняло напряжение. Кентон чуть виновато улыбнулся барабанщику, Гиги ответил тем же.

— Что ж, — сказал Гиги, — каждому из нас придется чем-то пожертвовать... — Он начал расстегивать серьги.

— Нет, Гиги, нет! — Кентон не мог заставить себя разорвать золотые узы, на которых были начертаны знаки любви Шаран. — Пусть они останутся. И серьги, и браслет можно скрыть.

— Я не знаю... — Гиги замолчал, задумавшись. — Мне кажется, так будет лучше. Чем-то нужно пожертвовать, эта уверенность растет во мне.

— Твои слова лишены здравого смысла, — продолжал настаивать Кентон.

— Да? — задумчиво произнес Гиги. — Но ведь, должно быть, многие видели твой браслет, когда ты сражался с воинами черного жреца и когда они похитили Шаран. И Кланет, наверное, заметил его. Внутренний голос подсказывает мне, что этот дар куда более опасен, чем мои серьги.

— Ну, а мне никакой голос ничего не подсказывает, — отрезал Кентон. Он прошел в бывшую каюту Кланета и стал раздеваться, чтобы надеть на себя одежду моряков с захваченной галеры. Примерив свободную рубашку из тонкой дубленой кожи, он застегнул на запястьях длинные рукава.

— Смотри, — сказал он Гиги, — браслета не видно.

Затем Кентон надел широкие кожаные штаны и туго затянул их ремнем, натянул высокие ботинки на шнуровках, на плечи набросил легкую кольчугу без рукавов. На голову он надел конусообразный шлем, закованный в металл, с обеих сторон которого до самых плеч спускались складки пропитанной маслом шелковой ткани.

Каждый нашел что-нибудь для себя. Один только перс не хотел расстаться со своей собственной кольчугой. Ее прочность много раз проверена, говорил он, а что ждать от этой, неизвестно. Кольчуга — старый друг, всегда служивший верой и правдой, он не откажется от нее ради новых, еще не проверенных. Поверх кольчуги перс надел рубашку и тунику. А Гиги, нахлобучив на голову шлем, закрыл уши и серьги складками ткани. Еще один кусок ткани он обмотал вокруг шеи, потом связал его с теми, что спускались по обеим сторонам шлема, и рот его скрылся.

Накинув на плечи длинные плащи, друзья с облегчением осмотрели друг друга. Викинг и перс изменились до неузнаваемости, за них можно было не бояться. Новый наряд, казалось, достаточно изменил и Кентона. Коренастые ноги Гиги скрылись под плащом, а лицо так изменилось благодаря шлему и складкам ткани, что узнать его было нелегко.

— Хорошо! — пробормотал викинг.

— Очень хорошо! — отозвался Кентон.

У пояса они закрепили свои мечи и те короткие клинки, которые выковал Сигурд. И только Гиги не взял ни клинок северянина, ни свою огромную булаву. Последняя была слишком хорошо известна, а меч — слишком большим, ни то, ни другое нельзя было спрятать. Он выбрал два не очень длинных меча, затем взял кусок тонкого каната и привязал к нему небольшой крюк. Обмотав канат вокруг себя, он повесил крюк у пояса.

— Веди нас, Сигурд, — сказал Кентон.

Один за другим они прыгнули за борт, прошли по мелководью и ступили на берег, а Сигурд тем временем уже искал тропу. Туман сгустился. На его фоне, словно на древнем китайском полотне, четко вырисовывались золотистые листья, малиновые и желтые гроздья соцветий. Из тумана неслышно вышел Сигурд.

— Идем, — позвал он, — я нашел дорогу.

В полном молчании они шагнули вслед за Сигурдом в туман, и серебристые ветви деревьев поглотили их.

ЧАСТЬ 4

18. В городе Колдунов

Они действительно вышли на потайную тропу. Кентон не мог сказать, чем руководствуется Сигурд, прокладывая путь сквозь мерцающий туман, но викинг уверенно шел вперед.

Узкая тропа вела меж высоких скал, поросших золотистыми листьями папоротника, через непроходимые заросли, где воздух был напоен ароматами мириадов незнакомых цветов, через густые рощи стройных деревьев, похожих на побеги бамбука, покрытые алым лаком, и через рощи, напоминавшие парки, — в таком строгом порядке росли там деревья, отбрасывающие густую тень. Мягкие мхи поглощали звук шагов. Давно уже не было слышно шелеста волн. Казалось, все звуки вокруг замерли.

Викинг остановился на опушке небольшой рощицы.

— Место жертвоприношений, — пояснил он шепотом. — Я посмотрю, нет ли поблизости черных псов Нергала. Ждите меня здесь.

Он растворился в тумане. Остальные ждали, не произнося ни слова. Каждый чувствовал, что какое-то зло притаилось в этих деревьях, и, заговорив, можно разбудить его. Отовсюду струился одуряющий сладкий аромат — тот, что царил в каюте Кланета.

Сигурд появился так же бесшумно, как и исчез.

— Никого нет, — сказал он, — и все же здесь всегда чувствуется присутствие этого черного бога. Не хочется здесь оставаться. Пойдемте быстрее, только тихо.

Они двинулись вперед.

Наконец Сигурд остановился и вздохнул с облегчением.

— Мы прошли это место, — сказал он.

Они двигались все быстрее. Теперь тропа круто поднималась в гору. Они миновали дно глубокого оврага, едва различая свой путь среди валунов в неровном мерцающем свете.

Овраг кончился, и, оказавшись между двумя огромными каменными глыбами, они остановились. Плотная пелена тишины, окутывавшая их все это время, разорвалась. Впереди встала стена тумана, и ничего не было видно, но издалека, откуда-то снизу, доносились звуки большого города, скрип мачт, лязг железа, всплески весел, а иногда в этом шуме раздавался громкий выкрик, рвущийся в высоту, подобно бумажному змею.

— Это гавань, — сказал Сигурд, указывая направо вниз, — Эмактила совсем близко, прямо под нами. А там, — он показал налево, — стоит Храм Семи Богов.

Кентон следил за его движениями. Что-то огромное вырисовывалось темным пятном в серебристой дымке. Кентон увидел размытые конические очертания, плоскую вершину. Сердце его забилося.

Они стали спускаться. Звуки города приближались. Теперь все яснее вырисовывалась громада храма, поднимавшегося в небеса. Но сам город все еще был скрыт в тумане.

Они подошли к высокой каменной стене. Тигурд свернул и повел их в густую темную рощу. Теперь он двигался с еще большей осторожностью.

Наконец, выглянув из-за толстого ствола, он поманил к себе остальных. За деревьями лежала широкая дорога, изрезанная глубокими колеями.

— Это дорога в город, — сказал Сигурд, — здесь мы можем пройти, ничего не опасаясь.

Спустившись по крутому склону, они пошли по дороге. Вскоре деревья уступили место полям, протя-

нувшимися насколько хватало глаз; на них росли какие-то высокие растения, формой листьев напоминающие кукурузу, но не зеленые, а шафранно-желтые, и вместо початков на них висели гроздья слабо светящихся белых зерен; ветви кустов сверкали изумрудно-зелеными ягодами, какими-то незнакомыми плодами; на вьющихся стеблях висели звездообразные тыквы.

Они увидели двухэтажные дома, которые, казалось, были собраны из детских кубиков — необычно раскрашенных чередующимися желтыми и голубыми вертикальными полосами шириной в ярд, по бледно-голубому проносились алые зигзаги, похожие на молнии, некоторые фасады были украшены широкими ярко-красными горизонтальными полосами, чередующимися с узкими зелеными линиями.

В городе дорога сузилась. Разрисованные дома жались друг к другу. Мимо проходили темнокожие мужчины и женщины, одетые одинаково — в белые платья без рукавов длиной чуть выше колена. На правом запястье у каждого из них было бронзовое кольцо с цепью, и все они несли что-нибудь в руках — кувшины, корзины с фруктами и плодами, румяный хлеб, плоские лепешки, с любопытством рассматривая четверых путешественников.

— Рабы, — сказал Сигурд.

Теперь разрисованные дома стояли еще плотнее, их украшали галереи с цветущими деревьями и растениями, и это напоминало розовую каюту Шаран. На галереях стояли женщины, наклонившиеся и окликавшие идущих мимо путешественников.

Улица кончилась, и путники оказались на другой — широкой, ревущей, запруженной людьми. Кентон остановился в полном изумлении.

В конце улицы вырисовывались очертания огромного храма. Его окружали лавочки, из дверей которых люди зазывали покупателей. На домах висели шелковые флаги с вытканной клинописью названиями товаров.

Мимо шли ассирийцы, жители Найневе и Вавилона с курчавыми бородами, финикийцы с горящими глазами и крючковатыми носами, одетые в муслиновые юбки черноглазые египтяне, улыбающиеся эфиопы с миндалевидными огромными золотыми кольца-

ми в ушах, проходили закованные в броню воины, стрелки с колчанами за плечами и луками в руках, жрецы в черных, красных и голубых мантиях. Взгляд Кентона упал на крепкого загорелого воина: на одном плече он нес обоюдоострый критский торопик, другое его плечо обнимала белая женская рука. На женщине была юбка в складку с каким-то непривычным рисунком, пояс в виде змеи и открытая блузка, сквозь ткань которой просвечивала белая грудь, а на ногах — сандалии. Кентон понял, что это миноец и его подруга. Возможно, они видели, как молодые юноши и девушки — дань Афин Минотавру — заходят в лабиринт, где чудовище ожидает их в своей берлоге.

А вот закованный в латы римлянин, который, возможно, помогал прокладывать дороги Цезаря, сжимает в руках короткий бронзовый меч. Следом за ним идет курчавый великан-галл, холодной синевой глаз похожий на Сигурда.

Рабы проносили носилки с мужчинами и женщинами. Взгляд Кентона задержался на молодой гречанке, длинноногой и стройной, с волосами цвета спелой пшеницы. Он заметил, возможно, карфагенянку с горящим взором, достойную по своей красоте стать невестой Ваала, — она выглянула из носилок и улыбнулась ему.

— Меня мучают голод и жажда, — ворчал Сигурд. — Почему мы стоим здесь? Пойдемте.

И Кентон понял, что эта живая картина прошедших веков вовсе не кажется необычной его товарищам — они попали в свое время. Кентон кивнул. Они смешались с толпой и вскоре остановились перед дверью лавки, где можно было поесть.

— Нам лучше войти по двое, — сказал Гиги. — Кланет ищет четверых, а мы — как раз четверо чужестранцев. Волк, иди сначала ты с Сигурдом. Потом пойдем Зубран и я, но не подходите к нам, когда мы войдем.

Хозяин принес еду и высокие стаканы с красным вином. Он был словоохотлив, спросил, когда они вошли в гавань и было ли их плавание удачным.

— Сейчас не время выходить в море, — продолжал болтать он. — Приближается шторм, и нештучный. Я молю Повелителя Вод, чтобы он задержал

бурю, пока не закончится праздник Бела. Я закрою лавку и пойду взглянуть на эту новую жрицу, о которой так много говорят.

Кентон сидел наклонившись, лица его было не видно. Но услышав эти слова, он поднял голову и посмотрел говорившему прямо в лицо.

Хозяин побледнел, запнулся и широко раскрытыми глазами уставился на Кентона.

Неужели его узнали? Кентон осторожно нащупал меч.

— Извините меня! — задыхаясь произнес хозяин. — Я понял, что ты не... — Он стал вглядываться, потом выпрямился и рассмеялся. — Клянусь Белом! Я думал, что ты — другой! О, боги!

Он торопливо отошел, Кентон не спускал с него глаз. Не было ли это хитростью? Может быть, он узнал в нем человека, которого ищет Кланет? Нет, это невозможно. Испуг лавочника был неподдельным, а облегчение — искренним. Кого же тогда напомнил ему Кентон, кто мог вызвать такой страх?

Быстро закончив еду, они расплатились золотом, найденным на галере, и вышли на улицу. Вскоре к ним присоединились Гиги и перс.

По двое они не спеша шли вперед, как люди, только что вернувшиеся из дальнего плавания. Но Кентон замечал, что прохожие бросают на него взгляды, останавливаются в изумлении и, отводя глаза, быстро проходят мимо; беспокойство Кентона росло. Остальные тоже заметили это.

— Закрой лицо тканью, — сказал Гиги в тревоге, — мне не нравится, как они смотрят.

Кентон в двух словах рассказал ему про хозяина харчевни.

— Скверно, — покачал головой Гиги, — но кто же это — на кого ты так похож и кого все так боятся? Как бы там ни было, постарайся закрыть лицо.

Кентон последовал его совету. Тем не менее люди продолжали оборачиваться.

Перед ними расстилался большой парк. Люди гуляли по траве, сидели на каменных скамьях и на огромных корневищах деревьев, стволы которых были толстые, как у секвойи, а кроны терялись в сгущающемся тумане. Пройдя еще немного, Сигурд свернул в парк.

— Волк, — сказал он, — Гиги прав. Они слишком пристально тебя рассматривают. Мне кажется, для всех нас будет лучше, если ты не пойдешь дальше. Сядь на эту скамью. Наклони голову, как будто спишь или пьян. Здесь мало людей, а когда все пойдут в храм, станет еще меньше. Туман скроет тебя от прохожих, А мы втроем подойдем к храму и посмотрим, что там творится. Потом вернемся и будем держать совет.

Кентон понимал, что викинг прав. Его тоже одолевало растущее беспокойство. И все же как тяжело было остаться, своими глазами не увидев то место, где в плену томится Шаран, предоставив возможность сделать это другим.

— Крепись, брат, — сказал Сигурд, когда они уходили. — Один задержал бурю, и Один поможет нам найти твою женщину.

Некоторое время — ему казалось, что очень долго, Кентон сидел на скамье, закрыв лицо руками. С каждой минутой возрастало его желание самому увидеть темницу Шаран, чтобы отыскать ее уязвимые места. В конце концов, его товарищи не могут чувствовать то же, что и он, их зрение не обострено любовью. Там, где у них ничего не получится, он, может быть, добьется победы, увидев то, чего они не заметили. Желание одолело Кентона. Он встал со скамьи и пошел в сторону оживленной улицы. Не доходя до нее нескольких шагов, он свернул и пошел парком параллельно дороге.

Очень скоро парк кончился, и Кентон остановился, скрываясь за деревьями.

Прямо перед ним высилась громада Семи Богов.

Похожий на огромного циклопа, здание поднималось над землей и загораживало все вокруг. Широкая лестница змеей обвивалась вокруг него. Взмывая ввысь, храм светился, словно башня из кованого серебра. На огромной высоте конус разрезала широкая терраса. Дальше, еще на сто футов в высоту, стены были покрыты каким-то ярко-оранжевым золотистым металлом. Потом опять терраса, а над ней — глухая мертвая чернота. И еще одна терраса. Дальше стены храма скрывал туман, но Кентону казалось, что он различает ярко-алую вспышку, а за нею — голубоватые тени.

Кентон стал рассматривать лестницу. Чтобы видеть лучше, он шагнул вперед. От основания широкие ступени вели к большой площадке, где стояли вооруженные до зубов воины. Это и был тот самый гарнизон, который им предстояло перехитрить или одолеть. Сердце Кентона замерло, когда он пересчитал воинов.

За площадкой лестница плавно поднималась вверх. Парк приближался к стенам храма на расстояние примерно в пятьдесят футов. Высокие деревья почти касались лестницы.

Веревка и крюк Гиги! Да, мудрый Гиги предвидел такую возможность. Кентон был легче остальных, он мог залезть на дерево и спрыгнуть на лестницу или, если это не удастся, закинуть крюк и взобраться по веревке!

По веревке смогли бы забраться и все остальные, это казалось вполне реальным! Если же поднимется буря, как предсказывал Сигурд, то воины внизу, конечно же, ничего не заметят.

Внезапно Кентон почувствовал на себе чей-то взгляд. Около храма никого не было, только у подножия лестницы стоял офицер.

Кентон быстро обогнул улицу и вернулся на свою скамью. Он уселся так же, как сидел раньше, — склонив голову и закрыв лицо руками.

Вдруг он ощутил, что кто-то опустил на скамью рядом с ним.

— Что с тобой, моряк? — раздался добрый грубоватый голос. — Если тебе плохо, почему не идешь домой?

Кентон заговорил, не отнимая рук от лица, стараясь, чтобы голос звучал хрипло.

— Слишком много эмактильского вина! — ответил он. — Ничего, это пройдет.

— Хо! — рассмеялся тот и схватил его за руку чуть выше локтя. — Слушай, шел бы ты домой, пока не разразилась гроза.

— Ничего, — ответил Кентон хрипло, — я не боюсь грозы, от воды мне станет легче.

Пальцы незнакомца разжались, еще какое-то время он сидел молча, потом поднялся.

— Ну что ж, моряк, — сказал он дружелюбно, — оставайся. Ложись и немного поспи. Да пребудут с тобою боги!

— И с тобой! — пробормотал Кентон. Услышав удаляющиеся шаги, он поднял голову и посмотрел вслед незнакомцу. Среди деревьев он различил несколько фигур. Это были старик в длинном голубом плаще, офицер, похожий на того, что смотрел на Кентона с лестницы, моряк и горожанин. Который же из них?

Человек, сидевший здесь, схватил его за руку схватил как раз в том месте, где был браслет Шаран! А этот офицер — часовой на посту! Значит, за ним следили?

Кентон выпрямился и коснулся рукой кожаного рукава рубашки. Браслет! Рукав распорол ножом, и браслет обнажился!

Кентон вскочил. Не успел он сделать и шага, как сзади послышался шорох, шаги. Тяжелое покрывало упало ему на голову, чьи-то руки вцепились в горло. Его связали.

— Откинь покрывало с лица, но не отпускай рук, — раздался холодный безжизненный голос.

Покрывало сняли, и Кентон увидел перед собой бесцветные глаза Кланета!

Двойное кольцо воинов окружало их, и вдруг все они, как один, вскрикнули от удивления и в ужасе отпрянули. Офицер шагнул вперед и недоверчиво уставился на Кентона.

— О, Матерь Богов! — простонал он и опустился перед Кентоном на колени. — О, Повелитель, я не знал... — Он вскочил и вынул нож, собираясь разрезать веревки.

— Остановись! — заговорил Кланет. — Перед тобой раб! Посмотри внимательнее!

Дрожа, офицер стал всматриваться, поднял ткань, закрывавшую Кентону лицо, выругался.

— О боги! — воскликнул он. — Я думал, что это...

— Это не он, — мягко прервал его Кланет, который просто пожирал Кентона глазами. Он протянул руку и вынул у него из-за пояса меч Набу.

— Держи! — Офицер послушно взял меч. — Этот человек остается моим пленником до тех пор, пока я

не передам его королю. И до тех пор у меня будет его меч.

Злой огонь светился в зрачках черного жреца.

— Он отправится в храм Нергала! — громко произнес Кланет. — И смотри, капитан, не стой на пути у Кланета!

— У Кланета или у кого другого, — ответил офицер, — а я служу королю. И подчиняюсь его приказам. А король приказал всех пленных приводить сначала к нему, что бы ни говорили верховные жрецы, ты это знаешь не хуже меня. И потом, — добавил он хитро, — есть ведь еще вознаграждение. Лучше уж сообщить об этом пленнике. Король справедлив.

Черный жрец молчал, потирая губы. Офицер рассмеялся.

— Марш! — рявкнул Кланет. — Идите в храм. Все вы отвечаете за него головой!

Кентон шел, окруженный тройным кольцом воинов. С одной стороны шли офицеры, с другой — черный жрец, не спускавший с него глаз. Время от времени Кланет облизывал губы.

Так они пересекли парк, вышли на улицу и, миновав высокую арку, скрылись в воротах храма.

19. Повелитель Двух Смертей

Король Эмактилы, Повелитель Двух Смертей, сидел на высоком троне, подобрав под себя ноги. Он был веселый и румяный, словно король Кол из детской песенки, он походил на большое яблоко. В его чуть водянистых голубых глазах светилась радость. Одет он был в свободное алое платье.

Его длинная белая борода, закапанная красным, пурпурным и желтым вином, то и дело шаловливо вздрагивала.

Зал правосудия короля Эмактилы был огромным. Королевский трон стоял на пятифутовом возвышении, которое, подобно сцене, тянулось через весь зал. Темные и светлые плиты пола, расположенные в шахматном порядке, поднимались в этом месте выпуклой дугой, рассеченной широкими низкими ступе-

нями. Трон стоял примерно в пяти футах от этой лестницы.

Двенадцать лучников в серебряно-алых подпоясанных куртках стояли плечом к плечу на нижней ступеньке. Тетивы у их луков были натянуты, готовые в любую минуту выпустить стрелу. Еще двадцать четыре лучника стояли, преклонив колено, ниже. Тридцать шесть смертоносных стрел целили в Кентона, черного жреца и капитана.

По обеим сторонам лестницы на всю длину зала протянулась еще одна цепь лучников, одетых в алое и серебряное; они стояли плечом к плечу, держа оружие наготове. Блестящие глаза короля видели их затылки, обрамлявшие сцену подобно огням рампы.

Вдоль других трех стен также тянулись бесконечные ряды серебряных и алых лучников, стоявших плечом к плечу, державших наготове стрелы и не спускавших глаз с короля Эмактилы. Они стояли молча, своей напряженной неподвижностью напоминающая сжатые пружины, готовые распрямиться от малейшего прикосновения.

Окон в зале не было. Стены были покрыты бледно-голубыми шпалерами. Сотни ламп светились ровным желтым светом.

По левую руку от короля стояла какая-то неподвижная фигура в два раза выше человеческого роста. Она была закрыта покрывалом, но даже под этим толстым слоем ткани можно было угадать нечто прекрасное.

С другой стороны стояла еще одна фигура, также окутанная покрывалом, но эти тяжелые покровы таили внутри себя нечто поистине чудовищное.

Некие токи исходили от одной из этих фигур и замирали, коснувшись другой.

На полу, у ног короля, держа в руках изогнутый темно-красный меч, сидел великан китаец.

По обеим сторонам трона стояли прекрасные полубогаженные девушки, шесть с одной стороны и шесть — с другой. В руках они держали кувшины с вином. У их ног покоились огромные белоснежные чаши, наполненные красным, пурпурным и желтым вином.

Справа от Повелителя Двух Смертей, преклонив колени, стояла девушка, на вытянутых руках дер-

жавшая золотой кубок. Еще одна девушка стояла слева, сжимая в ладонях золотой кувшин. Протягивая поочередно то одну, то другую руку, король брал кубок и кувшин, подносил к губам и возвращал девушкам, которые вновь наполняли сосуды вином.

Капитан и черный жрец привели Кентона сюда, пройдя множество переходов. Король отхлебнул вина, поставил кубок и хлопнул в ладоши.

— Король Эмактилы вершит суд! — торжественно провозгласил китаец.

— Вершит суд! — отозвались лучники слаженным хором.

Кентон, черный жрец и капитан сделали шаг вперед, и стрелы стоящих перед ними лучников оказались совсем рядом. Король наклонился, не спуская с Кентона светящихся весельем глаз.

— Что за шутки, Кланет? — воскликнул он высоким тонким голосом. — Или храмы Бела и Нергала объявили войну друг другу?

— Нет, повелитель, — ответил Кланет. — Этот человек — раб, за которого я обещал большое вознаграждение, и я предъявляю на него свои права, ибо я захватил...

— Ибо я захватил, о Могущественный, — прервал его капитан, преклоняя колени перед королем. — И заслужил вознаграждение Кланета, о Справедливый!

— Ты лжешь, Кланет! — фыркнул король. — Если нет войны, то зачем же ты связал...

— Присмотрись внимательно, повелитель, — прервал его Кланет. — Я не лгу.

Водянистые глаза уставились на Кентона.

— Да! — король рассмеялся. — Ты прав. Тот, другой, мог бы стать таким, как этот, не будь он таким ничтожеством. Ну что ж...

Король взял кувшин, но, не донеся его до рта, замер и заглянул внутрь.

— Здесь только половина! — захихикал он. — Только половина!

Он поднял глаза и взглянул на стоявшую слева девушку.

— Насекомое! — произнес он со смехом. — Ты забыла наполнить кувшин!

Король поднял палец.

У левой стены запела тетива, и в воздухе просвистела стрела, попав в правое плечо дрожащей девушки. Та покачнулась, закрыв глаза.

— Плохо! — весело воскликнул король и опять поднял палец.

Теперь пение тетивы раздалось справа, и опять в воздухе просвистела стрела. Она пронзила сердце лучника, который стрелял первым. Не успело его тело коснуться земли, как еще одна стрела взвилась в воздух.

Она вонзилась в грудь раненой девушки.

— Хорошо! — рассмеялся король.

— Наш повелитель даровал смерть! — провозгласил китаец. — Воздадим хвалу!

— Воздадим хвалу! — как эхо повторили лучники и девушки с кувшинами.

Но Кентон рванулся вперед вне себя от ярости при виде этой жестокой расправы. В то же мгновение туго натянулись тетивы всех тридцати шести луков. Черный жрец и капитан, схватив Кентона, оттащили его назад. Он упал.

Вынув маленький молоток, китаец ударил по клинку своего меча. Меч зазвенел подобно колоколу. На возвышение поднялись двое рабов и унесли мертвую девушку. Другая встала на ее место. Потом рабы оттащили убитого лучника. Другой стрелок выскользнул откуда-то из-за тяжелой занавеси и занял его место.

— Поднимите его, — сказал король и осушил свой кувшин до дна.

— Но повелитель, это мой раб! — несмотря на всю свою волю, черный жрец не мог сдержать надменного нетерпения. — Его привели сюда, подчиняясь твоему приказу. Он перед тобой. Теперь я хочу осуществить свое право и отвести его к месту наказания.

— О-хо-хо! — король поставил кубок и лучезарно улыбнулся Кланету. — О-хо-хо! Так ты не дашь ему встать? И унесешь с собой? О-хо-хо! Ах ты гнилая блоха! — закричал он пронзительно. — Я король Эмактилы или нет?! Отвечай же!

Со всех сторон раздался звук натягиваемой тетивы. Каждая стрела в серебряно-алом ряду лучников была нацелена на мощное тело черного жреца. Капитан бросился на пол рядом с Кентоном.

— О боги! — услышал Кентон возле плеча. — Пропади пропадом и ты, и эта награда! Зачем только я тебя увидел!

Раздался голос черного жреца, в котором слышались одновременно и ярость, и страх:

— Ты — король Эмактилы!

Он встал на колени. Король взмахнул рукой. Луки опустились.

— Встаньте! — воскликнул король. Все трое поднялись. Король сделал пальцем знак Кентону.

— Почему ты так разгневался, — спросил он, посмеиваясь, — когда я даровал смерть этим двоим? Да знаешь ли ты, как пламенно ты будешь молить о смерти и вспоминать быстрые стрелы моих лучников, пока Кланет не расправится с тобой?

— Это было убийство, — ответил Кентон, не мигая глядя в водянистые глаза.

— Мой кубок должен быть полон, — спокойно ответил король. — Девушка знала, какое наказание ее ждет. Она нарушила закон, и она убита. Я справедлив.

— Наш повелитель справедлив! — пропел китаец.

— Он справедлив, — отозвались лучники и девушки с кувшинами.

— Стрелок заставил ее страдать, тогда как я хотел для нее безболезненной смерти. Поэтому он убит, — сказал король. — Я милосерден.

— Наш повелитель милосерден! — пропел китаец.

— Он милосерден! — эхом отозвались лучники и девушки с кувшинами.

— Смерть! — радость заиграла на морщинистом лице короля. — Знаешь ли ты, что смерть — величайшее из всех благ? Она — единственное, в чем боги не могут нас обмануть. Только она одна сильнее их непостоянства. Только она одна полностью принадлежит человеку. Она выше богов, сильнее богов, она не считается с ними — ибо даже боги должны умереть, когда пробьет их час! Ах! — вздохнул он, и на какой-то краткий миг исчезла вся веселость. — Ах! Когда я жила в Чалде, там был один поэт, знавший, что такое смерть и как рассказать о ней. Его звали Малдронах. Здесь никто не слышал о нем...

Потом он продолжил тихо:

Лучше мертвым быть, чем живым,
Но лучше всего вообще не быть!

Кентон слушал, и постепенно его гнев сменялся интересом к этой странной личности. Он знал Малдронаха из древнего Ура; как раз на это стихотворение он наткнулся, когда исследовал надписи на глиняных табличках, которые Гайльпрехт нашел в песках Найневе, это было в той, другой жизни, теперь почти забытой. И невольно Кентон начал читать последнюю мрачную строфу:

Жизнь — это просто игра,
Нам не дано угадать, да и не хочется знать,
Что же нас ждет в конце...

— Что?! — воскликнул король. — Ты знаешь Малдронаха! Ты...

Опять превратившись в короля Кола, он затрясся от смеха.

— Продолжай! — приказал он. Кентон почувствовал, что Кланет весь дрожит от ярости, и тоже рассмеялся, встретившись взглядом с блестящими глазами короля. Пока Повелитель Двух Смертей коротал время, осушая по очереди кубок и кувшин, он дочитал стихотворение Малдронаха, в необычный танцевальный ритм которого странно вплетался медленный размер:

Проходить над глубокою бездной,
И с опасностью в прятки играть,
И от этой игры бесполезной
Путеводную нить потерять.
Отворились какие-то двери,
Вот пространство — и можно шагнуть,
Все, что видел, и все, во что верил, —
Что оно, — если кончен твой путь?
А быть может, не жил ты на свете
Никогда. Так о чем сожалеть?
Так лети же вперед, словно ветер,
Если не о чем сожалеть.
Ах, лучше мертвым быть, чем живым,
Но лучше всего вообще не быть!

Король долго сидел задумавшись. Наконец он взял кувшин и сделал знак одной из девушек.

— Он будет пить со мной, — сказал король, указывая на Кентона.

Лучники расступились, давая дорогу девушке. Она остановилась перед Кентоном и поднесла кувшин к его губам. Кентон выпил и в знак благодарности поклонился королю.

— Кланет, — сказал король, — если человек знает Малдронаха из Ура, он не может быть рабом.

— Но повелитель, — продолжал настаивать черный жрец, — этот человек — мой раб.

Король вновь замолчал и только поочередно протягивал руку то к кубку, то к кувшину, переводя взгляд с Кентона на Кланета.

— Подойди сюда, — наконец произнес он и сделал Кентону знак пальцем, указав ему на место рядом с китайцем.

— Повелитель! — сказал Кланет обеспокоенно, но все столь же упрямо. — Мой раб останется рядом со мной.

— Вот как? — рассмеялся король. — Язва на брюхе комара! Рядом с тобой?

Опять натянулись тетивы.

— Повелитель, — Кланет тяжело вздохнул и склонил голову. — Он идет к тебе.

Проходя мимо черного жреца, Кентон услышал, как у того скрежетали зубы и как тяжело он дышал, будто только что пробежал большое расстояние. Усмехнувшись, Кентон прошел между расступившимися лучниками и предстал перед королем.

— Человек, знающий Малдронаха, — сказал король. — Ты недоумеваешь, как это я один обладаю большей властью, чем все эти жрецы и их боги? Знаешь, это потому, что я — единственный во всей Эмактиле, для кого не существует ни богов, ни суеверий. Я — единственный, кто знает, что только три вещи реальны в этом мире. Вино — в определенных количествах оно делает человека более зорким, чем боги. Власть — если она сочетается с хитростью, то человек станет выше богов. И смерть — ни один бог не может отменить ее, а я распоряжаюсь ею по своей воле.

— Вино! Власть! Смерть! — провозгласил китаец.

— У этих жрецов множество богов, и они не могут поделить власть. Ха-ха! — рассмеялся король. — У меня же вообще нет богов, поэтому я

справедлив со всеми. Справедливый судья должен быть лишен предрассудков, лишен веры.

— У нашего повелителя нет предрассудков! — провозгласил китаец.

— У него нет веры! — громко произнесли лучники.

— На одной чаше весов — я, — король кивнул, — на другой — все боги и жрецы. Существует только три вещи, в которые я верю. Вино, власть, смерть! А у тех, что на другой чаше, верований — множество раз по три. И поэтому моя чаша перевесит. Если бы на другой стороне был один бог, одна вера, тогда — увь! — они бы перевесили! Да, трое не устоят перед одним. Это парадокс и, тем не менее, правда.

— Повелитель Эмактилы провозглашает правду! — прошептали лучники.

— Лучше иметь в колчане три прямые стрелы, чем двадцать раз по три кривых. А если появится в Эмактиле человек всего лишь с одной стрелой, но она будет прямее, чем мои три, то этот человек скоро займет мое место на троне, — смеясь, сказал король. — Итак, — продолжал он, — поскольку все боги и все жрецы борются друг с другом, мне приходится — мне, королю Эмактилы, кому нечего делить ни с богами, ни со жрецами, — сохранять между ними мир и смотреть, чтобы они не уничтожили друг друга! А поскольку на каждого из их лучников приходится десять моих, и двадцать моих воинов на каждого из воинов этих жрецов, то с этой задачей я справляюсь хорошо. Ха-ха! — король засмеялся. — В этом и заключается власть.

— Наш повелитель наделен властью! — воскликнул китаец.

— А имея власть, я могу напиваться, когда захочу, — усмехнулся король.

— Наш повелитель пьян! — зашептали лучники по всему залу.

— Пьяный или трезвый, я — король Двух Смертей! — сказал правитель Эмактилы и прыснул со смеху.

— Двух Смертей! — прошептали лучники, кивая.

— Тебе — человеку, который знает Малдрона-ха, — я покажу их, — сказал король.

— Лучники, склоните головы! — крикнул китаец. В то же мгновение головы стрелков, стоящих вдоль стен, упали на грудь.

С фигуры, которая стояла слева от короля, упало покрывало.

Это была женщина. В ее глубоких, устремленных на Кентона глазах светилась нежность матери, застенчивость девушки, страсть верной возлюбленной. Ее обнаженное тело было совершенно. Красота матери, девушки и подруги сливались в нем в один стройный аккорд. От фигуры исходило дыхание всех весен, когда-либо ласкавших землю. Она открывала дверь в заколдованные миры, она олицетворяла собой всю красоту и радость, которую могла дать жизнь. В ней воплотились все улады жизни, ее посулы и восторги, ее прелесть и ее смысл. Глядя на нее, Кентон ясно ощущал, что жизнь — самое дорогое, что есть на свете; она полна чудес; она — совершенство, и человек должен беречь ее!

А смерть — ужасна!

Кентон не почувствовал страсти к этой женщине, но она разожгла в нем бушующую любовь к жизни.

В правой руке она держала какой-то странный инструмент с острыми крюками и рядами зубьев.

— Ей, — усмехнулся король, — я отдаю только тех, к кому испытываю самые отрицательные чувства. Она убивает их медленно. Глядя на нее, они цепляются за жизнь, яростно, из последних сил цепляются за жизнь. Каждая секунда жизни, которую она отнимает, впиваясь в них этими крючками и зубцами, становится для них вечностью, в которой они борются со смертью. Медленно, очень медленно она вытягивает из них жизнь, а они рыдают, цепляются за нее, упрямо отворачиваясь от лица смерти! А теперь — смотри сюда!

Покрывало упало с другой фигуры, которая стояла справа от короля.

Это был черный скрюченный карлик, уродливый и отвратительный. В его пустых глазах, уставившихся на Кентона, таились все печали, все горести и разочарования жизни, ее бесполезность, ее скука, ее пустой изнурительный труд. Глядя на карлика, Кентон забыл о прекрасной женщине, уверовав, что жизнь ужасна, невыносима.

И что смерть — единственное благо!

В правой руке карлик держал узкий меч с тонким клинком. Острие сверкало, и Кентон ощутил непреодолимое желание кинуться прямо на это острие, умереть на нем!

— А ему, — сказал король, посмеиваясь, — я отдаю тех, кто сделал мне приятное. Смерть для них мгновенна, и вкус ее сладок.

— Эй, ты, — король сделал знак капитану, — я не очень доволен тем, что ты взял в плен этого человека, который знает Малдронаха, будь он даже рабом Кланета. Ты пойдешь к левой смерти!

Побледнев как полотно, капитан шагнул к ступенькам, негнувшимися ногами прошел мимо лучников и остановился только перед женщиной. Китаец ударил по мечу. Вошли двое рабов; их головы были низко опущены. Они принесли металлическую решетку. Раздев капитана, они привязали его к решетке. Женщина склонилась над ним, в ее дивном лице светились нежность, любовь, все улады жизни. Это лицо не дрогнуло, когда женщина воткнула ему в грудь свой острый инструмент.

С уст капитана сорвался пронзительный крик, крик боли и отчаяния.

Женщина склонилась над ним, нежная улыбка играла на ее губах, глаза смотрели в глаза.

— Довольно! — хихикнул король. Женщина отняла от груди капитана орудие пыток и накинула на себя покрывало. Отвязав дрожащего капитана, рабы одели его. Не сдерживая рыданий, он побрел прочь и упал на колени рядом с черным жрецом.

— Я недоволен, — весело сказал король, — но ты исполнил свой долг. И поэтому — поживи еще, если хочешь. Я справедлив.

— Наш повелитель справедлив, — эхом отозвался зал.

— А ты, — король сделал знак лучнику, убившему девушку и стрелка, — тобой я очень доволен. Ты получишь свою награду. Иди к правой смерти!

Лучник нерешительно шагнул вперед. Но он пошел быстрее, когда его взгляд встретился с пустыми глазами карлика. Быстрее, еще быстрее — он взбежал по ступенькам, оттолкнул лучников и упал на острие тонкого меча!

— Я великодушен, — сказал король.

— Наш повелитель великодушен, — произнес китаец.

— Я хочу пить, — рассмеялся король. Он отхлебнул из кубка и из кувшина. Голова его склонилась, он покачнулся, совсем как пьяный. — Вот мой приказ! — Он открыл и закрыл по очереди оба глаза. — Ты слышишь меня, Кланет? Я хочу спать. Я буду спать. Когда я проснусь, приведи опять ко мне этого человека, который знает Малдронаха. Не причиняй ему никакого зла. Это мой приказ. Его будут охранять лучники. Уведите его. Он должен быть в безопасности. Это мой приказ!

Он потянулся за кубком. Слабые руки не смогли удержать его.

— Клянусь моими Смертями! — захихикал он. — Какой позор, что в бочку входит так много, а в человека — так мало!

Он повалился.

Повелитель Двух Смертей захрапел.

— Наш повелитель спит! — тихо произнес китаец.

— Он спит! — прошептали лучники и девушки.

Китаец встал и наклонился над королем. Он взял его на руки, как ребенка. Две Смерти последовали за ним. Двенадцать лучников, стоявших внизу, повернувшись, поднялись по ступеням и окружили их. Двадцать четыре лучника повернулись, поднялись и окружили тех. Стрелки, стоявшие у стен, развернулись и рядами по шесть человек поднялись по ступеням. Серебряно-алые ряды дрогнули, и по шесть человек стрелки отделялись от стен и подходили к возвышению.

Двойное кольцо сомкнулось и скрылось за тяжелыми шторами в дальней части зала. Стрелки последовали следом.

Шестеро отделились от общего ряда и выстроились вокруг Кентона.

Подхватив чаши и кувшины, девушки скрылись за шторами.

Один из лучников сделал Кентону знак. Тот спустился вниз.

В сопровождении черного жреца и бледного капитана Кентон вышел из королевского зала правосудия. Трое лучников шли впереди них, трое — сзади.

20. За стеной

Кентона привели в темную комнату с узкими окнами, похожими на щели. Сюда вела тяжелая бронзовая дверь. Бдоль стен тянулись каменные скамьи. Еще одна скамья стояла в центре. На нее лучники посадили Кентона, кожаными ремнями стянув ему ноги, а руки привязали к скамье веревками. Потом они сели по двое у каждой стены и застыли, не спуская глаз с черного жреца и капитана.

Капитан дотронулся до плеча Кланета.

— А моя награда? — спросил он. — Когда я получу ее?

— Когда этот раб будет у меня в руках, и не раньше, — грубо ответил Кланет. — Будь ты чуть поумнее, ты бы уже получил ее.

— Много было бы от нее толку, если бы я лежал со стрелой в груди или, — он содрогнулся, — все еще стонал бы в руках левой смерти!

Черный жрец злобно взглянул на Кентона, потом наклонился к нему.

— Не возлагай надежд на королевскую благосклонность, — тихо произнес он. — В короле говорило опьянение. Когда он проснется, все будет забыто. И он сразу отдаст тебя мне. Так что не надейся!

— Да? — усмехнулся Кентон, пристально глядя в пылающие злобой глаза. — Но ведь я уже дважды побил тебя, черная свинья!

— Третьего раза не будет, — отрезал Кланет. — Когда король проснется, я заполучу не только тебя, но и твою шлюху! Ха-ха! — черный жрец разразился громким хохотом, увидев, как Кентон вздрогнул. — Что, задело за живое? Да-да, вы оба будете у меня в руках. Вы будете умирать вместе — медленно, ах, как медленно; будете видеть агонии друг друга до тех пор, пока мои изощренные пытки не уничтожат ваши тела. Нет, ваши души! Никогда еще мужчина и женщина не умирали так, как умрете вы!

— Ты не сможешь причинить зло Шаран, — ответил Кентон, — ты — пожиратель падали, твои грязные губы источают ложь! Она — жрица Бела, и ты бессилен.

— А, так ты и это знаешь? — проворчал Кланет, наклонившись, и зашептал в самое ухо Кентона: —

Слушай, я тебе скажу одну вещь, чтобы тебе было чем развлечься в мое отсутствие. Я бессилен только до тех пор, пока жрица верна своему богу. Но еще до того, как король проснется, у твоей Шаран будет новый возлюбленный! Твоя Шаран будет лежать в объятиях земного человека, и этим человеком будешь не ты!

Кентон напрягся, пытаясь разорвать свои путы.

— О прекрасная Шаран! — шептал Кланет, иска-са поглядывая на него. — Священный Сосуд Радости! Он станет моим, пока спит король, и я разобью его, когда захочу!

Он подошел к капитану.

— Пошли, — сказал Кланет.

— Я не пойду, — торопливо отозвался тот. — Клянусь всеми богами, мне и здесь неплохо. К тому же, если я перестану следить за этим человеком, я уж точно не успежу на наградой, которую ты мне обещал.

— Дай мне его меч, — приказал Кланет, протягивая руку, чтобы взять у капитана клинок Набу.

— Меч останется там же, где и его хозяин, — ответил капитан, спрятав клинок за спину и оглядываясь на лучников.

— Это правда, — стрелки закивали, — ты не можешь забрать меч.

Свирепо рыча, Кланет потянулся к мечу. В то же мгновение поднялись шесть луков, и шесть стрел нацелились на него в упор. Не сказав больше ни слова, черный жрец вышел из камеры. Один из стрелков поднялся и запер дверь на засов. Наступило молчание. Капитан был погружен в свои мысли. Время от времени он вздрагивал, словно от холода, и Кентон знал, что в это время он думает о смерти, которая с нежной улыбкой подносила к его груди орудие пыток. Шестеро лучников не спускали с Кентона глаз.

Наконец веки Кентона сомкнулись. Но и во сне он все время думал о том, что затекает Кланет против его возлюбленной, стараясь не поддаваться отчаянию.

Что же задумал черный жрец, какие ловушки расставил, если так уверен в своей скорой победе? Где же Гиги, Сигурд и Зубран? Знают ли, что он в плену? Чувство полного одиночества охватило его.

Кентон не знал, сколько времени так просидел, как вдруг он услышал удивительно бесстрастный голос, который, казалось, донесся из нескончаемых далей.

— Вставай! — обратился голос к Кентону.

Открыв глаза, Кентон приподнял голову. Перед ним стоял жрец, с головы до ног окутанный голубым плащом. Кентон совсем не мог рассмотреть его лица.

Почувствовав, что руки и ноги его свободны, он сел. Веревки и ремни лежали на полу, а на каменных скамьях спали лучники. Капитан тоже спал.

Жрец указал на клинок Набу, лежавший на коленях у спящего капитана. Кентон взял его. Жрец указал на дверь. Кентон поднял засов и распахнул ее. Голубой жрец удалился из камеры, как будто скользя по воздуху. Кентон последовал за ним.

Пройдя по коридору около ста шагов, жрец неожиданно прислонился к стене. Стена раздвинулась, и они оказались в тускло освещенном длинном коридоре. Продвигаясь вперед, Кентон заметил, что этот тайный лабиринт в точности повторяет все изгибы храма и, вероятно, расположен внутри него.

Путь преградила тяжелая бронзовая дверь. Жрец, казалось, едва дотронулся до нее, как дверь распахнулась, закрывшись за ними, когда они вошли.

Кентон очутился в склепе. Впереди виднелась еще одна дверь, в точности как предыдущая. Слева он заметил гладкий белый камень длиной примерно в десять футов.

— Разум женщины, которую ты любишь, — спит! — раздалось вдруг из камня. — Она живет в мире грез, и эти грезы создал для нее другой разум. К ней подбирается зло, и нельзя допустить, чтобы оно победило. Все зависит от тебя — от твоей мудрости, силы и мужества. Когда ты поймешь, что время пришло, открой дальнюю дверь. Твой путь ведет туда. И помни — разум женщины спит. Разбуди его, пока не поздно.

Что-то со звоном упало на пол. У ног Кентона лежал маленький треугольный ключ. Кентон наклонился и взял его. Разгибаясь в пояснице, он увидел у дальней двери голубого жреца.

Жрец превратился в тонкую струйку дыма; с каждым мгновением становясь все прозрачнее, он наконец растаял совсем.

Кентона отвлекли неясные приглушенные звуки множества голосов. Он прислушивался, переходя от одной двери к другой. Голоса доносились не из коридора. Казалось, они исходят из белого камня. Кентон припал к камню ухом. Звуки стали громче, но он все равно не мог разобрать слов. Камень, должно быть, в этом месте очень тонкий, если так хорошо слышно. Справа на камне Кентон увидел маленькую светящуюся ручку и потянул за нее.

Внутри камня засветилось круглое туманное пятно шириной примерно три фута. Оно становилось все ярче и наконец ослепительно засверкало. На этом же месте возникло круглое отверстие — окно. Кентон увидел головы двух мужчин и женщины. Их голоса слышались теперь так ясно, как будто они стояли рядом. Волнами накатывался говор толпы. Кентон отпрянул, опасаясь, что его заметят. Маленькая ручка встала на место, окно подернулось дымкой, голоса замерли. Перед Кентоном опять была гладкая белая поверхность.

Он вновь медленно потянул за ручку и снова увидел, как разгорается твердь камня, и опять появились три головы. Свободной рукой он коснулся камня, подняв руку выше, к круглому отверстию. Но его пальцы все время ощущали холодную твердь. Даже там, где он видел окно, под рукой был камень!

Кентон понял — это устройство, придуманное колдунами-эрецами. Отсюда можно было наблюдать и слушать. Им известны были какие-то свойства света, еще не исследованные наукой в мире Кентона, они могли управлять колебаниями световых волн и делать камень с одной стороны прозрачным. В чем бы ни заключался секрет, ясно было одно — сквозь камень могли пройти воздушные волны звука и эфирные волны света.

Не выпуская ручку, Кентон стал всматриваться в находившихся поблизости и в то же время ничего не подозревавших о нем.

21. У алтаря Бела

Поднимался туман. Сгущаясь, он превращался в мрачные грозовые тучи, которые открывали вершину храма. Кентон видел перед собой огромную открытую площадку, пол которой был выложен восьмиугольниками черного и белого мрамора. Придавая этой картине еще более сказочный вид, площадку широким полукругом охватывал ряд стройных колонн, мерцавших то красным, то черным цветом. Их конусообразные резные верхушки были похожи на ветви гигантских папоротников, на которых, как капли росы, сверкали бриллианты и сапфиры. На черно-алых колоннах светились таинственные знаки, выведенные золотом и лазурью, изумрудом и серебром. Множество этих колонн поднималось к хмурому догорающему небу.

Менее чем в ста футах от Кентона стоял золотой алтарь, его охраняли отлитые из какого-то темного металла фигуры Керубов — чудовищ с головой человека, крыльями орла и телом льва. Их свирепые бородатые лица казались живыми. В треножнике малиново светился острый неподвижный язычок пламени.

Примерно в двенадцати ярдах от колонн широким полумесяцем выстроилось двойное кольцо лучников и копьеносцев. Они преграждали путь огромной толпе — здесь были мужчины, женщины, дети; толпа волнами накатывалась на воинов, но тут же отступала, разбиваясь на множество мелких брызг. Многие и многие десятки людей, оставив свою привычную жизнь, вошли в этот мир, лишенный времени.

— Говорят, новая жрица очень красива, — сказали где-то совсем рядом с Кентоном. Это говорил худой бледный мужчина, на гладких волосах которого красовалась фригийская шапочка. Кентон увидел также черноглазую темноволосую женщину в полном расцвете красоты, рядом с которой стоял бородатый, похожий на волка, ассириец.

— Говорят, она принцесса, — сказала женщина, — принцесса из Вавилона...

— Принцесса из Вавилона! — отозвался ассириец. Волчье лицо смягчилось, в голосе послышалась грусть. — О, если бы вернуться в Вавилон!

— Говорят, в нее влюблен жрец Бела, — опять нарушила молчание женщина.

— В жрицу? — шепотом переспросил фригиец; женщина кивнула. — Но ведь это запрещено, — пробормотал он, — за это — смерть!

Женщина рассмеялась.

— Шш-ш! — остановил их ассириец.

— А в жреца влюблена танцовщица Нарада! — продолжала женщина, не обращая внимания. — И значит, как всегда, кто-нибудь из них поспешит к Нергалу!

— Шш-ш! — опять прошептал ассириец.

Послышались громкие удары в барабан и сладкие звуки флейты. Кентон повернул голову, высматривая музыкантов. Взгляд его упал на небольшую группу девушек. Розовые пальчики пятерых лежали на маленьких барабанах, две держали в руках тростниковые дудочки, а три склонились над арфами. Перед ними что-то лежало, — вначале Кентон принял это за огромную мерцающую паутину, сплетенную из черных сверкающих нитей, в которой бились, запутавшись, золотые бабочки. Вдруг паутина вздрогнула, приподнялась.

Темные шелковые нити опутывали женщину, столь прекрасную, что на мгновение Кентон забыл о Шаран. Вся она была подобна темному бархату знойной летней ночи, ее глаза напоминали ночное небо без звезд, черное облако волос окутывала золотистая шелковая сеть. Что-то мрачное было в этом золоте, как и во всем прекрасном облике женщины.

— Ну и женщина! — собеседница обратила смелый взгляд на ассирийца. — Такая своего добьется, в этом я уверена!

Позади нее раздался тихий задумчивый голос, полный обожания:

— О да! Но новая жрица не женщина. Она — Иштар!

Кентон вытянул шею, пытаясь разглядеть говорившего. Он увидел худощавого юношу лет девятнадцати. Его мечтательные глаза казались совсем детскими.

— Он немного не в себе, — зашептала ассирийцу темноволосая женщина, — с тех пор, как появилась новая жрица, он все время здесь бродит.

— Кажется, будет гроза. Небо — как медный таз, — тихо сказал фригиец. — В воздухе висит что-то зловещее.

— Говорят, что в грозу Бел приходит в свое жилище, — отозвался ассириец. — Наверное, жрица не будет сегодня грустить в одиночестве!

Женщина лукаво рассмеялась. Похоть послышалась Кентону в этом смехе. Раздался отдаленный удар грома.

— Возможно, это он идет, — сказала женщина с притворной скромностью.

Послышались пульсирующие звуки арф, жалобный стон барабана. Одна из девушек запела нежным голосом:

Нала дарит наслажденье
Всем, кто ею восхищен.
Белой ножки появление
Вызывает сладкий стон.
Умереть готовы ныне
Все, кто знал любовь богини!

Гневная искра вспыхнула в задумчивых глазах Нареды.

— Потихе! — услышал Кентон ее шепот. Девушки тихонько засмеялись; зазвучали нежные трели арф, тихие удары в барабан. Но певшая лишь молча опустила глаза.

— А что, эта жрица в самом деле так прекрасна? — спросил фригиец.

— Я не знаю, — ответил ассириец. — Никто не видел ее без покрывала.

Раздался шепот юноши:

— Когда я слышу ее шаги, я весь дрожу! Я дрожу, как маленькое озеро в храме, когда его шевелит ветерок! Я забываю обо всем и не могу отвести от нее глаз, и как будто какая-то рука сжимает мне горло.

— Потихе, — сказала молодая кареглазая женщина, державшая на руках младенца. — Не так громко, а то полетят стрелы.

— Это не женщина! Она — Иштар, сама Иштар! — не успокаивался юноша.

В его сторону посмотрели стоявшие рядом воины. Держа в руках короткий меч, подошел седой офицер,

перед которым все расступились, и только юноша стоял неподвижно. Офицер мрачно оглядел всех из-под нависших бровей. Но едва его взгляд упал на юношу, как вперед протиснулся какой-то человек в одежде моряка и легкой кольчуге. Он схватил юношу за руку и увлек за собой. Кентон успел заметить его агатовые глаза, черную бороду...

Это Зубран!

Зубран! Но он, кажется, не подойдет сюда? Услышит ли он, если позвать? Если Кентона не видно снаружи, пробьется ли его голос сквозь камень?

Офицер неуверенно переводил взгляд с юноши на Зубрана. Перс жестом поприветствовал его.

— Здесь тихо! — наконец произнес офицер и отошел.

Усмехнувшись, перс отпустил юношу; не спуская глаз с темноволосой женщины, он оттолкнул фригийца, встал на его место и положил руку ей на плечо.

— Я все слышал, — сказал он. — Кто эта жрица? Я недавно приехал сюда и ничего не знаю о здешних нравах. Но клянусь Ормуздом! — Он обнял ее за плечи. — Стоило ехать так далеко, чтобы встретить тебя! Кто эта прекрасная жрица?

— Она — хранительница Приюта Бела, — женщина прижалась к Зубрану.

— Но что она там делает? — спросил Зубран. — Если бы это была ты, мне все было бы ясно. Но зачем там она?

— Жрица живет в Приюте Бела на самой вершине храма, — заговорил ассириец. — Сюда она приходит, чтобы помолиться у алтаря. Потом она уходит.

— Если верить твоим словам, — заметил Зубран, — то для такой красавицы, как она, не подходит жизнь затворницы. Почему же она довольствуется этим, если так прекрасна?

— Она принадлежит богу, — ответил ассириец, — она хранит его дом. Если бог придет, он может быть голоден. Должна быть готова еда, и кто-то должен ее подавать. Или его может охватить страсть...

— И поэтому там должна быть женщина, — дерзко улыбаясь, собеседница смотрела на Зубрана.

— В моей стране тоже есть такой обычай, — перс обнял ее крепче, — но жрицы редко ждут бога в одиночестве. Жрецы этого не допускают. Ха-ха!

О Боже! Неужели Зубран никогда не подойдет сюда? Так, чтобы Кентон смог позвать его? А если его окликнуть, то и остальные услышат... И тогда...

— А кто-нибудь из этих жриц, из тех, что ждут... — голос Зубрана звучал мягко и вкрадчиво. — Кто-нибудь из них когда-нибудь... встречался... с богом?

Раздался голос юноши:

— Говорят, что с ней разговаривают голуби — голуби Иштар! Говорят, она прекрасней, чем сама Иштар!

— Глупец! — прошептал ассириец. — Молчи, глупец! Ты навлечешь на нас беду! Ни одна женщина не может быть прекраснее Иштар!

— Ни одна женщина не может быть прекраснее Иштар, — вздохнул юноша. — Значит, она — Иштар!

— Он сумасшедший, — сказал фригиец.

Но перс свободной рукой подтащил юношу к себе.

— Эти жрицы когда-нибудь встречались с богом? — спросил он.

— Подожди, — тихо произнесла женщина. — Я спрошу Народаха, лучника. Он иногда приходит ко мне. Он скажет. Он видел множество жриц. — Крепко обхватив обнимавшую ее руку перса, женщина склонилась вперед. — Народах! Подойди сюда!

Лучник обернулся и, прошептав что-то своим товарищам, ускользнул. Стрелки сомкнулись, закрыв то место, где он стоял.

— Народах, — обратилась к нему женщина, — скажи, жрицы когда-нибудь встречались с Белом?

Лучник не знал, что ответить, в его взгляде сквозило беспокойство.

— Я не знаю, — произнес он наконец, — много чего рассказывают. Но может, это только сказки? Когда я впервые появился в храме, здесь была одна жрица. Она была свежа как молодая луна и многих зажгла страстью.

— Эй, лучник, — громко прервал его перс. — Но встречалась ли она с богом?

— Я не знаю, — ответил Народах. — Говорят, ее иссушило пламя бога. Жена возничего, который слу-

жит у жреца Ниниба, рассказывала мне, что когда жрицу нашли, лицо ее было очень старым. Она походила на финиковое дерево, которое засохло, не успев принести плоды.

— Будь я жрицей, и такой прекрасной, я бы не стала ждать бога! — женщина пристально взглянула на Зубрана. — Я бы нашла мужчину. Да, у меня было бы много мужчин!

— Потом была еще одна, — продолжал лучник. — Она говорила, что бог приходил к ней. Но она была сумасшедшей и приняла за бога одного из жрецов Нергала.

— Эй, слышите, мне нужны мужчины! — шептала женщина.

— Потом была еще одна, — говорил в раздумье лучник. — Она выбросилась из окна. Другая исчезла. Еще одна...

— Похоже, всем этим жрицам не очень везло, — прервал его перс.

— Мне нужны мужчины! — иступленно повторяла женщина.

Опять раздался удар грома, на этот раз ближе. В мрачном, темнеющем небе медленно сгущались тучи.

— Будет сильная гроза, — тихо сказал фригиец.

Девушка, чье пение не понравилось Нараде, опять ударила по струнам арфы; она запела, и голос ее звучал дерзко и вызывающе:

Утешает Нала всех,
Хоть берет на душу грех, —
Счастье дарит Нала...

Она оборвала пение. Откуда-то издалека послышался голос, раздались шаги. Воины подняли луки и копья, приветствуя идущих. За спинами воинов бесчисленные толпы людей упали на колени. Перс прижался к стене. В круглом, обрамленном камнем окне Кентон видел теперь только его голову.

— Зубран! — тихо позвал Кентон.

В полном изумлении перс посмотрел на стену, потом прижался к ней сильнее и закрыл лицо плащом.

— Волк, — прошептал он. — С тобой все в порядке? Ты где?

— За стеной, — ответил шепотом Кентон. — Говори тише.

— Ты ранен? Ты в плену? — спрашивал перс.

— Со мной все в порядке, — ответил Кентон. — А что с Гиги и Сигурдом?

— Они ищут тебя, — сказал перс. — Мы совсем было отчаялись...

— Слушай, — сказал Кентон, — рядом с лестницей храма растут высокие деревья...

— Мы знаем, — ответил Зубран, — мы заберемся по ним и проникнем в храм. Но ты...

— Я буду в Приюте Бела, — сказал Кентон. — Как только начнется гроза, идите туда. Если меня там не будет, берите Шаран и возвращайтесь на корабль. Я вас догоню.

— Мы не пойдем без тебя, — ответил Зубран шепотом.

— Я слышу голос, — сказал стоявший на коленях ассириец, — он доносится из камня.

Кентон тотчас же потерял Зубрана из вида.

Пение слышалось громче, шаги приближались. Каким-то потайным входом в храм вошли отряды лучников и воинов с мечами. За ними шли наголо выбритые жрецы в желтых одеждах, они пели и размахивали золотыми курильницами. Воины выстроились полукругом перед алтарем. Мрачным аккордом жрецы закончили пение и пали ниц.

На помост вышел человек приблизительно одного роста с Кентоном. С головы до ног он был закутан в сверкающую золотую мантию, конец которой держал на поднятой левой руке, скрывая таким образом свое лицо.

— Жрец Бела, — прошептала женщина.

В группе девушек началось какое-то движение. Нарада напряженно вытянулась. Никогда еще в ее глазах не было такого томления, такого горько-сладкого желания, как в тот миг, когда жрец прошел мимо, не замечая ее. Тонкие пальцы сжимали легкую ткань, грудь ее вздымалась, с губ срывались дрожащие вздохи.

Жрец Бела подошел к золотому алтарю. Он опустил руку, державшую край мантии, — и пальцы Кентона, сжимавшие сверкающую ручку, готовы были разжаться сами собой.

Как в зеркало, Кентон смотрел в свое собственное лицо!

22. Танец Нарады

Затаив дыхание, Кентон смотрел на этого незнакомого близнеца. Тот же квадратный подбородок, твердая линия губ, чистые голубые глаза.

Он начал понимать, в чем заключался план черного жреца. Так вот кто станет возлюбленным Шаран! Эта мысль мгновенной молнией озарила его сознание. Кентон задумался.

Сквозь камень он услышал голос перса.

— Волк, ты здесь? — тихо спросил тот. — Ты правда здесь, Волк?

— Да, — прошептал Кентон, — я здесь, Зубран. А там — не я, это какое-то колдовство.

Он опять взглянул на жреца и заметил некоторые различия. Линия губ была не такой твердой, уголки рта опускались вниз, и это, а также подбородок, выдавали едва заметную нерешительность. В напряженном взгляде незнакомца таилась тень какого-то дикого, мучительного желания. В полном молчании жрец смотрел куда-то поверх Нарады, не замечая ее гибкого, напряженного тела, взгляд его был устремлен на потайную дверь, впустившую его.

Острый малиновый язычок пламени дрогнул, покачнулся.

— Да сохраняют нас боги, — услышал Кентон голос женщины.

— Молчи! Что с тобой? — спросил ассириец.

— Ты видел Керубов? — поинтересовалась женщина шепотом. — Они смотрели прямо на жреца! Они повернулись к нему!

— Я тоже видела это! Мне страшно! — сказала женщина с младенцем.

— Это просто пламя заиграло, — предположил ассириец.

— А может и нет, — тихо отозвался фригиец, — разве Керубы — не посланники Бела? Ты ведь сам сказал, что жрец влюблен в его женщину.

— Замолчите! — из-за двойного кольца воинов прогремел голос офицера. Послышалось тихое пение. Яркое пламя зажглось в глазах жреца, губы его дрогнули, он наклонился вперед, как будто влекомый неведомой силой. Через широкую площадку шла

женщина. Пурпурный плащ окутывал ее с головы до ног, на голове было золотое покрывало.

Кентон узнал ее!

Кровь застучала в его висках, сердце рвалось к ней. Его охватила такая мука, что, казалось, тоскующее сердце разорвется.

— Шаран! — позвал он, забыв обо всем. — Шаран!

Воины расступились и пали перед женщиной на колени, а она медленно шла вперед, приблизившись к алтарю, она остановилась рядом со жрецом.

Громче послышался металлический раскат грома. Когда он замер вдали, жрец повернулся к алтарю и высоко поднял руки. Раздался долгий монотонный звук — это пели жрецы. Не опуская рук, жрец Бела семь раз низко поклонился перед языком пламени. Послышался шелест луков и приглушенный стук копий — это лучники и копьеносцы упали на колени.

Под те же таинственные монотонные звуки жрец Бела обратился к своему богу:

О милосердный из всех богов!
О сильнейший из всех богов!
Бел Меридах, повелитель земли и неба!
Небеса и весь мир — твои!
Ты даешь жизнь!
Твой дом готов для тебя!
Мы поклоняемся и ждем!

Кентон услышал трепетный, нежный шепот: «Я поклоняюсь и жду!»

Это шептала Шаран! Нежный шепот Шаран пробежал по его натянутым нервам, как маленькие пальчики перебирают струны арфы.

И опять Кентон услышал голос жреца:

О родители! О саморожденный!
О прекрасный, ты даешь жизнь младенцу!
О милосердный, ты возвращаешь жизнь мертвым!
Ты — повелитель Эзиды! Властитель Эмактилы!
О Повелитель Небес, ты найдешь покой в своем доме!
О Властитель Миров, ты найдешь покой в своем доме!
Мы поклоняемся и ждем!

И вновь донесся трепетный шепот Шаран: «Я поклоняюсь и жду тебя!» Жрец продолжал

Повелитель Безмолвных Сил!
О повелитель Покоя, взгляни благосклонно на свой дом!
Да воспоем радость Эзида в твоём доме!
Да воспоем покой Эмактила в твоём доме!
Мы поклоняемся и ждём тебя!

«Я поклоняюсь и жду тебя!» — подхватила Шаран.

Жрец повернулся к алтарю, и в этом движении Кентону почудился едва заметный вызов. Жрец смотрел прямо в лицо Шаран. Его голос зазвучал громко, торжествующе:

В твоём господстве — радость!
Ты открываешь врата утра!
Ты открываешь врата вечера!
Ты властна отпереть врата Небес!
Я поклоняюсь и жду тебя!

При этих словах жрецы замолчали, неуверенно переглядываясь, некоторые в толпе подняли головы, удивленный шепот донёсся до Кентона.

— Этого не было в ритуале, — услышал он совсем рядом голос ассирийца.

— Чего не было? — спросил его перс.

— Этих последних слов, — ответила женщина, — они обращены не к Белу. Они — для нашей Повелительницы Иштар!

— Да, да! — зашептал юноша. — Это Иштар!

— Вы видели, как ошетинились Керубы? — дрожащим голосом произнесла женщина с младенцем. — Боюсь, мое молоко может испортиться. Смотрите, этот свет на алтаре похож на кровь!

— Мне это не нравится, — сказал ассириец обеспокоенно. — Этого не было в ритуале! К тому же приближается гроза!

Нарада быстро поднялась со своего места. Её помощницы склонились над барабанами и арфами, поднесли к губам флейты. Полились нежные и страстные звуки, завораживающие, как объятия влюбленных рук, как шелест голубиных крыльев, как биение нежных сердец. Как зелёный тростник качается под первым прикосновением весеннего ветра, двигалась Нарада, влекомая этими звуками. В полной тишине люди не спускали с неё глаз.

И Кентон видел, что только жрец не отрываясь смотрит на Шаран, а та стоит как будто в забытьи.

Музыка зазвучала громче. В ней билось любовное томление, страсть, горячая, как пустынный ветер. Нарада начала танцевать, и казалось, что ее тело впитывает каждую страстную зовущую ноту, придает ей плоть, превращает ее в движение.

В печальных темных глазах Нарады заиграли звездочки радости. Сладкое пламя алого рта сулило неведомые восторги; золотистые бабочки, бившиеся в черной паутине, вспорхнули и припали к ее жемчужно-розовому телу, как будто оно было каким-то чудесным цветком, покрывали поцелуями всю ее красоту, светившуюся сквозь дымку паутины, с головы до ног окутывавшей женщину, но не скрывавшей ни одной совершенной линии ее тела. Музыка и танец сводили с ума, перехватывали дыхание; Кентон видел перед собой соединяющиеся звезды, объятия солнц, рождение новых лун...

Музыка зазвучала тише, спокойнее, танцовщица замерла; вся толпа тихо, как один человек, вздохнула. Кентон услышал хриплый голос Зубрана:

— Кто она? Она — как пламя! Как пламя Ормузда, что бьется на Алтаре Десяти Тысяч Жертв!

— Это Поклонение Иштар Белу, — ревниво ответила женщина. — Она много раз танцевала этот танец, в нем нет ничего особенного.

— Он спросил, кто это, — недовольно заметил фригиец.

— О боги! Я же говорю, это давно известный танец, — раздраженно ответила женщина. — Его многие танцевали.

— Это Нарада. Она принадлежит Белу, — сказал ассириец.

— В этой стране все прекрасные женщины принадлежат Белу? — в голосе перса звучал гнев. — Клянусь Девятью Преисподними — король Цирус дал бы за нее десять талантов золота!

— Тише! — взмолился ассириец.

— Тише, — повторили еще двое.

Нарада продолжала свой танец. Музыка зазвучала громче; в ней слышалось томление, нега — словно билось само сердце страсти.

Кровь глухо стучала у Кентона в висках.

— Иштар покоряется Белу! — с восхищением произнес ассириец.

Перс весь подался вперед.

— Эх! — воскликнул он. — Цирус дал бы за нее пятьдесят талантов золота! Она как пламя! — голос Зубрана звучал тихо, сдавленно. — Но если она принадлежит Белу, то почему она так смотрит на жреца?

Рокот толпы заглушил слова Зубрана; люди не видели и не слышали ничего, кроме музыки и танца.

И Кентон тоже забыл обо всем!

Колдовские чары рассеялись, и Кентон в ярости ударил кулаком по камню. Внезапно что-то произошло с Шаран. Казалось, ее забытие нарушено. Откинув рукой пурпурное покрывало, она повернулась и быстро направилась к потайной двери.

Танец оборвался, музыка стихла; вновь зашевелились люди, раздался шепот.

— Так не положено! — ассириец вскочил на ноги. — Танец еще не закончен.

Удар грома раздался прямо над головой.

— Она ждет не дождется бога, — бесстыдно сказала женщина.

— Это Иштар! Она похожа на луну, что скрывает свой лик за тучкой! — Юноша шагнул к жрице, окруженной воинами.

Поднявшись и схватив его за руку, женщина повернулась к воинам:

— Он сумасшедший! Он живет у меня. Пожалуйста, не трогайте его! Сейчас я его уведу!

Но юноша вырвался и оттолкнул ее. Он бросился вперед через площадку навстречу приближающейся жрице. Кинувшись ей в ноги, он закрыл лицо краем ее плаща. Она остановилась и, не поднимая покрывала, посмотрела на него. В ту же секунду жрец Бела оказался рядом с ней. Ногой он отшвырнул юношу в сторону.

— Эй! Алрак! Друкар! Взять его! — закричал он.

Обнажив мечи, двое воинов бросились к юноше. Послышался тихий шепот жрецов. Толпа молчала.

Юноша извернулся, вскочил на ноги и посмотрел прямо в лицо жрице.

— Иштар! — воскликнул он. — Открой мне свое лицо, а потом я умру!

Жрица стояла неподвижно, как будто ничего не видела и не слышала. Воины схватили юношу, скрутили ему за спиной руки. И вдруг какая-то сила влилась в тело юноши — казалось, он стал выше ростом. Отшвырнув от себя воинов и ударив жреца по лицу, он схватил покрывало Шаран.

— Я не умру, пока не увижу твоего лица, о Иштар! — С криком он сорвал покрывало...

Кентон видел перед собой лицо Шаран.

Но она была не такой, как на корабле, полной сил и огня жизни.

На Кентона смотрели широко раскрытые невидящие глаза, грезы правили ее разумом, погруженным в запутанные лабиринты миражей.

Раздался резкий голос жреца:

— Убейте его!

Два меча пронзили грудь юноши.

Он упал, не выпуская из рук покрывало. Шаран все так же бесстрастно смотрела на него.

— Иштар! — прошептал юноша. — Я увидел тебя!

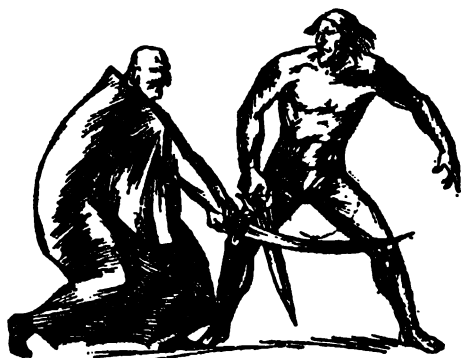
Взгляд его остановился. Взяв из сжатых рук покрывало, Шаран набросила его на себя и поспешила к храму. Кентон потерял ее из виду.

Шум толпы нарастал. Оттесняя людей назад за стройные колонны, воины хватали некоторых и уводили. Мимо жреца прошли его помощники, потом тихо проскользнули девушки.

На широкой площадке, обрамленной сказочными колоннами, остались лишь танцовщица и жрец. Грозовое небо становилось все темнее, все быстрее сгущались тучи. Острый язык пламени в светильнике на алтаре разгорался ярче, как гневно поднятый алый меч. Вокруг Керубов сгустились тени. Металлические раскаты не прекращались, приближаясь с каждой минутой.

Когда Шаран ушла, Кентон хотел открыть вторую дверь, но что-то подсказало ему, что еще не время, что нужно выждать еще немного. Вскоре к его окну подошли танцовщица и жрец, остановившись совсем рядом.

ЧАСТЬ 5

23. Танцовщица и жрец

— Я думаю, Бел доволен нашей молитвой, — услышал Кентон голос танцовщицы.

— О чем ты? — глухо спросил жрец.

Приблизившись, Нарада подняла к нему трепетные руки.

— Шаламу, — прептала она, — разве я танцевала для бога? Ты ведь знаешь, я танцевала для тебя. А ты, Шаламу, кому ты молился? Богу? Нет, жрице. А она, кому молилась она?

— Она молилась Белу! Нашему Повелителю Белу, который владеет всем! — горько сказал жрец.

— Шаламу, она молилась самой себе, — с насмешкой произнесла танцовщица.

— Она молилась Белу, — повторял жрец безрадостно.

Трепетные, страстные руки Нарады коснулись его.

— Шаламу, разве есть такая женщина, которая молилась бы богу? — спросила она. — Ах нет! Я — женщина, и я знаю. Эта жрица принадлежала бы богу — и никому из людей. Она слишком высоко себя ценит, чтобы принадлежать человеку. Она любит только себя. Она боготворит себя. Она преклонялась бы перед собой, если бы принадлежала богу. Женщины делают из мужчин богов, чтобы потом любить их, и ни одна женщина не любит бога, если он создан не ею, Шаламу!

— Что ж, я молился ей! — уныло ответил жрец.

— А она — себе! — сказала танцовщица.

— Шаламу, разве она хотела принести радость Белу, нашему Повелителю Белу, владеющему Иштар? Разве можем мы принести радость богам? Ведь они владеют всем! Цветок лотоса поднимается к солнцу, но разве это приносит солнцу радость? Нет, это приносит радость только цветку! Так и она, эта жрица. Я — женщина, и я знаю.

Руки Нарады лежали на плечах у жреца, он взял их в свои.

— Зачем ты говоришь мне это?

— Шаламу! — прошептала Нарада. — Посмотри в мои глаза. Посмотри на мои губы, на мою грудь. Я принадлежу богу, как и жрица, но я отдаю себя тебе, любимый!

— Да, ты прекрасна, — сказал жрец задумчиво.

Руки танцовщицы обвились вокруг его шеи, губы прижались к его рту.

— Разве я люблю бога? — шептала она. — Разве для него я танцую? Я танцую для тебя, любимый. Ради тебя я готова прогневить Бела... — Она нежно склонила его голову себе на грудь. — Разве я не прекрасна? Не прекраснее, чем та жрица, которая принадлежит Белу, а поклоняется самой себе и никогда не будет твоей? Разве не волнуют тебя мои ароматы? Никто из богов не владеет мной, любимый!

— Да, ты прекрасна, — так же задумчиво произнес он.

— Я люблю тебя, Шаламу!

Жрец оттолкнул ее:

— Ее глаза — как озера Покоя в Долине Забвения! Когда она проходит, я слышу, как бьют крыльями голуби Иштар! Она царит в моем сердце!

Алые губы Нарады побледнели, брови сурово сдвинулись:

— Жрица?

— Жрица, — ответил он. — Ее волосы — как легкое облако, скрывающее солнце на закате. Ткань ее одежд обжигает меня, как ветер из пустыни обжигает пальму. От ее одежд веет холодом, как веет холодом пустынная ночь.

— Этот юноша оказался смелее тебя, Шаламу, — сказала она.

Кентон увидел, как краска заливает лицо жреца.

— Что ты хочешь сказать? — грозно произнес он.

— Зачем ты приказал убить его? — голос танцовщицы звучал все так же спокойно.

— Он совершил кощунство, — горячо сказал жрец, — он...

Нарада презрительно прервала его:

— Потому что он оказался смелее тебя. Потому что он осмелился сорвать с нее покрывало. Потому что ты знаешь, что ты трус. Вот почему ты приказал убить его!

Жрец схватил ее за горло:

— Ты лжешь! Ты лжешь! Я не трус!

Нарада опять рассмеялась:

— Ты не смог даже убить его своими руками! — Она оттолкнула его. — Трус! Он осмелился взглянуть на возлюбленную! Он не побоялся гнева Иштар и Бела!

— Ты думаешь, я боюсь? Я испугаюсь смерти? Испугаюсь Бела?

Нарада насмешливо взглянула на него:

— Нет! Ведь ты любишь так сильно! — дразнила она. — В покинутом доме жрица ждет бога! А если он не придет с этой грозой? Может быть, другая женщина задержала его? О, Бесстрашный! О, смелый влюбленный, займи его место!

Он отпрянул.

— Занять... его... место... — прошептал он.

— Ты знаешь, где спрятаны доспехи бога. Приди к ней в обличье бога!

На какое-то время жрец задумался. Потом Кентон увидел, что сомнения его исчезли: он решился. Жрец подошел к алтарю, и острый язычок пламени задрожал и погас. Во внезапно наступившей темноте почудилось, что Керубы зловеще взмахнули крыльями.

Таинственным светом вспыхнула молния.

В ее радужном зареве Кентон увидел, как жрец быстро прошел следом за Шаран; увидел лежащую без движения Нараду. Ее покрывала черная паутина, золотистые бабочки не шевелились; она тихо и безутешно плакала.

Кентон медленно отпустил ручку. Пришло время воспользоваться этим ключом и пройти туда, куда указал ему голубой жрец. Внезапно рука его замерла.

В окне появилась тень, она была чернее сгущавшейся тьмы. Она остановилась около танцовщицы. Что-то знакомое было в этой неуклюжей громаде.

Кланет!

— Хорошо! — громко сказал черный жрец и дотронулся до женщины ногой. — Скоро ни он, ни Шаран не потревожат тебя. Ты заслужила обещанную награду.

Страдальчески взглянув на него, Нарада протянула к нему дрожащие руки.

— Если бы он любил меня, — рыдала она, — он никогда бы не ушел. Если бы он хоть немного любил меня, никогда бы я не отпустила его. Но он отшвырнул мою любовь — и теперь меня мучит стыд. Не ради нашей сделки, черный змей, я послала его туда — к ней и к смерти!

Пристально посмотрев на нее, черный жрец рассмеялся.

— Каковы бы ни были причины — ты сделала это. А Кланет свои долги не забывает.

В ее раскрытые ладони черный жрец швырнул горсть сверкающих камней. Женщина вскрикнула и раздвинула пальцы, словно драгоценности обожгли ее. Камни покатались по плитам пола.

— Если бы он любил меня! Если бы он хоть немного любил меня! — зарыдала Нарада и опять упала ничком, покрытая сетью своих бабочек.

Теперь Кентон ясно понял замысел черного жреца. Он отпустил ручку, бросился к бронзовой двери и вставил ключ в скважину. Дверь медленно приоткрылась, и Кентон бросился по коридору. Два пламени сжигали его — светлое пламя любви и черное пламя ненависти. Что бы ни было на уме у жреца Бела, он шел к Шаран, и если Кентон опоздает, конец будет один.

Нарада повторяла одно и то же, но было уже поздно. Черный жрец сделал ставку — и выиграл!

С губ Кентона срывались проклятия. Если Шаран, находясь во власти колдовского сна, увидит жреца в обличье самого бога, возлюбленным ее станет смертный. Невинность не спасет ее, Кланет позаботится об этом.

А если Шаран проснется — о Боже! Не примет ли она спросонья жреца Бела за него, за Кентона!

В любом случае, если их застанут вдвоем в Приюте Бела, этого будет достаточно, чтобы обвинить обоих. Да, Кланет позаботится и об этом.

Кентон свернул в какой-то коридор, по обеим сторонам которого на страже стояли некие фантастические существа; коридор вел вниз. Перед Кентоном предстал широкий дверной проем, завешенный тяжелой неподвижной тканью, похожей на слиток серебра. Насторожившись, Кентон протянул руку, раздвинул металлические шторы и заглянул внутрь...

Он увидел свою комнату.

Вот она перед ним, знакомая комната в том, привычном, мире!

Корабль переливался, мерцая, но Кентон видел его будто сквозь туман, сквозь какую-то огненную дымку. В таком же светящемся тумане сверкало большое зеркало. Бесконечно маленькие бесчисленные мерцающие частички отделяли Кентона от комнаты.

А сам он оставался в этом незнакомом мире!

Дрожащая туманная дымка окутывала комнату, размывая все очертания, то рассеиваясь, то вновь сгущалась.

Не веря своим глазам, Кентон сморел на комнату, и сердце его сжимало холодное отчаяние; вдруг он почувствовал, что держит в руке легкую шелковую ткань, которая внезапно опять превратилась в твердый металл; мерцающая дымка рассеивалась, и ткань ускользала из рук, но вновь отвердевала, когда туман окутывал комнату.

Комната то появлялась, то опять исчезала, а очертания корабля проступали все яснее, он светился ярким светом и звал Кентона, притягивал его!

24. Боги и желание человека

Кентон собрался с силами; он крепко держал шторы и сосредоточил всю свою волю, чтобы не дать им превратиться в мираж. Они удерживали Кентона здесь, в этом волшебном мире.

Какая-то сила, мощная, как морской прибой, толкала его вперед каждый раз, когда металл в его руках превращался в шелк, и смутные очертания комнаты обретали плоть. Кентон ясно видел все ее предметы — большое зеркало, бюро, диван, пятна крови на полу.

Комната появлялась и вновь исчезала в дымке, но корабль сиял постоянным ровным светом, казалось, чего-то выжидая.

Внезапно Кентон воспарил над комнатой: под ним на полу старинный китайский коврик, вроде бы совсем рядом, и в то же время бесконечно далеко. До слуха Кентона донеслись звуки пронзительных космических ветров!

В этот миг Кентон понял, что сияющая игрушка неодолимо притягивает его!

Что-то поднималось навстречу Кентону с темной палубы корабля — тянуло, тянуло Кентона к себе!

Черная палуба приближалась, и сила ее притяжения росла...

— Иштар! — взмолился Кентон, не спуская глаз с розовой каюты. — Иштар!

Ему показалось, что каюта вспыхнула, озарившись внезапным светом.

Комната растаяла, в руках он ощущал твердый металл. Кентон опять стоял на пороге Дома Бога Луны.

Комната появлялась вновь — один, два, три раза, но с каждым разом ее очертания были все более призрачны. И каждый раз Кентон сосредоточивал всю свою волю: закрыв глаза, он отгонял видение.

И он победил. Комната исчезла, исчезла совсем. Чары были разрушены, тонкие нити оборваны.

Колени Кентона дрожали, он все еще не выпускал из рук штору. Наконец, придя в себя, он решительно отодвинул завесу.

Перед ним был огромный зал, залитый туманным серебристым светом; свет казался осязаемым, будто сотканным из мерцающих нитей. Свечение этих сплетающихся нитей придавало залу бесконечность, казалось, впереди открываются неизмеримые расстояния. Кентону почудилось, что внутри этой паутины он заметил какое-то движение — призрачные тени то появлялись, то исчезали, их невозможно было

рассмотреть. Какая-то тень медленно двигалась к Кентону из глубины зала. Когда она приблизилась, Кентон увидел мужчину, одетого в короткий золотой плащ, пронизанный алыми нитями. На голове у мужчины был золотой шлем, в руке — золотой меч; он шел склонив голову, с трудом, казалось, сопротивляясь какой-то силе.

Это был Жрец Бела, облаченный в одежды своего бога!

Не дыша, Кентон наблюдал за ним. В глазах, так похожих на его собственные, темным огнем светился ужас, и все же в них были неукротимая воля и стремление к цели. Бледные губы были плотно сжаты. Но Кентон чувствовал, что дрожь пронизывает тело и темную душу жреца. Он понимал, что ужасы этого мира для его незнакомого двойника были реальны, тогда как для него самого они являлись всего лишь призраками.

Жрец прошел мимо, и Кентон, подождав, пока он скроется в мерцающей дымке, вошел в зал и последовал за ним.

Вдруг Кентон услышал голос, спокойный и бесстрастный, как тот, что поднял его с каменной скамьи; так же, как и тогда, этот голос был не снаружи и не в нем самом. Казалось, он доносится из каких-то бесконечных пространств...

Это был голос Набу, Бога мудрости!

Слушая его, Кентон ощущал себя не одним человеком, а одновременно тремя: первый — тот, что шел за жрецом и мог последовать за ним куда угодно, чтобы найти Шаран; второй — тот, кого некие неизвестные нити связывали со жрецом, с его душой, он видел, слышал, чувствовал и испытывал страх, как и этот человек; и третий — спокойно и бесстрастно внимавший холодным словам Набу и отстраненно смотревший на картины, проходившие перед ним.

— Дом Сина! — объявил голос. — Главного из всех богов! Наннара! Прародителя богов и людей! Повелителя Луны! Повелителя Яркого Месяца! Великого Обладателя Рогов! Вершителя судьбы! Саморожденного! Дом его — самый первый, и цвет его — серебро!

Жрец проходит через Дом Сина! — шептал голос. — Он проходит мимо алтарей из халцедона, украшенных огромными лунными камнями и горным хрусталем, и на алтарях этих горит белое пламя, из которого Син-Создатель породил Иштар! Навстречу ему извиваются сияющие бледным светом змеи Наннара, а из серебристого тумана, скрывающего полумесяц рогов, к нему рвутся белые крылатые скорпионы!

Он слышит звуки шагов — это проходят тысячи людей, которым еще предстоит родиться под Луной!

Он слышит рыдания — рыдания тысяч женщин, которым предстоит родиться и самим давать жизнь! Он слышит шум Несотворенного!

Он идет дальше! — ибо прародитель богов и страх перед ним бессильны перед желанием человека!

Голос стих, и Кентон увидел все то, о чем он говорил, — увидел белых змей, которые поднимались навстречу жрецу, мерца в серебристой дымке, увидел рвущихся к нему крылатых скорпионов, различил в тумане огромную, внушающую ужас фигуру, во лбу которой горел серебряный полумесяц. В ушах Кентона звучали шаги тысяч нерожденных, рыдания женщин, еще не пришедших в этот мир, он слышал шум Несотворенного! Видел и слышал то же самое, что видел и слышал жрец Бела!

Он шел вперед.

Высоко впереди ярко горел золотой шлем. Кентон остановился у подножия винтовой лестницы; устремляясь вверх, ее широкие ступени превращались из бледно-серебристых в ярко-оранжевые. Он подождал, пока поднимется жрец, — тот шел не спеша и не оглядываясь — и скользнул вслед за ним.

Перед Кентоном был зал, весь залитый ярким шафранным светом. Жрец шел примерно в ста шагах впереди Кентона, и когда Кентон последовал за ним, все тот же спокойный голос зашептал опять:

— Дом Шамаша! Потомка Луны! Бога Дневного Света! Обитателя Сияющего Дома! Врага Тьмы! Властителя Правосудия! Судьи Человечества! На голове его покоится корона Высоких Рогов! В его руках — жизнь и смерть! Его руки очищают Человека! Дом его — второй, и цвет его — оранжевый!

Он проходит через Дом Шамаша!

Здесь стоят алтари из опала, выложенные бриллиантами, и золотые алтари, украшенные янтарем и солнечными камнями! Сандаловое дерево, кардамон и вербена горят на алтарях Шамаша! Он проходит мимо опаловых и золотых алтарей, он проходит мимо птиц Шамаша, головы которых — как столбы пламени, они охраняют огромное колесо, что вращается в Доме Шамаша: это гончарный круг, на котором — души всех живущих.

Он слышит тысячи голосов — рыдания и крики тех, над кем свершился суд!

Он идет дальше!

Ибо Властитель Правосудия и страх перед ним бессильны перед желанием человека!

И опять Кентон увидел все это; следуя за жрецом, он подошел ко второй лестнице, ступени которой меняли свой цвет от ярко-оранжевого до насыщенно-черного. Наконец он остановился в огромном мрачном зале. Имя его ужасного хозяина он знал еще до того, как вновь раздался тихий голос, долетавший к Кентону из неизвестных пространств:

— Дом Нергала! Могущественного повелителя Огромного Царства! Властителя Мертвых! Насылающего Чуму! Правящего над Погибшими! Темный повелитель, лишенный Рогов! Дом его — третий, и цвет его — черный!

Он проходит через Дом Нергала!

Он проходит мимо алтарей из черного янтаря и кровавого камня! Цибетин и бергамот горят на этих алтарях! Он проходит мимо львов, что стерегут их! Мимо черных львов с рубиновыми глазами и кроваво-красными когтями, мимо красных львов с черными когтями и глазами черного янтаря; мимо черных ястребов с женскими головами, глаза которых светятся, как карбункулы.

Он слышит вой тех, кто населяет Огромное Царство, и он чувствует вкус пепла их отгоревших страстей!

Он идет дальше!

Ибо Бог мертвых и ужас перед ним не могут свернуть человека с его пути!

Кентон поднялся по лестнице, ведущей из Дома Нергала. Ступени ее из черных превратились в ярко-

красные; он оказался в зале, залитом алым гневным светом.

— Дом Ниниба! — произнес голос. — Повелителя Копий! Повелителя Битвы! Властителя Щитов! Властителя Воинских Сердец! Правителя Сражений! Уничтожающего врагов! Разбивающего Запоры! Победителя! Цвет его — алый, и Дом его — четвертый!

На его алтарях из щитов и копий горят в огне кровь воинов и слезы женщин; на этих алтарях бог сжигает врата павших городов и сердца покоренных властителей! Он проходит мимо алтарей Ниниба. Ему угрожают багрово-красные клыки вепрей, которым руки воинов оплетают венками головы, он видит кровавые бивни слонов Ниниба, на ногах которых висят черепа королей, он видит огненные языки змеев Ниниба, которые слизывают города!

Он слышит шелест копий, стук мечей, звук обрушивающихся стен, плач поверженных!

Он идет дальше!

Ибо всегда алтари Ниниба были полны плодами человеческих желаний!

Кентон ступил на четвертую лестницу. Яркое пламя ее ступеней перетекало в чистую прозрачную синеву безмятежного неба; он остановился посреди зала, залитого спокойным лазурным светом. Голос звучал где-то рядом.

— Дом Набу! Повелителя Мудрости! Хранителя Жезла! Могущественного Властителя Вод! Повелителя Полей и Подземных Потоков! Провозглашающего! Дающего Понимание! Цвет его — голубой, и Дом его — пятый из всех!

Алтари Набу — из синего сапфира, изумруда, прозрачного аметиста! Голубое пламя горит на этих алтарях, и в его свете лишь правда имеет тень! Пламя Набу — холодное пламя, и над его алтарями нет никаких ароматов! Он проходит мимо сапфировых и изумрудных алтарей с их холодным огнем! Он проходит мимо рыб Набу; у них женская грудь, но уста их холодно сомкнуты! Он проходит мимо всевидящих глаз Набу, наблюдающих из-за алтарей, он не касается его жезла, на который опирается мудрость!

Да — он идет дальше!

Ибо никогда Мудрость не вставала на пути человеческих желаний!

Жрец вышел из голубого дома Набу и поднялся по лестнице, верхние ступени которой светились розовым жемчугом и слоновой костью; следом за ним шел Кентон. К нему потянулись тонкие струйки нежных ароматов, раздались томные, страстные звуки; опасно сладостные, они упрашивали, звали, манили. Кентон медленно шел вперед, слыша все тот же голос. Он почти забыл о своем поиске; возникло страстное желание откликнуться на зов, поддаться дивной музыке, покориться этому колдовству, остаться здесь и — забыть Шаран!

— Дом Иштар! — проговорил голос. — Матери Богов и Людей! Великой Богини! Повелительницы Утра и Вечера! Полногрудой! Дарующей жизнь! Выслушивающей Мольбы! Божественного Орудия! Убивающей и дарующей Любовь! Ее цвет — розовый жемчуг, Дом Иштар — Шестой!

Он проходит через Дом Иштар! Алтари ее из розового коралла и белого мрамора с синими прожилками, который похож на женскую грудь! Вечно горят на ее алтарях мирра и ладан, амбра и розовое масло! Белый и розовый жемчуг, гиацинты, бирюза и бериллы украшают алтари Иштар!

Он проходит мимо алтарей Иштар, и розовый дым благовоний льнет к нему, словно нежные ладони страстных дев. Перед ним машут крыльями голуби Иштар! Он слышит звуки поцелуев, биение сердец, женские вздохи и поступь легких ног!

И он проходит!

Ибо никогда Любовь не останавливала человека!..

Из этого зала страстных чар уводила жемчужно-розовая лестница, последние ступени которой светились ярким, пламенеющим золотом. Поднявшись по ней, Кентон оказался в огромном зале, сияющем, как недра солнца. Жрец Бела шел все быстрее и быстрее, как будто здесь его поджидали и неслись за ним по пятам кошмары.

— Дом Бела! — прогремел голос. — Меродаха! Правителя Четырех Стран! Повелителя Земель! Дитя Дня! У него шея Быка и мускулы Слона! Могущественного! Покорителя Тиамата! Повелителя Игиги!

**Властителя Небес и Земли! Дающего Совершенство!
Возлюбленного Иштар!**

Бел-Меродах, Дом его — седьмой, и цвет его — золото!

Быстрыми шагами он проходит через Дом Бела!

Алтари Бела из золота, они светятся, как солнце! Золотое пламя летних молний горит на них, и аромат ладана подобен грозovým тучам! Крылатые Керубы с телами львов и орлиными головами, крылатые Керубы с телами быков и человеческими головами охраняют золотые алтари Бела! Алтари эти покоятся на мощных слонах, шеях быков и львиных лапах!

Он проходит! Перед его глазами проносятся огненные молнии, и алтарь содрогается! Он слышит, как под рукою Бела рушатся миры, разбиваясь под его ударами!

И он проходит!

Ибо даже Могущественный не может разрушить желание человека!

Голос затих, затаившись в неведомых пространствах. Кентон понимал, что больше он не вернется; теперь ему самому предстоит прокладывать себе путь, полагаясь лишь на свой ум и силу.

К дому Бела примыкала квадратная стена шириной около пятидесяти футов, напоминавшая гигантскую опору моста. Верх ее был скрыт от взгляда.

На гладкой поверхности стены светила широкая золотая полоса, и Кентон сначала решил, что это какое-то украшение, символизирующее молнии Бела. Следуя за жрецом, он подошел ближе и тут увидел, что золотая полоса вовсе не украшение, а лестница, напоминающая молнию. Ее ступени начинались от Дома Бела и поднимались вверх по стене — но куда?

У подножия лестницы жрец остановился; первый раз за все это время он посмотрел вокруг и, казалось, почти поддался желанию вернуться обратно, но все с тем же отчаянным жестом готового на все человека, каким начался его путь от алтаря Бела, осторожно и бесшумно стал подниматься по высоким ступеням.

Кентон подождал, пока жрец скроется в сияющей дымке, и последовал за ним.

25. В Приюте Бела

Началась буря. Поднимаясь, Кентон слышал раскаты грома, похожие на бряцание щитов, на звон цимбал, на удары бесчисленных медных гонгов. Шум нарастал, в нем слышались теперь завывания необузданных ветров, стаккато дождевого водопада.

Лестница извивалась по голой стене, словно виноградная лоза по отвесному склону башни. Она была довольно узкая, одновременно по ней могли подниматься трое, не больше. Лестница круто уводила вверх. Кентон прошел пять больших пролетов по сорок ступеней, четыре пролета по пятнадцать и наконец добрался до самого верха. Наружный край площадки закрывали высокие колонны, стоявшие на расстоянии пяти футов друг от друга, сверху на них покоился толстый канат, скрученный из золотых нитей.

Кентон подошел к краю площадки и посмотрел вниз; он взошел так высоко, что храм Бела показался ему всего лишь золотистым пятном — как будто он стоял на вершине высокой горы, а перед ним расстилалась окутанная туманом долина, и первые лучи солнца только что коснулись ее.

Последняя ступень лестницы представляла собой площадку шириной шесть и длиной около десяти футов. Отсюда открывалась какая-то дверь, узкий проход, в который едва ли могли войти двое. Дверь вела в зал, тонувший в тумане.

Стоя на этой площадке, один человек мог сражаться с бесчисленным войском.

Дверной проем скрывала штора из литого золота, такая же тяжелая, как и та, что висела у входа в Серебряный Дом Бога Луны. Невольно Кентон отдернул руку — он вспомнил, что открылось перед ним, когда он раздвинул те серебристые занавеси. И все же, поборов нерешительность, он слегка отодвинул штору.

Перед ним был четырехугольный зал, весь заполненный яркими, трепещущими вспышками молний. Он шел именно сюда — это и было место отдыха Бела, где находилась его любимая, вся во власти своих грез.

Кентон увидел жреца: тот притаился у дальней стены и не спускал восхищенных глаз с женщины, закутанной во все белое; вытянув вперед руки, она стояла около окна. В прозрачный хрусталь этого окна хлестал дождь и бился ветер. Обмакнув тысячи кистей в радужное пламя, молнии расписывали стены.

Здесь стояли стол, два золотых стула и массивное деревянное ложе, украшенное слоновой костью, а рядом — широкая пузатая жаровня и курильница в форме больших песочных часов. В жаровне билось высокое желтое пламя. На столе в янтарных блюдах лежали маленькие лепешки шафранного цвета и стояли золотые кувшины с вином. По стенам висели лампы, рядом с каждой стоял сосуд с ароматным маслом.

Притаившись, Кентон ждал. Подобно грозовой туче, вокруг сгущалась опасность — это Кланет мешал в котле свое колдовское варево. Он был вынужден ждать — прежде, чем разбудить Шаран, ему предстояло постигнуть всю глубину ее сна, понять до конца мир грез, в котором блуждал ее разум. Так сказал ему голубой жрец.

Кентон услышал голос Шаран:

— Кто видел биение его крыльев? Кто слышал его шаги, подобные стуку колесниц, отправляющихся в битву? Кто из женщин смотрел в его глаза?

Зал озарила яркая вспышка; казалось, прямо над головой раздался удар грома. Когда ослепление прошло, Кентон увидел, что Шаран, закрыв лицо руками, медленно отходила от окна.

На ее месте в ореоле трепещущего сияния стояла огромная фигура, вся в ослепительном золоте. Она была подобна богу!

Сам Бел-Меродах, спустившись с боевого коня грозы, стоял здесь, а вокруг полыхали его молнии!

Кентона охватил благоговейный ужас, но внезапно он понял, что перед ним — жрец Бела в похищенных одеяниях своего бога.

Шаран медленно отняла руки от лица, так же медленно опустила их, не сводя взгляда с сияющей фигуры. Она наклонилась, чтобы встать на колени, но потом гордо поднялась; огромными зелеными глазами, полными грез, она всматривалась в сокрытое шлемом лицо.

— Бел! — прошептала она. — Повелитель Бел!

— О прекрасная, кого ты ждешь? — заговорил жрец.

— Только тебя, Повелитель Молний! — ответила она.

— Но почему ты ждешь меня? — спросил жрец, не сходя с места. Услышав это, приготовившийся к прыжку Кентон замер. Что задумал жрец Бела, почему он так медлил?

Шаран заговорила — растерянно, немного стыдливо:

— Это твой дом, Бел. Разве не должна здесь быть женщина, которая бы ждала тебя? Я — дочь короля, и я уже давно жду тебя!

— Ты прекрасна! — ответил жрец, не спуская с нее горящих глаз. — Многие, должно быть, говорили тебе это. Но ведь я — бог!

— Я — прекраснейшая из всех принцесс Вавилона. А кто, как не прекраснейшая, должна ждать тебя в твоём доме? Я — лучшая из всех... — страстно говорила Шаран.

— Скажи, принцесса, — спросил ее жрец, — что было с теми, кто называл тебя прекрасной? Скажи, твоя красота убивала их, как быстрый сладкий яд?

— Разве я думала о них? — дрожа, проговорила Шаран.

— Но многие, наверное, думали о тебе, — ответил он сурово. — А яд, пусть даже быстрый и сладкий, все равно причиняет боль. Я — бог, но я знаю это!

Наступило молчание, потом жрец коротко спросил:

— Как ты ждала меня?

— Я подливала масло в лампы, — ответила она, — я приносила лепешки и ставила на стол вино для тебя. Я была твоей служанкой.

— Многие женщины делали то же самое для простых смертных, дочь короля, — ответил жрец, — но я — бог!

— Я — самая прекрасная, — тихо сказала она. — Принцы и короли пылали страстью ко мне. Смотри, о Великий!

Радужные вспышки молний ласкали серебристые очертания ее тела, скрытого лишь облаком распущенных золотых волос.

Жрец весь подался вперед. Ужаснувшись при мысли о том, что эту красоту будет держать в руках другой, Кентон рванулся к обманщику, но на полпути остановился: понимание, даже сострадание к жрецу удержали его.

Перед ним была обнаженная человеческая душа, и Кентон понял, что, окажись он на месте жреца, он бы чувствовал то же.

— Нет! — воскликнул жрец Бела, срывая золотой шлем своего бога, отбрасывая меч, расстегивая его плащ...

— Нет! Ни одного поцелуя Белу! Ни одного удара сердца для Бела! Что, думаешь, я буду помогать Белу? Нет! Ты будешь целовать человека — меня! Человеческое сердце будет биться рядом с твоим — мое сердце! Я, я — а не бог — буду владеть тобой!

Схватив Шаран, он прижал к ее рту свои горячие губы.

Кентон был уже рядом.

Обхватив рукой подбородок жреца, он рванул его голову назад. Хрустнула кость. На Кентона смотрели выпученные глаза жреца, его руки отпустили Шаран, он попытался ударить Кентона, вырваться из его цепкой хватки, но неожиданно перестал сопротивляться, и выражение слепой ярости на его лице сменилось ужасом. Он увидел лицо Кентона — свое собственное лицо!

Его собственное лицо смотрело на него, угрожая смертью!

Бог, которого он предал, которому бросил вызов, отомстил ему! Кентон так ясно понимал его мысли, как будто они были высказаны вслух. Чуть приподняв жреца, он размахнулся и швырнул его о стену. Раздался удар, тело упало и забилось в судорогах.

Дрожащими руками подобрав свои одежды, Шаран, сжавшись, сидела на краю ложа. Глаза ее жадно смотрели на Кентона, в них появилась растерянность, смущение, и он почувствовал, что где-то глубоко в ее сознании начинает просыпаться воля, опутанная паутиной грез.

Любовь и жалость к Шаран переполняли душу Кентона, но в этом чувстве не было страсти; в данный момент она была для него всего лишь ребенком, растерянным, испуганным, покинутым.

— Шаран! — прошептал Кентон, обнимая ее. — Шаран, любимая! Любимая, проснись!

Он целовал ее холодные губы, испуганные глаза.

— Кентон! — проговорила она. — Кентон! Да... я помню... ты был моим господином... давно... так давно! — она говорила так тихо, что Кентон едва мог расслышать.

— Проснись, Шаран! — воскликнул он и опять прижался к ней губами. И ее теплые губы ответили!

— Кентон! — прошептала она. — Мой дорогой повелитель!

Она откинулась назад и крепко сжала пальцами его руки; в ее глазах рассеивалась пелена грез, — так с появлением солнца рассеиваются гроззовые тучи. Дымка сна рассеивалась и опять сгущалась в ее глазах, вновь рассеивалась и превращалась в легкое тающее облачко.

— Любимый! — воскликнула Шаран, наконец-то освободившись от своих грез, обвивая шею Кентона и прижимаясь к его щеке горячими губами. — Любимый мой! Кентон!

— Шаран! Шаран! — шептал он, все глубже погружаясь в облако ее волос, целуя ее лицо, шею, грудь.

— Где же ты был, Кентон? — спросила она, всхлипывая. — Что они сделали со мной? Где корабль? И где мы теперь? Но это все равно, ведь ты рядом!

— Шаран, Шаран! Любимая! — прижавшись к ней губами, Кентон ничего больше не мог произнести.

Сильные руки сдавили ему горло, у него перехватило дыхание. Кентон увидел перед собой обезумевший взгляд жреца Бела. Думая, что жрец уже мертв, он ошибся.

Оттолкнув его ногой, Кентон попытался встать. Жрец упал, увлекая Кентона за собой. Его хватка немного ослабла, и Кентон сумел разжать душившие его пальцы. Змеей жрец скользнул вниз, отбросил Кентона и вскочил на ноги. Столь же быстро вскочил и Кентон. Он не успел вынуть меч; жрец опять напал на него, одной рукой зажав правую руку Кентона, а другой потянувшись к его горлу, одновременно удерживая локтем его левую руку.

Откуда-то снизу, заглушая биение крови в ушах, до Кентона донеслись другие звуки, наполненные призывом и угрозой, как будто стучало встревоженное и разгневанное сердце самого бога!

Далеко внизу эти же звуки слышал Гиги, поднимаясь по веревке с наружной стороны лестницы; с бешеной скоростью он взбирался вверх, а за ним так же быстро поднимались Зубран и викинг.

— Осторожнее! — тихо предупредил Сигурд, увлекая друзей к самому краю стены. — Молитесь Тору, чтобы часовые ничего не услышали! Идем быстрее!

Прижимаясь к стене, они обогнули серебряную террасу Сина, Лунного Бога. Молнии сверкать перестали, но дождь лил сплошной стеной. Выл ветер. Лестница превратилась в бушующий поток глубиной почти по колено. Непроглядная тьма окутала все вокруг.

Но они шли — навстречу дождю и ветру, навстречу мощному потоку.

Высоко в Приюте Бела по огромному залу катались, крепко сцепившись, Кентон и жрец. Сжимая в ладонях меч, украденный жрецом, вокруг них, едва переводя дыхание, кружила Шаран, примеривавшаяся для удара, но все не решавшаяся — так тесно сплелись дравшиеся, так быстро мелькала перед ней то одна спина, то другая.

— Шаламу! Шаламу! — У золотой шторы стояла танцовщица: любовь, раскаяние и отчаяние привели ее сюда через все ужасы тайных святилищ. Бледная, дрожащая, она не выпускала из рук штору.

— Шаламу! — пронзительно закричала она. — Они идут за тобой! Их ведет жрец Нергала!

Нараду видела спину жреца, лицо же Кентона было обращено прямо к ней. Жрец наклонил голову, стараясь достать зубами шею Кентона, разорвать его артерии; он не слышал Нараду, он был глух и слеп ко всему, в нем жила только жажда крови.

Увидев лицо Кентона, освещенное неровным светом жаровни, Нарада приняла его за своего возлюбленного.

Шаран не успела сделать и шага, а она уже бросилась вперед.

По самую рукоять она вонзила свой кинжал в спину жреца Бела!

Укрывшись от дождя в специальном углублении в стене храма, часовые чувствовали, как некие руки тянутся к ним из мрака бури. Двое упали, задушенные крепкими пальцами Гиги, двое — под быстрыми ударами Сигурда, двое — от сабли перса. В нише осталось только шесть мертвых тел.

— Быстрее! Быстрее! — Сигурд первым преодолел серебряный храм. Они обогнули оранжевый дом Шамаша, Солнечного Бога.

Три смерти возникли из бездны, и часовые оранжевого храма остались лежать мертвыми, не слыша удаляющихся шагов трех человек.

Слева тьма сгустилась — в ней выросли черные стены храма Нергала, Бога Мертвых...

— Быстрее! Быстрее!

Жрец Бела выскользнул из рук Кентона, ноги его подкосились, и он стал падать назад; его потухающий взгляд встретился с глазами танцовщицы.

— Нарада! — прошептал он, на губах у него выступила кровавая пена. — Нарада... ты... — Кровь хлынула струей.

Жрец Бела был мертв.

Танцовщица взглянула на него, потом на Кентона и все поняла...

— Шаламу! — зарыдала она и, рыдая, бросилась на Кентона, занеся кинжал. Кентон не успел вынуть меч или поднять руку, чтобы защититься, не успел даже отойти в сторону. Сверкнуло лезвие, она целилась в сердце, Кентон уже почувствовал острие...

Нож скользнул в сторону, поранив кожу на ребрах. Это Шаран схватила танцовщицу за руку, удержав ее от удара и направив острие кинжала в грудь Нарады.

Покачнувшись как молодое дерево под последними ударами топора, танцовщица вздрогнула и упала ничком на тело жреца. Застонав, она из последних

сил обвила руки вокруг его головы, прижалась к нему губами.

Так они и лежали, соединив мертвые губы.

Шаран и Кентон посмотрели друг на друга — она, держа в руках окровавленный клинок, он — с раной на груди, оставленной этим клинком; они смотрели на танцовщицу и жреца, и во взгляде Кентона была жалость, а в глазах Шаран — нет.

— Она бы убила тебя! — прошептала она. — Она бы убила тебя!

Зал озарила ослепительная вспышка, послышались громовые раскаты. Молнии запылали с новой силой. Подойдя к дверям, Кентон раздвинул штору и прислушался. Внизу в ровном сиянии золотистой дымки лежал храм Бела. Кентон ничего не услышал: все звуки, должно быть, заглушали раскаты грома. Он ничего не увидел, ничего не услышал, и все же...

Он ощущал приближение опасности — возможно, прямо сейчас она крадется вверх по зигзагам этих ступенек. Тихо крадутся, приближаясь с каждой минутой, мучения и смерть — для Шаран и для него.

Он подбежал к окну. Гиги, Сигурд, Зубран! Где же они? Им не удалось подняться по лестнице? Или они уже идут сюда, пробиваясь через посты часовых? Они уже рядом?

Могут ли они вообще не прийти?

Стена была толстой. Три фута камня отделяли оконную раму от края подоконника, Кентон наклонился вперед. Окно было сделано из толстого прозрачного хрусталя и окаймлено полосой металла, в маленьких нишах находились ручки. Кентон повернул их одну за другой. Окно распахнулось; дождь и ветер ворвались внутрь, тесня Кентона. Преодолевая этот натиск, он наклонился и посмотрел вниз...

Целых сорок футов отделяли его от лестницы внизу!

Почти отвесная стена лежала между окном и этими ступенями, ни подняться, ни спуститься по ней было невозможно.

Он посмотрел вокруг.

Приют Бела представлял собой огромный куб, установленный на вершине конусообразного храма. Окно было почти у самого края стены, на расстоянии

не более ярда, налево черная стена тянулась еще на двадцать футов, столько же было до верха.

К нему подошла Шаран. Она пыталась ему что-то сказать, но завывание бури заглушало ее голос.

В полыхании молний часовые храма Нергала внезапно увидели, как из темноты вырвались три роковых силуэта. Раздались удары мечей. Один из часовых, закричав, попытался скрыться. Его крик прервали завывания бури, длинные руки схватили его, длинные пальцы сжимали ему горло, и он полетел вниз.

Наконец часовые красного храма лежали в своей нише мертвыми.

А трое прошли мимо голубого храма Набу, Бога Мудрости, и не встретили там охраны. Часовых не было и у белого дома Иштар, и у золотого храма Бела.

Внезапно лестница оборвалась!

Перед ними оказалась совершенно гладкая каменная стена. Остановившись, они задумались. До них донеслось рыдание, заглушить которое не могла даже буря, — это кричала танцовщица Бела, заноса над Кентоном кинжал.

— Кричат там! — Сигурд показал туда, где находилось скрытое от них окно Приюта Бела. Вдруг впереди на стене они заметили какой-то выступ. Стена круто взмывала ввысь, и поэтому подойти близко к выступу было нельзя, оттуда же, где они стояли, не было видно, что находится за ним.

— Вот игодились твои длинные руки, Гиги, — сказал викинг. — Встань как можно ближе к краю, вот так. Обхвати меня за колени и держи. У меня спина крепкая, я высунусь и посмотрю, что там.

Обхватив викинга за колени, Гиги поднял его; сильной ногой для равновесия упираясь в стену, он мощными руками удерживал Сигурда.

А Сигурд, прижатый к стене ветром, словно опавший лист, увидел прямо перед собой, на расстоянии чуть больше фута лицо Кентона!

— Подожди! — закричал викинг и, дрыгая ногой, подал сигнал Гиги.

— Волк там! — сообщил он. — Там, в окне, да так близко, что может втащить меня внутрь! Гиги, подними меня еще раз, а когда я просигналю — отпускаяй. Потом пусть так же поднимется Зубран. А ты оставайся здесь, иначе мы не сможем вернуться. Жди и будь готов поддержать все, что бы ни упало тебе в руки. Давай быстрее!

Гиги опять поднял Сигурда, и Кентон наконец-то сжал в руках его запястья. Гиги отпустил викинга. Несколько секунд Сигурд висел в воздухе, а затем Кентон втащил его внутрь.

— Принимай Зубрана! — крикнул он Кентону, бросаясь к дверям, возле которых с мечом в руках стояла Шаран.

Поддерживаемый длинными руками Гиги, перс завис в воздухе и, подхваченный Кентоном, оказался на подоконнике.

В порывах ветра пламя жаровни горело неровно, как факел; тяжелые золотые занавеси вздувались парусами, маленькие светильники по стенам погасли. Перс нащупал ручки и закрыл окно. Быстро сжав руку Кентона, он с удивлением посмотрел на тела жреца и танцовщицы.

— А Гиги? — воскликнул Кентон. — С ним все в порядке? Вас не преследовали?

— Нет, — сказал перс, — а если кто-то и шел за нами, то, ты ведь знаешь, Волк, призраки не могут владеть мечами. С Гиги все в порядке. Он ждет внизу, чтобы поймать нас, когда мы выберемся через окно. Все, кроме одного, — добавил он едва слышно.

Думая о Гиги и о том, как они будут уходить, Кентон не расслышал эту последнюю странную фразу. Он подбежал к двери, которую бдительно охраняли Сигурд и Шаран, быстро обнял Шаран, раздвинул шторы и стал всматриваться. Далеко внизу он различил тусклый блеск — это мерцали кольчуги, броня и мечи. Воины уже прошли примерно четверть лестницы, ведущей из Дома Бела, они двигались медленно, осторожно, бесшумно, намереваясь застать врасплох жреца Бела в объятиях Шаран!

У Кентона оставалось время, хотя бы несколько минут, чтобы осуществить внезапно возникший замысел. Надев на голову шлем Бела, Кентон взял щит и накинул на плечи алую мантию.

— Сигурд! — позвал он шепотом. — Зубран! Идущие сюда думают, что здесь сейчас только Шаран и тот, что лежит там. Если они поймут, что нас несколько, мы не успеем еще пройти и половины пути, как поднимется тревога, мы попадем в руки воинов — и это конец! Поэтому, когда они придут сюда, я и Шаран встретим их. Они не убьют нас, только попытаются схватить. К тому же они не знают, что мы наготове. Потом берите Шаран и опустите ее к Гиги. А мы...

— Начало хорошее, Волк, — спокойно прервал его перс. — А конец — нет. Кто-то один должен остаться, чтобы остальные могли спокойно уйти. Иначе, когда воины войдут сюда, черный жрец быстро догадается, что случилось. Храм окружают так, что не прорвется и целый полк. Нет, один человек должен остаться — на время.

— Я останусь, — сказал Кентон.

— Любимый! — шепнула Шаран. — Мы пойдем вместе, или я тоже останусь!

— Шаран... — начал Кентон.

— Мой дорогой повелитель, — она остановила его строгим тоном. — Неужели ты думаешь, что когда-нибудь еще я отпущу тебя? Расстанусь с тобой? Никогда! В жизни или в смерти я буду с тобой!

— Нет, Волк, я останусь, — сказал перс. — Шаран не пойдет без тебя, и значит, ты не можешь остаться, поскольку она обязательно должна уйти. Гиги тоже не может, потому что ему сначала надо для этого попасть сюда. Ты согласен? Хорошо! А Сигурд должен уйти, чтобы показывать дорогу обратно, только он один ее знает. Кто остается? Зубран! Так велят боги. А их не переспоришь.

— Но как же ты выберешься? Как найдешь нас? — с тревогой спросил Кентон. — Ты же сам говоришь, что без помощи Гиги не выбраться через окно!

— Не выбраться, — согласился Зубран. — Но из этих покрывал я могу сделать веревку и спущусь по ней на лестницу. Один может пройти там, где не

пойдут пятеро. Я помню дорогу через город и помню, как мы шли по лесу. Ждите меня там.

— Они совсем рядом, Кентон! — тихо сказала Шаран.

Кентон подбежал к двери. Внизу он увидел около двух десятков воинов, которым оставалось пройти еще дюжину ступеней. Они двигались бесшумно, парами, держа наготове мечи и маленькие щиты; за ними шли одетые в желтое и черное жрецы, среди черных мантий был и Кланет.

У стены справа от Шаран притаился Сигурд. Его не было видно, но он готов был защитить женщину. Перс стоял рядом с Кентоном, прижавшись к стене так, чтобы идущие не могли его видеть.

— Закрой жаровню, — прошептал Кентон. — Погаси огонь. Лучше, чтобы за спиной не было света.

Перс не стал закрывать жаровню, чтобы не потушить пламя. Он встряхнул ее, и в жаровне остались тлеющие угольки; чтобы не было видно их слабого мерцания, перс отнес жаровню в дальний угол.

Первая пара воинов была почти на вершине лестницы, уже протягивая руки, чтобы отдернуть штору.

— Пора, — шепнул Кентон Шаран и сорвал занавеси. Они стояли перед воинами, она — в белых одеждах жрицы, он — в золотых доспехах бога. А те, парализованные внезапным видением, в изумлении смотрели на них.

Не давая им опомниться, Кентон взмахнул мечом, сверкнувшим, как синяя молния; блеснул клинок Шаран. Воины упали. Их тела еще не коснулись камня, когда Кентон выхватил у одного из них меч и передал Шаран. Она набросилась на подступивших воинов.

— За Иштар! — услышал он голос Шаран и увидел, как она ударила.

— Схватите их обоих! — донесся рев Кланета.

Наклонившись, Кентон поднял мертвое тело и швырнул его в самую гущу воинов. С проклятьями они падали под ударом трупа, словно под ударами меча! И воины и жрецы кувыркались по ступенькам, чтобы разбиться о каменный пол Дома Бела.

Отскочив назад, Кентон схватил Шаран и препоручил ее Сигурду.

— Иди к окну! — приказал он. — Передай ее Гиги!

Опередив их, Кентон распахнул окно.

Где-то вдалеке вспыхивали молнии, крошечная тьма уступила место густому полумраку, все еще завывал ветер и стеной лил дождь. В этой полутьме Кентон разглядел мокрые руки Гиги, выжидательно застывшие возле стены. Он отошел от окна. Мимо него, крепко держа Шаран, скользнул викинг. На какое-то мгновение зависнув в воздухе, она упала в объятия Гиги и исчезла из виду.

Крики на лестнице усиливались. Воины поднимались все выше. Кентон увидел, как Сигурд и перс подняли тяжелое ложе, сорвали с него покрывала и опрокинули его. Подтащив ложе к дверям, они толкнули его вниз по ступенькам. Послышались стоны, крики агонии. Ложе сметало людей на своем пути, как хорошо брошенный шар сметает деревянные кегли. Оно било и крушило все, но наконец на одном из крутых поворотов лестницы застряло, зацепившись за золотой канат ограды, и, как баррикада, загородило проход.

— Бегите, Сигурд! — крикнул Кентон. — Ждите нас у леса. Я останусь с Зубраном.

Перс посмотрел на него с такой теплотой, какой Кентон никогда раньше не видел в этих агатовых глазах. Зубран кивнул Сигурду.

Это был какой-то заранее условленный сигнал, и Кентон в то же мгновение оказался в руках викинга. Несмотря на всю накопленную в этом мире силу, он не мог вырваться. Зубран быстро снял с Кентона золотой шлем Бела и надел на себя; спрятав бороду, завернулся в расшитую алым мантию и схватил золотой щит.

Кентон сопротивлялся, но его легко, как ребенка, отнесли к окну, перекинули через подоконник, его подхватил Гиги и опустил на землю рядом с плачущей Шаран.

Обернувшись от окна, викинг заключил перса в объятия.

— Нельзя медлить, северянин! Сейчас не время для чувств! — коротко сказал Зубран, вырываясь из его рук. — Для меня нет спасения, ты знаешь это, Сигурд. По веревке? Это только слова, чтобы успоко-

ить Волка. Я люблю его. Да и что веревка? Они как змеи сползут по ней вслед за мной. Или я — трусливый заяц, который ведет собак туда, где укрылись его друзья? Нет! Теперь иди, Сигурд, и когда вы будете уже далеко, расскажи им все. Идите к кораблю, и чем быстрее, тем лучше.

— Уже близки щиты дев! — торжественно произнес викинг. — Бог Один примет героя, неважно, из какой он страны! Перс, ты скоро будешь ужинать в Валгалле с Одним, Отцом всего живого!

— Пусть у него будут такие блюда, которых я никогда не ел, — пошутил перс. — Иди, северянин!

Зубран поддержал его, викинг выбрался из окна, и его поймал Гиги.

Все четверо стали быстро спускаться, Сигурд впереди, Шаран — под длинным плащом Гиги, за ними Кентон, все еще ругаясь.

26. Зубран уходит

Перс не стал закрывать окно, и ветер свободно врывался в зал. Зубран не спеша обошел Приют Бела.

— Клянусь всеми Дэвами! — сказал он. — Никогда еще я не чувствовал такой свободы, как сейчас! Я совсем один, словно последний человек на свете! Никто мне не поможет, никто не посоветует, никто не станет мне надоедать! Наконец-то смысл жизни упростился до примитивного: я убиваю, пока не убьют меня. Клянусь Ормуздом — душа моя трепещет!..

Он выглянул на лестницу.

— Еще никому из людей не было так трудно забраться на это ложе, — усмехнулся он, увидев, как воины пытаются расчистить себе дорогу.

В середине зала он свалил в кучу все шелковые покрывала с кровати, сорвал все ткани, висевшие на стенах, и бросил туда же. На этот погребальный костер он вылил масло из всех светильников, потом — из кувшинов.

— О мой прежний мир! — говорил он задумчиво. — Как я устал от него! Но и от этого мира я

устал — клянусь Пламенем Жертв, это правда! Уверен, что мир, из которого явился Волк, еще хуже. Мне нет места ни в одном из них.

Взяв тело жреца, он отнес его к окну.

— Кланет очень удивится, когда обнаружит тебя там, а не здесь, — он рассмеялся и бросил тело вниз.

Зубран склонился над танцовщицей.

— Как ты хороша, — прошептал Зубран, касаясь ее губ и груди. — Интересно, как ты умерла и почему. В этом, должно быть, кроется что-то необычное! Жаль, что я не успел расспросить Волка. Что ж, ты будешь спать со мной, танцовщица. И возможно, когда мы проснемся — если мы проснемся, — ты обо всем мне расскажешь.

Он положил тело Наряды на пропитавшийся маслом ворох тканей, потом взял тлеющую жаровню и поставил ее рядом...

Он услышал нарастающий шум голосов и приближающихся шагов. По лестнице поднимались воины, которых стало еще больше. Какое-то мгновение Зубран стоял в дверях. Золотая мантия обвивалась вокруг него, наполовину скрывая лицо.

— Это жрец! Это жрец! — кричали снизу, и голос Кланета заглушал остальные.

— Это жрец! Убейте его!

Улыбаясь, перс отступил назад и укрылся за стеной. Он взял щит, оставленный Шаран.

В узкий дверной проем ворвался воин, следом за ним — еще один.

Дважды просвистела в воздухе турецкая сабля, быстрая, как самая быстрая змея. Первые двое воинов упали под ноги наступавшим, преграждая им путь.

Взлетал и опускался клинок Зубрана — рубил, резал, колот, и вскоре рука перса от кисти до плеча стала красной от крови. Перед Зубраном росла баррикада мертвых тел.

Только по двое могли ступать воины на порог Приюта, и по двое они падали, закрывая этот узкий проход; стена из тел росла. В конце концов Зубран перестал видеть блеск мечей, он слышал лишь крики идущих впереди; забравшись на груду тел, он увидел, как передние воины повернулись, но напиравшие ряды теснили их.

Перс разогнул усталые руки; услышав голос Кланета, он рассмеялся.

— Там только один человек! Убейте его и возьмите женщину! Тому, кто делает это, я дам золота в десять раз больше, чем весит эта женщина!

Воины опять огромной змеей рванулись вперед, бросившись вверх по лестнице, взбираясь по груде мертвых тел. Кровь ручьем текла с ятагана Зубрана...

Внезапно он почувствовал резкую боль в боку: один из павших нашел в себе силы приподняться — и ударил его.

Перс понял, что рана смертельна!

Ответив на этот удар, он взобрался на груду мертвых тел и мечом расчистил проход. Плечом он сталкивал тела вниз. Покатившись по ступеням, они падали на идущих, преграждая им путь; там, где не было перил, люди срывались вниз и, безуспешно хватая руками воздух, тонули в тумане.

Двадцать ступеней уже были чистыми!

Просвистела стрела.

Пробив мантию, она попала Зубрану в шею — там, где кончался шлем. Зубран почувствовал во рту солоноватый вкус крови.

Шатаясь, перс подошел к вороху шелка, на котором лежала Нарада. Схватив жаровню за ножку и перевернув ее, он опрокинул угли на пропитанную маслом ткань.

Вспыхнуло пламя. Подхваченное сильным порывом ветра, оно превратилось в ревущий столб огня.

Пробираясь сквозь языки пламени, Зубран приблизился к телу танцовщицы, лег рядом и обнял ее.

— Чистая смерть, — шептал он. — Наконец-то... как и все люди... Я возвращаюсь к богам моих отцов. Чистая смерть! Возьми меня, о Бессмертный Огонь!

Пламя вспыхнуло с новой силой.

Острые языки взвились высоко вверх.

Они были как вино, наполняющее огненную чашу!

В эту чашу перс опустил губы, он пил ее пламенное вино, вдыхал ее благоухания.

Его голова, не тронутая огнем, откинулась назад, на мертвом лице играла улыбка. Он упал на грудь Нарады.

Пламя укрыло их.

27. Возвращение на корабль

Четверо, ради свободы которых перс отдал жизнь, были уже далеко. Они благополучно спустились по террасам храма, проходя мимо мертвых часовых. Но снизу доносился какой-то гул, как будто потревожили огромный пчелиный улей; опять забил барабан, и они поспешили туда, где на стене висел крюк Гиги. Спустившись по веревке, они скрылись в гуще деревьев. Они вымокли до нитки, но гроза стала их надежным щитом. Проходя по широкой улице, они не встретили ни души. Жители Эмактилы укрылись в своих разрисованных домах, прячась от бури.

Когда перс приблизил губы к огненной чаше, они были уже далеко, выходя на потайную тропу, ведущую к кораблю.

Когда воины, наконец набравшись мужества, еще раз поднялись на штурм лестницы, подгоняемые сзади Кланетом, когда они вошли в безмолвный Приют, четверка отважных уже давно оставила позади каменные дома и пробиралась через вязкую грязь полей; впереди шел викинг, сзади — Кентон, и они все еще ожидали появления Зубрана.

А в зале, где лежал его прах, смешанный с прахом танцовщицы, стоял теперь в растерянности черный жрец, и что-то похожее на страх шевельнулось в его темной душе; потом его блуждающий взгляд упал на мерцающее покрывало Нарады, соскользнувшее, когда перс поднял ее тело; заметил Кланет и следы крови, ведущие к открытому окну. Вглядевшись в синий мрак, черный жрец увидел мертвое тело жреца Бела, его бледное лицо было обращено вверх.

Жрец! Тогда чьи же обугленные тела Кланет нашел на погребальном костре? Кто был тот человек в золотом шлеме со щитом, чье лицо было скрыто мантией бога? Меч его играл с удивительной быстротой, а сам он был скрыт фигурами воинов, да и стеной, и Кланет, стоя внизу, не мог хорошо его рассмотреть. Он решил, что это жрец Бела.

Кланет бросился назад, в ярости ударив ногой по останкам, лежавшим на погребальном костре.

Что-то со звоном упало на пол — сломанный ятаган! Он узнал его — это кривая сабля Зубрана, перса!

Что-то блеснуло у его ног — пряжка, и даже драгоценные камни не потускнели от пламени! Он узнал и этот предмет — пряжка с пояса Нарады!

Значит, эти почерневшие тела — перс и танцовщица!

Шаран на свободе!

Черный жрец замер, лицо его было так ужасно, что воины отпрянули, прижавшись к стенам, чтобы не попадаться ему на пути.

С криком Кланет бросился вон. Сбежав по ступеням, вперед и вперед мимо тайных алтарей, где оставил Кентона с шестью лучниками, пока не достиг камеры. Распахнув дверь, он увидел, что лучники и капитан крепко спят, а Кентона нет!

Изрыгая проклятия, Кланет выбежал из камеры и приказал своим воинам обыскать весь город и найти раба и девочку; он обещал за это все свое состояние — все, все! Только бы их привели к нему живыми!

Живыми!

А четверо беглецов уже свернули с дороги и остановились в лесу, где начиналась тайная тропинка и где перс просил его ждать. И здесь Сигурд рассказал о жертве Зубрана. Шаран плакала, у Кентона тугой ком подступил к горлу, из черных, похожих на бусины глаз Гиги текли слезы, пропадая в глубоких морщинах.

— Что сделано, то сделано, — сказал Сигурд. — Сейчас он ужинает с Одином и со всеми героями!

Сигурд резко поднялся, и они двинулись в путь.

Они уходили все дальше и дальше. Их мочил дождь, сбивал с ног ветер. Когда буря немного утихла, они пошли быстрее; когда стемнело и викинг не различал дорогу, они останавливались. Так они шли и шли, пробираясь к кораблю.

Неожиданно Шаран покачнулась и упала, не в силах подняться; ее легкие сандалии превратились в лохмотья, и маленькие ноги были окровавлены; давно уже каждый шаг причинял ей невыносимую боль. Кентон понес ее на руках, когда он устал, его сменил Гиги, а Гиги ничто не могло утомить.

Наконец они добрались до корабля. Подав сигнал стоявшим на страже девушкам, они передали им Шаран; девушки отнесли свою госпожу в каюту и стали приводить ее в чувство.

Мужчины размышляли, стоит ли оставаться в укрытии, пока не утихнет буря. Наконец они решили, что лучше прямо сейчас выйти в море, чем оставаться так близко от Эмактилы, излюбленного края Нергала. Корабль отвязали от деревьев и вывели из укрытия, развернув носом к океану.

Подняли якорь и опустили на воду весла. Корабль медленно набирал скорость. Обогнув скалистые уступы и преодолев сильный порыв ветра и огромную волну, он стремительно вышел в открытый океан.

Кентон повалился с ног. Гиги подхватил его и отнес в черную каюту.

Несмотря на усталость, Гиги долго сидел рядом с Кентоном, вглядываясь в темноту своими зоркими глазами, вслушиваясь, наблюдая. Ему казалось, будто в черной каюте что-то изменилось, он слышал какие-то звуки, легкий шепот, то затихавший, то возникавший опять.

Кентон стонал, бормоча что-то во сне, хватал ртом воздух, словно чьи-то руки душили его. Гиги успокаивал его, поглаживая по груди.

Через некоторое время зоркие глаза Гиги затуманились, веки сомкнулись, голова упала на грудь.

А в пустом пространстве, где раньше на каменной глыбе стояло изображение Нергала, стала сгущаться тьма, появились какие-то мрачные тени.

Они становились все темнее. Возникло нечто, похожее на лицо. Полное ненависти и угрозы, оно витало над спящими.

Кентон опять застонал во сне и стал тяжело дышать. Барабанщик вытянул длинные руки, вскочил, осмотрелся...

Несмотря на его проворство, призрачное лицо исчезло еще до того, как он поднял отяжелевшие от сна веки, и ниша опять была пуста.

28. Видение Кентона

Когда Кентон проснулся, рядом с ним, храпя, лежал не Гиги, а викинг. Должно быть, Кентон спал уже долго, потому что мокрая одежда, которую с него сняли, уже высохла. Кентон надел тунику, сунул ноги в сандалии, накинул на плечи короткий

плащ и осторожно приоткрыл дверь. Непроглядная темень превратилась в тусклый полумрак, и море отливало темно-серым. Дождь прекратился, но корабль вздрагивал от порывов мощного ветра.

Подгоняемый ветром, корабль летел вперед, походя на чайку, сидящую на гребне волны; когда волна отступала, чайка скользила назад по гладкой сизой воде и вновь взлетала вверх на гребне следующей волны.

Кентон пробирался к корме, прикрывая лицо от хлопьев морской пены. Одним рулевым веслом правил Гиги, другое держали двое рабов. Улыбнувшись, Гиги указал на компас и Кентон увидел, что стрелка, указывающая на Эмактилу, обращена строго к корме корабля.

— Проклятое логово осталось далеко позади! — воскликнул Гиги.

— Иди вниз! — крикнул Кентон ему в самое ухо и хотел перехватить весло. Но Гиги, рассмеявшись, покачал головой и кивнул в сторону каюты Шаран.

— Вон твой курс! — прокричал он. — Его и держись!

Преодолевая сильный ветер, Кентон подошел к розовой каюте и открыл дверь. Шаран спала, опираясь щекой о маленькую руку, шелковая золотистая сеть волос покрывала все ее тело. Рядом сидели две девушки.

Шаран открыла глаза, словно Кентон позвал ее, и тотчас же в этих глазах, затуманенных сном, вспыхнула сладкая нега.

— Мой дорогой повелитель! — прошептала Шаран.

Она села и знаком велела девушкам удалиться. Когда они ушли, Шаран протянула к Кентону белые руки. Он обнял ее. Как птица возвращается в родное гнездо, так и Шаран вернулась в эти объятия. Шаран подняла к нему губы.

— Мой дорогой повелитель! — шептала она, тянясь к Кентону для поцелуя.

Он больше не слышал рева ветра, не слышал ничего, кроме ее шепота и вздохов; он забыл все миры кроме того, что лежал меж его нежных рук.

Долго еще корабль летел на крыльях бури. Дважды Кентон сменял Гиги у руля, дважды на его место вставал викинг, ураган наконец стих, и они опять плыли по мерцающему бирюзовому морю.

О жизнь, полная погонь и преследований!

Эмактила была уже очень далеко, но беглецы ясно ощущали, что их преследуют. Это не вызывало страха и ужаса, напротив, сознание того, что корабль ищут, сознание того, что они могут перехитрить, обогнать тех, кто уже, должно быть, прочесывает моря, и укрыться в какой-нибудь безопасной гавани, вселяло уверенность. Впрочем, конец все равно будет один. В глубине души никто из них и не верил, что такое место можно найти.

И все же они были счастливы. Для Кентона и Шаран жизнь была ключом, они наслаждались своей любовью. Сигурд и Гиги выковывали огромные щиты и стрелы, викинг тем временем пел древние саги и слагал новые о персе Зубране. Щиты они укрепили на бортах корабля и прорезали в них щели, через которые можно было выпускать стрелы. Два щита прикрывали корму, охраняя рулевого.

Сигурд пел о предстоящей битве и о девах, которые будут кружить над кораблем, чтобы отнести душу Сигурда, сына Тригга, в Валгаллу, где его ждет Зубран. Он пел и о том, что там есть место для Кентона и Гиги, но об этом он пел только когда не слышала Шаран, ибо женщинам закрыт путь в Валгаллу.

Жизнь, полная погонь и преследований!

В черной каюте блуждали тени, они то сгущались, то рассеивались, уходили и возвращались. Здесь незримо присутствовал Темный Повелитель Мертвых, предъявляя свои права на корабль. Гиги и викинг не отваживались теперь спать в черной каюте, предпочитая открытую палубу или каюту девушек.

Рабы шептались о тенях, парящих над черной палубой, собирающихся у бортов и глядящих на них!

Однажды Сигурд задремал у руля и, проснувшись, обнаружил, что корабль самостоятельно сменил курс и движется прямо по направлению большой стрелки компаса — к Эмактиле; корабль возвращался на остров Колдунов!

С тех пор они стояли у руля по двое — Кентон и Шаран, Гиги и викинг.

Шаран больше не удавалось прогнать тени.

Они пристали к острову, чтобы пополнить запасы пищи и воды. Здесь была подходящая, скрытая от глаз гавань, за ней приветливо качал ветвями лес. Они пробыли здесь некоторое время; можно было вытащить корабль на берег, спрятать его, найти в лесу подходящее место и построить укрепления, чтобы встретить каких угодно врагов.

Но Корабль Иштар не отпускал их.

На суше они чувствовали тревогу и беспокойство, каждый в глубине души боялся, что остальные трое решат остаться; они веселились, как дети, когда корабль отчалил, разрезая носом гребни волн, а вокруг шумел свежий морской ветер, и остров остался позади.

— Это наша тюрьма, — смеялся Кентон.

— Но без нее нет жизни, — ворчал Сигурд. — Мы как будто прячемся в норе и ждем, когда придут собаки и откопают нас. Посмотрим, что будет.

По пути им встретился легкий корабль, торговое двадцативесельное судно. Корабль собирался быстро пройти мимо, но викинг закричал, что не стоит спешить сообщать новости в Эмактилу. Они взяли судно на таран и потопили его. Прикованные к веслам рабы стонали. Кентон, Гиги и Сигурд скрывали жалость, бледная Шаран плакала.

Им повстречалось еще одно легкое судно, столь же небольшое, как и первое, но на этот раз перед ними был военный корабль, один из охотившихся за ними. Они притворились, что спасаются бегством, и корабль начал преследование. Когда он подошел достаточно близко, викинг рванул руль и ударил бортом о борт, ломая противнику весла. Нападавшие сражались смело, но их сдерживал приказ черного жреца брать пленников живыми, и поэтому они не могли достойно ответить на удары булавы Гиги, клинка викинга и меча Кентона. А ведь были еще стрелы Шаран и девушек. Но прежде чем погибнуть, преследователи собрали свою дань — стрела пронзила сердце одной из девушек, Гиги и Сигурд были ранены.

На корабле беглецы нашли запасы металла, который мог пригодиться викингу в его кузнице. Они

обрадовались еще больше, когда обнаружили запасы пакли, масла и кремня, длинные крепкие стрелы, на которые насаживалась пакля, и причудливой формы арбалеты, чтобы пускать эти огненные стрелы. Все это они прихватили с собой, а судно потопили вместе со всеми, кто был на борту, живыми и мертвыми.

Корабль шел вперед и вперед; Сигурд выковывал длинные щиты, а Гиги и Кентон устанавливали арбалеты рядом с каютами, пакля, масло и кремень были наготове.

Время шло; благоговение перед жизнью, охватившее Кентона, становилось все сильнее.

Однажды Кентон проснулся рядом со своей любимой — или подумал, что проснулся. Открыв глаза, он увидел два лица, обращенных к нему из какого-то неведомого пространства; их очертания были неясны, расплывчаты. Затуманенные глаза смотрели на него в упор.

Раздался голос, и Кентон узнал его — именно этот голос служил его проводником в тайных святилищах храма! Голос Набу!

— О Иштар, Нергал опять собирает вокруг корабля свои силы! — сказал он. — Борьба между ним и твоей Сестрой опять потревожит богов и людей, снова во множестве миров сгустятся тени. О Великая Мать, только ты можешь положить этому конец!

— Я сказала свое слово, — словно бы ветер тронул струны тысяч арф. — Я сказала свое слово; а моя Сестра, которую люди испокон века называли Гневной Иштар, разве у нее нет своих прав? Она не покорила Нергала, но и Нергал не покорила ее. Их борьба не окончена. Как, скажи, может моя Сестра сложить оружие, если решение, принятое мною в гневе, еще не осуществлено? И пока она продолжает борьбу, Нергал будет делать то же самое, ибо и он связан этим словом.

— Но пламя, которое ты зажгла в душах Зарпанит и Алузара, пламя, которое стало для них смыслом жизни, пламя это не погасло, — тихо произнес спокойный голос. — Оно избежало и твоей Гневной Сестры, и Темного Нергала. Почему, Иштар? Может быть, потому что ты сама хотела этого? Ты сама укрыла его? А как же твое решение?

— Ты воистину мудр, Набу! — раздался голос Иштар. — Пусть этот человек, которому мы открыли глаза, посмотрит, какому злу открыли путь моя жрица и ее возлюбленный, когда привели в объятия друг друга Мать Жизни и Повелителя Смерти! Пусть он сам рассудит, был ли мой гнев справедлив!

— Хорошо, пусть он рассудит! — отозвался Набу.

Лица исчезли. Перед Кентоном открылись бесконечные глубины пространств. Множество солнц пронеслось перед ним, тысячи миров вращались вокруг этих солнц. В безграничном пространстве правили две силы, они сплетались, но не соединялись воедино. Первая — оплодотворяющее сияние, дарующее рождение, жизнь, радость жизни; другая — разрушительная тьма, уничтожающая все, созданное сиянием, поглощающая все своей чернотой. Сердцевина сияния пылала неопишуемым огнем, и Кентон знал, что это душа светящейся силы. Душой тьмы была сгущавшаяся внутри нее мрачная тень.

Кентон увидел очертания мужчины и женщины. Внутренний голос шепнул ему, что это были Зарпанит и Алузар, жрица Иштар и жрец Нергала. Дивное белое пламя горело в их сердцах. Кентон увидел, что два язычка пламени дрогнули и потянулись друг к другу. Тотчас из самого сердца сияния к жрице потянулись светящиеся нити, а вокруг жреца обвились порожденные тьмой тени.

Два пламени встретились, и светящиеся нити соприкоснулись с черной тенью, на миг соединившись!

В ту же секунду пространство содрогнулось, солнца качнулись, и миры закружились, останавливая бурное биение жизни!

— Смотри, вот их грех! — прозвучал голос, похожий на звуки арфы.

— Пусть он шире откроет глаза! — сказал спокойный холодный голос.

И Кентон увидел озаренный светом зал, в котором собрались могущественные силы, внушающие благоговейный ужас, светлый ореол скрывал их от глаз, и только в одном месте сгущалась тьма. Кентон увидел жрицу и жреца, а рядом с ними — Шаран!

В двух сердцах все так же билось белое пламя, спокойное, ясное, безразличное к богам и гневу богини! Два негасимых пламени все так же тянулись

друг к другу, безразличные к богам и к уготованной ими каре!

Внезапно все пропало. Кентон увидел все тот же залитый светом зал, в котором находились жрица и жрец, Шаран и Кланет, а вокруг — множество мужчин и женщин. Он увидел высокий алтарь, наполовину скрытый мерцающим лазурным облаком. В глубине этой дымки какие-то невидимые руки строили дивный корабль.

И Кентон видел, как одновременно со всем этим где-то вдалеке, как будто в другом измерении, растет еще один корабль, он поднимается из бирюзового моря среди серебряных облаков! Этот корабль-призрак увеличивался по мере того, как рос на алтаре игрушечный.

Кентон знал, что призрак и был настоящим кораблем, а на алтаре создавался символ.

Он понимал также, что оба корабля были единым целым, какая-то древняя мудрость связывала их, какие-то древние силы их создали, и судьба одного становилась судьбой другого.

Двуединство! Игрушка и настоящий корабль! И оба — одно!

Невидимые руки закончили свою работу. Опустившись, они по очереди коснулись жрицы Иштар и жреца Нергала, Шаран и Кланета и тех, кто лежал вокруг. При этом прикосновении неподвижные тела исчезали, а невидимые руки поднимали и ставили на корабль маленьких кукол.

На палубах корабля-призрака, плывущего по бирюзовому морю в мире серебряных облаков, лежали люди, один за другим они появились здесь, когда маленькие куклы переносились на игрушечный корабль!

Никого больше не осталось в зале.

Корабль был создан и населен людьми.

Дымку, окружавшую Иштар, прорезал луч света, коснувшийся носа корабля. Корму окутало черное облако, отделившееся от тьмы, нависшей над Повелителем Мертвых.

Все исчезло.

Кентон увидел другой зал, маленький, похожий на склеп. Там стоял алтарь, над которым висел светильник, окруженный ореолом голубого сияния.

Алтарь был сделан из лазурита и бирюзы и усыпан сапфирами чистой синевы. Кентон понял, что это было какое-то тайное святилище Набу, Повелителя Мудрости.

На алтаре стоял корабль. И глядя на него, Кентон опять ощутил, что эта сверкающая драгоценность, этот сияющий символ был неотделим от того, другого корабля, плывущего в ином пространстве, в ином измерении, в том неизвестном мире...

От того корабля, на котором сейчас находился и он сам!

Судьба игрушки неотделима от судьбы Корабля Иштар, и если одному из них угрожает опасность, опасность угрожает и другому.

И вновь видение исчезло. Теперь Кентон видел окруженный стеной город, над которым поднимался высокий храм, возведенный террасами. Город окружило войско, на стенах стояли защитники. Кентон понял, что перед ним — древний Урук, а в этом высоком храме были созданы оба корабля. В это время нападавшие ворвались в город. Прежде чем видение исчезло, Кентон успел заметить, что началась кровавая резня.

Перед ним вновь было тайное святилище Набу, а в нем — двое жрецов. На серебристой металлической решетке стоял корабль. Мерцающее голубое облако парило над алтарем. Кентон понял, что двое жрецов, выполняя приказания голоса, который доносится из этого облака, спасают корабль. Из огромных чаш они сыпали какой-то чудесный белый порошок, похоже было, что это толченая слоновая кость, в которой вспыхивают маленькие жемчужины. Корабль стал исчезать, растворяясь в воздухе, а на его месте возник огромный камень. Облако растаяло. Вошли другие жрецы, вынесли камень во двор храма и оставили его там.

Грабя и убивая на своем пути, во двор храма ворвались победители. Но они не обратили внимания на огромный камень.

Перед взором Кентона возник другой город, огромный и прекрасный, тоже обнесенный стеной. Кентон понял, что это Вавилон в расцвете своего могущества. Потом он увидел еще один храм. Когда тот исчез,

перед Кентоном возникло другое святилище Набу. В нем находился камень.

Перед Кентоном промелькнули картины сражений и побед, триумфальных шествий и катастроф; разрушенные храмы и захваченные врагом города, вновь отвоеванные и опять захваченные, разрушенные, чтобы возродиться в еще большем великолепии...

Павшие города — покинутые богами.

Гибнущие — оставленные людьми. Медленно наступая на них, пустыня наконец их поглотила.

Их погребло забвение!

Перед Кентоном промелькнул водоворот быстро сменяющих друг друга образов, бесцветных и размытых. Но вот движение прекратилось, и он увидел каких-то людей, работающих в пустыне, — там, где раньше стоял Вавилон. Среди них Кентон узнал Форсита! Он увидел, как раскопали камень, как высокие арабы погрузили его на примитивную тележку, запряженную терпеливыми пони, как он трясется в трюме корабля, идущего по морю мимо знакомых берегов, увидел, как камень вносят в его дом...

Кентон увидел даже самого себя в тот момент, когда освободил корабль!

Он вновь смотрел в свои затуманенные глаза.

— Суди! — прошелестели струны арф.

— Еще рано! — прошептал спокойный голос.

Перед Кентоном опять открылись неизмеримые пространства, в которых он раньше видел светлую и темную силу. Но теперь этот космос заполняли бесчисленные огни, такие же, как те, что горели в душах жрицы Иштар и жреца Бога Смерти, они мерцали и озаряли бесконечностью. Они озаряли все вокруг, и свет их привлекал к себе новые множества таких же огней, раньше скрытых во тьме. И Кентон понял, что без этих огней само сияние превратилось бы во тьму!

Казалось, что корабль парит в этом пространстве. Кентон всмотрелся внимательнее и увидел, как черная тень сгустилась над ним. В тот же миг ее прорезал светящийся луч, началась борьба. Корабль стал средоточием ненависти и гнева, и можно было видеть, как от него широкими кругами отходят волны. Казалось, что тьма впитывает силу этих волн, ее тени становились темнее и гуще. Сияние меркло, и

многочисленные огни дрожали и мерцали все более неверно.

— Суди! — раздался тихий бесстрастный голос Набу.

И Кентон, оказавшись во сне — если только это был сон — перед необходимостью выбора, не знал, как поступить. Предъявить обвинение Иштар, богине, которая, как бы ни называли ее в этом чуждом мире, обладала огромным могуществом, было делом нешуточным. К тому же Кентон уже обращался к ней с просьбой, и разве она не услышала его молитвы? Да, но ведь он просил о помощи и Набу, Набу — Повелителя Истины...

Мысли Кентона облеклись в слова его родного языка, в его привычные обороты.

— Если бы я был богом, — сказал он просто, — и дарил бы жизнь мужчинам и женщинам, или каким-то другим существам, я бы сделал их совершенными, так, чтобы им не приходилось из-за своего несовершенства нарушать мои законы. Если бы я был могущественным и мудрым, какими, я понял, должны быть боги и богини, я бы поступил так. Если бы, конечно, я не хотел, чтобы люди были всего лишь моими игрушками. И если бы я обнаружил, что создал их несовершенными, и от этого они совершают ошибки, я считал бы себя ответственным за их грехи, потому что, обладая могуществом и мудростью, я мог бы сделать их совершенными, но не сделал. А если бы они были просто моими игрушками, я, конечно, не стал бы обрушивать на них страдания и несчастья, боль, печаль, наказания, если бы, о Иштар, они были игрушками, которые могут чувствовать. Ибо они были бы всего лишь куклами у меня в руках.

— Конечно, — продолжал Кентон без тени иронии, — я не бог и, по всей вероятности, не смог бы стать богиней, я даже никогда раньше не сталкивался ни с теми, ни с другими. И все же, рассуждая, как обычный человек, если бы кто-либо нарушил законы, мною установленные, я бы не допустил, чтобы из-за моего гнева страдали другие люди, не имеющие никакого отношения к его первопричине. А борьба за корабль приносит страдания, если я правильно понял все, что сейчас увидел.

— Нет, — серьезно говорил Кентон, забыв о призрачных лицах, — я не вижу справедливости в мучениях жрицы и жреца, а если борьба за корабль приносит такие разрушения и потери, я бы непременно прекратил ее, если бы это было в моих силах. Во-первых, я побоялся бы, что однажды тьма разрастется и поглотит все маленькие огоньки, а во-вторых, я бы не позволил, чтобы слово, сказанное мною в гневе и приносящее все эти несчастья, стало сильнее меня самого. Я человек, и я бы поступил так. И будь я богом или богиней — я поступил бы так же!

Наступило молчание.

— Этот человек вынес свое решение! — прошептал бесстрастный голос.

— Он вынес решение! — Струны арф звучали почти так же холодно, как и первый голос. — Я отказываюсь от своего слова! Пусть борьба завершится!

Лица исчезли. Кентон поднял голову и увидел вокруг знакомые стены розовой каюты. Был ли это сон? Слишком уж ясными были картины, представшие перед ним, слишком уж последовательными и убедительными.

Шаран зашевелилась, он повернулся к ней.

— Что тебе снилось, Джонкентон? — спросила она. — Ты что-то говорил, какие-то странные слова, я ничего не поняла.

Он наклонился и поцеловал Шаран.

— Я очень боюсь, мое сердце, что обидел эту твою богиню, — сказал он.

— О, Джонкентон, нет! Но как? — Ее глаза были полны ужаса.

— Я сказал ей правду, — ответил Кентон и поведал Шаран о своем видении.

— Я забыл, что она женщина! — закончил он.

— Но, любимый, она — все женщины! — воскликнула Шаран.

— Что ж, тем хуже! — уныло произнес Кентон.

Он поднялся, накинул плащ и пошел поговорить с Гиги.

Шаран долго еще сидела неподвижно, обеспокоенная мыслями, наконец встала, подошла к покинутому алтарю и в мольбе распростерлась перед ним.

29. Борьба окончена

— Что началось на корабле, на корабле должно и закончиться! — сказал Гиги, мудро покачивая лысой головой, когда Кентон рассказал ему о своем видении. — Я думаю, что нам не придется долго ждать развязки.

— В чем она будет заключаться? — спросил Кентон.

— Кто знает? — Гиги пожал широкими плечами. — Нам не будет покоя, Волк, пока жив Кланет. Нет, не будет. И мне кажется, я понимаю, что означают эти сгущающиеся тени на черной палубе. Это Кланет наблюдает за нами. Это — ниточка, которая соединяет его с кораблем. У меня чувствительная кожа, и она мне подсказывает, что черный жрец где-то близко. Когда он придет, что ж, мы разобьем его или он разобьет нас, вот и все. По-моему, нельзя рассчитывать на помощь Иштар. Вспомни, она ведь только сказала, что борьба между Гневной и Темным закончится. Но она ничего не обещала — ни Шаран, ни тебе, ни кому-то из нас.

— Это было бы неплохо, — весело сказал Кентон. — Пока у меня есть возможность честно сражаться с Кланетом, этой свиньей, возвращенной в преисподней, я доволен.

— Но я думаю, ты заметил, что Иштар была не очень обрадована, когда услышала все, что ты ей сказал, — хитро усмехнулся Гиги.

— Но ведь это еще не причина, чтобы наказывать Шаран, — ответил Кентон, возвращаясь к своим прежним соображениям.

— А как еще она может наказать тебя? — с хитрой усмешкой спросил Гиги и вдруг сделался серьезным. — Нет, Волк, — он положил свою лапу на плечо Кентону, — у нас очень мало шансов. И все же... если то, что ты видел, — правда, и эти маленькие огоньки действительно существуют, то все остальное не имеет значения...

Только скажи, — задумчиво продолжал Гиги, — когда огоньки, в которые превратитесь вы с Шаран, начнут свой путь в пространстве, и к ним присоединится еще один, который когда-то был Гиги из Найневе, вы возьмете его с собой?

— Гиги! — в глазах Кентона стояли слезы. — В этом мире или в другом, где бы мы ни были и что бы ни случилось, ты останешься с нами сколько пожелаешь.

— Спасибо! — тихо сказал Гиги.

Сигурд закричал им что-то, показывая на нос корабля. Они бросились к каюте Шаран и, пройдя ее насквозь, вышли на палубу. На горизонте бесконечной линией тянулись башни и минареты, шпили и колокольни, дворцы и мечети. Очертания этой оштетнившейся преграды казались им безупречно правильными и аккуратными, и у них не возникло сомнения в том, что перед ними — творения рук человеческих.

Быть может, этот город — убежище, которого они искали? Место, где они могли бы укрыться от Кланета и его стаи и подготовиться к встрече на более равных условиях?

Но если это город, то какие же великаны воздвигли его?

Взлетели вверх весла, корабль пошел быстрее, приближаясь к цели.

Нет, это был не город!

Тысячи острых скал поднимались из глубины бирюзового моря. Скалы синие и желтые, скалы, раскрашенные красным и ярким малахитово-зеленым цветом, скалы, рдеющие охрой и погруженные в багрянец осенних закатов; разноцветная Венеция, созданная некими Титанами из камня. Стройный минарет меньше десяти футов в поперечнике взмывал ввысь на двести футов; пирамида, такая же огромная, как пирамида Хеопса, — насколько хватало глаз, к небу тянулись тысячи фантастически раскрашенных скал, их остроконечные вершины походили на минареты, обелиски, колокольни и башни.

Они поднимались прямо из пучины, образуя лабиринт узких и широких каналов; в некоторых вода текла спокойно, в других неслись стремительные потоки и бушевали водовороты, сменявшиеся, впрочем, безмятежными озерами.

Снова раздался крик викинга, преисполненный тревоги и призыва, слышалось бряцание его меча.

На расстоянии мили они увидели армаду кораблей с одним и даже двумя рядами весел. Всего их

было около двух десятков. Это были военные суда, их весла опускались и взлетали с быстротой меча. Прямо к Кораблю Иштар, рассекая волны со скоростью атакующего зверя, неслась узкая черная галера.

Стая Кланета и сам черный жрец!

Скрываемые туманом, они подошли близко, а взгляды находившихся на корабле Иштар в это время были устремлены на огромный каменный город, почудившийся им концом этого странного мира!

— Туда, к скалам! — воскликнул Кентон. — Быстрее!

— Это ловушка! — возразил Сигурд.

— Но и для них это тоже ловушка, — ответил Кентон. — По крайней мере, там они не смогут нас окружить.

— Это наш единственный шанс! — предположил Гиги.

Гребцы склонились над веслами, и корабль вошел в канал, по берегам которого поднимались раскрашенные минареты. Сзади раздались крики, похожие на лай голодных псов, увидевших оленя.

Теперь корабль находился в лабиринте, и гребцам приходилось работать медленно, а викинг должен был применить все свое умение рулевого, потому что их подхватило множество мощных потоков, а вокруг были острые скалы. Маневрируя между ними, корабль шел все вперед и вперед, пока наконец не оказался со всех сторон окруженным камнем. Кланет и его суда тоже вошли в лабиринт. Уже слышен был скрип их весел, команды рулевых. Корабли Кланета приближались.

Внезапно стало вдруг совсем темно, будто нажали кнопку и выключили свет! Тьма окутала канал и огромные скалы. С кораблей Кланета слышались резкие звуки рожков, выкрики и команды, окрашенные растерянностью и страхом.

Во тьме вспыхнуло пурпурное сияние.

— Это Нергал! — прошептала Шаран. — Он здесь!

Словно огромное чернильное пятно окутало темную палубу, из этого облака выскочил Сигурд и подбежал к остальным.

Горизонт за клубился тьмой. Она поднималась из тусклого моря и тянулась к пелене тумана, прости-

равшейся в небесах. Погребальный запах, дыхание смерти концентрировалось в воздухе.

— Это Нергал во всей своей силе! — Шаран содрогнулась.

— Но ведь Иштар обещала, что борьба закончится! — воскликнул Кентон.

— Но она не сказала, как закончится! — голос Шаран наполнился отчаянием. — Любимый, Иштар больше не приходит ко мне, я бессильна!

Иштар! Иштар! — звала она, обняв Кентона. — О Мать, я отдаю свою жизнь за него! Мою душу — за его! О Иштар!

Клубы тьмы приближались, расстояние между ними и кораблем быстро сокращалось. В ответ на мольбы Шаран над кораблем вспыхнул ослепительный свет, переливающийся белым и розовым жемчугом, он озарил лицо Шаран, а трое мужчин и девушки, побледнев, упали к ее ногам.

На высоте трех мачт над их головами завис огромный шар лунного огня; ясный и лучезарный, он светился ярче, чем множество полных лун. Лучи, исходящие от него, выхватили из подступавшей тьмы носовую часть корабля; находившиеся на ней оказались как бы в шатре света, вершиной которого стала лунная сфера.

А вокруг сияющего шатра колобродила плотная тьма, отыскивая лазейку, чтобы прорваться внутрь.

Откуда-то издалека слышались резкие, пронзительные крики. Они зазвучали громче. Пурпурная тьма немного рассеялась и стала теперь мрачно-лиловой, в ней вспыхнули многочисленные язычки красного пламени.

Мириады этих огненных точек окружили корабль. Маленькими змеями они вились вокруг яркого шара и светящегося шатра, вонзаясь в них огненными стрелами и вновь вспыхивая острыми языками пламени.

Послышался шелест тысяч крыльев. Вокруг лучезарного и сияющего шатра закружились голуби Иштар. Они кинулись навстречу огненным змейкам. Живыми щитами они принимали на себя удары огненных копий.

Откуда же взялись эти голуби? Откуда-то сверху, и когда прах каждой погибшей птицы был развеян,

двадцать птиц вместо нее рвались навстречу ударам огня. Воздух дрожал от шума их крыльев.

Крики зазвучали еще пронзительней. Чернильная туча на темной палубе взвилась вверх, поднимаясь к самым небесам. Многочисленные языки пламени соединились, превратившись в ярко-красную огненную саблю, занесенную для удара над сверкающим шаром и кораблем.

В то же мгновение фаланги голубей закружились, обратившись в щит, такой прочный, что сама Иштар не погнушалась бы взять его в руки!

Этот щит встретил удар огненной сабли. От удара огненного клинка живая серебристость померкла, но не поддалась. Порезы на щите мерцали бледным лунным светом, но едва их касались серебряные лучи, как они затягивались.

Вспыхнул ослепительный свет — это появился еще один меч, выкованный из белого пламени, которое Кентон видел в волшебном сне и которое было живым сердцем сияния, дающего жизнь всему множеству миров!

И огонь сабли потускнел! Она больше не пылала ярко-красным светом!

Лунный шар задрожал, его слепящее сияние простерлось еще дальше, разгоняя тьму.

Он исчез так же внезапно, как и возник!

Вместе с ним исчезли и голуби!

Кентон увидел, как огромная сабля дрогнула, замерла, — словно ужасная рука, державшая ее, внезапно остановилась в сомнении и вот, обрушившись вниз...

Она разбилась на мелкие части!

Кентон улышал голос — голос Иштар:

— Я победила, Нергал!

— Это всего лишь трюк, Иштар! — раздался резкий голос Нергала. — Я должен был вести войну не с тобой, а с твоей сестрой!

— Нет, Нергал! — ответила Иштар. — Я никогда не говорила, что не буду сражаться с тобой. Но я сделаю одну уступку — ты потерял корабль, но и я не возьму его! Корабль свободен!

Опять раздался резкий голос Нергала.

— Борьба окончена! — сказал он мрачно. — Корабль свободен!

Кентону показалось, что на краткий миг он увидел размытые очертания какого-то лица, смотревшего на корабль сверху; нежность всех матерей, всех любящих женщин, живущих под солнцем, была в этом лице; нежный взгляд задержался на Шаран, потом — на нем самом, но теперь что-то загадочное было в этом взоре...

Лицо исчезло.

Стемнело так быстро, что показалось, будто зажженную лампу закрыли ставнем, но ставень убрали — и вновь стало светло.

Корабль стоял в широкой протоке, вокруг поднимался фантастический каменный город. Слева высоко вверх вздымались вершины тускло-зеленых и ослепительно-красных обелисков. Справа, на расстоянии трех полетов стрелы, на сотни футов в небесах поднималась острая вершина пирамиды.

Из-за основания пирамиды показалась черная галера Кланета!

30. Последняя битва

Вид этого узкого корабля, устремившегося к ним голодной собакой, подействовал на Кентона и на всех остальных, как сильное вино, вызывающее головокружение.

Тяжелая тень произошедшего все еще висела в воздухе — еще несколько минут назад они были всего лишь мошками, то беспомощно радуясь ослепительному сиянию жизни, то столь же беспомощно замирая во тьме, жизнь отрицающей. Кентон все еще чувствовал страшный погребальный запах, могильный холод все еще сковывал его душу, он хорошо помнил, как чернота застилала ему глаза.

Но теперь, видя перед собой корабль черного жреца, он знал, что делать!

Клинок меча и острие стрелы, смерть — вполне возможно, смерть, бушующая под барабанный бой, горячая смерть, рвущаяся с цепи и заглушающая биение жизни, — все это не выдумки, а реальность.

Кентон слышал разгневанный голос Шаран, звучащий как золотой рожок, слышал рев Гиги, крики Сигурда. Он и сам кричал, вызывая черного жреца на бой, угрожая ему.

В полной тишине узкая галера приблизилась к ним.

— Сигурд, к рулю! — Здравый смысл вернулся к Кентону. — Войди в узкий канал. Так, чтобы мы могли грести, а им бы пришлось убрать верхний ряд весел. По крайней мере, тогда мы будем двигаться с одинаковой скоростью!

Северянин бросился к румпелю. Снизу раздался резкий свисток надсмотрщика, корабль рванулся вперед.

Теперь только два полета стрелы отделяли его от галеры. Корабль обогнул каменные глыбы и вошел в тихую голубую бухту, вокруг которой поднимались множество ярко-красных куполов, покоящихся на огромных алых камнях; бухту разрезали математически правильные протоки между камнями, их ширины едва хватило, чтобы корабль мог пройти, не задевая веслами скал.

— Сворачивай в любой канал! Сюда! — закричал Кентон.

Развернувшись, корабль устремился в ближайшую протоку. Туча стрел просвистела ему вслед, от галеры его теперь отделяло расстояние, лишь в пять раз превышающее его собственную.

Огромные, похожие на мечети каменные глыбы окружали узкий канал, тянувшийся вперед на целую милю. Пройдя треть этого расстояния, они увидели, что на галере убрали половину весел, и она вошла в протоку. По команде Кентона гребцы заработали быстрее, и галера, более тяжелая, чем корабль, отстала.

Корабль летел по синим волнам, а в это время отважная четверка собралась на корме держать совет.

— Слетаются вороны! — проворчал Сигурд. Глаза его загорелись мрачным огнем. — Девы-воительницы спешат из Валгаллы. Я слышу стук копыт!

— А если они вернуться с пустыми руками! — воскликнул Кентон. — Нет, Сигурд, это наш единственный шанс. Сам Кланет разнюхал, где мы. Так давайте встретим его достойно.

— Нас только семеро, Волк, а их на той галере множество по семеро, — сказал Гиги. В его голосе звучало сомнение, но маленькие глаза воинственно блестели.

— Я больше не намерен бегать от этой черной свиньи! — с жаром воскликнул Кентон. — Я устал изворачиваться и прятаться. Давайте сыграем в открытую! А ты что думаешь, Шаран?

— Я думаю, как и ты, — спокойно ответила она. — Какова твоя, такова и моя воля, любимый!

— А ты что скажешь, северянин? — спросил Гиги. — Быстрее решай!

— Я заодно с Волком, — отозвался Сигурд. — Сейчас самое время. Давным-давно, когда я правил драконами, у нас имелась на этот случай хитрость. Вы видели, как кошка нападает на собаку? Ха-ха! — Сигурд рассмеялся. — Сначала она быстро убегает и прячется за какой-нибудь угол, а собака с лаем проносится мимо. Тут кошка выскакивает, выпускает когти и кидается на собаку. Ха-ха! — хохотал Сигурд. — Мы убегали, как эта кошка, пока не находили укромного местечка. И когда дракон приближался, мы нападали; надо было слышать этот собачий вой, когда мы рубили и крушили! Так давайте найдем такой угол, где можно притаиться и подкараулить черного пса. Пусть две девушки останутся со мной у руля, а вы вчетвером стойте у арбалетов, и когда я сломаю врагам весла, вы начнете выпускать огненные стрелы.

— А как же их собственные стрелы? — спросил, усмехаясь, Гиги.

— Мы должны довольствоваться тем, что есть, — ответил Кентон. — Гиги, я согласен с Сигурдом, или, может быть, у тебя есть другой план?

— Нет, — ответил Гиги, — нет, Волк, у меня нет плана. — Он высоко поднял длинные руки. — Клянусь преисподней и ее Хранителем Ишеком, — взревел он, — я тоже устал убегать! Я убежал от принцессы из-за своей лысины, и разве это принесло мне счастье? Клянусь Наззуром, Уничтожающим Сердца, клянусь Зубраном, — голос его потеплел, — отдавшим за нас жизнь, — я больше не убегу! Найдите место, Волк и ты, Сигурд, и будем драться!

Отойдя немного, он повернулся к остальным.

— Протока скоро кончится, — сказал он. — Шаран, сердца девушек и твое сердце отделяют от вражеских стрел только легкая ткань и нежная грудь. Возьмите латы, шлемы, ботинки и наколенники. Я надену другую кольчугу и возьму свою булаву.

Он спустился вниз; Кентон кивнул, и Шаран с девушками отправились переодеться, облачившись в боевые доспехи.

— А что будет, когда ты сломаешь их весла, если это получится? — спросил Кентон викинга, оставшись с ним на палубе.

— Мы развернемся и возьмем его на таран, — сказал Сигурд. — Так мы делали раньше. Галера черного жреца тяжелее и неповоротливее нас. Во время маневра все должны быть на носу, чтобы не дать никому забраться на корабль. И потом мы сможем делать с ними, что хотим, — как та кошка.

Они подходили к устью протоки, по пятам за ними, на расстоянии полумили шла галера.

Шаран и три девушки вышли из каюты. Они превратились в стройных воинов, закованных в латы, длинные волосы были убраны под шлемы, ноги закрывались кожаными ботинками и наколенниками. На корме и на носу корабля они приготовили стрелы. Гиги проследил, чтобы арбалеты, пакля и масло были наготове.

Протока кончилась, корабль замедлил ход. Кентон с викингом огляделись вокруг. Справа и слева двумя огромными дугами тянулись высокие стены красных скал. Отвесные и ровные, они, возможно, образовывали круг, если тянулись дальше, но об этом можно было только догадываться.

Стены поднимались из воды. В центре предполагаемого круга высилась огромная остроконечная скала, превышающая стены в три раза и заслонявшая полнеба. Нижняя часть ее представляла собой гигантскую восьмиконечную звезду, ее длинные лучи высотой около пятидесяти футов были похожи на огромные, острые как нож клинья.

— Давайте свернем налево, — сказал Сигурд. — Пусть черный пес видит, куда мы идем.

Кентон забрался на крышу каюты и замахал руками; послышались крики преследователей.

— Хорошо! — громко сказал Сигурд. — Теперь пускай они подойдут ближе. А мы, Волк, пока останемся здесь! Смотри, — корабль в это время огибал первый луч звезды, — здесь едва хватает места, чтобы корабль и галера могли разойтись. К тому же стена высокая, и нас из-за нее не видно. Да, это как раз то, что нам нужно! Но спрячемся мы не здесь, потому что Кланет будет настороже и подойдет сюда медленно; второй луч он тоже обогнет осторожно, хотя, наверное, уже несколько утратит бдительность, но и там он нас не найдет. И тогда он решит, что у нас только одно на уме — бегство. Поэтому третий луч он обогнет уже быстро, чтобы догнать нас, а именно там мы и спрячемся, чтобы напасть на него, когда он этого не ожидает!

— Отлично! — Кентон прыгнул на палубу и встал рядом с Шаран и Гиги.

Гиги тоже понравился план, и он пошел еще раз взглянуть, все ли готово для стрельбы из арбалетов. А Шаран, обвинив закованными в броню руками шею Кентона, задумчиво смотрела ему в глаза. Казалось, этим взглядом она впитывала каждую черточку его лица.

— Это конец, любимый? — прошептала она.

— Для нас с тобой никогда не будет конца, о мое сердце, — ответил Кентон.

Они обнимались, не говоря больше ни слова, а корабль уже обогнул второй луч. Он подошел к третьему, и Сигурд приказал поднять весла; они прошли около ста ярдов, и Сигурд резко повернул корабль. Подозвав надсмотрщика, он сказал ему:

— Мы нападаем на галеру слева. Видишь ту скалу? Я вовсе не хочу рисковать, и по моему приказу весла слева должны быть убраны. После нашего первого удара рабы должны грести изо всех сил; потом мы возьмем галеру на таран, и после этого дай обратный ход. Понятно?

Глаза чернокожего засверкали, в улыбке обнажились белые зубы. Он быстро побежал назад.

Из-за каменной глыбы доносился легкий плеск весел. Две девушки поспешили к Сигурду и притаились рядом, держа наготове стрелы. Все напряженно ждали.

— Еще один поцелуй, — шепнула Шаран Кентону. Глаза ее затуманились. Их губы встретились.

Плеск весел все приближался, корабль подходил, набирая скорость...

Раздался тихий свист викинга, и гребцы склонились под жалом кнута. Несколько сильных ударов о воду, и корабль стремительно, как дельфин, понесся к краю каменной глыбы.

Он остановился, потому что викинг резко повернул руль влево.

Впереди, на расстоянии, в десять раз превышающем длину корабля, они увидели галеру. Она неслась вперед, и четыре ряда весел походили на лапки огромного паука. Когда столь внезапно появился корабль, с галеры послышались крики, шум, противоречивые приказания, — во всем этом чувствовалось замешательство.

Весла галеры замерли на полудвижении, остановились, едва касаясь поверхности моря.

— Быстрее! — закричал Сигурд, послышались удары кнута, и викинг, резко повернув руль, поставил корабль параллельно галере.

— Убрать весла! — опять закричал он.

Нос Корабля Иштар врезался в правый борт галеры, ломая весла, как тонкие прутья. Они крошились, обламывались и летели в воду, бессильные перед сокрушительным натиском Корабля Иштар. Рабы падали под тяжелыми ударами весел с переломанными ребрами и спинами.

Внезапная атака вызвала полное замешательство на галере, и преследователи в изумлении смотрели на корабль, откуда в них со свистом летели огненные шары. Взвиваясь пылающими змеями, пакля еще сильнее разгоралась на ветру и, вспыхивая ярким пламенем, падала на палубу и в открытый трюм; неугасимый огонь охватывал все, что способно было гореть.

Вновь раздались крики, на этот раз крики ужаса.

Корабль Иштар не пострадал; спустив на воду весла, он отошел немного к высокой каменной стене. Затем викинг опять круто повернул руль, и корабль устремился к галере.

А галера беспомощно качалась, походя на огромного паука, у которого с одной стороны отрезали лапки, и паук этот как-то медленно, боком двигался к острому краю каменного луча. На палубе клубился дым, дым поднимался из трюма.

Сигурд мгновенно понял, как можно уничтожить галеру, увидев, что она вплотную приблизилась к острым скалам: следовало подтолкнуть ее, и каменное острие пропорет судно.

— Эй, на носу! — крикнул Сигурд.

Развернув корабль еще круче, он обрушился на галеру не с кормы, как собирался это сделать, а ближе к середине корпуса. Удар получился превосходным. Кентон и его соратники потеряли равновесие, упав ничком на палубу.

Приняв на себя удар, галера закачалась, накренилась, и вода хлынула за борт. Гребцы заработали веслами, пытаясь увести судно в сторону от ужасного камня. Но Корабль Иштар напирал, нос галеры повернулся к скале, и она ударилась об острый камень.

Раздался страшный треск.

— Эй! — закричал викинг. — Крысы тонут!

Облако стрел прошелестело над кораблем. Они свистели над Кентоном, уже поднимавшимся на ноги, вонзались в палубу, падали в углубление гребцов. Не успев отвести корабль на безопасное расстояние, рабы падали бездыханными, и стрелы дрожали в их мертвых телах.

С тонущей галеры на нос корабля забросили крючья, и по веревкам начали подниматься воины.

— Сюда! Сюда! Ко мне! — закричал Сигурд.

Галера дрогнула, ее разломанный нос скользнул вниз по краю скалы, и палубу залила вода. Показались головы воинов, смытых волной. Они плыли к кораблю.

— Назад! — закричал Кентон.

Он схватил Шаран за руку, и они побежали, низко пригибаясь, а в это время с кормы взлетали

стрелы Сигурда и его помощниц, направленные в осаждавших розовую каюту.

Галера опять ударилась об острый выступ камня, ее нос уже наполовину скрылся под водой. Но теперь и нос корабля опасно наклонился вниз. Палуба качнулась, и Кентон упал, увлекая за собой Шаран. Он успел заметить, как с тонущей галеры прыгают люди и плывут к кораблю.

Кентон поднялся на ноги, когда на носу корабля уже были вражеские воины. Мимо промчался Гиги, размахивая своей огромной булавой. Кентон поспешил за ним, Шаран не отставала.

— Назад! Назад, прочь! — кричал Гиги. Под ударами его дубины воины падали как подкошенные.

— Слишком поздно! — воскликнула Шаран.

Слишком поздно!

По цепям воины взбирались на корму, открывали щиты.

С кормы донесся яростный крик, похожий на звериный рев. От неожиданности воины замерли, булава Гиги застыла в воздухе.

На корабле Иштар был черный жрец!

Адский огонь полыхал в его глазах, крики черной ненависти вырывались из распахнутого рта; расталкивая воинов, он бросился вперед, уклонился от булав Гиги и подскочил к Кентону.

Кентон ждал этого.

Голубой клинок, вспыхнув, скрестился с мечом черного жреца. Но меч оказался быстрее, насылая сокрушительный удар по старой ране Кентона!

Кентон зашатался, рука, сжимавшая меч, разжалась.

С победным криком Кланет занес меч для решающего, смертельного удара.

И тут меж ними бросилась Шаран, отведя удар своим мечом.

Жрец поднял левую руку, сжимавшую кинжал. Острие глубоко вонзилось в грудь Шаран!

В это мгновение весь мир сосредоточился для Кентона в пятне красного пламени, и этим пламенем было лицо Кланета. Удар клинка Кентона был подобен вспышке молнии.

Голубой клинок рассек Кланету лицо, превратив его в кровавое месиво, врезался в горло и дошел до самого плеча.

Меч черного жреца со звоном упал на палубу.

Кентон опять ударил, на этот раз в шею.

Голова Кланета отлетела и, глухо ударившись о борт, упала в воду. Еще одно мгновение тело, фонтанируя кровью, оставалось недвижимо и наконец рухнуло.

Кентон больше не обращал внимания ни на обезглавленный труп, ни на воинов с галеры. Склонившись над Шаран, он поднял ее на руки.

— Любимая! — звал он, целуя бледные губы и закрытые глаза. — Вернись со мной!

Шаран открыла глаза и попыталась протянуть к нему руки.

— Любимый! — прошептала она. — Я... не могу... Я приду... Жди... — Голова ее склонилась к нему на грудь.

Держа на руках мертвое тело своей любимой, Кентон посмотрел вокруг. Его окружали еще оставшиеся в живых воины с галеры, они стояли неподвижно и молча смотрели на него.

— Сигурд! — позвал Кентон, не обращая на них внимания. У руля, где бился викинг, лежала только груда мертвых тел.

— Гиги! — позвал Кентон шепотом.

Но не было Гиги. Там, где взлетала его булава, лежало теперь множество трупов.

— Шаран! Гиги! Сигурд! — Кентон зарыдал. — Все! Все погибли!

Корабль дрогнул, накренился, Кентон шагнул вперед, прижимая к груди Шаран.

Зазвенев тетивой, в бок ему вонзилась стрела.

Но Кентону было уже все равно... пусть его убьют... Шаран мертва... и Гиги... и Сигурд...

Но почему он вдруг перестал ощущать в руках тело Шаран?

Где воины, пристально смотревшие на него?

Где корабль?!

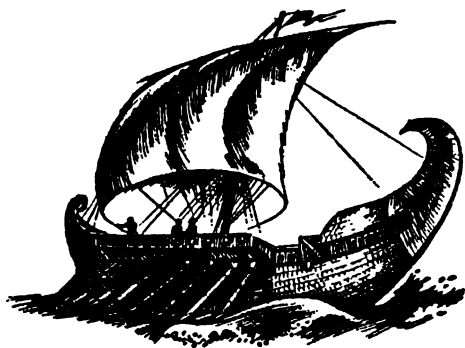
Вокруг не было ничего, кроме тьмы, тьмы и завывания бури, надвигавшейся из далеких пространств.

Кентон летел сквозь эту тьму, пытаясь разглядеть Шаран, протягивая к ней дрожащие руки...

Сломленный слабостью и горем, он наконец открыл глаза...

И увидел опять свою комнату!

ЧАСТЬ 6

31. Корабль уходит

Кентон находился в каком-то оцепенении, перед его взором все еще стояли картины той последней битвы. Раздалось три удара.

Три часа! Конечно... он вернулся в мир времени... на корабле все было иначе...

На корабле!

Шатаясь, Кентон подошел к этой мерцающей тайне, давшей ему все, что он хотел от жизни, а потом все отнявшей.

Шаран!

Сверкающая игрушка с крошечным кинжалом в груди лежала... на светлой палубе... на самом краю...

Шаран, в которой для Кентона сосредоточились вся радость, вся прелесть, все восторги жизни.

И совсем рядом с ней — безголовая кукла...

Кланет!

Кентон взглянул на черную палубу — что это значит, где же погибшие? Там на каучуковой площадке было только три фигурки, у одной были светлые волосы, пробитая броня... Сигурд и две девушки, дравшиеся бок о бок с ним! Но где же поверженные ими воины?

А рядом с обезглавленным телом черного жреца лежал... Гиги! Он покоился, раскинув в стороны ог-

ромные руки и подогнув ноги. Но убитых им тоже не было!

Гиги! Кентон отнял руку от Шаран и дотронулся до него.

Вдруг резкая боль пронзила все тело Кентона, и он опустился на колени. Зажав рукой бок, он почувствовал что-то твердое. Стрела! Он понял, что силы оставляют его.

Заметив, что корабль под его рукой дрожит, Кентон в изумлении уставился на него. Через какое-то мгновение нос корабля исчез, растворился. Розовая каюта пропала!

Корабль накренился, и вслед за каютой исчезла светлая палуба, а вместе с ней — Гиги!

— Шаран! — Кентон зарыдал, крепко сжимая в руке куклу. — Любимая!

Корабль раскололся в дюйме от того места, где лежала фигурка.

— Шаран! — рыдал Кентон; услышав этот душе-раздирающий крик, наверху проснулись слуги и бросились к комнате хозяина.

Собрав последние силы, Кентон потянул фигурку... Она отломилась... осталась в его руке... он поднес ее к губам...

Корабля больше не было, остались лишь увенчанные жемчугом лазурные волны!

Кентон понял, что это значит. В глубины неизвестного моря этого таинственного мира погрузилась галера, увлекая за собой Корабль Иштар. Символ должен разделить судьбу Корабля, Корабль — судьбу символа. Так и случилось!

В дверь стучали, слышались голоса, но Кентон не слышал их.

— Шаран! — раздался на весь дом его крик, звенящий радостью!

Кентон упал, непослушными руками прижимая к губам женскую фигурку.

Волны растворились в воздухе. На месте, где совсем недавно находился корабль, что-то шевельнулось, и, взмахнув серебристыми крыльями, взлетела огромная птица. Грудь, лапки и клюв у птицы были алые. Она парила над Кентоном.

Голубь Иштар.

Неожиданно птица исчезла.

Взломав дверь, слуги столпились на пороге, всматриваясь в темноту.

— Мистер Джон! — голос Джевинса дрожал.

Ответа не было.

— Здесь что-то есть, на полу! Включите свет! — прошептал кто-то.

Сияние электричества осветило тело, ничком лежащее в луже крови; на нем была окрашенная красным разорванная кольчуга, в боку торчала черная стрела, сильную руку охватывал золотой браслет. Слуги отпрянули, в ужасе глядя друг на друга.

Один решился подойти ближе и перевернул мертвеца.

На лице Кентона застыла улыбка блаженства и счастья.

— Мистер Джон! — старый Джевинс заплакал, опустился на колени рядом с трупом и поднял голову Кентона.

— Что у него в руке? — шепнул кто-то. Сжатый кулак Кентона находился у самых губ. Слуги с трудом разогнули пальцы.

Но рука Кентона была пуста!

СЕМЬ СТУПЕНЕЙ К САТАНЕ

ГЛАВА 1

Когда я вышел из дверей Дискавери-Клуба, часы били восемь. Я остановился на мгновение, глядя на лежащую предо мной Пятую авеню. Как только я остался один, вновь возникло гнетущее ощущение слежки. Последние две недели оно изводило меня и сбивало с толку. Колючий холодок пробирался глубоко под кожу с той стороны, где находились наблюдатели. Как большинство людей, проводших большую часть своей жизни в джунглях или в пустыне, я обладал необычной для цивилизованного человека восприимчивостью и способностью к наблюдению. Своеобразное возвращение к некоему звериному шестому чувству, — все дикари обладают им, пока не отведают напитка белых людей.

Скверно было то, что на этот раз я не мог определить, откуда шло это ощущение. Казалось, оно просачивалось в меня со всех сторон. Я внимательно оглядел улицу. Два встречных потока машин стремительно неслись по авеню впритирку друг к другу. Три такси выстроились вдоль тротуара напротив Клуба. Они были пусты, водители оживленно болтали. Я не заметил ни одного слоняющегося без дела зеваки. Я изучил окна домов на противоположной стороне улицы. Никаких признаков того, чтобы откуда наблюдали, я не обнаружил.

Однако я совершенно точно знал, что за мной неотрывно следят.

За последние две недели подобное беспокойство овладевало мной в самых разных местах. В музее, куда я зашел посмотреть нефриты Йаннана, — это ведь я дал возможность старому богатому Рокбилту передать их туда, что заметно прибавило веса его репутации филантропа. Я ощущал слежку в театре и во время верховой прогулки в парке, в брокерской конторе, где на моих глазах мгновенно исчезли деньги, что принесли мне нефриты, в игре, в которой я не понимал абсолютно ничего, и лишь теперь с сожалением признавался себе в этом. Я ощущал наблюдение на улице, но этого и следовало ожидать. А вот то, что я чувствовал его и в Клубе, было уже странно и беспокоило больше всего.

Да, с меня не спускали глаз. Но почему за мной ведется столь пристальное наблюдение? Я решил выяснить это сегодня же ночью.

Я вздрогнул от чьего-то прикосновения к моему плечу и едва не схватился за пистолет, висевший под мышкой левой руки. И понял, как дурно отразилась на моих нервах вся эта мистика. Я обернулся и с идиотской усмешкой воззрелся в лицо Ларсу Торвальдсену. Ларс, здоровенный малый, всего несколько дней назад вернулся в Нью-Йорк после двухгодичного пребывания в Антарктике.

— Ты чего такой дерганный, Джим? — спросил он. — Случилось что? Или перебрал малость сегодня?

— Да нет, Ларс, ничего подобного, — ответил я. — Просто этот город меня достал. Одурел я от непрерывного шума и суеты. И от людей, — добавил я с искренностью, о которой он и не подозревал.

— Ну ты даешь! — воскликнул он. — А мне так в самый раз. Лично я просто упиваюсь городом — после двух-то лет. Но думаю, что через месяц или два и с меня тоже хватит. Я слышал, ты собираешься скоро снова сваливать? Куда на этот раз — опять в Китай?

Я покачал головой. Мне казалось: что-то должно произойти до того, как я истрачу шестьдесят шесть долларов, которые лежат в моем бумажнике, и девя-

носто пять центов, которые бренчат в моем кармане, и именно это определит место моего назначения. Но мне не хотелось говорить об этом Ларсу.

— У тебя все в порядке, Джим? — Его взгляд сделался пристальнее. — Если что-нибудь нужно, я с радостью помогу.

Я покачал головой. Все знали — старый Рокбилт отвалил неожиданно много за эти чертовы нефриты. Я в глубине души надеялся, что оберну обломившийся капиталец так, что до конца жизни избавлюсь от забот и перестану зависеть от случайностей. И хотя я был сильно подавлен мгновенным исчезновением на бирже своего золотого запаса, я еще не потерял гордость и не хотел говорить об этой своей глупости даже Ларсу. Все-таки я еще не превратился в отчаявшегося нью-йоркского бродягу. Что-то должно было измениться!

Кто-то позвал его обратно в Клуб.

— Подожди, — попросил он.

Но я не стал ждать. Обсуждать своих соглядатаев мне хотелось еще меньше, чем неудачную игру на бирже.

Кто же все-таки следит за мной? И почему? Какой-нибудь китаец вынюхивает сокровища, которые я стащил из древней гробницы? Нет, вряд ли. Кин-Ванг, хотя он и бандит, и притом знаток американского покера и выпускник Корнельского университета, не стал бы посылать за мной шпионов. Наше так называемое сотрудничество, пусть противозаконное, окончилось, в его понимании, когда он проиграл. Он жульничал в картах как только мог, и тем не менее был человеком слова. В этом я уверен. Кроме того, чтобы убрать меня, совершенно незачем было позволять мне уезжать так далеко. Нет, их подослал не Кин-Ванг.

Еще был инсценированный арест в Париже, предназначенный для того, чтобы убрать меня с дороги на несколько часов, что я и понял, когда, вернувшись, обнаружил разгромленную комнату и перерывные вещи. Я, несомненно, вернулся гораздо раньше, чем планировали воры, ибо разгадал их уловку и рванул обратно. Это стоило мне ножевой раны в

боку. Но я хорошо рассчитался с ними, оставив одного из моих сторожей без сомнения со сломанной шеей, а другого с такой головой, что он пару месяцев вряд ли мог ею воспользоваться.

Потом была другая попытка. Машину, в которой я мчался на пароход, остановили между Парижем и Гавром. Эта операция могла бы оказаться успешной, если бы я предусмотрительно не засунул те тарелки одному знакомому в чемодан. Он ехал на корабль пассажирским поездом и, между прочим, полагал, что везет не Бог весть какие редкие старинные блюда, которые я не хочу трясти в автомобиле, и что якобы я получил билет на корабль в день отплытия.

Так неужели все та же шайка выслеживала меня? Но они должны были знать, что нефриты уже не у меня, а в музее. Лично я теперь не представлял никакого интереса для разочарованных джентльменов, если они, конечно, не собирались мстить. Однако этим вряд ли можно было объяснить столь постоянное, скрытое, упорное наблюдение. Почему они не рассчитались со мной гораздо раньше? Несомненно, удобных случаев у них была масса...

Нет, хватит! Кто бы ни были эти наблюдатели, я решил предоставить им беспроигрышную возможность добраться до себя. Я уже оплатил все мои счета. Шестьдесят шесть долларов и девяносто пять центов в моем кармане составляли все мое богатство, но никто на него больше не претендовал. И пусть я с ветром в карманах отправлялся неведомо куда, долгов за мной не оставалось. Итак, я решил вынудить моих врагов, если это были враги, раскрыться. Я даже придумал, где это должно произойти.

Именно то место в Нью-Йорке, где днем самая большая толчея на всем земном шаре, совершенно пустынно в восемь часов вечера в октябре, да и вообще в любой другой вечер. Нижний Бродвей свободен в это время от суетящихся орд, тих его каньоноподобный разлом, а меньшие пересекающие его каньоны куда безлюднее и молчаливее настоящих каньонов в пустыне. Вот туда-то я и направлялся.

Когда я двинул по Пятой авеню прочь от Дискавери-Клуба, навстречу мне попался человек, чья

внешность и манера держаться, фигура и одежда были как-то странно знакомы.

Я стоял столбом, провожая его взглядом, пока он неторопливо поднимался по лестнице в Клуб. Потом пошел дальше, ощущая тошнотворное беспокойство. Нет, все-таки было что-то необычайное в этом человеке: тревожаще знакомое, почти родственное.

Но что?

Я тащился к Бродвею, постоянно чувствуя слезку.

Но лишь напротив Сити Холла я с ужасом осознал, что это было за чудовищное совпадение.

Внешность того человека и его манера держаться, фигура и одежда, от светло-коричневого пальто и серой мягкой шляпы до тросточки из ротанга, были — МОИ!

ГЛАВА 2

Я остановился как вкопанный. Естественно, конечно, было предположить, что это просто случайное совпадение, необыкновенное, но совершенно случайное. Без сомнения, по меньшей мере пятьдесят человек в Нью-Йорке на первый взгляд похожи на меня. Но чтобы кто-нибудь из них и в какой-то определенный момент времени был бы одет точно так же, как я, было просто невероятно. Однако все-таки могло быть. А если нет — что же это было? Зачем кому-то изображать меня?

Но, если на то пошло, зачем кому-то за мной следить?

Я заколебался, не позвать ли такси и не вернуться ли обратно в Клуб. Разум подсказывал мне, что я видел незнакомца лишь мельком, что, возможно, меня подвела игра света и тени, что сходство мне просто померещилось. Я обругал свои расстроенные нервы и пошел дальше.

После Кортландт-стрит прохожие стали встречаться все реже и реже. Тринити была похожа на сельскую церковь в полночь. Меня обступили молчаливые громады офисов. Возникло гнетущее ощущение: казалось, они заснули и вот-вот свалятся на

меня. Неисчислимы окна были похожи на слепые глаза. Зато те, другие — и очень зоркие — глаза не оставляли меня ни на мгновение. Казалось, они глядели еще пристальнее и проницательнее.

Вокруг не было уже ни души. Ни полицейского, ни даже сторожа. В этих огромных крепостях капитала, я знал, сторожа были. Я мешкал около каждого угла, предоставляя скрывавшимся в засаде бесчисленные возможности выйти навстречу, невидимому стать видимым. Но по-прежнему вокруг не было ни души — и по-прежнему за мной неотрывно следили.

Достигнув конца Бродвея, я уже в полном разочаровании оглядел безлюдный Баттери-парк. Я добрел до набережной Харбор Уолл и сел на скамью. К Лонг-Айленду скользил паром, похожий на огромного золотого водяного жука. Полная луна проливала на волны ручейки мерцающего серебряного огня. Было очень тихо, так тихо, что я смог различить звон колоколов Тринити, бивших вдалеке девять часов.

— У вас спичек не найдется? — неожиданно раздался приятный голос. И я испуганно осознал, что рядом со мной на скамье сидел человек. Странно: я не слышал ничьих шагов. Когда пламя взметнулось к его сигарете, я разглядел темное, гладко выбритое, аскетическое лицо, мягкий рот, доброжелательные глаза, чуть усталые — ни дать ни взять от занятий. Изящная, хорошо ухоженная рука, державшая спичку, казалась необычайно сильной — рука хирурга или скульптора. Наверняка ученый, решил я. Его одежда — плащ с капюшоном, мягкая темная шляпа — как будто подтверждала эту мысль. Тем не менее в широких плечах, скрытых плащом, опять-таки угадывалась необыкновенная сила.

— Прекрасная ночь, сэр, — он отбросил прочь спичку. — Просто созданная для приключений. А зади нас город, в котором возможно все, что угодно.

Тут я присмотрелся к нему внимательнее. Это замечание показалось мне странным; я ведь действительно бродил этой ночью в поисках неизвестно каких приключений. Ну и что? Я стал слишком подозрителен. Откуда ему знать, что привело меня в это

тихое место? Да и слишком благожелательное у него было лицо, слишком спокойные глаза. Просто ученый, заглянувший в тихий парк отдохнуть.

— Вон там паром, — он вытянул руку, по-видимому не замечая моего испытующего взгляда. — Это корабль возможных приключений. На нем безгласные Александры, бесславные Цезари и Наполеоны... недоделанные Язоны. Каждый из них мог бы найти свое Золотое Руно, если бы им не мешало какое-нибудь «но»... А несовершенным Еленам и Клеопатрам не хватает самой малости, чтобы вдохновить их на великие деяния.

— Какое счастье, что они несовершенны, — засмеялся я. — Да эти Наполеоны, Цезари и Клеопатры мигом вцепились бы друг другу в глотки и, пожалуй, подожгли бы весь мир!

— Нет, никогда, — ответил он очень серьезно. — Нет, если бы их направляли Воля и Разум более могущественные, чем у всех них, вместе взятых. Разум, способный предначертать, и Воля, способная заставить их выполнять эти предначертания.

— Но в результате, сэр, — возразил я, — получатся не суперпираты, суперкуртизанки и суперворы, а суперрабы.

— Рабства было бы меньше, чем в любую иную эпоху, — ответил он. — Персонажи, которых я привел в пример, всегда были под контролем Судьбы... или Бога, если вам так больше нравится. Воля и Разум, которые я имел в виду, будь они вложены в человеческий мозг, извлекли бы пользу из ошибок слепой Судьбы — или Бога, которому, если он существует, приходится наблюдать за таким количеством постоянно изменяющихся миров, что вряд ли он может уделить хотя бы минутное внимание отдельному человеку из бесчисленного множества, копошащегося в этих мирах. Разум, о котором я говорил, в полной мере использовал бы способности своих слуг, а не истощал их попусту. Он всегда вознаграждал бы их по заслугам, а если наказывал — так справедливо. Он не разбрасывал бы тысячи семян в надежде, что хотя бы горстка из них попадет на благодатную почву и прорастет. Он выбрал бы эти горстки и

позаботился о том, чтобы они попали на благодатную почву и чтобы ничего не помешало их росту.

— Такой Разум должен был бы быть могущественнее Судьбы или, если ВАМ так больше нравится, Бога, — заметил я. — Я повторяю еще раз: мне все это кажется просто суперрабством. И какое счастье для всего мира, что подобного Разума не существует.

Он затанулся дымом и задумчиво произнес:

— Видите ли, он все-таки существует.

— Да? — Я уставился на него, пытаюсь понять, не шутка ли это. — Ну и где же он?

— Это, — невозмутимо ответил он, — вы скоро увидите, мистер Киркхем.

— Вы знаете меня! — На какое-то мгновение мне показалось, что я ослышался.

— И очень хорошо, — ответил он. — А Разум, в существовании которого вы сомневаетесь, знает о вас абсолютно все. И он призывает вас! Пойдемте, Киркхем! Пора.

— Минуточку. — Высокомерие, прозвучавшее в его голосе, разозлило меня. — Ни вы, ни тот, кто послал вас, кто бы вы там ни были, не знаете меня так хорошо, как вам, по-видимому, кажется. Должен вам сказать, что я никуда не хожу, если не знаю, куда именно нужно идти. И с кем мне встречаться, я тоже сам решаю. Так что скажите-ка мне, куда вы хотите пойти со мной, с кем я должен встретиться и почему. А потом я решу, принимать мне или не принимать этот ваш... призыв.

Он спокойно выслушал меня. И вдруг совершенно неожиданно схватил меня за запястье. Я имел дело со многими сильными людьми, но такой хватки еще не встречал. Мою руку точно парализовало — трость выпала.

— Вам было сказано все, что нужно. И теперь вы пойдете со мной.

Он выпустил мою кисть, я вскочил на ноги, задыхаясь от ярости.

— Убирайтесь к черту! — крикнул я. — Я иду, куда я хочу и когда я хочу. — Я нагнулся за тростью. В то же мгновение он сгреб меня в охапку.

— Вы пойдете туда, куда хочет Тот, кто послал меня, и когда Он хочет.

Он держал меня, как котенка, и быстро обыскивал. Он нашел пистолет под мышкой левой руки вытащил его из кобуры. Тут же отпустил меня и отступил назад.

— Пошли, — скомандовал он.

Я не тронулся с места, соображая, что же предпринять. Я никому еще не давал повода усомниться в моем мужестве. Но мужество, по-моему, не в том, чтобы бросаться очертя голову вперед. Мужество — в том, чтобы спокойно оценить ситуацию в те мгновения, которые, как подсказывает здравый смысл, еще у тебя остались. А раз приняв решение — следовать ему до конца. Я ничуть не сомневался, что стоит этому мистическому посланцу только подать знак, как тут же объявятся его помощники. Броситься на него? Совершенно бессмысленно. У меня — только трость. У него — мой пистолет, а то и еще что-нибудь. И он уже продемонстрировал, насколько он сильнее меня. Может статься, он только того и ждет, чтобы я попробовал напасть.

Конечно, я мог позвать на помощь или побежать. Но и то и другое было не только нелепо, но и бессмысленно, особенно если учесть, что у него наверняка были сообщники.

Неподалеку была станция метро и железнодорожная эстакада. Они всегда были ярко освещены. Если бы я смог добраться туда, я был бы в сравнительной безопасности, по крайней мере, от прямого нападения. Я повернулся и пошел через парк в сторону Уайтхолл-стрит.

К моему удивлению, он не препятствовал мне, а спокойно зашагал рядом. Скоро мы вышли из парка, недалеко уже виднелись огни станции «Бовлин Грин». Обида и гнев постепенно проходили, ситуация даже начала меня забавлять. Ну полнейший абсурд полагать, чтобы в Нью-Йорке, когда вокруг тьма тьмущая людей и полиции, можно было заставить человека идти куда-то против его воли. Совершенно немыслимо утащить кого-нибудь от станции метро и уж тем более выкрасть из подземки. Почему же мой спутник так спокойно относится к тому, что мы все ближе подходим к метро?

Ведь можно было запросто скрутить меня всего несколько минут назад. А почему ко мне не подошли в Клубе? Под каким-нибудь предлогом меня легко можно было выманить оттуда...

Мне казалось, ответ мог быть только один: им во что бы то ни стало необходима была строжайшая секретность. Драка в парке могла бы привлечь полицию, а в Клубе, возможно, остались бы свидетели. Скоро мне предстояло узнать, как сильно я заблуждался.

Когда мы подошли ближе к «Бовлин Грин», я заметил полицейского. Я признаюсь без всякого стыда — его вид согрел мое сердце.

— Послушай-ка, — сказал я своему спутнику. — Вон там — полицейский. Положи пистолет мне в карман. Оставь меня здесь и ступай своей дорогой. Если ты сделаешь это, я ничего не скажу. А если нет, я уж уговорю полисмена отправить тебя за решетку. А там — закон Салливана, если не что-нибудь еще. Так что лучше валите отсюда по-тихому. Если хочешь, можешь пообщаться со мной в Дискавери-Клубе. Я постараюсь забыть все — поговорим по-человечески. Только давай-ка больше без рук, а то я тоже хорош, когда разойдусь.

Он улыбнулся мне, точно маленькому ребенку, его лицо вновь было сама доброта. Но он никуда не пошел. Напротив, он крепко взял меня за руку и повел прямо к полисмену. И когда тот уже мог нас услышать, довольно громко сказал, обращаясь ко мне:

— Ну пойдем, Генри. Хватит бегать. Я уверен, ты не хочешь доставлять лишние хлопоты дежурному, он и так занят. Пойдем, Генри! Ну будь умницей!

Внимательно присматриваясь к нам, полицейский пошел навстречу.

Я не знал, смеяться мне или опять разозлиться. Пока я соображал, мой спутник вручил полисмену визитную карточку. Тот прочитал ее и почтительно притронулся к фуражке:

— Что случилось, доктор?

— Извините за беспокойство, — ответил мой удивительный спутник. — Я лишь вынужден просить

вас немного помочь мне. Этот молодой человек — мой пациент. Военный летчик. Он разбился во Франции — травма головы — и сейчас считает себя Джеймсом Киркхемом, исследователем, хотя на самом деле его имя Генри Вальтон.

Полицейский подозрительно посмотрел на меня. Всецело уверенный в своей безопасности, я только улыбнулся:

— Ну, ну. А еще что я думаю?

— Он абсолютно безопасен. — Мой спутник легонько хлопнул меня по плечу. — Но время от времени ухитряется убежать. Да, да, безопасен, но очень изобретателен. Вот и сегодня вечером ускользнул от нас. Я послал за ним своих людей, но нашел его сам вон там, в Баттери-парке. Во время приступов он думает, что его могут похитить. Сейчас он начнет вам рассказывать, будто я его похищаю. Пожалуйста, выслушайте его доброжелательно и убедите, что в Нью-Йорке подобное невозможно. И еще объясните ему, пожалуйста, что похитители не приводят своих пленников, как я, прямо к полицейским.

«Ну до чего ловко придумано! — восхитился я про себя. — А как рассказывает — с таким терпеливым юмором профессионала!»

Я позволил себе рассмеяться: я ведь все еще считал, что благополучно выкрутился.

— Совершенно верно, дежурный, — сказал я. — Но только так уж получается, что мое имя — действительно Джеймс Киркхем. Я даже и не слышал никогда об этом Генри Вальтоне. И этого человека я до сегодняшнего вечера ни разу не видел. И у меня есть все основания утверждать, что он пытается заставить меня куда-то с ним идти. А я не собираюсь никуда идти.

— Вот видите, — мой спутник многозначительно кивнул полисмену. Тот смотрел на меня с раздражающей доброжелательностью, никак не реагируя на мои улыбки.

— Не стоит так волноваться, — заверил он меня. — Тебе же говорит хороший врач, что похитители и близко не подходят к полиции. В Нью-Йорке невозможно никого украсть, во всяком случае таким

образом. Доктор совершенно прав. Послушай его и не волнуйся больше.

Пора было кончать с этой чертовщиной. Я сунул руку в карман, достал оттуда бумажник и полез в него за визитной карточкой. Вместе с карточкой я вынул пару писем и протянул все полицейскому.

— Может быть, эти документы помогут вам изменить точку зрения, — сказал я.

Он все взял, внимательно прочел и вернул, жалостливо поглядев на меня.

— Спокойно, парень. Ты в безопасности. Я тебе говорю: ты в безопасности. Может, вызвать такси, доктор?

Я с удивлением уставился на него. Потом взглянул на карточку и конверты у меня в руках. Не веря своим глазам, я перечитал их дважды. На карточке было вытиснено имя «Генри Вальтон», и оба конверта были адресованы ему же, но с пометкой «на попечении доктора Майкла Конзардине». В адресе был обозначен район, где в семидесятых годах жили самые высокооплачиваемые специалисты. В руках у меня был чужой бумажник. Не тот, с которым какой-то час назад я вышел из Клуба.

Я распахнул пальто и заглянул во внутренний карман в поисках портновской метки, на которой было обозначено мое имя. Метки там не было.

Я задохнулся от нахлынувшего страха. Было очень похоже, что в конце концов меня могли заставить идти туда, куда мне вовсе не хотелось. Прочь от станции метро.

— Дежурный, — сказал я, и в моем голосе уже не было смеха, — вы делаете большую ошибку. Я встретил этого человека несколько минут назад в Баттери-парке. Даю вам слово, это совершенно посторонний мне человек. Он заставлял меня куда-то с ним идти, чтобы с кем-то там встретиться. Но не говорил ни куда, ни с кем. Когда я отказался, он набросился на меня, вроде как для того, чтобы отобрать оружие. Теперь я понял: притворяясь, что обыскивает меня, он подменил мой бумажник чужим с визиткой и конвертами на имя Генри Вальтона. Я требую, чтобы вы обыскали его. А затем, незави-

симо от того, найдете вы или нет мой бумажник, я настаиваю, чтобы вы забрали нас обоих в отделение.

Полисмен в сомнении смотрел на меня. Он был ошеломлен. Несомненно, я был в здравом уме и абсолютно серьезен. Моя внешность и манера держаться свидетельствовали о полном душевном здоровье. Но мягкое лицо, добрые глаза, несомненная изысканность и профессионализм моего спутника явно не соответствовали смутным представлениям полицейского о похитителях людей.

— Я отнюдь не возражаю, чтобы меня допросили и даже обыскали в отделении, — сказал мой спутник. — Только я должен предупредить вас, что для моего пациента любое волнение очень опасно. Ладно, вызывайте такси.

— Никаких такси, — твердо сказал я. — Мы поедем в патрульной машине, с полицейскими.

— Минуточку. — Лицо дежурного просветлело. — Сюда идет сержант. Пускай он решает, что делать.

Подожел сержант, взглянул на нас и спросил:

— Что случилось, Муни?

Муни коротко обрисовал ситуацию. Сержант оглядел нас внимательнее. Я весело улыбнулся ему.

— Я всего-то хочу, чтобы меня забрали в отделение. В патрульной машине. Никаких такси, доктор, как вас там... Ах, да, Конзардине. В патрульной машине, полной полицейских, — и меня и доктора Конзардине.

— Все так и есть, сержант, — терпеливо подтвердил Конзардине. — Я готов ехать. Но я уже предупреждал дежурного Муни. Вы должны взять на себя ответственность за последствия этого задержания и вызванного им волнения для моего пациента. Ведь в конце концов моя первейшая обязанность — заботиться о пациенте. Я говорил уже, что он безопасен, но сегодня вечером я отобрал у него вот это.

Он передал сержанту маленький пистолет.

— Кобура под левой рукой, — добавил Конзардине. — Откровенно говоря, я думаю, что его надо как можно скорее доставить в мой санаторий.

Сержант подошел вплотную ко мне, распахнул мое пальто и прощупал левый бок. По его лицу я понял,

что он нашел кобуру и убедился, что Конзардине говорил правду.

— У меня есть разрешение на ношение оружия! — рявкнул я.

— Где оно? — спросил сержант.

— В бумажнике, который украл у меня этот человек, когда отбирал оружие. Если вы общаете его, вы, возможно, найдете мой бумажник.

— Ох, бедняга! Бедняга! — прошептал Конзардине.

Его сожаление было таким искренним, что мне тоже захотелось пожалеть себя. Он опять обратился к сержанту:

— Я думаю — без поездки в отделение можно обойтись. Как уже объяснил вам дежурный Муни, навязчивая идея моего пациента, состоит в том, что он в действительности — Джеймс Киркхем и живет в Дискавери-Клубе. Может быть, настоящий мистер Киркхем сейчас там. Я предлагаю вам позвонить в Дискавери-Клуб и поговорить с ним. Если мистер Киркхем там — я полагаю, инцидент будет исчерпан. А если нет — отправимся в отделение.

Сержант взглянул на меня, я с удивлением смотрел на Конзардине.

— Если вам удастся поговорить с Джеймсом Киркхемом в Дискавери-Клубе, — наконец заговорил я, — тогда я точно Генри Вальтон!

Мы подошли к телефонной будке. Я дал сержанту номер Клуба.

— Спросите Роберта, — добавил я. — Это портье.

Дело в том, что я разговаривал с Робертом за несколько минут до выхода из Клуба. Он еще должен был быть на дежурстве.

— Это Роберт? — спросил сержант, когда там взяли трубку. — Говорит сержант полиции Дауни. Нет ли у вас мистера Джеймса Киркхема?

Натупила пауза. Он взглянул на меня и буркнул:

— Ищут Киркхема. — Затем опять в трубку. — Алло, кто это? Джеймс Киркхем?! Минуточку, пожалуйста, дайте мне портье... Алло, Роберт? Человек, с которым я сейчас разговаривал, — действительно Киркхем? Киркхем, исследователь? Вы уверены? Нет-

нет, все в порядке, все в порядке! Не беспокойтесь. Я, конечно, верю, что вы знаете его. Дайте ему трубочку. Алло, мистер Киркхем. Нет, все в порядке. Просто тут один помешанный считает, что вы — это он.

Я вырвал трубку из его руки, поднес ее к уху и услышал:

— Бедняга, с ним это уже не первый раз.
ЭТО БЫЛ МОЙ СОБСТВЕННЫЙ ГОЛОС!

ГЛАВА 3

Трубку у меня отобрали, впрочем, довольно мягко. Муни держал меня за одну руку, мнимый доктор Конзардине — за другую. Сержант продолжал разговор:

— Да, Вальтон. Да, да, его имя Генри Вальтон. Извините за беспокойство, мистер Киркхем. До свидания.

Он бросил трубку и с состраданием посмотрел на меня.

— Скверно, — сказал он. — Чертовски неприятно. Вызвать скорую, доктор?

— Не нужно, спасибо, — ответил Конзардине. — Это специфический случай. Он твердо уверен в том, что его собираются украсть, поэтому ему будет спокойней среди людей. Мы поедем в метро. Хотя до его сознания сейчас не достучаться, подсознание без сомнения подскажет ему, что из толпы в метро невозможно никого выкрасть. Ну, Генри, — он хлопнул меня по руке, — согласись, что это так. По крайней мере, ты уже начинаешь это понимать, не так ли?...

Я страхнул с себя оцепенение. Как я мог не вспомнить про человека, которого я встретил на Пятой авеню! Он же был потрясающе похож на меня! Только идиот мог не вспомнить об этом раньше!

— Погодите, сержант! — отчаянно завопил я. — Там, в Клубе, какой-то мошенник — он просто загримирован под меня! Я видел его...

— Ну, ну, парень. — Он успокаивающе положил руку мне на плечо. — Ты же дал слово. Я уверен,

ты не станешь от него отказываться. Я же тебе говорю, все в порядке. А сейчас иди с доктором.

Впервые меня охватило ощущение безнадежности. Эта сеть дьявольски искусно оплетала меня. Такого я и предположить не мог. Я почувствовал, что за всем этим стоит огромная беспощадная сила. По-видимому, тем, кто так интересуется мной или моим исчезновением, ничего не стоит уничтожить меня. Если мой двойник смог одурачить портье, который давным-давно знает меня, если он может болтаться среди моих друзей в Клубе, не боясь разоблачения, — то чего же он не может сделать от моего имени и в моем обличье? Я похолодел. Что за дьявольский план? Зачем им это нужно? Может быть, они хотят убрать меня, чтобы этот двойник, заняв на время мое место в моем мире, совершил какую-нибудь мерзость, которая навсегда оставит ужасную память обо мне? Мне стало не до смеха. Это приключение могло кончиться плохо.

Следующим этапом моего подневольного путешествия должно было стать метро. А как сказал сам Конзардине, нормальный человек никогда не поверит, что возможно кого-то выкрасть оттуда. Там-то я наверняка смогу перехитрить его и смыться. В толпе найдется человек, который выслушает меня. В конце концов, устрою такую сцену, что Конзардине сам предпочтет избавиться от меня.

А сейчас ничего не остается, как идти с ним туда. С этими двумя полисменами уже бесполезно разговаривать.

— Пойдемте, доктор, — спокойно сказал я. Пока мы спускались в метро, Конзардине держал меня за руку.

Когда мы проходили турникет, поезд уже стоял. Я шагнул в последний вагон, Конзардине следом. В вагоне никого не было. Я пошел в следующий. Там сидели один или два совершенно невзрачных типа. Подойдя ближе к третьему вагону, я увидел в дальнем его конце полдюжины матросов и младшего лейтенанта. Сердце мое забилося быстрее. Это как раз то, что мне нужно! Я направился прямо к ним.

Когда я входил в вагон, я заметил парочку, сидевшую в углу около двери. Не обратив на них ни

малейшего внимания, я устремился к морским пехотинцам.

Но не успел я сделать и пяти шагов, как услышал слабый вскрик, а за ним вопль:

— Гарри! О, доктор Конзардине! Вы нашли его!

Я непроизвольно обернулся. Ко мне бросилась девушка. Она обхватила меня за шею, продолжая восклицать:

— Гарри! Гарри! Дорогой! Слава Богу, он нашел тебя!

Никогда еще я не видел таких прекрасных карих глаз, глубоких, печальных и любящих. На длинных черных ресницах дрожали слезинки. Даже охвативший меня ужас не помешал мне заметить нежнейшую кожу, не тронутую румянами, под маленькой изящной шапочкой коротко остриженные вьющиеся волосы, шелковистые, мягкого бронзового оттенка, немного вздернутый нос, изящный рот, волшебным очерченный подбородок. Я бы дорого дал, чтобы встретить эту девушку при других обстоятельствах, но сейчас она была мне совершенно ни к чему.

— Ну, ну, мисс Вальтон, — голос доктора Конзардине звучал успокаивающе, — с вашим братом уже все в порядке.

— Ну хватит уже волноваться, Ева. Я же тебе говорил, что доктор непременно найдет его.

Произнес это мужчина, оставшийся сидеть в углу около двери. Он был примерно моего возраста, широко одет. В уголках глаз и рта его тонкого загорелого лица угадывались следы разгульной жизни.

— Как ты себя чувствуешь, Гарри? — спросил он и добавил довольно неприязненно: — Заставил ты нас побегать в этот раз, черт возьми!

— Вальтер, — упрекнула его девушка, — какое значение это имеет сейчас? Главное — он цел и невредим.

Я освободился от объятий девушки и внимательно оглядел всех троих. Со стороны они казались именно теми, кем им и хотелось казаться — крайне заботливый, опытный, знающий себе цену специалист, беспokoящийся о непокорном, слегка тронutom пациенте, милая, заботливая сестра, вздохнувшая с облегчением при виде своего нашедшегося чокнутого

брatца, верный друг, возможно жених, слегка выведенный из себя, но по-прежнему надежный и преданный. Последний — так несказанно рад окончанию треволнений своей милой, что готов был задать мне трепку, вздумай я опять вести себя не так, как надо. Все они выглядели настолько убедительно, что на какое-то безумное мгновение я усомнился в том, кто я в действительности.

В голове у меня помутилось от того, что я мог быть этим Генри Вальтоном, мозги которого основательно взболтала какая-то катастрофа во Франции.

Мне потребовалось некоторое усилие, чтобы отогнать от себя эту мысль. Эта парочка наверняка торчала на станции и ждала моего появления. Но черт их всех возьми, откуда они могли знать, что я появлюсь именно на этой станции и именно в это время?

И неожиданно я вспомнил одну из странных фраз Конзардине: «Могущественный Разум должен предначертать, а Воля более мощная, чем воля их всех, вместе взятых...»

Мне показалось, что меня окутала паутина, многочисленные нити которой держала одна твердая хозяйская рука, и она уверенно затягивала меня... Куда?.. И зачем?

Я повернулся к матросам. Они рассматривали нас с нескрываемым интересом. Лейтенант был уже на ногах и направлялся к нам.

— Не могу ли я чем-нибудь вам помочь, сэр? — спросил он Конзардине, хотя полные восхищения глаза его были устремлены на девушку.

Я понял, что мне нечего ждать помощи ни от него, ни от его команды. Тем не менее я сказал:

— Можете. Меня зовут Джеймс Киркхем. Я живу в Дискавери-Клубе. Я не надеюсь, что вы мне поверите, но эти люди пытаются выкрасть меня..

— Ох, Гарри, Гарри! — пробормотала девушка, прикасаясь к своим глазам дурацким кружевным платочком.

— Я прошу вас: когда вы выйдете из метро, позвоните в Дискавери-Клуб, — продолжал я. — Спросите Ларса Торвальдсена и расскажите ему, что вы

здесь видели. Передайте ему, что человек, который в Клубе выдает себя за Джеймса Киркхема, мошенник. Сделаете вы это?

— О, доктор Конзардине, — всхлипывала девушка. — О, мой бедный, бедный брат!

— Можно вас на минуточку, лейтенант? — спросил Конзардине и кивнул тому, кто называл девушку Евой: — Вальтер, присмотри за Гарри...

Он тронул лейтенанта за руку, и они пошли в начало вагона.

— Садись, Гарри. Садись, старик, — подтолкнул меня Вальтер.

— Пожалуйста, дорогой, — умоляюще сказала девушка. Они взяли меня за руки и буквально вдавили в сиденье.

Я не сопротивлялся. Глубочайшее недоумение охватило меня. Я смотрел на шепчущихся Конзардине и лейтенанта и на наостривших уши морских пехотинцев. По тому, как смягчилось лицо офицера и как его команда жалостливо поглядывала на меня и сострадательно на девушку, я понял, что рассказывал Конзардине. Лейтенант о чем-то спросил, Конзардине согласно кивнул головой, и они вернулись обратно.

— Старик, — успокаивающе сказал лейтенант, — я обязательно сделаю то, что ты просил. Мы выйдем на «Мосту», и я позвоню из первого же автомата. Ты сказал, Дискавери-Клуб?

Все было бы просто замечательно, если бы я не был уверен, что он думает, будто ублажает психа.

— Расскажите об этом матросам, — попросил я. — Я знаю, что я говорю. Меня не сломили, но я ничего не могу доказать. Конечно, вы ничего этого не сделаете. Но если искорка понимания случайно вспыхнет в вашем мозгу сегодня вечером или даже завтра, пожалуйста, позвоните, как я вас просил.

— Гарри! Пожалуйста, успокойся! — заклинала девушка. Она выразительно взглянула на лейтенанта. — Я уверена, что лейтенант в точности выполнит свое обещание.

— Конечно, я все сделаю, — заверил он меня и слегка подмигнул девушке.

Я откровенно расхохотался: ничего уже нельзя было сделать. Никто бы не устоял перед этим взглядом Евы — таким умоляющим, таким благодарным, таким понимающим и умеющим ценить. Ни матрос, ни офицер и ни кто другой.

— Все в порядке, лейтенант, — сказал я. — Я не виню вас. Я тоже был уверен, что при входе в нью-йоркское метро под носом у полицейских меня невозможно украсть. И я ошибся. Но я решил, что уж из поезда меня точно невозможно будет утащить. И опять я ошибся. И все-таки, лейтенант, если вам захочется узнать, сумасшедший я или нет, позвоните в Клуб.

— Ох, брат, — вздохнула Ева и опять разрыдалась.

Я опустился на свое место, выжидая более удобного для бегства случая. Девушка сжимала мою руку в своей, время от времени поглядывая на лейтенанта. Конзардине уселся справа от меня. Вальтер сел рядом с Евой.

На станции «Бруклинский мост», постоянно оглядываясь на нас, матросы вышли. Я сардонически просалютовал лейтенанту, девушка подарила ему прекраснейшую благодарную улыбку. Это было как раз то, что нужно, чтобы заставить его забыть мою мольбу.

Целая толпа ввалилась в вагон. Я с надеждой разглядывал их, пока они рассаживались. По мере того как я приглядывался к их лицам, надежда моя постепенно угасала. Старый Вандербилд, печально подумал я, был не прав, когда говорил о людях: «Чтоб они были прокляты!» Следовало бы сказать: «Чтоб у них язык отсох!»

С полдюжины евреев возвращались домой в Бронкс. Припозднившаяся стенографисточка, сев, тотчас же вытащила губную помаду. Еще вошли трое юнцов с кроличьими лицами; итальянка с четырьмя неугомонными ребятишками; почтенный пожилой джентльмен, подозрительно поглядывающий на их ужимки; простоватый негр; довольно приятный мужчина средних лет с дамой, скорей всего школьной учительницей; две хихикающие девицы, которые тотчас же начали строить глазки юнцам; работяга; трое, по

всей видимости, клерков и еще дюжина разных идиотов. Обычный коктейль нью-йоркского метро. Ни справа, ни слева я не обнаружил никого сколь-нибудь посообразительнее.

Ничего не оставалось, как обратиться к этим людям. Трое моих сторожей дали бы им сто очков вперед по количеству серого вещества и находчивости. Они сделают мою мольбу бессмысленной, не успею я ее даже кончить. Но я мог, я должен был обронить предложение позвонить в Клуб. Я убеждал себя, что кто-нибудь окажется достаточно любопытным, чтобы рискнуть позвонить в Клуб. Я сосредоточил свой взгляд на величественном пожилом джентльмене — он казался как раз таким, нужным мне человеком, который не успокоится, пока не выяснит, что же все это значит.

Однако едва я собрался заговорить с ним, как девушка весело хлопнула меня по руке и наклонилась через меня к Конзардине.

— Доктор, — ее чистый и звонкий голос был слышен на весь вагон. — Доктор, кажется, Гарри уже гораздо лучше. Можно я дам ему — ну, вы знаете что...

— Отличная мысль, мисс Вальтон, — ответил он. — Конечно дайте.

Из внутреннего кармана своего длинного спортивного пальто девушка вытащила маленький сверток.

— Вот, Гарри. — Она протянула его мне. — Это твой маленький приятель, ему было очень одиноко без тебя.

Я механически взял сверток и развернул его.

У меня в руках оказалась грязная, мерзкая тряпочная кукла!

Я ошарашенно разглядывал ее, осознавая поистине дьявольскую хитрость тех, кому я попал в лапы. Ясный голос девушки привлек внимание всего вагона. Кукла была ужасающе нелепа. Я заметил, как скептически оглядел меня сквозь очки величественный пожилой джентльмен, как Конзардине перехватил его взгляд и со значением постучал себя костяшками пальцев по лбу, — и каждый, кто его видел, правильно понял этот жест. Гогот негра неожиданно

смолк. Старые евреи замерли, вытаращившись на меня; стенографисточка уронила свою сумочку; итальянские детишки зачарованно уставились на куклу; парочка средних лет в замешательстве отвернулась.

Как я оказался на ногах, прижимая к себе куклу, словно боясь, что ее отберут у меня?

— Черт! — выругался я и замахнулся, чтобы швырнуть куклу на пол.

И тут до меня дошло, что сопротивляться дальше бессмысленно.

Они продумали сценарий на всю дорогу в метро. С таким же успехом я мог бы выбросить руку, а не куклу. Я опустил руку с куклой. Как сказал мне Конзардине, я ехал туда, куда хотел «Великий Разум», нравится мне это или нет. И, уж конечно, тогда, когда Он этого хотел. То есть именно сейчас.

Ну что ж, они играли со мной довольно долго. Я сдамся, но напоследок устрою себе небольшое развлечение.

Я плюхнулся на сиденье, засунув куклу в верхний карман куртки, — ее голова торчала оттуда крайне идиотски. Величественный пожилой джентльмен сочувственно квохтал и понимающе кивал головой Конзардине. Юнец с кроличьей мордочкой брякнул:

— Псих!

Девушки нервно захихикали. Негр поспешно встал и пошел в следующий вагон. Итальянский детеныш захныкал, показывая на куклу:

— Дай мне.

Я взял руку девушки в свои.

— Ева, милая, — сказал я так же отчетливо, как говорила она, — ты же знаешь, я убегая потому, что не переносу Вальтера.

Я обнял ее за талию.

— Вальтер, — я повернулся к нему, прижимая к себе девушку, — ты ведь только что вышел из тюрьмы, сидел Бог знает за что и по справедливому приговору. Ты не достоин моей Евы. И хотя тебе и говорит это сумасшедший, ты знаешь — это правда.

Пожилой джентльмен прекратил свое надоедливое квохтанье и удивленно воззрился на Вальтера. Впро-

чем, и все остальные переключили на него свое внимание.

Я почувствовал удовлетворение при виде его заливающихся легкой краской щек.

— Доктор Конзардине, — теперь я повернулся к этому негодяю, — вы врач и вы знаете, что такое стигма. Я имею в виду врожденные черты преступника. Посмотрите на Вальтера. Глаза маленькие и близко посаженные, рот жесткий, похотливый, мочки ушей недоразвиты. Если уж я не должен жить на свободе, то он и подавно!

Все глаза в вагоне были прикованы к нам. То, что я говорил, очень походило на правду. Лицо Вальтера стало красным, как кирпич. Конзардине невозмутимо смотрел на меня.

— Нет, Ева, — продолжал я, — это вовсе не тот человек, который нужен тебе.

Я стиснул девушку в своих объятиях и притянул к себе. Это начинало мне нравиться — девушка была изумительно хороша.

— Ева! — воскликнул я. — Мы так долго не виделись, а ты даже не поцеловала меня.

Я приподнял ее подбородок и поцеловал. Я целовал ее со вкусом, как следует, и уж вовсе не по-братски. Я услышал, как Вальтер тихо выругался. Как это воспринял Конзардине, я не мог сказать. Да это меня и не интересовало — очень уж сладкие губки оказались у Евы.

Я целовал ее еще и еще — под присвистывание юнцов, хихиканье девиц, возмущенные восклицания достойного пожилого джентльмена.

Порозовевшее сначала лицо девушки побледнело. Она не сопротивлялась, но между поцелуями шептала:

— Ты еще заплатишь за это! О, ты еще заплатишь за все это.

Я рассмеялся и отпустил ее. Мне все стало нипочем. Пока со мной эта девушка, я пойду с Конзардине, куда он только пожелает.

— Гарри, — голос Конзардине прервал мои мысли. — Пойдем. Наша станция.

Поезд подходил к станции «Четырнадцатая стрит». Конзардине поднялся, взглядом позвал де-

вушку. Опустив глаза, она взяла меня за руку. Рука была холодна как лед. Я встал, все еще продолжая смеяться. Я вышел на платформу и поднялся по каменным ступеням на улицу, Конзардине — рядом со мной, Вальтер — сзади. Один раз я оглянулся на Вальтера, у него было такое убитое лицо, что на сердце у меня потеплело. Я был удовлетворен, что хотя бы в некоторой степени рассчитался с двумя из них и в их же манере.

Наверху нас встречал шофер в ливрее. Он как-то странно взглянул на меня и поклонился Конзардине.

— Сюда, Киркхем! — повелительно окликнул меня мнимый доктор.

А! Я опять Киркхем! Что бы все это значило?

Возле тротуара стояла машина, на которую кивнул Конзардине.

Крепко сжав руку Евы, я втащил девушку за собой в машину. Вальтер сел впереди, Конзардине рядом со мною. За рулем сидел другой тип в ливрее. Машина тронулась.

Конзардине повернул рычажок — опустились шторы, погрузившие салон в полумрак.

Ева тут же выдернула свою руку из моей, больно хлестнула меня по губам и, забившись в угол, тихо разрыдалась.

ГЛАВА 4

Машина, одна из самых фешенебельных европейских моделей, мягко пронеслась по Пятой авеню и повернула к северу. Конзардине нажал другую кнопку — штора отделила салон от кабины водителя. Тусклый свет излучала только скрытая маленькая лампочка. Я заметил, что девушка успокоилась и теперь сидела, глядя на носки своих изящных узких туфелек. Вальтер достал портсигар. Я последовал его примеру.

— Вы не возражаете, Ева? — заботливо спросил я.

Девушка даже не взглянула на меня. Конзардине был полностью погружен в свои мысли. Вальтер мрачно смотрел поверх моей головы. Я прикурил и

попытался определить направление движения. Мои часы показывали без четверти десять.

Плотно зашторенные окна не пропускали даже отблесков света. Машина то и дело останавливалась, словно перед светофорами, и я решил, что мы все еще едем по Пятой авеню. Затем начались непрерывные вилянья и повороты, как будто мы выехали на боковые улицы. В какой-то момент мне показалось, что машина сделала полный круг. Наконец я потерял всякое представление о направлении, чего они без сомнения и добивались.

В десять пятнадцать машина стала резко набирать скорость, по-видимому, мы выехали из города. Вскоре повеяло прохладой и свежестью. Возможно, мы были на Вестчестере или Лонг-Айленде. Этого я не мог определить.

Ровно в одиннадцать двадцать машина остановилась. И после минутной задержки тронулась снова. Я услышал, как сзади нас лязгнули тяжелые металлические ворота. Еще минут десять быстрой езды — и опять остановка. Конзардине очнулся от своих мечтаний и с треском поднял шторы. Шофер распахнул двери. Ева выпорхнула из машины, за ней — Вальтер.

— Мы приехали, мистер Киркхем, — приветливо сказал Конзардине, как будто он был любезным хозяином, доставившим к себе домой в высшей степени желанного гостя, а не пленника, захваченного самым возмутительным образом.

Я вышел. Мутный глаз луны, предвещающий шторм, тускло глядел на великолепный дворец, как будто перенесенный сюда с берегов Луары. Ярко горел свет в его крыльях и башенках. Через парадные двери во дворец вошли девушка и Вальтер. Я огляделся. Возникло впечатление, что этот уединенный дворец окружен бесконечным лесным пространством, заслоняющим его от внешнего мира.

Конзардине взял меня под руку, и мы прошли следом за девушкой и Вальтером.

Два здоровенных араба стояли по обе стороны парадного входа.

Я не смог сдерживать восторженного восклицания, когда, переступив порог, мы оказались в огромном холле.

Лучшие из лучших шедевров средневековой Франции были собраны здесь. Длинные, изысканно готические галереи были увешаны шпалерами и гобеленами в треть высоты до сводчатого потолка, их хватило бы на три огромных музея. Тут же размещались щиты и оружие поверженных королей.

Конзардине не дал мне времени рассмотреть все это. Он указал мне на вышколенного английского лакея, неожиданно оказавшегося рядом:

— Томас позаботится о вас. Увидимся позже, Киркхем.

— Сюда пожалуйста, сэра, — Томас с поклоном ввел меня в миниатюрную часовню, спрятанную в одной из стен холла. Он нажал на ее изукрашенную резьбой заднюю стену. Она отъехала в сторону, и мы вошли в маленький лифт. Когда лифт остановился и отодвинулась панель, служившая ему дверью, я оказался в прекрасно обставленной спальне, роскошь которой могла сравниться с великолепием парадного холла. Тяжелые шторы скрывали вход в ванную комнату.

На кровати лежали нарядные брюки, рубашка, галстук и прочая одежда. Через несколько минут я уже был вымыт, чисто выбрит и облачен в вечерний костюм. Все было мне впору. Когда слуга открывал дверцу стенового шкафа, мое обостренное внимание привлек висевший там плащ. Я заглянул в шкаф.

Там висели точные копии всего моего клубного гардероба. Даже на портновских метках в карманах стояла моя фамилия.

Я подумал, что наблюдавший за мной исподтишка слуга ожидает выражений удивления, но я не доставил ему этого удовольствия. Я уже просто не мог больше удивляться.

— Куда я теперь должен идти? — спросил я.

Вместо ответа он отодвинул панель и подождал, пропуская меня в лифт. Когда лифт остановился, я, естественно, подумал, что сейчас снова окажусь все в том же огромном холле. Но вместо холла передо

мной открылась маленькая отделанная дубом совершенно пустая прихожая. Около единственной двери из дуба более темного тона стоял араб, по-видимому, ожидая меня, так как слуга с поклоном вышел из лифта, подождал, пока выйду я, зашел обратно и исчез за панелью.

Араб приветствовал меня на восточный манер. Открывая дверь, он снова поклонился, молитвенно сложив руки. Я шагнул через порог. Часы начали бить полночь.

— Прошу, Джеймс Киркхем! — раздался незнакомый голос. — Вы предельно точны.

Голос был необычайно звучный и музыкальный, какой-то органной глубины. Говоривший сидел во главе длинного стола, накрытого на троих. Это все, что я увидел до того, как взглянул ему в глаза. После этого я перестал на какое-то время замечать, что происходит вокруг. Таких живых глаз густой сапфировой синевы я еще никогда не встречал. Огромные, немного раскосые, они сверкали, словно из них бил настоящий родник жизни. Но их жесткий блеск в самом деле больше всего напоминал сияние самоцветов. Лишенные ресниц, немигающие, словно у птиц или змей, глаза неотрывно смотрели на меня.

Мне потребовалось определенное усилие, чтобы оторваться от них и взглянуть в лицо их обладателю. Лоб его был непомерно велик. Возможно, конечно, совершенно лысая голова прибавляла ему высоты. Но мне показалось, что огромный купол, самое меньшее, вдвое превосходил лоб обычного человека. Узкие длинные уши явственно заострялись кверху. Тяжелый крючковатый нос нависал над длинным массивным подбородком. Полные губы классического греческого очертания были неподвижны, как у античной статуи. И все это огромное, круглое, гладкое, без единой морщинки, лицо сохраняло абсолютную неподвижность. Лишь глаза жили на нем. И сверхъестественная их живость производила жуткое впечатление.

Громадная бочкообразная грудь, вздымавшаяся над столом, дышала необычайной жизненной силой и навела на мысль о гигантских размерах всего тела.

С первого же мгновения все, кто видел этого монстра, попадали, вероятно, под власть исходящей от него нечеловеческой силы.

— Садитесь, Джеймс Киркхем, — снова зарокотал звучный голос. Из-за спины громилы вынырнул незамеченный мной дворецкий и поставил стул по левую руку от него.

Я поклонился этому странному человеку, державшему в своих руках мою жизнь, и молча уселся рядом.

— Вы, должно быть, проголодались после столь длинного путешествия? — спросил он. — Очень любезно с вашей стороны, Джеймс Киркхем, что вы исполнили эту мою прихоть явиться сюда.

Я быстро взглянул на него, но не заметил и намека на издевку.

— Я вам очень обязан, сэр, — ответил я с нарочито изысканной вежливостью, — за столь увлекательное путешествие. А что касается вашей шутки о прихоти, то что же мне оставалось делать, если ваши посланцы были... хм, так красноречивы...

— О, да, — кивнул он. — Доктор Конзардине действительно обладает исключительным даром убеждения. Он сейчас присоединится к нам. Но что же вы? Ешьте, пейте.

Дворецкий разлил шампанское. Я поднял свой бокал и невольно залюбовался им. В моих руках сверкало бесценное сокровище — несомненно, древний кубок, искусно вырезанный из горного хрусталя.

— Да, — заметил мой хозяин, как будто читая мои мысли, — действительно редчайший экземпляр. Это бокалы для вина халифа Гаруна аль-Рашида. Когда я пью из него, мне кажется, что я вижу его самого, окруженного его излюбленными друзьями-собутыльниками среди великолепия двора в старом Багдаде. Передо мной пробегает череда прекрасных и пресыщенных удовольствиями арабских ночей. Тысяча и одна ночь. Эти бокалы, — задумчиво продолжал он, — сохранил для меня покойный султан Абдул Хамид. По крайней мере, они принадлежали ему, пока я не захотел взять их себе.

— Вы, должно быть, привели очень.. гм, убедительные аргументы, чтобы заставить султана расстаться с бокалами, — пробормотал я.

— Как вы уже заметили, Джеймс Киркхем, мои посланцы чрезвычайно красноречивы, — учтиво ответил он.

Я пригубил шампанское. Даже если бы от этого зависела моя жизнь, я не смог бы скрыть удовольствия.

— Да, — пропел мой странный хозяин, — вино очень редкого виноградного сбора. Оно было специально приготовлено для короля Испании Альфонсо. Но опять-таки мои посланцы проявили чудеса красноречия. Наслаждаться его исключительными качествами в полную меру мне мешает только сожаление о том, что этого лишен милый моему сердцу король Альфонсо.

Я допил вино почти с благоговением. И с наслаждением принялся за холодную птицу с нежнейшим мясом. Мое внимание привлекла золотая ваза для фруктов, усыпанная драгоценными камнями. Она настолько поразила меня своим изяществом, что я даже немного приподнялся на стуле, чтобы лучше ее рассмотреть.

— Работа Бенвенуто Челлини, — заметил мой хозяин, — один из его шедевров. Италия берегла его для меня много веков.

— Но Италия никогда по доброй воле не отказалась бы от подобного сокровища! — воскликнул я.

— Нет, она рассталась с ним вполне добровольно. Совершенно добровольно, уверяю вас, — успокаивающе ответил он.

Я огляделся вокруг: тускло освещенная комната, так же как и огромный холл, была хранилищем изумительных сокровищ. Если хотя бы половина тех вещей, что я успел заметить, были подлинными, то содержимое только этой комнаты стоило миллионы. Но даже американский миллиардер не смог бы собрать такие вещи.

— Они подлинные, — снова отреагировал собеседник на мои мысли. — На самом деле я величайший в мире знаток и ценитель редких вещей. Не только картин, или драгоценных камней, или вин, или дру-

гих произведений человеческого гения, а и живых людей, мужчин и женщин. Я коллекционирую то, что не совсем точно принято называть душами. Именно поэтому вы здесь, Джеймс Киркхем!

Дворецкий наполнил бокалы и положил неоткупоренную бутылку в ведро со льдом рядом со мной, поставил на стол ликеры, положил сигары и исчез, словно по сигналу. Я с интересом заметил, что он вышел через другую панель в стене, за которой тоже скрывался лифт. Я успел рассмотреть, что дворецкий был китайцем.

— Маньчжур, — заметил мой хозяин. — Царского рода. Однако почитает за большую честь служить у меня.

Я понимающе кивнул головой, как будто все было в порядке вещей: и слуги маньчжуры царского рода, и вино от короля Альфонсо, и кубки из арабских ночей халифа, и вазы Бенвенуто Челлини. Я понял, что игра, начавшаяся несколькими часами раньше в Баттери-парке, перешла во вторую стадию, и решил продемонстрировать все лучшие навыки и приемы хорошего игрока в покер — мое лицо оставалось бесстрастным.

— Вы нравитесь мне, Джеймс Киркхем, — голос, лишенный всякого выражения, рокотал сквозь почти неподвижные губы. — Вы думаете: «Я пленник. Мое место в мире занято каким-то двойником, которого даже мои ближайшие друзья принимают за меня самого. Этот разглагольствующий здесь человек — настоящий монстр, без совести и без жалости. Он может избавиться от меня и непременно так и сделает, если ему этого захочется, так же легко и просто, как он задувает пламя свечи». Все это правда, Джеймс Киркхем.

Я счел за лучшее не заглядывать в его холодные сверкающие глаза. Я раскурил сигару и кивнул, сосредоточенно наблюдая, как она тлеет.

— Да, вы правы, — продолжал этот тип. — Однако вы ни о чем не спрашиваете и ничего не просите. Ваш голос спокоен, ваши руки тверды, в ваших глазах нет страха. Но за внешним спокойствием кроется величайшее напряжение. Ваш мозг постоянно настороже, чтобы не пропустить малейшую

благоприятную возможность улизнуть отсюда. Вы улавливаете опасность совершенно подсознательно, как какой-нибудь дикарь, живущий в джунглях. Все ваши чувства обострены до предела, чтобы воспользоваться любой прорехой в опутавшей вас сети. Страх не чужд вам, однако вы никак этого не выражаете. Только я один могу все это определить. Вы доставляете мне удовольствие, Джеймс Киркхем. В вас живет дух настоящего игрока.

Он снова замолчал, разглядывая меня поверх своего бокала. Я собрал все свои силы, чтобы с улыбкой встретить его взгляд.

— Вам сейчас тридцать пять, — снова заговорил он. — Я наблюдал за вами несколько лет. Впервые вы привлекли мое внимание, когда работали во французской разведке во время второй мировой войны.

Моя рука непроизвольно стиснула бокал. Я считал, что об этой довольно случайной разовой работе не знает никто, кроме меня и моего бывшего шефа.

— К счастью для вас, вы ни разу не стали мне поперек дороги, — рокотал его голос, — поэтому вы и остались живы. В следующий раз вы попались мне на глаза, когда изъяли у коммунистов хранящиеся в Москве изумруды Спирадова. Вы искусно подсунули им копию и исчезли, прихватив оригинал. Эти изумруды меня не интересуют, у меня есть гораздо лучшие. Поэтому я позволил вам передать их тому, кто сделал вам этот заказ. Но дерзость вашего плана и холодное мужество, с которым вы его выполнили, очень развлекли меня. А я люблю, чтобы меня развлекали, Джеймс Киркхем. По вашему полному безразличию к совершенно неадекватной награде я понял, что более всего в этом деле вас привлекало рискованное приключение. Главное для вас была сама игра, а не возможность заработать. Тогда я и подумал, что вы настоящий игрок.

Удивление отразилось на моем лице помимо моей воли. Спирадовское дело проводилось в строжайшей тайне. Я настоял, чтобы никто, кроме хозяина драгоценностей, не знал, как они вернулись. Их перепродали как обыкновенные драгоценные камни, не принимая во внимание их исторической ценности. Даже коммунисты все еще не поняли, что у них подделка,

и у меня были причины полагать, что они не поймут этого, пока не попытаются продать камни. Однако этот человек все знал!

— После этого я и решил приобрести вас для своей коллекции, — сказал монстр. — Но тогда еще не подошло время. И я дал вам немного погулять. Увлеченные весьма сомнительной легендой, вы отправились в Китай выполнять поручение Рокбилта. И вы увидели, что и в самом деле на превратившейся в прах груди принца Сукантце лежали почетные нефритовые диски. Вы забрали их, но попали в лапы бандита Кин-Ванга. Однако вы нашли слабое место этого хитрейшего вора. Вы заметили и воспользовались единственной возможностью сбежать. Он был игрок до мозга костей, и вы поняли это. И тогда, играя в его палатке в покер, вы поставили нефритовые диски и два года службы, как расплату за проигрыш.

Мысль о том, что вы будете у него посыльным, пришлась Кин-Вангу по душе. Кроме того, он понял, какое значение будет иметь для него ваша голова и ваше мужество. Поэтому он и согласился на эту сделку. Вы засекли карты, которые он хитроумно пометил, пока игра не зашла еще очень далеко. Мне очень понравились ловкость и мастерство, с которым вы мгновенно пометили все остальные карты той же масти. Кин-Ванг был посрамлен. Удача была с вами. Вы выиграли.

Я даже привстал слегка, зачарованно глядя на этого человека.

— Я не хочу больше мистифицировать вас. — Он махнул мне рукой, чтобы я сел на свое место. — Кин-Ванг иногда оказывает мне услуги. Очень много людей в самых разных странах работают на меня. Мои приказания и пожелания для них — закон, Джеймс Киркхем. Если бы вы проиграли, он прислал бы диски мне и заботился бы о вас больше, чем о своей голове. Ибо он знал, что я могу потребовать вас в любой момент.

Я со вздохом откинулся на спинку стула. Ощущение захлопнувшейся ужасной ловушки, мягко говоря, угнетало.

— Потом, — он не сводил с меня глаз, — позднее, я проверял вас еще. Мои люди дважды пытались

отнять у вас диски. Эти акции преднамеренно не были спланированы на верный успех. Иначе вам бы пришлось расстаться с вашими дисками. Оба раза я оставлял лазейку, через которую вы могли бы улизнуть, если бы у вас хватило ума заметить ее. У вас действительно хватило ума, и я от души поразвлекся. И получил удовольствие.

И теперь, — он немного подался вперед, — мы подошли к сегодняшнему вечеру. Вы получили кругленькую сумму за эти нефритовые реликвии. Но, по-видимому, у вас поуменьшился интерес к игре, которой вы столь хорошо владеете. И вы обратились к другому развлечению — бирже. А это игра для дураков. Дать вам возможность выиграть здесь не входило в мои планы. Я знал, что вы купили, и кое-что предпринял. И не спеша вытянул у вас все, доллар за долларом. Вы сейчас думаете, что такой метод более подходил для того, чтобы разорить какого-нибудь миллионера, а не владельца нескольких тысяч. Это не так. Я просто показал вам, что если бы у вас были миллионы, итог был бы тот же. Я хотел, чтобы это послужило для вас уроком, когда придет время. Вы сделали выводы?

Я с трудом подавил вспышку гнева.

— Я слушаю, — ответил я сухо.

— Осторожно! — прошипел он, в его глазах мелькнула неприкрытая угроза.

— Итак, — продолжил он снова, — вернемся к сегодняшнему вечеру. Я мог бы приказать, чтобы вас поймали и притащили сюда избитого или накачанного наркотиками, связанного и с кляпом во рту. Такие методы более подходят для головорезов и лишенных воображения современных дикарей. Разум, стоящий за столь грубо проведенным мероприятием, вряд ли смог бы вызвать у вас уважение. Да и я не получил бы удовольствия. Постоянное наблюдение заставило вас в конце концов открыться. Ваш двойник сейчас наслаждается своей великолепной игрой в Клубе. Между прочим, этот известный и поистине блестящий актер неделями изучал вас... Все, что с вами происходило за последнее время, было подчинено одной цели — продемонстрировать вам совершен-

но необычайный характер организации, заинтересовавшейся вами.

Я повторяю еще раз: ваше поведение понравилось мне. Вы могли бы подраться с Конзардине. Если бы вы так поступили, вы показали бы, что у вас не хватает ни воображения, ни настоящего мужества. Вы все равно бы оказались здесь, но я был бы разочарован. К тому же меня очень сильно позабавило ваше отношение к Вальтеру и Еве. Этой девушке я предназначил великую миссию и сейчас готовлю ее к ней. Вас интересует, как они могли оказаться на той же станции метро. Через пять минут после того, как вы сели на скамейку, другие пары уже ожидали вас на Южной переправе, на станции надземной железной дороги и на всех подступах к Баттери-парку. Я вас уверяю: у вас не было шансов улизнуть. Все, что вы могли предпринять, было предусмотрено, и соответствующим образом были подготовлены ответные меры. Даже вся полиция Нью-Йорка не смогла бы отобрать вас у меня сегодня ночью.

Потому что я, Джеймс Киркхем, хотел, чтобы вы были здесь!

Со все возрастающим изумлением слушал я эту мешанину из тонкой лести, угроз и колоссального хвастовства. Я поднялся из-за стола и спросил напрямик:

— Кто вы? И что вам от меня нужно?

Его сверхъестественные глаза горели непереносимо ярко.

— Пока все на земле, где я правлю, подчинено моей воле, — медленно ответил он, — можете называть меня — САТАНОЙ! И то, что я вам предлагаю, это возможность в некотором роде управлять миром вместе со мной. Разумеется за вознаграждение!

ГЛАВА 5

Последние слова подействовали на меня, словно удар электрическим током. При других обстоятельствах я счел бы их за идиотизм. Но только не сейчас! Глаза Сатаны в упор смотрели на меня.

Голубые немигающие глаза, казалось, жили самостоятельной жизнью на совершенно неподвижном лице. И весь долгий сегодняшний вечер я ощущал на себе этот дьявольский взгляд! И все, что сегодня произошло со мной, — дело рук этого дьявола! Его лишенный выражения голос звучал, как органная труба, но губы оставались почти недвижимыми, как недвижимым было огромное тело, словно оно было лишь пристанищем дьявольского духа, являющего себя только в голосе и глазах. Высокий, изящный и смуглый оперный Мефистофель не имел ничего общего с моим визави, а его заигрывания со мной и этот рассказ делали его еще ужаснее.

Я уже убедился на собственном опыте, что этот тучный джентльмен способен на куда более серьезные дьявольские игры, чем его стройный коллега.

Этот Сатана был отнюдь не идиот. Он вселял в меня ужас!

Мелодично прозвенел колокольчик, вспыхнула сигнальная лампочка на стене, панель плавно отъехала в сторону, и в комнату вошел Конзардине. Я рассеянно отметил, что маньчжурский принц воспользовался другим входом. Тотчас же мне почему-то пришло в голову, что я не видел лестницы, ведущей в большой зал, и что в спальне, куда проводил меня слуга, не было ни дверей, ни окон. Но в тот момент я не придавал значения своим наблюдениям. Лишь некоторое время спустя я понял, в чем дело.

Я поднялся, отвечая на поклон Конзардине. Он сел к столу, не оказав никаких знаков внимания Сатане.

— Я сейчас только что рассказывал Джеймсу Киркхему о том удовольствии, которое он мне доставлял с тех пор, как я обратил на него внимание.

— И мне, — улыбнулся Конзардине. — Но боюсь, наши сегодняшние спутники этого удовольствия не получили. Кохем совершенно расстроен. Вы с ним слишком жестоко обошлись, Киркхем. Тщеславие — его самый большой грех.

Я понял, что на самом деле Вальтера зовут Кохем, и мне очень захотелось узнать настоящее имя Евы.

— А вы полагаете, ваш трюк с тряпичной куклой — изящная шутка? — сказал я. — Что же

касается Кохема, то вы же прекрасно знаете, что я был весьма сдержан в своих высказываниях. В конце концов, вы сами толкнули меня на это.

— Использовать тряпичную куклу — идея блестящая, — заметил Сатана. — Она оказала очень эффективное действие.

— Просто дьявольская идея. — Я обернулся к Конзардине. — Но я выяснил, что это и не может быть иначе. Буквально перед вашим приходом я узнал, что имею честь обедать с Сатаной.

— Ах да, — невозмутимо отозвался Конзардине. — И вы, конечно, думаете, что я сейчас выхвачу скальпель и вскрою вам вены, а Сатана водрузит перед вами серную глыбу с высеченной на ней клятвой и повелит вам скрепить кровью отречение от своей души?

— Ну уж таких детских выходок я от вас не жду, — ответил я, изобразив некоторое возмущение.

Сатана довольно хмыкнул. Его лицо оставалось неподвижным, но глаза оживленно блеснули.

— Устаревшие игры, — сказал он. — После опытов с доктором Фаустом я их не использую.

— Может быть, — вежливо обратился ко мне Конзардине, — вы думаете, что я новый доктор Фауст? Нет, Киркхем. — Он насмешливо посмотрел на меня. — Но если это и так, то Ева все же — не Маргарита.

— Если позволите, не ваша Маргарита, — добавил Сатана.

Кровь бросилась мне в лицо. И опять удовлетворенно хмыкнул Сатана. Они продолжали свою игру со мной. И пахло серой от этих забав. Я чувствовал себя, как мышка между двумя котами. И девушка казалась мне еще одной такой же беспомощной мышкой.

— Нет, — снова зазвучал голос Сатаны, — я теперь действую по-другому. Я, правда, по-прежнему покупаю души или просто отбираю их. Но я не так строг с ними, как раньше. К тому же я арендую их на определенные сроки и хорошо плачу за аренду, Джеймс Киркхем.

— Может, хватит обращаться со мной, как с ребенком? — холодно спросил я. — Я согласен: все,

что вы рассказали обо мне, — правда. Я верю всему, что вы рассказали о себе. Я признаю, что вы — Сатана. Прекрасно. Ну и что дальше?

Вопрос повис в воздухе. Конзардине зажег сигару, налил себе немного бренди и, чтобы лучше видеть мое лицо, отставил в сторону стоявшую между нами свечу. Глаза Сатаны впервые за весь вечер смотрели поверх моей головы. По-видимому, начинался завершающий период этой таинственной игры.

— Слышали ли вы когда-нибудь легенду о семи сияющих следах Будды? — спросил у меня Сатана.

Я покачал головой.

— Эта легенда побудила меня изменить древний способ охоты за душами, — серьезно продолжал он. — Она положила начало новой inferнальной эпохе. Но для вас она имеет большое значение и по другим причинам. Итак, слушайте.

Когда Будда, Гаутама, или Просветленный, — нараспев начал он, — был еще в чреве своей матери, яркий свет исходил от него, словно был он живым драгоценным огоньком. И так ярок был этот свет, что тело матери сверкало, как фонарик с зажженным в нем священным огнем.

Впервые в голосе Сатаны появилось выражение: и злоба и елей одновременно звучали в нем.

— И когда настало время родов, свершилось чудо: он шагнул вперед из чрева своей матери, и оно затворилось за ним. Семь раз шагнул младенец Будда и остановился, чтобы принять поклонение дэвов, духов, гениев духов и всего Небесного воинства, собравшегося вокруг. А семь следов его сверкали, как звезды в шелковистой траве. И — слушайте дальше — пока Будда принимал поклонения, эти сверкающие следы ожили, зашевелились и самостоятельно отправились в разные стороны, открывая пути, по которым пройдет Просветленный. Семь чудесных миленьких маленьких Иоаннов Крестителей бежали впереди него... Ха-ха-ха! — Сатана засмеялся, но лицо его по-прежнему ничего не выражало, а губы не двигались. — Один пошел на Запад, другой — на Восток, третий — на Север, а четвертый — на Юг, пролагая дороги искупления во все четыре стороны

света. А что же случилось с тремя остальными? Увы и ах! Мара, Князь Тьмы, наблюдал пришествие Будды, и мрачные предчувствия терзали его. Ибо только правда имела тень при свете слов Будды, и бессмысленными становились слова обмана, которыми Мара обольщал людей и обращал их в рабство. Если восторжествует Будда, Мара потеряет над ними власть и погибнет. Очень не нравилось это Князю Тьмы, ибо более всего любил он власть, и высшим его наслаждением было повелевать людьми. И этим, — совершенно серьезно заметил Сатана, — Мара был очень похож на меня. Но интеллект его был развит гораздо меньше моего — он никогда не понимал, что, манипулируя правдой подходящим образом, можно добиться гораздо большего, чем с помощью лжи.

Так вот, не успели эти три неповоротливых следа отойти слишком далеко, как Мара поймал их. И тогда хитростью и коварством, колдовством и всяческими уловками он совратил их с истинного пути. Он научил их великолепным озорным проделкам и восхитительнейшим хитростям и отправил их странствовать.

И что же было дальше? Естественно, и мужчины, и женщины пошли за этими тремя следами. И кто может их в этом обвинить? Ведь все следы были одинаковы с виду. А дороги, которые выбирала эта троица, были гораздо лучше, нежели суровые, каменистые и труднопроходимые тропы, использованные неподкупной четверкой, — они были восхитительно легки, источали пьянящий аромат и завораживали красотой. Только заканчивались они по-разному.

Души, которые последовали за тремя заколдованными следами, неизбежно оказывались в средоточии лжи и порока и там оставались среди этой грязи навсегда. Те же, которые последовали за другими четырьмя следами, остались свободны. Но все больше и больше людей отправлялись за порочными следами, и Мара был очень доволен. Дошло до того, что, казалось, никто уже не ступал на путь просветления. И тогда Будда рассердился. И послал он за своей четверкой, и со всех четырех сторон света поспешили к нему сверкающие священные следы. Они нашли и

поймали заблудших и больше никуда не отпускали их.

Что же было делать с тремя заблудшими следами? Их нельзя было уничтожить, ибо они были следами Будды, их нельзя было даже лишить необыкновенных возможностей. Но так глубоко развратил их Мара, что ничто не могло излечить их от скверны.

И решено было лишить их свободы до тех пор, пока стоит мир.

Где-то неподалеку от огромного храма Боробудура на Яве прячется меньший храм. В этом храме стоит трон. Чтобы добраться до трона, нужно взойти по семи ступеням. На каждой ступени сияет отпечаток ножки младенца Будды. С виду они совершенно одинаковы — но безмерно их различие. Четыре праведных следа охраняют три заблудших. Храм этот окружен непроницаемой тайной, дорога к нему полна смертельных опасностей. Тот, кто минует их и войдет в храм, сможет взойти на трон.

Но, поднимаясь на трон, нужно наступить на пять из этих сияющих следов!

А теперь слушайте, что произойдет после этого. Если из этих пяти следов три окажутся неправедными, то, как только человек вступит на трон, все, что только есть на земле и что может дать ему Князь Тьмы, будет его, стоит ему лишь пожелать. Разумеется, платой за это будет порабощение души, а может быть, и ее уничтожение.

Но если три из пяти следов окажутся праведными, тогда человек свободен от земной суеты, свободен от иллюзий, свободен от желаний, он — Носитель Света, Сосуд Мудрости, а душа его навсегда сольется с Божественной душой.

Святой он или грешник, волей-неволей иллюзии всего мира будут его иллюзиями, если он наступит на три неправедных следа.

И грешник он или святой, но если он наступит на три праведных следа, то освободится от всех заблуждений, а благословенная душа его навеки пребудет в Нирване...

— Бедняга, — прошептал Конзардине.

— Такова легенда, — Сатана опять смотрел на меня. — Я никогда не пытался приобрести эти ин-

тереснейшие следы. Они не смогли бы послужить моим целям. Я не имею никакого желания превращать грешников в святых. Но благодаря этой легенде у меня появилась самая увлекательная идея за последние, ну скажем, несколько столетий.

Жизнь, Джеймс Киркхем, это долгая и весьма пресная игра, длящаяся между двумя неизбежными границами — рождением и смертью. Все люди — игроки, и большинство — весьма несчастливые. У каждого из них есть своя страстишка, за которую они готовы продать не только душу, но и жизнь. Если кто-то и управляет этой игрой, то весьма бездарно. Правила ее страшно запутаны, противоречивы, а то и просто бессмысленны.

Так вот, я усовершенствовал эту игру. Не для всех, конечно, для избранных. Я играю с ними на их заветное желание. А чтобы поразвлечься и доставить себе удовольствие, использую схему семи следов Будды.

А сейчас, Джеймс Киркхем, слушайте внимательно, это касается непосредственно вас. Я построил помост, на нем два трона, к ним ведет не семь, а двадцать одна ступень. На каждой третьей ступени сияет след — всего их семь, три из них несчастливых и четыре счастливых.

Один трон низкий, на нем сижу я, на другом лежат корона и скипетр. На него-то и должен подняться тот, кто будет играть со мной. Поднимаясь, он должен наступить не на пять, а только на четыре сверкающих следа.

Если все четыре окажутся счастливыми, то, что бы этот человек ни пожелал, все будет тотчас же исполнено. И так будет продолжаться всю его земную жизнь. Я буду его слугой, а вместе со мной обширнейшая организация, которую я создал. Все принадлежащие мне произведения искусства, и мои миллиарды, и сила, и власть, и женщины — все будет его, стоит ему только пожелать. А если он кого-то возненавидит, я накажу его или уничтожу. Корона, скипетр, высокий трон — власть над всей землей... Он сможет иметь все...

Я взглянул на Конзардине. Его сильные пальцы нервно сжимали и разжимали ручку серебряного ножа, глаза ярко блестели.

— А если он наступит на другие следы? — спросил я.

— Тогда я выиграл. Если он наступит только на один из трех несчастливых, то он должен исполнить мою волю лишь один раз, когда я прикажу. Если он наступит на два, то будет служить мне ровно один год. Это минимальный срок аренды. Но если он пройдет по всем трем следам, — я почувствовал обжигающий взгляд голубых глаз, услышал тяжелый вздох Конзардине, — если он пройдет по всем трем, тогда он весь мой — и душа его, и его тело. И тогда: хочу — казнь, хочу — милую, и — когда хочу и как хочу.

Рокочущий голос Сатаны наводил ужас. Глаза сверкали, как будто в них горело пламя ада. Ну прямо Дьявол во плоти, да и только!

— Но нужно иметь в виду несколько правил. — Он резко переменял тон, его голос вновь был спокоен. — Не обязательно проходить все четыре следа сразу. Можно ступить только на один, на два или на три. И остановиться. Если вы остановитесь после первой отмеченной ступени и она окажется моей, то есть несчастливой, а вы не пойдете дальше, то вы окажете мне одну услугу, за которую я хорошо заплачу. И после этого можете начать восхождение снова. Точно так же можете поступить, если, поднимаясь выше, наступите на еще одну мою ступень. После того как вы прослужите у меня год, вы сможете снова испытать судьбу, если, конечно, останетесь живы. В течение этого года вам будут очень хорошо платить.

Я задумался. Власть над всем миром! Исполнение любого желания. Ну прямо — лампа Алладина! У меня не было ни малейшего сомнения в том, что он может сделать то, что обещает, кто бы он там ни был.

— Я объясню механику этого эксперимента, — сказал он. — Очевидно, что взаимное расположение семи отмеченных ступеней будет в каждой попытке разным. Иначе его довольно легко будет определить и запомнить. Их расстановку я вверяю случаю. Даже я не буду знать ее. И в этом главная прелесть игры.

Я сижу на своем троне. Нажимаю на рычаг, начинает вращаться невидимый барабан, в котором крутятся семь шариков, — на трех моя метка, на четырех счастливый знак. Когда они распределяются по лузам, замыкается электрическая цепь с теми самыми семью следами. Взаимное расположение шариков совпадает со взаимным расположением отпечатков. Когда претендент касается отпечатка, индикатор показывает его метку. Этот индикатор виден мне и всем присутствующим, если таковые имеются, кроме претендента.

И, наконец, последнее правило: когда вы поднимаетесь вверх, нельзя оглядываться на индикатор. Идти вперед или останавливаться нужно независимо от того, что он показывает. Если вы дрогнете и обернетесь, вам придется спуститься вниз и начать все сначала.

— По-моему, у вас больше шансов выиграть, — заметил я. — А если наступить на счастливый след и остановиться — что тогда?

— Ничего, — ответил он, — можно пойти дальше. Вы забываете, Киркхем, что возможный выигрыш претендента неизмеримо больше моего. Если он выигрывает — он выиграет и меня, и все, что стоит за мной. Если он проиграет, я выиграю всего лишь одного человека, просто мужчину или женщину. Кроме того, я хорошо плачу даже за временную службу. И беру на себя полное содержание претендента.

Я кивнул. На самом деле они уже порядком раздражали меня. По-видимому, они этого и добивались, стараясь разжечь мое воображение. Я задрожал при мысли о том, что я мог бы сделать, если бы этот — ну, допустим — Сатана и его могущество были в полном моем распоряжении. Сатана смотрел на меня совершенно невозмутимо. В глазах Конзардине я уловил понимание и, кажется, даже сострадание.

— Ладно, — сказал я довольно резко. — Мне хотелось бы выяснить еще некоторые детали. Предположим, я откажусь играть в эту вашу игру. Что будет со мной?

— Завтра же вы будете в Баттери-парке, — ответил он. — Ваш двойник исчезнет из Клуба. В том,

что репутация ваша не пострадала, вы убедитесь сами. Вы будете свободны. Но...

— Я так и думал, сэр, что здесь есть «но», — прошептал я.

— Но я буду разочарован, — спокойно продолжал он. — А я этого не люблю. Я боюсь, что ваши дела вряд ли пойдут в гору. Может статься — я найду для вас некий постоянный упрек, некое живое напоминание о том, как вы низко пали в моих глазах, что...

— Я понимаю, — перебил я. — Однажды это живое напоминание чудесным образом перестанет быть напоминанием — живому.

Он ничего не сказал, но по его глазам я понял, что именно это он и имел в виду.

— А что помешает мне, — опять спросил я, — принять ваш вызов, сыграть с вами один тайм, чтобы выбраться отсюда, а потом... А?

— Выдать меня? — он хохотнул, но губы остались неподвижны. — Вам это не удастся. И не пытайтесь. А если попробуете, то уж лучше вам было и вовсе не появляться на свет, Джеймс Киркхем. Это говорит вам сам Сатана!

Взгляд голубых глаз обжег меня. Казалось, мрак сгустился вокруг него. И такой повеяло жутью, что у меня перехватило дыхание и замерло сердце.

— Это говорит вам сам Сатана! — повторил он.

Наступила пауза. Я старался взять себя в руки.

Опять зазвонил колокольчик.

— Пора, — сказал Конзардине. Он был очень бледен. Я понял, что выгляжу не лучше.

— Кстати, — голос Сатаны снова звучал совершенно спокойно, — у вас как раз есть возможность увидеть, что происходит с теми, кто пытается встать мне поперек дороги. Правда, придется принять некоторые меры предосторожности. Не беспокойтесь, с вами ничего не случится. Необходимо только, чтобы вы были безмолвны и неподвижны, а по вашему лицу ничего нельзя было узнать.

Конзардине встал. Я последовал его примеру. Поднялся и тот, кто называл себя Сатаной. Я догадывался, что он велик, и тем не менее был потрясен его

гигантскими размерами. Я сам почти шести футов ростом, но он возвышался надо мной еще на один фут.

Я непроизвольно взглянул на его ноги.

— О, — учтиво заметил он, — вы ищете мои раздвоенные копыта. Пойдемте, скоро вы их увидите.

Он прикоснулся к стене. Панель скользнула в сторону, открыв короткий широкий коридор без окон и без дверей. Он пошел впереди меня, Конзардине — сзади. Через несколько ярдов он остановился и опять нажал на деревянную панель. Она бесшумно отодвинулась. Я вошел следом за ним и остановился, ошалело разглядывая открывшиеся моему взгляду огромные палаты. Впрочем, размеры и архитектура их были таковы, что вернее было бы назвать их храмом. Да, да, я рассматривал самый необыкновенный храм, который когда-либо видели человеческие глаза.

ГЛАВА 6

Мягкий янтарный свет заливал храм. Но ламп не было видно. Гигантский купол возвышался в сотне футов надо мной. Только одна стена была прямая, другие, изгибаясь, отходили от нее, как внутренние стенки огромного шара. Прямая стена отделяла от огромной полусферы примерно три четверти.

Она была сделана из отполированного зеленого камня, по-видимому малахита. На нем была высечена картина в древнеегипетской манере.

Мотивом послужила легенда о Трех Богинях судьбы: древнегреческих Мойрах, римских Парках или Норнах древних скандинавов. Богиня Клото пряла нити человеческих судеб, Лахесис их направляла, Атропа держала наготове ножницы для обрезания нитей. И среди них красовался — Сатана.

Одной рукой он сжимал руку Клото, другой направлял руку Атропы и, казалось, что-то нашептывал Лахесис. Он не смотрел на нити, как и на тех, чьими судьбами правил. Глаза его были обращены в пространство. Все четыре фигуры были выполнены в голубом, алом и ярко-зеленом цветах.

Неизвестный мне гений, выдолбивший эту картину, добился удивительного сходства с подлинником. Даже глаза на камне горели тем же неукротимым огнем, что и глаза самого Сатаны.

Изогнутые стены были сделаны из черного дерева — тикового, а может быть, эбенового. Их, как паутиной, покрывал удивительный мерцающий узор. Я пригляделся внимательнее — действительно, самая настоящая паутина тонкими нитями исчертила черные стены и потолок. Она мерцала, как паутинки в лесу при лунном свете. Сотни, а может быть, и тысячи лет плелась она на этих стенах и на потолке.

Высеченные из черного камня скамьи поднимались у дальней стены храма наподобие римского амфитеатра.

Но все это я заметил, лишь когда смог отвести взгляд от господствующего в этой необыкновенной палате сооружения. Это была лестница из полукруглых ступеней, поднимавшихся постепенно уменьшающимися дугами вверх от основания малахитовой стены, — всего двадцать одна ступень из черного, как чернила, камня. Нижняя — примерно ста футов шириной, верхняя — тридцати. Высотой все они были около одного фута, глубиной — около трех.

На вершине этой лестницы, на небольшом возвышении, стояли два искусно изготовленных трона: один из черного дерева, а другой из тускло-желтого золота. Золотой трон был поднят еще и на пьедестал, и сиденье его было существенно выше первого.

Черный трон был пуст. Спинку золотого трона пересекала лента из королевского пурпурного бархата, на сиденье лежала подушка, обтянутая тем же королевским бархатом. На этой подушке покоились корона и скипетр.

Корона сияла разноцветьем огромных драгоценных камней: всеми цветами радуги переливались бриллианты, нежным голубым огнем светились сапфиры, зеленый излучали изумруды, красным пламенили рубины. Весь усыпанный самоцветами, сиял рядом скипетр, а набалдашником ему служил невероятных размеров бриллиант.

С обеих сторон лестницы выстроилось по семь стражей в свободных белых одеяниях, напоминающих арабские бурнусы. Но если это и были арабы, то совершенно неизвестного мне племени. Скорее, стражи напоминали персов. Восково бледны были их вытянутые мрачные лица, а глаза были так черны, что, казалось, в них нет зрачков. Каждый держал в правой руке свисающую, как змея, веревку с петлей на конце — что-то вроде лассо или аркана.

На каждой третьей черной ступени, словно живой огонек, светился отпечаток маленькой детской ножки. Всего же отпечатков было семь. Неземное сияние исходило от них, словно они в самом деле были живые и хотели взбежать по этим ступенькам.

Когда я увидел корону и скипетр, во мне разгорелось страстное желание завладеть ими и властью, которую они приносили. Меня затрясло, словно в лихорадке.

Но при виде искрящихся детских следов во мне забурился такой необъяснимый страх и столь сильное отвращение, что страсти моей как не бывало...

Я вздрогнул, услышав голос Сатаны:

— Сядьте, Джеймс Киркхем.

Почти напротив закругленной стены рядом с первой ступенью лестницы стояло кресло весьма странной формы, что-то вроде миниатюрного трона. Я с чувством облегчения опустился в его объятия.

В то же мгновение стальные обручи охватили мои руки и ноги и приковали их к креслу, со спинки, которой коснулась моя голова, опустилось покрывало. Его толстый, набитый чем-то мягким, нижний край плотно зажал мне губы.

Я оказался прикованным к креслу с кляпом во рту и закрытым лицом. Но я и не пытался сопротивляться... По-видимому, это были те самые меры предосторожности, о которых предупреждал Сатана. Обручи, хотя и держали крепко, но не сдавливали руки и ноги, мягкая подушечка, сжимавшая губы, не доставляла особых неудобств, покрывало было сделано из какой-то особой ткани, которая, скрывая мое лицо, в то же время позволяла мне видеть все совершенно отчетливо.

Я увидел Сатану у подножья лестницы. Черный плащ укрывал его громадное тело от шеи до пят. Он неторопливо начал подниматься вверх. Как только его нога коснулась первой ступени, одетые в белые балахоны стражи низко склонились перед ним. И лишь когда Сатана сел на трон, они выпрямились.

Янтарный свет медленно тускнел и наконец совсем погас. Но в то мгновение, когда должна была наступить полная тьма, яркий белый свет хлынул на трон и ступени. Свет лился правильной полусферой, словно колпаком укрывая трон, лестницу, четырнадцать стражей и меня. И на этом свету семь следов засияли невыносимо ярко, казалось, они стремятся порвать невидимые удерживающие их нити и последовать за своим хозяином, маленьким Буддой. Жутко сверкали немигающие глаза Сатаны, сидевшего на троне, и каменного двойника за его спиной.

В дальней части храма, там, где находились каменные сиденья, послышалось движение, как будто там рассаживалось множество людей. Приглушенно шуршали платья слуг, снующих туда-сюда по черным стенам панели, открывая потайные проходы, через которые устремлялась в храм невидимая публика.

Кто они были, эти люди, и что там происходило, я не мог видеть. Колпак ослепительного света, окружавший лестницу и трон, служил непроницаемой завесой, за которой царила абсолютная тьма.

Ударил гонг. Наступила тишина. Как в театре, двери за прибывшей публикой закрылись и занавес готов был подняться.

Вверху, примерно посередине между полом и потолком, на границе белого света и тьмы я увидел шар, светившийся, словно маленькая луна. Его левая половина была затемнена, лишь полоска по ее краю тускло искрилась, правая половина ярко светилась.

Ослепительный белый свет неожиданно погас. Но лишь на мгновение храм погрузился в полную темноту. Свет вспыхнул снова.

Но теперь Сатана был на помосте уже не один. Рядом с ним стоял тип, которого только сам дьявол мог вызвать из преисподней. Это был негр с корот-

кими кривыми ногами, необычайно широкими плечами и длинными, чуть не до колен, руками. Мышцы и сухожилия на руках и на плечах выпирали, подобно толстым черным канатам. Только набедренная повязка прикрывала его наготу. Приплюснутый нос, выпирающая вперед челюсть, похожий на щель рот, близко посаженные маленькие глазки, горевшие злобным огнем, выдавали страшную жестокость этого обезьяноподобного человека.

В одной руке он держал длинную тонкую веревку с петлей на конце, сплетенную, похоже, из женских волос. Из набедренной повязки торчал узкий нож.

Позади меня раздался сдавленный вздох, будто у десятков людей разом перехватило дыхание.

Еще раз ударил гонг. Два человека вступили в круг света. Один был Конзардине, другой — высокий, прекрасно сложенный и безукоризненно одетый мужчина лет сорока. Он выглядел как благородный английский джентльмен. Шепот вроде бы удивления и сочувствия донесся со стороны невидимой публики, когда он повернулся к черному трону.

Он держался беззаботно и раскованно, но я заметил, как дрогнуло его лицо, когда он увидел чудовище, стоявшее рядом с Сатаной. Он вынул из портсигара сигарету и прикурил. Бравата, сквозившая в его действиях, выдавала его волнение, да и легкую дрожь руки, державшей спичку, он не смог скрыть. Тем не менее он неторопливо затянулся и взглянул прямо в глаза Сатане.

— Картрайт, — голос Сатаны взорвал тишину. — Вы ослушались меня. Вы пытались стать мне поперек дороги. Вы посмели пренебречь моей волей. Из-за вашего неповиновения чуть не провалился задуманный мною план. Вы хотели сорвать куш и сбежать от меня. Вы даже задумали предать меня. Я не спрашиваю вас, так это или не так. Я знаю, что это так. Я не спрашиваю вас, почему вы так поступили. Вы поступили так, и этого достаточно.

— А я и не собираюсь оправдываться, — довольно спокойно ответил Картрайт. — Однако я могу еще раз повторить, что беспокойство, которое я вам доставил, результат ваших ошибок. Вы настаиваете

на своей непогрешимости, и тем не менее в моем лице вы выбрали неподходящее орудие. Если мастер выбрал инструмент, непригодный для своей работы, кого винить — инструмент или мастера?

— Инструмент нельзя обвинить, — чуть помедлив, отвечал Сатана. — Но что дальше делает мастер с таким инструментом? Он больше не использует его. Он его уничтожает.

— Настоящий мастер так не сделает, — сказал Картрайт. — Он воспользуется этим инструментом для той работы, для которой тот подходит.

— Не воспользуется, если у него достаточно много хороших инструментов и есть из чего выбрать.

— Все в вашей власти, — произнес Картрайт. — Тем не менее вы знаете, что я вам ответил. Вы вынесли несправедливый приговор. Или, если, как вы хвалитесь, вы действительно непогрешимы, значит, вы нарочно выбрали меня, чтобы я провалился. В любом случае наказывайте себя, Сатана, а не меня!

Сатана изучающе смотрел на Картрайта. Какой напряженной была эта минута!

— Я не прошу вашей милости, Сатана. Я прошу справедливости, — сказал Картрайт.

— Еще не все! — медленно промолвил Сатана. Его пылающие глаза стали мрачными и холодными. И опять из темноты храма донесся вздох.

В абсолютной тишине прошла еще одна бесконечная минута.

— Картрайт, вы ответили мне, — безо всякого выражения пророкотал трубный голос. — За этот ответ вы получите дополнительный шанс. Вы напомнили мне, что мудрый мастер использует плохой инструмент для работы, где тот еще может послужить и не сломаться. С вами я поступлю так же.

Итак, Картрайт, вот мое решение. Вы пройдете четыре ступени. Все сразу. Сейчас. Вы имеете, во-первых, шанс выиграть корону и скипетр и все земное царство вместе с ними. Если, конечно, все четыре следа, выбранные вами, окажутся счастливыми.

Во-вторых, если три из них окажутся счастливыми, а один моим, я прошу вас. В знак моего признания того, что в вашей притче о мастере и неправильно выбранном инструменте есть доля истины.

Лицо Картрайта порозовело, видимо, немного спало нервное напряжение.

— Если вы наступите на два счастливых следа и два моих, я оставляю вам два выхода: быструю и безболезненную смерть или рабство. Короче говоря, Картрайт, вы сможете выбрать либо мгновенное уничтожение вашего тела, либо медленный распад души. И эту милость я оказываю вам в признание ваших слов о том, что мудрый мастер находит применение ненужному инструменту.

И опять из темноты донесся вздох. Лицо Картрайта побледнело.

— И, наконец, последний вариант — поднимаясь вверх, вы коснетесь трех моих изящных маленьких слуг. В этом случае, — голос его стал зловещим, — в этом случае, Картрайт, вы умрете. Вы умрете прямо здесь от веревки Санчалы. И не один раз, нет, Картрайт. Вы будете умирать тысячу раз. Медленно и мучительно потащит вас веревка Санчалы к воротам смерти. Медленно и мучительно снова вернет вас к жизни... И снова и снова... И снова и снова... До тех пор, пока ваша истерзанная душа не найдет в себе силы возвратиться в ваше тело и, стеноя, поползет через ворота смерти. И они захлопнутся за ней... навсегда! Таково мое слово! Такова моя воля! Да будет так!

При звучании своего имени черное чудовище жутко оскалилось и, словно примериваясь для броска, тряхнуло своей веревкой, сплетенной из женских волос.

Лицо Картрайта стало белее мела, сигарета выпала из его пальцев. Он словно окаменел. Бравяды как не бывало. А Конзардине, все это время стоявший рядом с ним, выскользнул из круга света в темноту, оставив Картрайта одного. Сатана нажал на рычаг, поднимавшийся, подобно тонкому жезлу, между двумя тронами. Раздался слабый жужжащий звук. И семь мерцающих следов босых детских ножек вспыхнули так, словно сквозь них вырвалось пламя.

— Все готово, — промолвил Сатана. — Поднимайтесь, Картрайт! Вперед!

Зашевелились стражи в белых одеждах. Они свернули кольцами свои веревки и приготовили петли

для мгновенного броска. Черный монстр когтями перебирал аркан, голова его вытянулась вперед, изо рта текли слюни.

В храме стояла мертвая тишина, словно бы все перестали дышать.

Картрайт пошел вперед. Он поднимался медленно, внимательно изучая пылающие следы. Сатана откинулся на спинку трона, руки его были спрятаны под широким черным плащом, и огромная голова, казалось, без тела плыла над помостом, подобно тому как голова, высеченная из камня, парила над тремя Нормами.

Картрайт прошел мимо первого следа и поднимался по двум промежуточным ступеням. Без колебаний ступил он на второй светящийся знак.

В то же мгновение сверкающее отражение его вспыхнуло на светлой стороне лунного шара. Я понял, что он коснулся счастливого следа.

Но Картрайту не виден шар, а оборачиваться запрещено — значит, он не знает об этом!

Он взглянул на Сатану, пытаясь заметить на его лице хоть какое-нибудь проявление удовлетворения или досады. Но каменное лицо не изменилось, глаза ничего не выражали. Ни звука не было слышно со скамей из темноты.

Картрайт быстро прошел две черные ступени и снова без колебаний опустил ногу на следующий сверкающий отпечаток.

На светлой стороне шара мгновенно засверкал его двойник. Он выиграл два знака! Ужас тысячи смертей отступил от него. В худшем случае ему придется выбирать мгновенную смерть или тайнственное рабство, о котором упоминал Сатана.

Но он не мог этого знать!

Он снова внимательно взгляделся в лицо своего мучителя. Какой счет? Хоть малейший намек! Хоть мимолетное выражение! Но ничего невозможно было определить по этому лицу. Физиономия монстра с веревкой тоже ничего не выражала.

Медленно-медленно тащился Картрайт через две черные ступени. Он заколебался перед следующим дьявольским знаком. Минуты мне показались часами.

Я видел, как он кусал губы, капельки пота выступали на лбу.

Я мог прочесть его мысли совершенно ясно, как будто он говорил вслух. Что если два следа, на которые он наступил,— следы Сатаны? Тогда этот третий может предать его пытке веревкой! А если только один след оказался сатанинским? Может быть, он уже проскочил самую страшную ловушку?

Он ничего не мог знать.

Он обошел очередной след. И еще медленнее стал подниматься дальше.

Он застыл, словно изваяние, глядя на пятый след. И мало-помалу, словно ее влекла невидимая сила, голова его стала поворачиваться назад! Измученный мозг боролся с силой, заставляющей обернуться... обернуться и посмотреть на знаки лунного шара.

Стон сорвался с его посеревших губ. Он обхватил голову руками и, так держа ее, словно в тисках, резко шагнул на сиявший перед ним след.

Задышавшись, как после долгого бега, он остановился. Его рот раскрылся, из перетруженных легких вырывался хрип, волосы взмокли, капли пота бежали по лицу. Измученные глаза впились в Сатану.

Третий знак засверкал на светлой половине шара!

Картрайт выиграл — но он не мог об этом узнать!

Мои руки дрожали, мое тело истекало потом, как будто не он, а я поднимался по лестнице. Крик рвался с моих губ — дать ему знать, что уже нечего бояться! Что пытка кончилась! Сатана проиграл! Кляп душил меня...

Только сейчас я до конца осознал поистине дьявольскую жестокость и изощренность этой пытки.

Картрайта трясло. Его полные отчаяния глаза не отрывались от бесстрастного лица Сатаны, которое было уже совсем близко от него. Неужели я уловил отблеск дьявольского торжества, промелькнувший на этом лице и отразившийся на отвратительной личине палача? Но если и так, то он пробежал, как мгновенная рябь по поверхности пруда.

Заметил ли это Картрайт? Должно быть, да. Отчаяние его стало еще сильнее, безысходность и мука исказили его лицо.

И опять, словно влекомая страшной невидимой силой, его голова стала медленно поворачиваться назад!

Борясь с искушением, он качнулся вперед. И, спотыкаясь, пошел вверх. Я понял, чего ему стоило опустить глаза на очередной горящий след. Он занес над ним дрожащую ногу — и медленно-медленно, медленнее, чем раньше, его голова стала поворачиваться... еще и еще назад к предательскому шару... Он отдернул ногу. И снова поднял ее... и опять убрал. Он плакал. И, распятый стальными обручами в кресле, я проклинал все это и рыдал вместе с ним.

Теперь его голова была уже вполоборота к шару, лицом ко мне. Он с отвращением отпрянул от следа. Его тело развернулось, будто сорвавшаяся пружина, и он увидел шар.

Три знака на светлом поле! Глубокий вздох донесся из темного амфитеатра.

— Слабость опять подвела ненадежный инструмент, — раздался голос Сатаны. — М-да, освобождение было в ваших руках, Картрайт. А вы обернулись, как жена Лота! И теперь вам придется спуститься вниз... и начать все сначала. Только погодите немного. Давайте узнаем, не могли ли вы выиграть нечто существенно большее, чем просто освобождение. Мне очень интересно, что это за след, на который вы так и не решились наступить?

Он обратился на каком-то чудном языке к охраннику справа от следа. Тот подошел и нажал на него ногой.

На светлой стороне шара загорелся четвертый знак!

Корона и скипетр! И весь земной шар! Не только освобождение от Сатаны — власть над ним!

Все это Картрайт мог выиграть! А он обернулся и проиграл.

Стон слышался из темноты. И тут же все смолкло — жуткий хохот Сатаны загрохотал в храме.

— Проиграл! Продул! — издевался он. — Ступай назад, Картрайт! И поднимайся снова! Я полагаю, что ты еще не один раз доставишь себе это удовольствие. Иди обратно, предатель! И поднимайся снова! — Он нажал на рычаг, зажужжал скрытый механизм — ярко вспыхнули семь следов.

Картрайт, шатаясь, заковылял вниз. Он переставлял ноги, как кукла, которую дергают за веревочки.

Он остановился у основания лестницы. Медленно повернулся к ней и снова, как марионетка, начал взбираться наверх. Он автоматически наступал на каждый попадавшийся ему след. Его глаза были прикованы к короне и скипетру, руки непроизвольно тянулись к ним. Уголки его рта были опущены, как у глубоко обиженного ребенка, он горестно всхлипывал.

Первый след — светящийся значок выскочил на черной половине шара.

Второй — еще один.

Третий — знак на белой стороне.

Четвертый — на черной!

Приступы дьявольского хохота сотрясали Сатану. На мгновение мне показалось, что его широкий черный плащ растаял и превратился в невесомую черную тень, парящую вокруг него.

Еще продолжал грохотать его смех, а Картрайт по-прежнему карабкался по ступенькам, по его искаженному лицу текли слезы, глаза пожирали сверкающие безделушки на золотом троне, и к ним тянулись его трясущиеся руки...

Черная тварь, подавшись вперед, швырнула свое лассо. Со свистом рассекая воздух, петля пролетела вокруг головы Картрайта и затянулась на его плечах.

Резкий рывок свалил его с ног. Неторопливо перебирая веревку, палач потащил не сопротивлявшегося Картрайта к себе, словно большую рыбину.

Погас свет. И темнота стала еще более черной от раскатов демонического хохота.

Смех прервался. Раздался тонкий пронзительный вой.

Свет вспыхнул снова.

Черный трон был пуст. На возвышении тоже никого не было, ни Сатаны, ни палача, ни Картрайта.

Только алмазный набалдашник скипетра и корона издевательски сверкали на золотом троне между двумя рядами стражей, одетых в белые балахоны.

ГЛАВА 7

Я очнулся оттого, что кто-то тронул меня за руку. Рядом со мной стоял Конзардине. Тень пережитого ужаса еще лежала на его лице. Да и мое, пожалуй, выглядело не лучше.

Резко отскочили обручи, державшие мои руки и ноги, поднялась вуаль, закрывавшая лицо. Я с облегчением встал с кресла. Снова нахлынула темнота.

Постепенно набирал силу желтый свет. Я оглянулся назад — амфитеатр был пуст. Я так и не увидел тех, чьи вздохи и шепот доносились до меня.

Исчез золотой трон с его сокровищами. Ушли все, только двое стражей в белых балахонах остались охранять черный трон.

Горящие глаза Сатаны глядели на меня со стены. И ярко светились отпечатки детских ножек.

— Они открывали ему дорогу в Рай, но он сломался и попал прямо в Ад.

Конзардине пристально смотрел на яркие следы. И то же выражение алчности было на его лице, что я видел на лицах, склонявшихся над игорными столами в Монте-Карло, искаженных страстью к игре, страстью более сильной, чем даже страсть к женщине. Они пожирали глазами рулетку еще до того, как она начинала вращаться, но видели вовсе не ее, а те груды золота, которые ее вращение могло вырвать для них из запасливых рук Фортуны.

Точно так же и Конзардине видел не светящиеся следы, а волшебную землю, в которую они вели... Волшебную землю, где исполнялись все желания, воплощались все мечты.

Он попался в сети соблазна, расставленные Сатаной.

Ну чего уж там, и я тоже попался... Несмотря на то, что здесь произошло... Мне не терпелось испытать свою судьбу. Но еще больше, чем сокровищ, обещанных Сатаной, я желал видеть этого холодного и безжалостного дьявола у себя на побегушках, исполняющего мои приказания так же, как я исполнял его.

Конзардине очнулся от чар, околдовавших его, и повернулся ко мне.

— Тяжелый вечерок вам выдался, Киркхем. — сказал он. — Хотите пойти к себе? Или, может быть, заглянете ко мне выпить на ночь по рюмочке?

Я заколебался. Тысяча вопросов вертелась у меня в голове. Но еще сильнее я чувствовал необходимость побыть одному и переварить все, что произошло за сегодняшний вечер. Да и на много ли моих вопросов он сможет ответить? Как я теперь понял — вряд ли. Он и сам пребывал, вероятно, в неведении.

— Вам, пожалуй, лучше пойти отдохнуть, — сказал он. — Сатана хотел, чтобы вы хорошенько обдумали его предложение. И в конце концов, мне не разрешено... — он резко оборвал себя на полуслове. — Я имею ввиду — мне нечего добавить к тому, что он уже сказал. Он хочет услышать ваш ответ завтра... — Конзардине взглянул на часы. — Точнее сегодня, сейчас уже около двух часов.

— Когда я увижусь с ним? — спросил я.

— Ох, наверняка во второй половине дня. Он будет... — Легкая дрожь пробежала по его телу. — Он будет занят еще несколько часов. Можете спать хоть до полудня.

— Отлично, — сказал я. — Я пойду к себе.

Без дальнейших разговоров он повел меня к амфитеатру, прямо к задней стене. Нажал на нее — и одна из неизменных панелей скользнула прочь, открывая за собой маленький лифт. Перед тем как задвинуть панель, Конзардине оглянулся на следы. Они тревожно мерцали на ступеньках. Двое одетых в белое стражей стояли по обе стороны черного трона, не сводя с нас глаз.

И опять он вздрогнул, затем вздохнул и закрыл панель. Мы вышли из лифта в длинный сводчатый коридор, облицованный мраморными плитами. Дверей нигде не было. Он надавил на одну из плит, и мы вошли во второй лифт. Когда он остановился, я оказался в той самой комнате, где переодевался в вечерний костюм.

Я сразу увидел висевший на стуле банный халат и стоявшие рядом комнатные туфли, пижама лежала на кровати. На столе стояли графины с шотландским виски, водкой и бренди, бутылка содовой, ваза

со льдом, какие-то фрукты, кексы, лежало несколько пачек моих любимых сигарет и мой утерянный бумажник!

Я раскрыл его — все было на месте: и карточки, и письма, и деньги. Воздержавшись от каких-либо замечаний, я наполнил бокал и пригласил Конзардине присоединиться ко мне.

Конзардине поднял бокал:

— За счастливые следы! Может быть, вам повезет и вы выиграете.

— А может быть — и вам, — ответил я.

Он как-то странно посмотрел на меня: в глазах промелькнула мука, лицо страдальчески дернулось. Одним глотком он наполовину осушил свой бокал.

— Тост был за вас, а не за меня, — наконец произнес он и допил виски. Он прошелся по комнате и остановился напротив панели.

— Киркхем, — неожиданно мягко сказал он, — спите спокойно, но держитесь подальше от этих стен. Если вам что-нибудь понадобится, нажмите звонок. Вон там. — Он показал кнопку на столе. — Придет Томас. Я повторяю: не пытайтесь открывать панели. Если бы я был на вашем месте, я бы лег спать и не о чем не думал. Утро вечера мудренее, как говорится. Между прочим, не хотите ли вы снотворного? Я ведь и в самом деле врач, — с улыбкой добавил он.

— Спасибо, — ответил я. — Я и так прекрасно усну.

— Спокойной ночи, — пожелал он мне, и панель закрылась за ним.

Я налил себе еще и начал раздеваться. Спать мне совершенно не хотелось. Несмотря на предупреждение Конзардине, я обследовал все стены и в ванной, и в спальне и осторожно ощупал их. Стены были из твердого дерева, красиво окрашены и отлакированы. Они казались цельными. Как я и думал, ни дверей, ни окон не было. Моя комната и вправду была камерой люкс.

Я выключил все лампы, одну за другой, и, уже лежа в постели, погасил последнюю на столике около кровати.

Я лежал в темноте, погруженный в свои мысли. Сколько времени прошло до того, как я почувство-

вал, что в комнате рядом со мной кто-то есть, я не заметил. Может быть, полчаса, а может быть, и больше. Я не услышал ни единого звука, но совершенно точно знал, что я был уже не один. Я ужом скользнул из-под легкого покрывала в изножье кровати. И, припав на одно колено, приготовился прыгнуть, как только мой невидимый посетитель подойдет ближе. Если бы я включил свет, я оказался бы полностью в его власти. Кто бы он там ни был, он наверняка считал, что я сплю. И если бы он собирался наброситься на меня, то ударил бы там, где по естественным предположениям следовало бы находиться спящему телу. И очень хорошо — мое тело находилось совсем в другом месте. И удивляться теперь будет он, а не я.

Но вместо нападения раздался шепот:

— Капитан Киркхем, это я, Гарри Баркер. Ради Бога, сэр, не шумите.

Голос показался мне знакомым, но я не сразу вспомнил его. Баркер, маленький нищий, на которого я случайно наткнулся в изрешеченных снарядами зарослях на берегу Марны. Он истекал кровью и был уже почти совершенно белый. Я оказал первую помощь пареньку и ухитрился доставить его в полевой госпиталь. Случилось так, что я на несколько дней попал в тот город, где был стационар, в котором он долечивался. Я частенько заглядывал к нему поболтать, приносил ему сигареты и прочую по тем временам роскошь. Он привязался ко мне, как собака, — очень трогательный маленький сентиментальный нищий. С тех пор я его не встречал. О, Господи! Как он попал сюда?

— Вы помните меня, капитан? — с беспокойством прошептал он. — Подождите минуточку, я покажусь вам...

Вспыхнул огонек маленького фонарика, который он прикрывал согнутой ладонью, и на мгновение осветил его лицо. Но за этот миг я успел узнать смышенное узкое лицо, встопорщенные рыжеватые волосы, коротковатую верхнюю губу и выпирающие вперед зубы.

— Точно, Баркер! Черт меня подери! — тихонько выругался я, но не стал добавлять, что я так рад

видеть его, что, будь он ближе, я стиснул бы его в своих объятиях.

— Шш-шш... — предостерегающе зашипел он. — Я, правда, уверен, что за нами не следят. Но вам не следовало бы постоянно чертыхаться в этом Богом проклятом месте. Возьмите мою руку, сэр. Рядом со стеной, через которую я вошел, есть стул, вот здесь. Сядьте на него и закурите. Если я что-нибудь услышу, я смогу сразу исчезнуть. Вы должны только спокойно сидеть и курить. — Его рука поймала мою руку. Он так уверенно провел меня через комнату и усадил на мягкий стул, словно мог видеть в темноте.

— Закуривайте, сэр, — сказал он.

Я чиркнул спичкой и прикурил сигару. Пламя осветило комнату, но Баркер остался в темноте. Я помахал спичкой, сбивая пламя, и почти сразу же возле моего уха раздался шепот:

— Главное, что я вам хочу сказать, не позволяйте ему запугать себя. Это ерунда, что он Сатана. Правда, дьявольского в нем более чем достаточно, будь он проклят. Но он не настоящий Сатана. Он пудрит вам мозги, сэр. Он такой же человек, как вы или я. Стоит всадить нож в его черное сердце или пулю в кишки, и все сразу же станет ясно.

— Как ты узнал, что я здесь? — прошептал я.

— Увидел вас в кресле, — ответил он. — Вот моя рука, если вы захотите что-то сказать, сожмите ее, и я подставлю вам ухо. Так безопаснее. Да, я видел вас там, в кресле. Дело в том, сэр, что я отвечаю за это кресло. Да, и за многие другие чертовы штуки здесь. Поэтому Сатана и оставил меня в живых.

Он снова заговорил о Сатане.

— Он не дьявол, сэр. Всегда помните это. Меня воспитали в твердой вере. Мои родители пятидесятники. Они учили, что Сатана живет в Аду. О, что он устроит этой проклятой свинье, когда заберет ее в Ад, за то, что она прикрывалась его именем! О, Господи, как бы я хотел это видеть! Конечно, со стороны, — торопливо добавил он.

Я сжал его руку и сразу же почувствовал ухо около своих губ.

— Как ты сюда попал, Гарри? И кто на самом деле этот Сатана? Как его зовут?

— Я все вам расскажу, капитан. Это займет некоторое время, но Бог знает, когда еще подвернется случай. Поэтому я буду рассказывать как можно короче. Сейчас эта кровожадная скотина издевается над беднягой Картрайтом. Смотрит, как он умирает! Остальные спят или пьют. Может, больше не представится случая. Давайте я буду рассказывать, а вопросы вы зададите потом.

— Давай дальше, — сказал я.

— Перед войной я был электриком, — донесся шепот из темноты. — Не просто хорошим — мастером своего дела! Он знает об этом, поэтому и оставил меня в живых, как я вам уже раньше рассказывал. Проклятый Сатана!

Все переменялось после войны. Работу получить стало трудно, а жизнь вздорожала. Да и я на многое стал смотреть по-другому. Я достаточно видел всякой дряни, которая, сидя в тылу, хорошо погрела руки на войне. Какое право было у них иметь все, когда те, кто воевал, и их семьи жили в полнейшей нищете и голодали?

Я всегда был на все руки мастер и легок на ногу. А лазил! Лазил, как кошка! Чертовски ловко. И бесшумно. Знаете, как меня называли? «Привидение в галошах». Я не хвальнось, сэр. Просто рассказываю.

«Гарри, — говорил я себе, — все устроено очень несправедливо. Настало время извлекать пользу из своих талантов. Пора заняться настоящей работой, Гарри».

На новом поприще у меня все с самого начала пошло хорошо. Я поднимался все выше и выше. От сельских домиков к городским многоквартирным домам, от них к респектабельным особнякам. И ни разу меня не поймали. Королевский Кот Гарри звали меня. Я взбирался по водосточным трубам так же ловко и бесшумно, как по колоннам подъездов, а по стене огромного дома — так же ловко, как по трубе. Новой работой, как и прежней, я овладел в совершенстве.

Потом я встретил Мегги. Такой Мегги больше нет на всем свете! Как быстры были ее пальчики — по сравнению с ними, все остальные двигались, как в

замедленном кино. И кроме того, она была настоящей королевой, когда этого хотела!

Много превосходных воров хотели заполучить Мегги. Но она никого не желала. Она была целиком погружена в свою работу.

«Черт возьми, — свысока бросала она, — зачем мне муж? Лишняя головная боль!»

Мегги отшивала всех.

Капитан, мы сразу же сошли с ума друг от друга. И вскоре поженились. Мы сняли отличный домик в долине Майда. Был ли я счастлив? А она? О, Господи!

«Теперь, Мегги, — сказал я, когда промелькнул медовый месяц и мы вернулись домой, — тебе больше не нужно работать. Я хороший добытчик, усердный и добросовестный работник. Тебе нужно только наслаждаться жизнью и сделать наш дом уютным и счастливым».

И Мегги ответила: «Хорошо, Гарри».

Помню, тогда я носил щегольскую булавку для галстука с большим рубином — ее свадебный подарок. Она подарила мне часы и изящное кольцо с жемчужинами. Этим кольцом я залюбовался на руке одного великосветского джентльмена в отеле, где мы остановились. И в ту же ночь, когда мы вошли в нашу комнату, она вручила мне его как подарок. Вот как умела работать Мегги.

Я с трудом подавил смех. Этот прошептанный в ночи роман о честном солдате и способном электрике, превратившемся в столь же честного ночного грабителя, был как раз то, что нужно, чтобы завершить эту ночь. Он вытеснил из моей головы бесконечно прокручивавшийся фильм ужасов и вернул меня в нормальное состояние.

— Через ночь или две я решил взять выходной, и мы пошли в театр.

«Как тебе нравится эта булавка, Гарри?» — спросила Мегги и стрельнула глазками на сверкающий бриллиант, украшавший галстук денди, сидевшего позади меня.

«Прелестная вещица», — неосторожно ответил я.

«Вот она!» — сказала Мегги, когда мы пришли домой.

«Послушай, Мегги, — сказал я. — Я уже говорил тебе, что я не хочу, чтобы ты продолжала работать. Разве я нарушил свое обещание и мало зарабатываю? Разве я сам не могу достать все булавки, какие мне понравятся? Мегги, я всего-то и хочу — возвращаться после трудной ночной работы в удобный, уютный, счастливый дом, где меня ждет любящая жена. Я не хочу, чтобы ты работала, Мегги!»

«Хорошо, Гарри», — сказала она.

Но, капитан, лучше не стало. Получалось так, что если мы выходили вместе, я даже не решался взглянуть на мужской галстук, или часы, или что бы то ни было еще. Даже в магазине я не смел остановиться около понравившейся мне вещи. Я был абсолютно уверен, что все они окажутся у нас дома либо сразу, как только мы войдем, либо на следующий день. А Мегги была так горда и так рада приносить их для меня, что я не мог на нее сердиться. Ах, какая это была любовь! Но... Черт возьми!

Она действительно всегда ждала меня, когда я возвращался домой. Но если я просыпался раньше времени, ее не было. А если я просыпался после ее возвращения, первое, что я видел, были деньги, или меховое пальто, или пара колечек на столе.

Она продолжала работать!

«Мегги, — говорил я, — так дело не пойдет. Ты обижаешь меня. А что будет, когда детишки появятся? Папочка работает целые ночи напролет, а днем спит. Мамочка работает целыми днями и спит, когда папочка работает. Черт возьми, Мегги, они же так могут сиротами вырасти!»

Но все оставалось по-прежнему, капитан. Она любила свою работу больше, чем меня. А может, она просто не могла нас разделить.

И в конце концов я бросил ее. Это было очень больно. Я любил ее, любил наш дом, но я не мог больше этого выносить.

Поэтому я и переехал в Америку. Королевский Кот Гарри превратился в изгнанника, потому что его жена не хотела бросать работу.

Дела шли хорошо, но я не чувствовал себя счастливым. Однажды, когда я болтался за городом, я

наткнулся на огромную стену. Такая стена, конечно, ввела меня в искушение. Я обследовал ее, обнаружил железные ворота, за ними дом и охрану. Массивные ворота были не заперты.

«Боже мой, — сказал я себе. — Не иначе как Герцог Нью-Йоркский живет здесь».

Я провел рекогносцировку. Стена была миль пять длиной. Днем я прятался за ней и той же ночью взобрался наверх. Ничего не было видно, кроме деревьев и далеких огней: казалось, там стоит огромный замок.

Первым делом я стал искать провода. И точно, по внутреннему краю стены шел провод. Только благодаря своей всегдашней осторожности я не коснулся его. Он должен быть под напряжением, рассудил я. Я огляделся по сторонам и решился на мгновение зажечь фонарик. Высотой стена была примерно двенадцать футов. У основания стены, как раз там, куда можно было прыгнуть, тянулись еще два провода.

Кто-нибудь другой отступил бы. Но просто так Королевским Котом не называют. Я прыгнул. Приземлился мягко, как кот. Прокрался среди деревьев, как ласка, прямо к большому дому.

Какие-то странные люди прогуливались вокруг дома и бродили внутри него. Через некоторое время свет погас почти всюду. Выбрав удобное место, я влез в окно и оказался в большой комнате. Вот те на! Сколько всего было в этой комнате! У меня голова пошла кругом. Я выбрал несколько вещей на свой вкус. И потом заметил нечто странное: в этой комнате не было дверей!

«Как, черт возьми, они сюда попадают?» — спросил я себя и обернулся к окну, через которое я сюда залезал.

Боже мой, капитан, я чуть из рубашки не выскочил. Окон не было. Они исчезли! Вокруг были только стены.

Вспыхнул яркий свет. Прямо из стены вышли несколько человек с веревками, а за ними появился громадный мужчина. Я испуганно съежился под его взглядом. Если раньше я чуть из рубашки не выскочил, то теперь я уже и штаны чуть не потерял.

Вы, конечно, поняли уже, что это и был проклятый Сатана. Он стоял, прожигая меня взглядом, а потом начал задавать вопросы.

Я рассказал ему все, капитан. Как будто он был сам Господь Бог. Он крепко меня прижал. Я рассказывал ему все: о том, что я был электриком, о новой работе, о Мегги. Так же, как я рассказывал вам, только еще подробнее. Это правда, сэр, я выложил ему всю мою жизнь, с тех пор как вышел из пеленок.

Он засмеялся. Ужасный смех. Вы его уже слышали. Господи, как он смеялся! Потом, помню, я стоял у стола и все сначала повторял Конзардине.

С тех пор я здесь, капитан Киркхем. Он приговорил меня к смерти и рано или поздно исполнит свой приговор. Если только первым не отправится на тот свет. Но он решил, что я буду ему очень полезен. И пока я нужен ему, он не будет трогать меня. К тому же он говорит, что я развлекаю его. Этот кабан сам не свой до таких развлечений. Он привел меня туда, в храм, вместе с Конзардине и со всеми остальными и заставил меня рассказывать им о моей работе, о моих стремлениях, о моих сокровеннейших чувствах. И о Мегги тоже. Все-все о Мегги, сэр.

Боже, как я его ненавижу! Проклятый грязный сукин сын! И такой сцапал меня! Сцапал меня! И вас тоже!

Голос маленького человечка зазвучал слишком громко. В нем слышались пронзительные истерические нотки. Да и с самого начала я чувствовал, как мучительно было для него рассказывать все это. Но я понял, что ему нужно выговориться до конца. Излить свою душу. Возможно, за все время, что он заключен здесь, я был первым доброжелательным слушателем. И, без сомнения, единственным другом. Ему, должно быть, казалось, что я к нему прямо с неба свалился. Я был очень тронут тем, как быстро он примчался, узнав меня. Ведь он смертельно рисковал при этом.

— Тише, Гарри. Тише, — прошептал я, похлопывая его по руке. — Ты теперь не один. Теперь мы вместе сообразим, как выбраться отсюда.

— Нет! — Мне показалось, что я увидел, как он безнадежно покачал головой. — Вы не знаете его,

сэр. Мне нет никакого смысла бежать отсюда. И минуты не пройдет, как он схватит меня. Нет. Я не могу выйти отсюда, пока он жив.

— Как ты узнал, где я? Как ты нашел меня? — спросил я.

— Прошел сквозь стены, — ответил он. — Здесь нигде нет ни настоящих лестниц, ни дверей, ни окон — ничего. Повсюду только проходы в стенах, скользящие панели и лифты, понатыканные, как семечки в тыкве. Только Сатана знает всю систему. Конзардине — его правая рука здесь, так что он знает некоторые из них. Но я уверен, что знаю больше. Я здесь уже около двух лет и ни разу не выходил отсюда. Он предупредил меня, что если только я попробую выйти — он убьет меня. Моя обязанность ползать, ползать, как крыса, вынюхивать все в этих стенах при каждом удобном случае. Я должен следить за большим количеством разных проводов, и это тоже дает мне некоторые возможности изучать здание. Я не знаю всего, но я знаю чертовски много. Я все время был рядом, сзади вас и Конзардине.

— Кто такой Сатана? — спросил я. — Я имею в виду, откуда он взялся? Надо думать, не из Ада?

— Я думаю, он наполовину русский, наполовину китаец. Что он отчасти китаец — это точно. Где он был раньше, до того как я сюда попал, я не знаю. Я не рискую расспрашивать. Но я выяснил, что он приобрел это место около десяти лет назад. И все, кто планировал и отделывал его внутри, навешивал панели и строил проходы, все были китайцы.

— Но не можешь же ты один присматривать за таким огромным домом? — предположил я. — И я не заметил, чтобы Сатана давал много возможностей изучать систему переходов.

— Он позволяет мне использовать кейф-рабов, — услышал я поразительный ответ.

— Второй раз за сегодняшний вечер я слышу о них, — сказал я. — Кто это?

— Это? — отвращение и страх слышались в его голосе. — Это — ужас! Он кормит их наркотиками... Опиум, кокаин, гашиш для них как материнское

молоко. Наглотавшись, каждый попадает в свой собственный рай — пока не проснется. Убить за следующую дозу — для них сущий пустяк. Те, с веревками, в белых балахонах, что стояли на ступеньках, — из них. Вы слышали о старике с гор, который обычно поставлял наемных убийц? Феллер рассказывал мне о нем на войне. Сатана делает точно так же. Один глоток зелья — и они уже не могут жить без него. Тогда он уверяет их, что если они будут убивать для него, то он сможет навсегда отправить их души в Рай, и изредка дает им наркотики. Ради этого они сделают для Сатаны все, что ему угодно! Все что угодно...

Наконец я выдохнул вопрос, который уже давно собирался задать:

— Ты знаешь девушку по имени Ева? С большими карими глазами...

— Ева Демерест, — ответил он. — Бедный ребенок! Она потеряла все свои права. Боже, какое это несчастье. Она ангел, а Сатана тащит ее прямо в Ад... Осторожно! Курите!

Он выдернул свою руку из моей. От противоположной стены донесся тихий шорох. Я поднес к губам сигару, затянулся и выдохнул. Шорох стал громче.

— Кто там? — резко окликнул я.

Зажегся свет. Около стены, рядом с отодвинувшейся панелью стоял Томас, слуга.

— Вы меня звали, сэр? — спросил он.

Его глаза быстро обшарили комнату и подозрительно усталились на меня.

— Нет, — равнодушно ответил я.

— Я уверен, что звенел звонок, сэр. Я немного задремал... — запинаясь он.

— Полагаю, это вам приснилось, — сказал я ему.

— Я поправлю вашу постель, сэр. Раз уж я здесь.

— Валийте, — ответил я. — Я докурю сигару и снова лягу.

Он поправил постель и стал вытаскивать из кармана носовой платок. Монетка выпала из кармана к его ногам. Когда он нагнулся поднять ее, она выскользнула из его пальцев и закатилась под кровать. Он стал на колени и пошарил под кроватью. Все

было очень ловко проделано. Я как раз раздумывал, заглянет ли он нахально под кровать или придумает какую-нибудь вежливую уловку.

— Не хотите выпить, Томас? — радушно предложил я, когда он встал на ноги и еще раз обшарил комнату внимательным взглядом.

— Спасибо, сэр, с удовольствием. — Он налил себе изрядную дозу. — Если вы не возражаете, я добавлю немного обычной воды.

— Пройдите прямо, — пригласил я его.

Он прошел в ванную и зажег свет. Я безмятежно продолжал курить.

Он выплыл обратно, по-видимому, удовлетворенный тем, что в ванной никого не было. Он выпил и направился к панели.

— Я надеюсь, вы заснете, сэр.

— Конечно, — ответил я бодро. — Выключите свет, когда будете уходить.

Он исчез, но я был уверен, что он стоит за стеной и подслушивает. Немного погодя, я громко зевнул, поднялся и пошел к кровати. Я укладывался спать так шумно, как только было можно, чтобы не возбудить подозрений.

Еще некоторое время я лежал без сна, оценивая ситуацию в свете того, что рассказал Баркер. Замок без лестниц и без настоящих дверей... Лабиринт тайных ходов и скользящих панелей... И маленький вор, ползущий, сквозь стены, скрывающие ходы, и терпеливо один за одним открывающий их секреты...

Ну что ж, он был бы замечательным союзником, конечно, если таковой мне понадобится.

Сатана! Устраивает наркотический рай своим мистическим рабам... Обещает рай всем прочим, если они пройдут как надо по его следам...

Зачем ему все это? Что он от этого получает?

Ну, ладно. Возможно, я узнаю кое-что сегодня после полудня.

А Ева? Черт бы побрал этого любопытного Томаса! Он перебил нас как раз тогда, когда я мог что-то о ней выяснить.

Ну что же, я хотел бы сыграть с Сатаной в его игру, но с некоторыми оговорками...

Я заснул.

ГЛАВА 8

Когда я проснулся, Томас уже стоял около стенового шкафа, выбирая костюм. Было слышно, как из крана лилась вода в ванну. Сколько времени он болтался в комнате, я не мог определить. Но, без сомнения, он уже тщательно все обследовал. Я лениво подумал: «Что же могло возбудить его подозрения?» — и взглянул на часы. Часы стояли.

— Привет, Томас, — окликнул я его. — Сколько времени?

Он отскочил от гардероба, как испуганный кролик.

— Уже час. Мне не хотелось вас беспокоить, сэр, но хозяин ожидает вас к завтраку в два часа.

— Хорошо, — ответил я и отправился в ванную.

Перед сном я так и не успел продумать до конца план своего поведения. Но пока я плескался в ванной, он окончательно выкристаллизовался. Я был готов немедленно попытать счастья со следами. Но на этот раз я не собирался проходить всю дистанцию — только два следа, не больше.

Слишком много мне хотелось узнать до того, как рискнуть вручить и душу и тело Сатане.

Я, конечно, надеялся на то, что только один из них окажется его следом. Но в худшем случае я свяжу себя на год. Ну что ж, ни то, ни другое не казалось мне таким уж страшным.

Я решил, что на самом деле лучше противопоставлять Сатане не свое везенье, а свой разум и расчет.

Я не хотел убегать от него. Моим сильнейшим желанием было попасть в его окружение, человеческое оно или нет, не важно. Баркер дал мне замечательное преимущество. Может быть, используя его, я нашел бы способ спихнуть мнимого голубоглазого дьявола с его черного трона, разрушить его могущество... Ну и, говоря откровенно, ограбить его.

Или, если выразиться мягче, снять с него в тысячу раз больше того, что он так лихо содрал с меня.

У меня было двадцать тысяч долларов. Чтобы Сатана расплатился с долгом в такой пропорции, я должен был получить с него двадцать миллионов.

Это и в самом деле будет замечательная игра. Я рассмеялся.

— Кажется, вы веселы, сэр, — сказал Томас.

— Птички, Томас, поют везде, — ответил я. — Везде, Томас. Даже здесь.

— Да, сэр, — пробормотал он, с сомнением глядя на меня.

Без четверти два я закончил свой туалет. Слуга провел меня через холл, затем мы поднялись в лифте и остановились на этот раз гораздо выше. Я снова оказался в небольшой прихожей, единственную дверь которой охраняли двое высоченных рабов.

Поток солнечного света ослепил меня, едва я открыл дверь. Сердце забилося резкими сильными толчками. Ева!.. Чуть привстав из-за стола, на меня смотрела Ева! Поток света словно сконцентрировался вокруг девушки. Однако она была совершенно не похожа на ту Еву, которая прошлой ночью так умело помогала моим похитителям. Тогда я подумал, что она необыкновенно хороша, но сейчас понял, как ошибался.

Это была настоящая красавица. В глубине карих глаз, устремленных на меня с напряженным любопытством, светилась печаль. По-королевски гордо держала она изящную маленькую головку. Солнечный свет играл в ее волосах, порождая красновато-золотую корону вокруг них. Ее ротик показался мне еще более свежим и нежным, чем тогда. Но когда я взглянул на ее губы, которые так безжалостно исцеловал, легкая краска выступила на ее лице.

— Ева, это мистер Киркхем. — Ситуация явно развлекала Конзардине. — И полагаю, мисс Демерест и вы уже встречались.

— Я полагаю, — медленно ответил я, — что я вижу мисс Демерест впервые. Я надеюсь, что она тоже так считает.

Это было почти извинением. На большее я не мог пойти. Примет ли она предложенную мной оливковую ветвь? Она широко распахнула глаза, демонстрируя безукоризненное недоумение.

— Подумать только, — задумчиво и грустно произнесла Ева, — мужчина, целовавший меня вчера,

уже успел об этом забыть. Не слишком похоже на комплимент, правда, доктор Конзардине?

— Этого не может быть, — с подчеркнутой искренностью ответил Конзардине.

— Ах, нет, — вздохнула Ева. — Нет, мистер Киркхем. Я не могу считать это нашей первой встречей. Вы ведь сами знаете, что выбрали слишком сильно действующий способ, чтобы оставить память о своей особе. А женщина не может так просто забыть поцелуи.

Меня бросило в жар. Я не сомневался, что Ева непревзойденная маленькая актриса, — она уже не один раз убедительно демонстрировала это. Но что означала ее игра в этом эпизоде? Я не мог поверить, что она так глубоко оскорблена тем, что произошло в метро. Она была слишком умна для этого. Однако, если на самом деле я ей неприятен и она мне не доверяет, то как я смогу ей помочь?

— Но именно вежливость побудила меня к этому, — сказал я. — Дело в том, мисс Демерест, что я полагал эти поцелуи великодушным вознаграждением за все неудобства моего интереснейшего путешествия.

— Ну что ж, — холодно промолвила она, — вы расплатились, счет закрыт. И не трудитесь больше быть со мной вежливым, мистер Киркхем. Будьте самим собой. Так вы гораздо привлекательнее.

Я проглотил ее гневную отповедь и поклонился.

— Отлично, — ответил я так же холодно. — После всего, что произошло, у меня вообще нет причин быть с вами вежливым.

— И не нужно, — равнодушно ответила Ева. — И откровенно говоря, чем реже мы будем пересекаться, тем лучше будет для нас обоих.

Последняя фраза прозвучала как-то странно. Она насторожила меня. Что она имела в виду? Какая загадка промелькнула в глубине ее карих глаз? Она что-то хотела передать мне так, чтобы не вызвать подозрений Конзардине? Я услышал смехок, обернулся и увидел Сатану.

Я не мог понять, давно ли он слушал наш разговор. Он посмотрел на девушку, и я заметил, как

загорелись его глаза и дрогнуло его лицо. Как будто прячущийся в нем дьявол сладострастно облизнул его губы.

— Ссорятся! Фу, как не стыдно! — ележно пропел он.

— Ссоримся? Вовсе нет, — спокойно ответила Ева. — Просто мистер Киркхем мне неприятен. Я прошу прощения, но это действительно так. И мне казалось, что разумнее дать ему понять, что нам лучше не встречаться в будущем. Конечно, кроме тех случаев, когда вы сочтете это необходимым, Сатана.

По правде сказать, это было очень обескураживающее заявление. Я даже не пытался скрыть свою досаду. Сатана посмотрел на меня и опять удовлетворенно хмыкнул. Я почему-то не сомневался, что он был доволен.

— Ну, — промурлыкал он, — даже я не властен над чувствами. Я могу только извлекать из них пользу. А кроме того, я голоден!

Он сел во главе стола, Ева справа от него, я — слева, Конзардине рядом со мной. Маньчжур-дворецкий и еще какие-то китайцы прислуживали нам.

Очевидно, мы находились в какой-то башенке. Окна были расположены слишком высоко над полом, и сквозь них я мог увидеть только чистое голубое небо. Панно, расписанные Фрагонаром и Буше, покрывали стены. У меня не было никаких сомнений в том, что они оказались здесь благодаря «красноречию» посланцев Сатаны. Вся обстановка чудесно гармонировала с этими панно. Комната была меблирована с тем же восхитительным эклектицизмом и чувством прекрасного, что и большой холл и зала, где я первый раз встречался с Сатаной.

Высказав свое отношение ко мне, а точнее, не оставив мне ни крохи своего расположения, Ева держалась со мной отчужденно. Но с Сатаной и Конзардине беседовала непринужденно и обходительно и с замечательным чувством юмора. По-видимому, все трое уже забыли о Картрайте и о том, что произошло в храме. Сатана был в отличном настроении и дьявольски добр, как может быть добр разыгравшийся дикий зверь, удовлетворивший свой аппетит.

Его жестокость, вероятно, пресытилась видом невероятных мучений, которым он подвергал свою жертву. Я живо представил себе омерзительную картину: он валяется, как тигр, среди кусков растерзанного трупа человека, которого он несколько часов назад отправил через врата Ада.

Но на ярком солнечном свете он не внушал столь безотчетного ужаса. И если он и был, по словам Баркера, «свински охоч до удовольствий», то он и сам умел развлечь и доставить удовольствие другим.

В разговоре упомянули Чингисхана, и добрых полчаса Сатана рассказывал нам истории об этом правителе Золотой Орды, о его черном дворце в погибшем городе Каро-Хото в пустыне Гоби. Рассказывал он так, что настоящее вылетело у меня из головы, я перенесся на десять веков назад и, затаив дыхание, рассматривал тот древний мир, возникший в моем воображении словно наяву. Истории веселые и печальные, грубые раблезианские и утонченные, Сатана рассказывал одну за другой — и все так, словно он сам был очевидцем того, о чем говорил. И, слушая его, я не мог себе представить его другим... Дьявол он там или не дьявол, но этот человек обладал поистине магическим обаянием.

Когда завтрак подходил к концу, он подал знак слугам оставить нас и, когда те вышли, резко обратился ко мне:

— Ну, так что, Джеймс Киркхем, да или нет?

Я изобразил сомнение. Поднес к лицу ладони и взглянул через них на Еву. Она похлопывала длинными пальчиками по рту, как будто подавляя зевоту, но ее минуту назад оживленное, цветущее лицо побледнело...

Я почти физически ощущал, как воля Сатаны сминает мое сопротивление.

— Да или нет? — повторил он.

— Да, — ответил я. — Если вы, Сатана, ответите мне на один вопрос.

— Пожалуйста, вы всегда можете задать мне свои вопросы.

— Тогда, — сказал я, — прежде, чем я вступлю в игру, которая может кончиться для меня пожиз-

ненным рабством, я хочу узнать, что вы за работодатель. Человек — это его цели плюс пути, которыми он их достигает. Некоторое смутное, правда, представление о ваших методах я уже получил. Но каковы ваши цели? В старые времена, Сатана, этот вопрос был бы излишним. Все, кто с вами имел дело, знали, что потом их души пойдут на поддержание огня в ваших печах. Но, как я понял, Владыка уже модернизировал свой Ад. Печи уже устарели, а значит, и топливо не в цене. Однако сейчас, как и раньше, вы заманиваете своих будущих должников в заоблачные выси, предлагая им власть над всей Землей. Так вот мой вопрос: что вы имеете благодаря этому теперь, Сатана?

— Вот одна из причин моей антипатии к мистеру Киркхему, — прошептала Ева. — Он не признает ничего, что нельзя было бы записать в книгу доходов и расходов. У него кругозор мелкого лавочника.

Я проигнорировал эту колкость, но Сатана опять удовлетворенно хмыкнул.

— Вопрос был правильный, Ева, — заметил он ей. — Вы забываете, что даже я всегда держу свои счета в порядке и оплачиваю их, когда наступает срок платежа.

Последние слова он произнес медленно, не сводя с Евы глаз. И опять я заметил дьявола, со сладострастным удовлетворением выглянувшего из его глаз. И она тоже его заметила и сразу же прикусила губы, чтобы скрыть их дрожь.

— Я жду ответа, — резко напомнил я, чтобы отвлечь его внимание от девушки. Он изучающе уставился на меня, словно выбирая подходящие слова.

— Назовем это, — наконец заговорил он, — удовольствием. Я живу именно для удовольствий. Только ради них я остаюсь в этом мире, в котором, когда все уже сказано и сделано, удовольствие в любой форме, в любом виде — единственная настоящая цель всего. Это единственное, что делает сносной жизнь в этом мире. Моя цель, как вы понимаете, проста. Но что может развлечь меня и доставить мне удовольствие? Три вещи. Я великий драматург. Величайший из всех, когда-либо живших в этом мире,

потому что мои пьесы реальны. Я придумываю сцены маленьких одноактных пьес, фарсов и комедий, драм, трагедий и длинных эпических сериалов. Я подбираю актеров. Я единственный зритель, который может видеть каждый акт, слышать каждую тему моей пьесы от начала до конца. Иногда случается, что фарс превращается в высокую трагедию, трагедии становятся фарсами, одноактные развлекательные пьесы развиваются в эпические сериалы. Уходят правительства, могущественные люди валяются со своих пьедесталов, униженные возносятся. Некоторые люди посвящают свою жизнь шахматам. Я играю в шахматы живыми фигурами, одновременно несколько партий во всех уголках мира. Все это развлекает меня, доставляет мне удовольствие. Более того, так же, как и Князь Тьмы, в существовании которого, насколько я понимаю, вы, Джеймс Киркхем, не совсем уверены, мое искусство ставит меня на один уровень с другим величайшим драматургом, моим древним Небесным противником, известным, согласно господствующему здесь вероучению, под именем Иеговы. Нет, оно поднимает меня выше, потому что я переработал его сценарии. И это также доставляет мне удовольствие.

За его витиеватыми высказываниями, за иронией скрывалась правда. Для этого холодного жестокого интеллекта и мужчины, и женщины были всего-навсего марионетками, сценой для которых был весь мир. Страдание, горе, муки души или тела были для него всего лишь забавными реакциями на те обстоятельства, которые он задумывал. Как и для Властелина Тьмы, имя которого присвоил себе Сатана, души были для него просто игрушками. Их трепыхания только развлекали его. И в этом он видел достаточную награду за свои труды.

— Эта цель, — сказал он, — первая из трех. Вторая? Я приверженец красоты. Пожалуй, это единственное, что может вызвать у меня какое-то подобие эмоций. Иногда человек с его умом, руками, сердцем и глазами являет миру произведение искусства, на котором лежит та самая печать божественного совершенства, что всегда приписывалась Иегове.

Это может быть что угодно: картина, статуя, резьба по дереву, хрусталь, ткань — тысячи различных вещей. Но в этом произведении заключена сама сущность божественной, как говорят люди, красоты. И всегда, на протяжении всего своего неверного пути, люди ищут эту красоту, потому что она дарит им высшее наслаждение. Иногда лучшие из этих вещей я забираю себе. Но при этом я хочу, чтобы они попадали ко мне именно так, как мне нравится. И здесь-то и появляется третий элемент — игра, очень азартная игра. Например, после долгих и серьезных размышлений я пришел к выводу, что Мона Лиза кисти Леонардо да Винчи, хранящаяся в Лувре, обладает теми качествами, которые мне требуются. Ее, естественно, нельзя было купить, но я и не имел ни малейшего желания ее покупать. Однако она здесь, в этом доме. Я дал возможность французам получить великолепный дубликат, на котором мои эксперты точно воспроизвели даже микроскопические трещинки в краске. Только сейчас французы начали об этом подозревать. Но они никогда не смогут узнать это наверняка, что доставляет мне еще большее удовольствие, чем если бы они узнали правду.

Джеймс Киркхем, повсюду на всем земном шаре, люди рискуют своей жизнью ради сокровищ. Я уверяю вас, что никогда, никогда, за всю историю человечества, и нигде не существовало такого клада, как этот мой дом. Состояний десяти богатейших людей всего мира не хватит, чтобы купить его. Он дороже всего золотого запаса Английского банка.

Его цена в долларах или фунтах — ничто для меня. Но обладать этой квинтэссенцией красоты, жить с нею — это истинное наслаждение! И знать, что лучшие из лучших произведений искусства, на коллекционирование которых меня вдохновил мой древний соперник, принадлежат мне, Сатане, — это высшее наслаждение! Ха! Ха! — загрохотал его смех.

— Третье и последнее. — Он резко оборвал смех. — Это игра. Я коллекционер душ и красоты. А еще я игрок. Игрок того же масштаба, что и коллекционер. Неизвестность, невозможность все предусмотреть,

риск только обостряют удовольствие, которое я получаю от своей игры. Это как раз тот завершающий штрих, что придает моим приобретениям исключительную прелесть. Кроме того, я великодушный игрок. Мои противники могут выиграть у меня неизмеримо больше, чем я у них. Но они обязаны играть со мной честно!

Какое-то мгновение он рассматривал меня, я не мог отвести взгляда от его огромной головы.

— И последнее, — сказал он. — Как вы правильно догадались, мне уже не нужно поддерживать огонь в моих печах. Что происходит с теми, кто покидает этот мир, меня больше не интересует. Моим древним владениям я предпочел этот мир, где я совсем недурно развлекаюсь. Но, Джеймс Киркхем, — его голубые глаза многозначительно сверкнули, — тот, кто станет мне поперек дороги, быстро узнает, что творец Ада не утратил своего древнего искусства. Вы удовлетворены ответом?

— Полностью, сэр, — я кивнул. — И выиграю я или проиграю — у вас не будет повода меня упрекнуть. Но, если можно, еще один вопрос. Вы сказали, что тот, кому посчастливится пройти все четыре счастливые ступени, может получить все, что пожелает. Отлично. Но если это так, смогу я взять, — я кивнул на Еву, — ее?

Ева задохнулась от возмущения, Сатана, подавшись вперед, впился в меня холодным угрожающим взглядом.

— О, Киркхем, прекратите. Будьте благоразумны. Ева была с вами откровенна. Она совершенно ясно дала понять, что вы не самый желанный кандидат для свадебного путешествия.

В голосе Конзардине слышалась тревога и явное желание успокоить. Успокоить — кого? Меня или Сатану? Это очень заинтересовало меня. Возможно, Конзардине...

— Замуж за вас?! Ни за что на свете! Даже ради спасения моей жизни! Даже ради избавления от мук!

Голос Евы дрожал от ярости. Она вскочила на ноги, глаза ее гневно сверкали, лицо пылало. Я безбоязненно взглянул в глаза Сатане.

— Разве я упоминал о женитьбе? — спокойно спросил я.

Как я и предполагал, Сатана интерпретировал ситуацию наихудшим образом. Однако теперь угроза и подозрение, зародившиеся было в нем, сразу исчезли. Он действительно сделал наихудшие предположения, но сделала их и Ева...

— Сатана, — она топнула ногой и оттолкнула от себя стул с такой силой, что он упал на бок. — Сатана, у меня тоже есть вопрос. Если я выиграю эти следы, вы отдадите мне его, чтобы я могла сделать с ним все, что захочу?

Сатана переводил взгляд с нее на меня и обратно. Ситуация явно доставляла ему удовольствие. Голубые глаза его ярко лучились. Он ласково промурлыкал:

— Обоим вам я отвечаю: нет. Нет, Ева, потому что Киркхем принял мой вызов и рискнет сыграть со мной. А раз так, я не могу взять свой вызов назад, даже если бы и захотел. У него должен быть свой шанс. Если он проиграет мне одно поручение или попадет на службу на год, я обязан защищать его. Я должен также предоставить ему возможность подняться по лестнице еще раз, если он, конечно, захочет. Но, Ева, если он решит больше не играть — ну, тогда спросите меня об этом снова.

Он замолчал и перевел взгляд на меня. Я уже отлично понимал, что было у него на уме.

— И то же самое вам, Киркхем, — сказал он. — Потому что все, что я сказал Еве относительно вас, точно так же применимо к вам относительно Евы. Она тоже имеет право на свои попытки. Но, — его голос посуровел, — есть еще одна причина. Я назначил Еве высшую участь. Если она исполнит мою волю — она станет недосягаема для любого мужчины. Но если она откажется от нее...

Он не договорил, только горящий взгляд его немигающих глаз опалил девушку. Я заметил, как кровь отлила от ее щек. Она в замешательстве опустила глаза. Послышался резкий хруст и звон стекла. Конзардине вертел в руках бокал из толстого хрусталя, потом сжал его, и бокал тотчас лопнул, точно сделанный из бумаги. Он быстро сунул руку в карман,

но я успел заметить на ней кровь. Сатана невозмутимо перевел взгляд на него.

— Силушка вроде вашей, Конзардине, — сказал он, — часто бывает небезопасна для своего обладателя.

— Честное слово, Сатана, — с сожалением сказал Конзардине, — я задумался и представил себе, что у меня в руках шея...

— Должен заметить, своеобразное предупреждение, — мрачно пошутил Сатана. — Лучше оставьте эту шею в покое.

— В любом случае придется так и поступить, — рассмеялся Конзардине. — Это было горло старого моего врага, умершего десять лет назад.

Минуту или две Сатана внимательно смотрел на него, потом повернулся ко мне.

— Вы уже решили, когда будете подниматься? — спросил он.

— Когда угодно, — ответил я. — Чем раньше, тем лучше. Сейчас, если можно. Я предчувствую удачу.

— Конзардине, приготовьте храм, — велел он. — Ева, пригласите всех, кто сейчас есть, собраться через полчаса.

Сатана подождал, пока они ушли. Девушка вышла через панель, даже не взглянув на меня. Конзардине — в дверь, которая вела в маленькую прихожую. Несколько бесконечных минут Сатана молча разглядывал меня. Я спокойно курил, ожидая, пока он заговорит.

— Джеймс Киркхем, — произнес он наконец, — я уже говорил вам раньше, что вы мне нравитесь. Теперь вы нравитесь мне еще больше. Но я должен кое о чем предупредить вас. Я надеюсь, чувство неприязни или обиды, которое возникло у вас по отношению к Еве Демерест, не станет причиной нанесения ей хотя бы малейшего вреда. Я вовсе не собираюсь вам угрожать, я лишь предупреждаю.

— Я уже выбросил ее из головы, Сатана, — ответил я. — Однако я, признаться, несколько заинтригован той великой участью, которую вы ей обещаете.

— Великая судьба, — зловещая тяжесть снова зазвучала в его голосе. — Высочайшая честь, которая только могла быть оказана женщине. Я расскажу вам, Киркхем, чтобы вы поняли, насколько серьезно мое предупреждение. Рано или поздно я буду вынужден посетить иные мои миры. И когда срок настанет, я передам этот мой мир моему сыну и наследнику. И его матерью должна стать Ева!

ГЛАВА 9

Я был потрясен этим чудовищным заявлением, но внешне остался совершенно спокоен. И это была одна из нескольких моих довольно важных побед. Конечно, в каком-то смысле я был уже к этому подготовлен. Недрогнувшей рукой я поднял бокал, и в моем голосе не отразилось ни кипевшей во мне ярости, ни ненависти — ничего, кроме приличествующего удивления и интереса.

— Это действительно высокая честь, сэр, — сказал я. — Вы уж простите меня, но ваш выбор у меня просто в голове не укладывается. Вам следовало бы выбрать принцессу или хотя бы особу королевской крови...

— Нет, нет, — перебил он меня, но я заметил, с каким удовольствием проглотил он мою лесть. — Вы не знаете эту девушку. Вы ослеплены предрассудками. Ева столь же совершенна, как любое из собранных здесь произведений искусства. Вдобавок к ее красоте у нее еще и мозги есть... А также дерзкая душа, и характер, и мужество. По мне, если у нее и недостает чего-то, что должно перейти к моему сыну, то я смогу это восполнить. Это будет Мой сын. Его воспитание будет всецело в моих руках. Он будет таким, каким я его сделаю.

— Он будет сыном Сатаны! — выпренно заявил я.

— Да! Он будет моим собственным сыном! — Глаза Сатаны засверкали. — Настоящим сыном Сатаны, Джеймс Киркхем.

Вы, вероятно, понимаете, — продолжал он, — что здесь нет и тени того, что называется любовью. Некое

душевное волнение — да. Но не большее, чем то, что обычно вызывает у меня истинно прекрасная вещь. Это в сущности искусственный отбор, селекция, и только. Я и раньше пытался осуществить эту идею. Но мне не везло с выбором.

— Вы имеете в виду...

— Рождались девочки, — мрачно сказал он. — Они обманули мои ожидания. Их не должно было быть. И их не стало.

Только сейчас я заметил что-то китайское в его тяжелом неподвижном лице: резко выступили скулы, явно обозначился косой разрез глаз. Я задумчиво кивнул головой.

— А если опять... — Я хотел добавить: «Ваши ожидания будут обмануты».

Он пришел в бешенство:

— Не смейте так говорить! Не смейте так думать! Ее первенец должен быть — мальчик! Сын! Сын, я сказал!

Его неожиданная вспышка, его надменность и самоуверенность снова разожгли тлевшую во мне ярость. Что я мог бы ответить, что натворить, я не знаю. Меня спас Конзардине. Открылась дверь, и горящий взгляд Сатаны на мгновение оторвался от меня. Я сумел взять себя в руки и подавил свой гнев.

— Все готово, Сатана, — объявил Конзардине.

Я нетерпеливо поднялся. Мне даже не нужно было изображать горячность. Мной овладело некое предстартовое возбуждение, граничащее с экзальтацией.

— Настал ваш час, Джеймс Киркхем. — Голос Сатаны снова был спокоен, лицо неподвижно, глаза холодно сияли. — Через несколько минут я могу стать вашим слугой. А весь мир — вашей игрушкой! Кто знает?! Кто знает!

Он подошел к дальней стене. Открыл одну из панелей и обернулся:

— Доктор Конзардине, проводите непосвященного в храм.

Он смотрел на меня почти ласково. Я заметил, как прячущийся в нем дьявол, предвкушая удовольствие, облизывал губы.

— Власть над всем миром! — повторил он. — Сатана ваш покорный слуга! Кто знает?!

Он вышел. Конзардине глубоко вздохнул.

— Не хотите ли выпить перед началом, Киркхем? — с неподдельной заботой спросил он.

Я отрицательно покачал головой. Нервное напряжение нарастало.

— Вы знаете правила? — оживленно заговорил он. — Вы должны наступить на четыре из семи следов. Вы можете остановиться на любых из них и подчиниться правилам. Один след Сатаны — и вы должны сослужить ему одну службу, два следа — вы служите ему год, три — вы навсегда в его власти. И больше никаких шансов, Киркхем. Пройдете по четырем счастливым следам — и вы будете на вершине власти, в точности как он обещал. Если вы оглянетесь назад во время подъема, вы должны начать все сначала. Все ясно?

— Пойдемте, — несколько охрипшим голосом сказал я, в горле у меня странным образом пересохло.

Он провел меня через стену в один из выложенных мраморными плитами коридоров. Из него мы вошли в лифт и спустились вниз. Скользнула в сторону панель — и следом за Конзардине я ступил в оплетенный паутиной храм.

Я оказался почти у самого основания лестницы, внутри полусферы яркого света, как занавесом скрывавшей амфитеатр. Тихий шорох и шепот доносились оттуда. Мне в голову пришла идиотская мысль: Ева выбрала хорошее место, чтобы лучше видеть меня, и я тут же осознал, что весь дрожу. Беззвучно ругаясь, я сдерживал дрожь, уповая на то, что она не настолько сильна, чтобы ее могли заметить.

Я поднял глаза на черный трон — навстречу мне светились насмешливые, глумливые глаза Сатаны. Почему-то я сразу успокоился, самообладание вернулось ко мне. Сатана так же, как в прошлую ночь, был одет в черный плащ. Голубые глаза каменного двойника сверкали позади него. Но вместо четырнадцати одетых в белые хламиды охранников посреди не лестницы стояли всего двое. Не хватало чего-то еще... Ага, вот оно что! Не было черномазого палача!

Что же это означало? Может быть, таким образом Сатана хотел показать, что он не собирался меня убивать, даже если я наступлю на все три его следа?

Или это значит, что я могу не бояться смерти, по крайней мере, пока я не выполню миссии, для которой он меня выбрал?

Или это была ловушка?

Похоже, что так. Как-то не верилось, чтобы Сатана вздумал хотя бы немного успокоить меня, заверить меня, что мне ничего не грозит. А может, и даже скорее всего, он решил, что эта мысль придет мне в голову, как только я замечу отсутствие охранников и палача. И соблазнит меня сыграть до конца в уверенности, что отсрочка может дать мне время улизнуть от него?

Или... Предположим, сейчас он настроен великодушно. Но если я в самом деле проиграю, ему запросто может прийти в голову поразвлечься и получить еще большее удовольствие. Долго ли вызвать палача и отдать меня, как Картрайта, этому черномазому с веревкой из женских волос?

Как и Картрайт, я внимательно всматривался в его лицо. Но не мог найти в нем и намек на какую-то подсказку. Оно было совершенно непроницаемо. И сейчас еще ярче, чем когда палач тащил к себе свою жертву, я осознал всю иезуитскую изощренность этой игры. Потому, что теперь играл я сам.

Я отвел взгляд от Сатаны и просмотрел один за другим все отпечатки снизу вверх, до золотого трона. Изукрашенные самоцветами корона и скипетр сияли на нем. Их огни манили и звали меня. И снова меня охватило возбуждение, затрепетал каждый нерв.

Что если я смогу их выиграть?! Выиграть их и все, что они принесут с собой!

Сатана нажал на рычаг, торчавший между тронами, зажужжал управляющий механизм — и семь отпечатков маленьких детских ножек вспыхнули яркими огоньками.

— Следы готовы, — прогремел Сатана и убрал руки под черный плащ. — Они ждут своего покорителя! Избранника Фортуны! Может быть, это вы? Поднимитесь — и все мы это узнаем!

Я подошел к ступенькам, поднялся по нескольким и без колебаний наступил на первый след. Я знал, что позади меня на светящемся шаре вспыхнул значок.

Чей это след? Сатаны или мой?

Я пошел дальше уже медленнее и остановился перед следующим отпечатком. Но остановился я не для того, чтобы взвесить, счастливый он или нет. На самом деле меня охватила сумасшедшая лихорадка игрока. Азарт смел мое решение ограничиться только двумя следами в этой первой игре с Сатаной.

Здравый смысл призывал меня держаться принятого решения, я пошел еще медленнее. Я пытался выиграть время у самого себя: обошел ближайший след, едва передвигая ноги, поднялся к следующему и... наступил на него. На счетчике появился еще один знак.

Мой или Сатаны?

Я горел, как в огне.

Лихорадка сотрясала меня. От нее мои глаза блески в точности как у самого Сатаны. Сердце стучало, словно барабан. Пальцы стали ледяными, а голова пылала точно в огне. Маленькие яркие следы, казалось, подрагивали и пританцовывали в нетерпеливом желании увлечь меня дальше.

— Выбери меня! — звал один.

— Нет, меня! — подмигивал другой.

Усыпанные драгоценными камнями корона и скипетр притягивали к себе. Я совершенно явственно увидел себя триумфатором на золотом троне, с короной на голове и скипетром в руках, Сатану у себя на послышках и весь мир у своих ног!

Может, это и правда, что у мыслей есть тело и форма и что сильные эмоции или желания оставляют после себя какие-то свои очертания. И они сохраняются и живут там, где появились на свет, и бодрствуют, ожидая, когда кто-нибудь, движимый теми же импульсами, что породили их, появится в этом месте.

Так это или не так, но мне почудилось, словно призраки желаний всех тех, кто до меня поднимался по этим ступеням, бросились ко мне и, сжигаемые жаждой осуществления победы над Сатаной, требовали, чтобы я поднимался дальше.

Но и я хотел того же. Меня не нужно было упрашивать. Кроме того, два знака, на которые я наступил, возможно, были счастливыми. А в наихудшем случае я бы погиб. А если и так, то мне не придется больше рисковать в еще одной попытке, которую я уже решил предпринять.

Какой же счет? Ах! Если бы я только мог знать! Если бы я только мог это знать!

И вдруг я похолодел. Как будто отчаявшиеся тени всех тех, кто поднимался до меня и проиграл, оттеснили призраки алчущих.

Сияние короны и скипетра померкло и стало зловещим.

В какой-то миг мне почудилось, что я вижу не искрящиеся следы ребенка, а следы раздвоенных копыт!

Я очнулся от наваждения и взглянул на Сатану. Он сидел, глядя прямо на меня. Меня пронзила догадка, что всей своей могучей волей он приказывает мне продолжать. Но мгновенно вслед за его приказом подоспел другой. Как будто чья-то рука схватила меня за плечо и потащила назад. Ясно и отчетливо, словно у самого своего уха, я услышал другой повелительный голос:

— Остановись! Остановись сейчас же!

Я узнал голос Евы!

Минуту-другую я стоял неподвижно, раздираемый двумя противоположными импульсами. Потом затмение неожиданно прошло. Мозг прояснился, лихорадку как рукой сняло, рухнули чары сияющих следов и соблазн короны и скипетра... Я поднял покрытое испариной лицо к Сатане.

— На сегодня... с меня... хватит, — задыхаясь, произнес я.

Он молча смотрел на меня. И мне показалось, что в холодном сиянии его взгляда я вижу гнев, злобное разочарование и даже некое замешательство. Но это было лишь мимолетное ощущение. Он заговорил:

— Вы воспользовались правом игрока. Правом остановиться там, где пожелаете. Взгляните назад.

Я обернулся и увидел шар.

Оба следа, на которые я наступил, были следами Сатаны!

ГЛАВА 10

Итак, на год я стал слугой Сатаны, практически крепостным, обязанным делать все, что он пожелает.

Вторую половину дня я провел у себя в комнате, то напряженно обдумывая свое положение, то с надеждой ожидая, не прокрадется ли ко мне кошачьей своей походкой Баркер. Мне было совершенно ясно, что моя свобода оставалась ограниченной. У меня не было возможности собрать вещи и уйти восвояси. После окончания действия в храме и моего отступления я попытался подступиться к Конзардине, намекая, что теперь, когда я стал гвардейцем Сатаны, мне, наверное, следовало бы совершить некоторую экскурсию по цитадели Князя Тьмы, и получил вежливый, но категоричный отказ. Он, как врач, серьезно рекомендовал мне спокойно отдохнуть у себя в комнате. Это, дескать, лучшее средство против перенесенного напряжения.

Конечно, больше всего мне хотелось найти какую-нибудь возможность встретиться с Евой. Однако здравый смысл убеждал меня, что сейчас гораздо важнее связаться с маленьким ночным грабителем.

Томясь в ожидании, я попытался проанализировать странную лихорадку, смешавшую все мои планы на лестнице. Я считал себя гораздо более трезво мыслящим и уравновешенным. И хотя произошедшее казалось мне очень странным, мне было стыдно за себя. Если допустить, что именно воля Сатаны разожгла во мне азарт, что именно она была той самой силой, которая толкала меня пройти все ступени, то это объяснение до какой-то степени спасало мою уязвленную гордость.

Но утешительная мысль, что моя воля оказалась не столь сильна, как я считал, подводила к весьма оскорбительному следствию, а именно — что она гораздо слабее воли Сатаны. И не важно, что я удержался и не прошел остальные следы, которые могли навек отдать меня в его руки. Не моя воля, а импульс, посланный Евой или пришедший из моего подсознания, остановил меня.

И отношение Сатаны очень смутило меня. Почему ему так хотелось заставить меня подниматься выше? Был ли это просто азарт игрока? Стремление выиграть? Или при виде вспыхнувших один за другим следов на его стороне шара в нем взыграла жажда крови? Если бы один из следов оказался на моей стороне, он обнаружил бы тот же пыл?

Или он с самого начала принуждал меня идти до конца и проиграть?

Но если так, то — почему?

Я не мог найти ответа на эти вопросы. И Баркер тоже не появлялся.

Наконец явился Томас. Он помог мне одеться и проводил меня через стены и лифты в еще один огромный сводчатый зал. Размерами и убранством он вполне мог бы послужить пиршественным залом великолепного семейства Медичи в период его расцвета.

За огромным овальным столом уже сидело десятка два, а то и больше, мужчин и женщин. Во главе стола был Сатана. Безупречно строгий вечерний костюм придавал ему еще более зловещий вид. Было совершенно очевидно, что я опоздал, но и не менее очевидно было то, что соблюдать формальности здесь не в обычае.

— Свежеиспеченный член нашего общества — Джеймс Киркхем.

Без дальнейших условностей Сатана кивнул на отведенное мне место. Остальные заулыбались, приветственно кивнули и вернулись к своим разговорам.

Усевшись за стол, я с тайным изумлением увидел справа от себя знаменитую актрису, чье имя редко исчезало со сверкающих реклам Бродвея. Бегло оглядев присутствовавших, я обнаружил известного во всем мире ватерполиста из Американской высшей лиги, блестящего адвоката — одного из лучших людей демократической партии. Остальных я не знал, но не оставалось никаких сомнений, что это весьма незаурядные люди. Если они были типичными представителями окружения Сатаны, то он и в самом деле не зря хвалился своей выдающейся организацией. Евы за столом не было.

Вальтер Кохем сидел справа от актрисы. И во время обеда я из кожи лез вон, чтобы расположить его к себе, — мне вовсе не хотелось иметь здесь скрытых врагов. Сначала он держался холодно, но постепенно оттаял. Он много пил, однако я с интересом отметил, все-таки не так много, как ему хотелось бы. Было совершенно очевидно, что ему безразлично, что пить, красное ли вино или какое-либо другое.

Поначалу я думал, что он сдерживает себя, чтобы не преступить границы условностей или чтобы не сказать чего-нибудь лишнего. Но скоро я понял, что выпивка разжигает в Кохеме невероятную страсть к истине, презрение ко всяким эвфемизмам и условностям. Он желал видеть только неприкрашенные факты и не терпел многословия и недомолвок. Как это он выразился: «... не искажайте формулы». Он предавался поискам истины в вине с прямо-таки фанатическим рвением. К тому же он был забавен, и актриса откровенно наслаждалась нашей перекрестной беседой.

Рано или поздно, решил я, не помешает напоить Вальтера так, чтобы он не смог вынести даже микроскопического кусочка повязки на ясных глазах Богини истины. Я был чрезвычайно удивлен, узнав, что он химик и проводит много времени в своей лаборатории при замке. Что ж, это объясняло его замечание о формуле. Он очень подробно распространялся о том, какой он великолепный химик. Позднее я узнал, что он нисколько не преувеличивал. Поэтому, кстати, я так задержался на описании его портрета.

Это был восхитительный вечер: изысканное общество блистало утонченным и дерзким юмором, беседа не прерывалась ни на мгновение. Намек на наше положение прозвучал лишь в тосте знаменитого юриста, когда, глядя на меня, он провозгласил тост за «счастливно избежавших проклятья» и еще когда Сатана послал за шкатулкой и продемонстрировал несколько великолепнейших драгоценных камней, каких я раньше никогда не видал.

Он рассказывал их истории. Этим изумрудом, сверкающим среди бирюзы, Клеопатра запечатывала свои письма к Антонию. Этим бриллиантовым ожерельем кардинал де Роган собирался купить благосклонность Марии-Атуанетты и затеял тот самый судебный процесс, который послужил одним из толчков Революции и в конце концов стоил несчастной королеве головы. Этой короной украсил кудри своей возлюбленной Нель Гвинн король Чарльз. А вот кольцо с царственными рубинами, которое Монтеспан, желая смягчить сердце Короля-Солнца, передал отравителю ла Вуатюру, чтобы тот сделал его приворотным амулетом.

Под конец Сатана вручил яркой маленькой французенке, сидевшей справа от него, браслет с сапфирами, когда-то принадлежавший, по его словам, Лукреции Борджиа. Меня очень заинтересовало, чем она это заслужила и что он имел в виду, называя имя первого владельца. Но в этой тайне была некая изюминка — всеобщего удовольствия она не испортила.

Никакой мелодраматической секретности, идиотской конспирации, когда вместо имен представляются номерами, не было в этом собрании, и власть Сатаны стала внушать мне еще большее почтение. Его люди встречались лицом к лицу. Мысль о совместном предательстве была просто невероятна. Они чувствовали себя в полной безопасности под его защитой. Без сомнения, все или многие из них были свидетелями и моего восхождения, и трагедии Картрайта, но они ничем не выказывали этого.

Они пожелали Сатане спокойной ночи. Я тоже поднялся, собираясь уйти вместе со всеми, но он перехватил мой взгляд и покачал головой.

— Останьтесь со мной, Джеймс Киркхем, — приказал он.

Скоро мы остались одни. Стол был убран, слуги ушли.

— Итак, — он пристально смотрел на меня поверх огромного бокала, который держал в руке, — итак, вы проиграли.

— Однако я проиграл не все, что мог, Сатана, — улыбнулся я. — Поднимись я немного выше — и мне

пришлось бы падать столь же глубоко, как вам в очень далекие времена, — прямоком в Ад.

— Любое путешествие, — мягко заметил он, — не лишено интереса. Но год скоро минует, и у вас опять будет возможность.

— Вы имеете в виду возможность провалиться, — рассмеялся я.

— Вы играете с Сатаной, — напомнил он и вновь покачал головой. — Нет, вы не правы. В мои планы входит ваше присутствие на земле. Однако я хвалю ваше благоразумие на лестнице. Признаться, вы удивили меня.

— В таком случае, — я встал и поклонился, — я начал свою службу со значительного достижения.

— Возможно, этот год окажется полезным для нас обоих, — сказал он. — А сейчас, Джеймс Киркхем, я требую вашей первой услуги для меня.

Сердце мое учащенно забилося, я сел, ожидая продолжения разговора.

— Нефриты Йаннана, — произнес он. — Это правда, что я смоделировал обстоятельства так, что, проявив известную сообразительность, вы могли их сохранить. Верно также и то, что, оказись эти нефриты у меня, я был бы очень доволен. Я был вынужден выбирать одно из двух удовольствий. Очевидно, что, как бы ни легли карты, мне предстояло испытать некоторое разочарование.

— Другими словами, сэр, — вставил я совершенно серьезно, — даже вы не можете съесть пирожок и оставить его нетронутым.

— Это точно, — ответил он, — еще один недостаток столь непродуманно устроенного мира. Нефриты в музее. Пусть они там и остаются. Но я должен получить компенсацию за свое разочарование... Я решил принять от этого музея нечто другое, хранящееся там и давно привлекающее мое внимание. Вы убедите отдать мне это, Джеймс Киркхем.

Он многозначительно поднял бокал и отпил. Я последовал его примеру, не питая никаких иллюзий по поводу его недомолвок.

— Что вы имеете в виду? — спросил я. — И каким методом убеждения я должен воспользоваться?

— Это задание не из трудных, — сказал он. — Оно вполне подойдет для подвига-испытания, который в старые времена полагалось совершить перед посвящением в рыцари. Я придерживаюсь этой традиции.

— Я поклоняюсь старым правилам, сэръ, — ответил я ему.

— Много веков назад, — продолжал Сатана, — фараон призвал к себе лучшего из лучших, живших тогда, золотых дел мастера Бенвенуто Челлини и приказал ему сделать ожерелье для своей дочери. К дню рождения или к свадьбе — уже никто не знает. Ювелир сотворил его из лучшего золота, и сердолика, и лазурита, и зеленоватого полевого шпата, называемого аквамарин. С той стороны золотого кружева, где были иероглифы с именем фараона, он изобразил сокола, коронованного солнечным диском, — Гора, сына Озириса, своего рода Бога любви, хранителя счастья. С другой стороны — знак высшей власти, крылатую змею, несущую крест с кольцом наверху, — символ жизни. А под ней — сидящего на корточках Бога, держащего снопы жизненных лет у его локтя, — символ вечности, похожий на головастика. Так символами и амулетами умолял фараон богов послать его дочери вечную жизнь и вечную любовь. Увы, любовь, надежда и вера человеческая не вечны! Умерла принцесса, умер фараон. Пришло время — и умерли Озирис, и Гор, и все боги Древнего Египта. Но не умерла красота, которую забытый Челлини вдохнул в ожерелье. Она не могла умереть. Она бессмертна. Она пролежала века, укрытая в каменной гробнице вместе с мумией той принцессы. Она пережила ее богов. Она переживет и нынешних богов, и тысячи будущих богов. Не померкла красота этого ожерелья — она и сейчас сияет, как три тысячи лет назад, когда иссохшая грудь, на которой его нашли, еще была полна жизни и любви, и, может быть, мимолетная тень бессмертной красоты, воплощенной в ожерелье, досталась и ей.

— Это ожерелье Сенарсет Второй! — воскликнул я. — Я знаю эту прекрасную вещь, Сатана.

— Это ожерелье должно быть у меня, Джеймс Киркхем!

Я в замешательстве воззрился на него. Если это было легкое поручение, то каким же будет трудное?

— Мне кажется, Сатана, — решился возразить я, — что едва ли вы могли выбрать что-нибудь, что еще менее вероятно было бы получить с помощью какого бы то ни было убеждения. Его охраняют денно и ночью. Ожерелье, как ему и полагается, лежит под стеклом в маленькой комнате, и притом на самом видном месте. С него глаз не спускают.

— Я должен его получить, — оборвал меня Сатана. — И именно вы достанете мне его. Я отвечу на ваш второй вопрос «как»? Только неуклонно повинуясь инструкции, которую я вам дам. Каждую минуту, каждую секунду вы должны выполнять то, что я вам скажу. Возьмите карандаш, запишите все по минутам и точно запомните.

Он помолчал, ожидая, пока я выполню первую часть его приказа.

— Вы выедете отсюда, — продолжал он, — завтра в десять тридцать утра. Время на дорогу рассчитано так, что вы выйдете из машины и войдете в музей ровно в час. На вас должен быть определенный костюм, который вам подаст ваш слуга. Он также выберет пальто, шляпу и прочие аксессуары. Вы должны, как и принято, сдать пальто в гардероб. Оттуда вы отправитесь прямо к нефритам Йанна — мнимый предлог вашего посещения. Вы можете поболтать, с кем вам захочется, и чем больше, тем лучше. Но вы должны устроить все так, чтобы ровно в час сорок пять вы один вошли в северный коридор Египетского крыла. Вы будете увлеченно рассматривать его коллекцию до пяти минут третьего, и точно в эту минуту вы должны войти в комнату, где хранится ожерелье. У обеих дверей этой комнаты стоят охранники. Они вас знают?

— Не уверен, — ответил я. — Возможно. Во всяком случае наверняка слышали обо мне.

— Вы должны придумать предлог, чтобы обратиться к одному из охранников в северном коридоре, — продолжал он, — если, конечно, он не знает вас в лицо. И точно так же в комнате, где хранится ожерелье. Потом отойдите в один из углов комнаты, неважно в какой, в любой, и погрузитесь в изучение витрины прямо перед вами. Вы должны держаться как можно дальше от интересующего вас объекта и от обоих служителей, которые, возможно, сочтут своей обязанностью быть поближе к такому, — усмехнувшись, он поднял бокал, — выдающемуся посетителю.

— Ровно в четырнадцать пятнадцать, Джеймс Киркхем, вы подойдете к витрине с ожерельем, откроете ее инструментом, который вам дадут, возьмете ожерелье, положите его в специально изготовленный потайной карман пиджака, с левой стороны, бесшумно закроете витрину и спокойно уйдете.

Я скептически посмотрел на него и спросил:

— Вы сказали: «Уйдете»?

— Спокойно уйдете, — повторил он.

— Прихватив еще и двух сторожей, — иронично предположил я.

— Не обращайтесь внимания на сторожей, — сказал он.

— Не обращать внимания? — переспросил я. — Но они-то уж непременно не оставят меня без своего внимания, Сатана.

— Не перебивайте меня больше, — строго приказал он. — Вы не будете обращать внимания на охрану. Вы вообще не будете обращать ни на что внимания — что бы вокруг вас ни происходило. Запомните, Джеймс Киркхем, это жизненно важно для вас: вы должны сосредоточиться только на одном — открыть витрину ровно в четырнадцать пятнадцать и выйти из комнаты с ожерельем. Вы не будете больше ничего видеть и слышать, вы не будете больше ничего делать. Ровно две минуты вам потребуется, чтобы дойти до гардероба. Оттуда вы пойдете прямо к выходу. Выйдя из дверей, вы шагнете вправо, нагнетесь и завяжете ботинок. После этого вы спуститесь по ступенькам на улицу, по-прежнему не

реагируя на происходящее вокруг вас. У тротуара вы увидите голубой лимузин. Шофер будет протирать правую фару. Вы сядете в машину и отдадите ожерелье тому, кто вас там будет ждать. Это должно произойти в четырнадцать двадцать. Ни в коем случае не позже. В течение часа вы будете вместе кататься в машине. В пятнадцать двадцать вы выйдете около обелиска позади музея, пройдете по авеню, возьмете такси и вернетесь в Дискавери-Клуб.

— Вы сказали: «Дискавери-Клуб»? — Я был настолько изумлен, что подумал, не оговорился ли он.

— Повторяю, вы вернетесь в Дискавери-Клуб, — ответил он. — В Клубе вы первым делом подойдете к дежурному портье и скажете ему, что вам необходимо сделать некую работу, которая требует полной сосредоточенности. Вы велите ему не отрывать вас ни по какому поводу, не допуская ни посетителей, ни звонков. Скажете ему, что вас, по всей вероятности, попытаются достать репортеры и что ему следует отвечать, что вы, мол, обещали принять их в восемь часов. Вы внушите ему, что работа, которую вам нужно сделать, настолько важна, что вас ни в коем случае нельзя беспокоить. Велите ему также принести к семи часам все вечерние газеты и экстренные выпуски дневных газет.

Он немного помолчал и спросил:

— Все ясно?

— Все, за исключением того, что я должен ответить репортерам.

— Это вы узнаете, — загадочно ответил Сатана, — когда прочитаете газеты.

Он потягивал вино из бокала и оценивающе рассматривал меня.

— Повторите мою инструкцию, — велел он.

Я с легкостью выполнил эту просьбу.

— Хорошо, — кивнул Сатана. — Вы, конечно, понимаете, что я заимел вас вовсе не для этого маленького приключения. Настоящее испытание вам еще предстоит пережить. А это в некотором роде пробный тест. Вы должны его пройти. Ради себя самого вы должны пройти этот тест, Джеймс Киркхем... Ну что ж, — он нажал звонок, — на сегодня вам хватит

волнений. Я всегда забочусь о своих подопечных, даже о тех, которые еще только проходят проверку. Идите к себе и как следует выпитесь.

Отъехала панель. Из лифта вышел Томас и остановился, ожидая меня.

— Спокойной ночи, Сатана, — вежливо сказал я.

— Спокойной ночи, — ответил он. — Но, как бы хороша она ни была, ваша завтрашняя ночь будет еще лучше.

Было уже около одиннадцати часов. Обед длился дольше, чем я полагал. В спальне все было приготовлено. Я поблагодарил Томаса и отпустил его. Через полчаса, после двух стаканов бренди с содовой, я выключил свет и улегся в постель в надежде, что появится Баркер.

Лежа в темноте с широко открытыми глазами, я повторял про себя весьма странную инструкцию Сатаны. Совершенно очевидно — я был частичкой довольно сложной мозаичной картинки-загадки. Я должен был в строго фиксированные моменты проявлять заданные мне фрагменты этой картинки, чтобы получить в точности то, что задумано. Пожалуй, точнее будет сказать, что я чувствовал себя живой шахматной фигурой в одной из партий, разыгрываемых Сатаной. Я должен был совершать ходы по задуманному плану в определенные моменты игры. Что же должны делать остальные фигуры? А если одна из них пойдет чуть раньше или чуть позже? Что может тогда произойти со мной?

И снова мне привиделась картина на стене храма, где каменный двойник Сатаны с жутко сверкающими глазами направляет руку Судьбы. Почему-то я сразу успокоился. Этическая сторона этого дела меня, в общем, не волновала. В конце концов, большинство музейных сокровищ в известном смысле краденые, они поступают в музеи из разграбленных гробниц, склепов или погибших городов.

Да и помимо всего прочего мне ничего иного не оставалось, кроме как подчиниться Сатане. Если я откажусь — мне конец. В этом у меня не было никаких сомнений. А Сатана будет продолжать в том же духе. Выдать его я тоже не мог — я даже

не знал, где находится место моего пленения. Победить Сатану можно было, только играя в его же игру. Другого пути не было.

Да и что стоит любое ожерелье в сравнении с Евой!

Я заставил себя снова повторить инструкцию и заснул. Баркер меня так и не разбудил.

ГЛАВА 11

Когда педантичный Томас пришел меня будить, я был уже в ванной. Я беспрекословно надел тот костюм, который он приготовил. Такого костюма у меня никогда не было.

На внутренней стороне левой полы пиджака был большой карман. По краю кармана крепились несколько маленьких тупых крючков. Я тщательно осмотрел их. Нити ожерелья принцессы Сенарсет были примерно шесть дюймов длиной. Верхний край орнамента можно зацепить за крючки, и тогда все нити будут свободно свисать в карман — снаружи никто ничего не заметит. Сатана сказал правду — карман замечательно подходил именно для этого ожерелья.

Томас подал мне еще серый плащ, который был как раз по мне. Но такого плаща я тоже никогда не носил, хотя на внутреннем кармане красовалось мое имя. Затем появилась моя собственная мягкая шляпа и моя же трость из ротанга. Наконец он вручил мне странной формы маленький инструмент из тусклой серой стали и наручные часы.

— У меня есть часы, Томас, — сказал я, разглядывая необычный инструмент.

— Конечно, — ответил он. — Но эти показывают время Хозяина.

— А-а, понял. — Я с восхищением отметил, что Сатана не полагался на часы своих пешек. Очевидно, все было синхронизировано. Это меня очень порадовало.

— А это что за штука? Как с ней обращаться?

— Я как раз собирался вам показать, сэр.

Он подошел к стене, открыл один из замаскированных в ней шкафов и достал оттуда сейф с застекленной крышкой.

— Попробуйте открыть, сэр, — предложил он.

Я попытался приподнять крышку, но мои усилия оказались тщетны. Томас забрал у меня инструмент. Это был острый как бритва резец около четырех дюймов длиной. Лезвие резко утолщалось от края, переходя в рукоятку шириной в полтора дюйма. Из рукояти торчал винт.

Томас засунул острый край под застекленную крышку и быстро повернул винт. Инструмент удивительно легко вошел в едва различимую щель. Раздался глухой щелчок, и крышка распахнулась. Широко улыбаясь, Томас вернул мне инструмент: край резца раскрылся, словно челюсти, и из них язычком торчало еще одно лезвие. Оно приводилось в действие необычайно мощной пружины и разрезало замок, словно он был из мягкого дерева.

— Все очень просто, сэр, — заметил слуга.

— Да, проще не бывает, — ответил я сухо. Я был восхищен Сатаной.

Я позавтракал у себя в комнате и ровно в десять тридцать, сопровождаемый Томасом, подошел к машине. Шторы в салоне были опущены и закреплены, их нельзя было сдвинуть, чтобы выглянуть наружу. Мне страшно захотелось воспользоваться той отличной штукой, которую мне только что вручили. К счастью благоразумие остановило меня.

Ровно в час я вошел в музей. С необычайной остротой ощущал я пришитый слева пустой карман для ожерелья Сенарсет и маленький инструмент, предназначенный для того, чтобы вынуть его из витрины.

Я сдал в гардероб плащ, шляпу и трость. И, здороваясь со служителями, узнававшими меня, направился прямо к нефритам. Полчаса я внимательно рассматривал нефриты и еще некоторые редкие вещицы, меня сопровождал один из хранителей музея, которого я подцепил по дороге. Вскоре я избавился от него и ровно в тринадцать сорок пять прошел в северный коридор Египетского крыла. Мне не потребовалось представляться охранникам — они знали

меня. Около двух часов я был возле зала, где хранилось ожерелье.

В пять минут третьего по часам Сатаны я вошел в этот зал. Внешне я был совершенно спокоен. Я небрежно оглядел комнату. Один охранник стоял у противоположного входа. Другой — посреди зала между мной и витриной с ожерельем. Оба внимательно присматривались ко мне. Ни тот, ни другой меня не знали.

Я подошел к стоявшему в центре зала, показал ему мою карточку и задал несколько вопросов о коллекции скарабеев, которая, насколько я знал, должна была здесь экспонироваться. Как только он прочел мое имя, с него мигом слетела официальная подозрительность, и он говорил со мной так, будто я был одним из руководителей музея. Я прошел в юго-восточный угол комнаты и сделал вид, что поглощен изучением амулетов. Краем глаза я видел, как служители сошлись вместе и о чем-то перешептываются, с уважением поглядывая в мою сторону. Вскоре оба вернулись на свои места.

Часы Сатаны показывали четырнадцать десять, оставалось пять минут. Быстро оглядев комнату, я насчитал чуть больше дюжины посетителей. Три респектабельные средних лет пары, скорее всего туристы из Европы. Девушка, возможно художница, седой джентльмен, напоминавший школьного учителя, еще один джентльмен, на котором было просто написано, что он немецкий профессор. Двое англичан в строгих костюмах профессионально обсуждали процесс развития иероглифического письма, их негромкие голоса были отчетливо слышны по всей комнате. Неопрятная женщина с недоумением оглядывалась вокруг, по-видимому, совершенно не понимая, зачем здесь все эти вещи. Еще двое или трое посетителей... Англичане и девушка стояли около витрины с ожерельем, остальные бродили по залу.

На часах Сатаны было уже четырнадцать минут третьего. В Северном коридоре послышались быстрые шаги. Отчаянно закричала женщина:

— Держите его! Держите его!

Кто-то метнулся мимо двери. Пробежала женщина. За ней следом — мужчина. Я заметил, что у него в руках сверкнул нож.

Часы показывали пятнадцать минут третьего. Я шагнул к витрине с ожерельем, сжимая в правой руке свой инструмент.

Шум в коридоре нарастал. Опять закричала женщина. Народ из зала ринулся к дверям. Охранник от дальнего входа пробежал мимо меня.

Я просунул острый край инструмента в узкую щель под крышкой и повернул винт. Раздался глухой щелчок — замок сломался.

Крик перешел в захлебывающийся вой. За дверью снова слышались убегающие шаги. Кто-то выругался, тяжелое тело упало на пол.

Я вытащил из витрины ожерелье и опустил его в карман, зацепив верхний край орнамента за крошечные крючки.

Я вышел через ту же дверь, что и входил. Один из охранников лежал на пороге. Над ним склонился немец. Девушка, которую я принял за художницу, сидела рядом и истерически рыдала, закрыв руками лицо. Из зала напротив, где хранилось оружие, донесся пронзительный крик. На этот раз кричал мужчина.

Я прошел между двумя черными саркофагами при входе в Египетское крыло, через большой зал, увешанный гобеленами, миновал турникет. Охрана напряженно прислушивалась к звукам, едва доносившимся сюда из дальних залов, и не обратила на меня ни малейшего внимания.

Гардеробщик же и вовсе ничего не слышал. Я взял пальто.

Выйдя из дверей музея, я сразу шагнул вправо и нагнулся, возясь со шнурками ботинок. Кто-то прошмыгнул мимо меня в музей.

Я выпрямился и пошел вниз по лестнице. На тротуаре дрались двое мужчин, вокруг них толпился народ. Я заметил подбегающего к ним полисмена. Все на лестнице, кроме меня, были поглощены созерцанием этого сражения.

Я спустился вниз. В нескольких ярдах слева стоял голубой лимузин. Шофер, не обращая внимания на дерущихся, полировал кусочком замши правую фару.

При моем приближении он мгновенно прекратил это занятие, распахнул дверь и вытянулся, напряженно глядя на меня.

На часах было четырнадцать девятнадцать.

Я сел в машину. Шторы были опущены, в салоне царила непроницаемая темнота. Дверь захлопнулась за мной, стало еще темнее.

Машина тронулась. Кто-то шевельнулся рядом.

— У вас все в порядке, мистер Киркхем? — тихо спросил дрожащий от волнения голос.

Голос Евы!

ГЛАВА 12

Я чиркнул свичкой. Ева быстро отвернулась, но я успел заметить, что она очень бледна и в глазах ее стоят слезы.

— Все в порядке, спасибо, — сказал я. — Насколько я понял, все прошло в точности, как и планировал Сатана. Во всяком случае, с моей стороны. Ожерелье у меня в кармане.

— Я не об этом, — едва слышным дрожащим голосом произнесла она.

Я понял, что нервы ее на пределе. Я ни минуты не сомневался, что не я был причиной столь сильного волнения. Очевидно, она поняла, что имел в виду Сатана прошлой ночью. Возможно, она предполагала это и раньше, но теперь знала наверняка. И все-таки она почему-то беспокоилась обо мне. Я придвинулся ближе.

— Сатана дал мне понять, что мое дальнейшее благополучие очень сильно зависит от того, достану ли я это ожерелье, — сказал я ей. — Я, естественно, точно выполнил его приказание. Теперь я должен передать его вам. — И я снял ожерелье с крючков. — Как тут у вас включается свет? — спросил я. — Вы должны сами убедиться, что я отдаю вам именно то, что ожидает хозяин.

— Не включайте свет, — прошептала Ева. — Дайте мне эту... чертову штуку.

Я рассмеялся. Мне было очень жаль ее, но удержаться я не смог.

Она протянула дрожащие руки и наткнулась на меня. Я поймал ее руки в свои, она не отняла их. Потом придвинулась ближе и прижалась ко мне, как напуганный ребенок. Она плакала, я ничего не говорил, только обнял ее и не мешал... Она всхлипывала в темноте, как испуганный маленький ребенок, и изо всех сил сжимала мои руки. Сердце мое наполнилось беспощадной ненавистью, на всех известных мне семи языках я клял про себя Сатану. В конце концов Ева тихонько рассмеялась и отодвинулась.

— Спасибо, мистер Киркхем, — сказала она совершенно спокойно. — Ваша всегдашняя готовность выслушать...

— Мисс Демерест, — прямо сказал я, — давайте откровенно. Вы очень напуганы. Вы знаете почему, и я тоже это знаю.

— Чем это я должна быть напугана? — спросила она.

— Тем счастьем, которое вам Сатана посулил, — ответил я. — Вы знаете, что я имею в виду. Если у вас есть сомнения, позвольте мне рассказать вам то, что он рассказал мне прошлой ночью, когда вы ушли.

Она немного помолчала, а когда заговорила, отчаяние звучало в ее голосе:

— Он решил... взять меня. И он... возьмет меня. А я ничего не могу сделать! Я хотела убить себя — но я не могу! Я не могу! О, Господи, что мне делать? Господи, кто мне поможет?

— Я могу попытаться, если, конечно, вы мне позволите.

Ева ответила не сразу. Она неподвижно сидела, пытаясь взять себя в руки. Вдруг она включила свет и повернула ко мне заплаканное лицо. Внимательно вглядываясь в меня, она спросила неожиданно твердым голосом, как будто приняла какое-то решение:

— Скажите мне, мистер Киркхем, почему вы остановились после второго следа? Вы ведь хотели

идти дальше. Сатана заставлял вас. Почему вы остановились?

— Потому что я услышал ваш голос, заклинавший меня не идти дальше.

Она коротко то ли вздохнула, то ли вскрикнула.

— Это правда, мистер Киркхем?

— Ей-Богу, правда. Как будто вы стояли рядом со мной, держали меня за плечо и шептали мне: «Остановись там, где стоишь! Не поднимайся выше!» Эти чертовы драгоценности на короне и скипетре звали меня тысячью голосами. Но когда я услышал вас или мне показалось, что услышал, они смолкли.

— Ах! — глаза Евы радостно засияли, ее щеки порозовели, а восклицание прозвучало для меня, как песня.

— Вы смогли передать сигнал! — прошептал я.

— Я смотрела на вас сзади, из темноты, вместе с остальными, — сказала она. — И когда второй знак загорелся на темной стороне Сатаны, я всеми силами своей воли попыталась послать вам свою мысль. Я так отчаянно старалась предупредить вас! И пока вы стояли, колеблясь — идти или не идти выше, я снова и снова молила Бога: «О, Боже милостивый, где бы ты ни был, дай ему услышать меня, милосердный Боже!» И вы в самом деле услышали меня..

Она замолчала и смотрела на меня широко открытыми глазами, щеки покраснелись еще сильнее.

— И вы узнали мой голос! — прошептала Ева. — А может быть, вы слышали.. слышали, но могли не обратить внимания, если бы.. если бы..

— Если бы? — переспросил я.

— Если бы не было еще кого-то, кроме нас с вами, кто был готов прийти на помощь? — спросила Ева, и голос ее прервался.

Теперь уже все ее лицо пылало. Я прекрасно понимал, что вовсе не потому, что чуть не сорвалось с ее языка, и уж тем более не потому, что она произнесла вслух.

Мое объяснение произошедшего было куда более материалистическое. Восприимчивость моего мозга обострилась в тот момент из-за сугубо внутренних

процессов, и именно поэтому я остановился, а вовсе не от сигнала извне.

Я никогда не встречался с достаточно убедительными доказательствами того, чтобы некая нематериальная энергия, как, например, энергия духа или сознания, смягчала ухабы наших трудных земных дорог. Я предпочитал расчет и предусмотрительность. А если и Провидение, то такое, как, например, маленький Баркер с его знанием секретов стен Сатаны.

Однако все может быть, и если Еве хочется верить в это, то пускай верит. Поэтому я серьезно кивнул и заверил ее, что вся эта передача мыслей, должно быть, истинная правда.

— Но неужели, — спросил я, — среди всех людей Сатаны, которых ты знаешь, никого нельзя уговорить действовать против него?

— Никого, — ответила она. — Я нравлюсь Конзардине, и, думаю, он многое бы сделал, чтобы защитить меня. Но он крепко повязан с Сатаной. И точно так же остальные. Не только из страха — вы видели, что случилось с Картрайтом, — но и по другим причинам тоже. Сатана очень хорошо платит, мистер Киркхем. Не только деньгами... Еще и по-другому. Он обладает огромной властью... Чудовищной властью... А люди хотят не только денег и не только всего того, что он им дает... Вы даже представить себе не можете, что еще... еще...

— Наркотики, — довольно тупо предположил я.

— Вы нарочно притворяетесь таким бестолковым? — спросила она. — Вы же прекрасно знаете, что мог дать Люцифер... И он мог... И давал... И даже те, кто полностью проигрывал ему, имели надежду, что они смогут совершить что-нибудь такое, что даст им еще один шанс... Или его каприз подарит им еще раз такую возможность...

— А такое когда-нибудь случалось?

— Да, — ответила она. — Только не нужно думать, что он это делал из милосердия.

— Вы полагаете, это была просто уловка, чтобы еще сильнее привязать их к себе, помахивая перед их носом надеждой на возможную свободу?

— Да, — сказала она, — чтобы их усердие не ослабело от разочарования.

— Мисс Демерест, — напрямик спросил я, — почему вы решили, что я чем-то отличаюсь от всех прочих?

— Вы пришли к нему не по своей воле, — сказала она. — И вы не попали под власть этих проклятых следов.

— Я был весьма близок к этому прошлой ночью, — довольно уныло признался я.

— Они не сделали вас своим рабом, — прошептала она. — Не то, что всех остальных. И не сделают. Они не должны сделать вас своим рабом, мистер Киркхем.

— Этого я не допущу, — ответил я ей твердо.

За это она протянула мне свою вторую руку. Я взглянул на часы и опомнился.

— Нам осталось чуть больше десяти минут, — сказал я. — А мы еще даже не обговорили план действий. Нам необходимо в ближайшее время встретиться еще раз. Но нужно соблюдать осторожность, чтобы Сатана ничего не пронюхал.

Она покачала головой:

— Это будет очень трудно. Но я позабочусь об этом. Вы хоть понимаете теперь, что заставило меня так беспардонно обойтись с вами?

— Еще до излияний Сатаны я предполагал что-то в этом роде. И вы, конечно, поняли, что ужасающее предложение отдать вас мне целиком и полностью я сделал, следуя вашему примеру.

— И даже больше, — тихо ответила она. — Я знаю, что вы на самом деле имели в виду.

Я снова взглянул на часы. Оставалось ровно шесть минут.

— Послушайте, — торопливо сказал я. — Ответьте мне честно на один вопрос. Когда вы впервые подумали, что я, может быть, именно тот, кто вытащит вас из этой ловушки?

— Когда... Когда вы поцеловали меня, — прошептала она.

— А когда вам пришла в голову мысль скрывать ваше настоящее отношение ко мне?

— Сразу... Сразу после того, как вы начали целовать меня...

— Ева, — сказал я, — вы полагаете, сейчас тоже нужно притворяться?

— Нет, — бесхитростно ответила Ева, — почему?

— А вот почему! — Я отпустил ее руки, прижал к себе и поцеловал. И Ева обвила мою шею руками и тоже поцеловала меня. Похоже, от всего сердца. И это была лучшая награда для меня.

— Это, наверное, случайное совпадение, — прошептал я минуту спустя, касаясь губами ее уха, — но в ту секунду, когда тебе пришла в голову эта мысль, я решил остаться в их игре.

— Ох, Джим, — вздохнула Ева. И на этот раз она сама поцеловала меня. Машина пошла медленнее. Я беспомощно обругал про себя жесткий график Сатаны.

— Ева, — быстро сказал я, сунув ей в руки ожерелье Сенасерт, — ты знаешь маленького англичанина по имени Баркер? Электрика. Он вроде бы тебя знает.

— Да, — ответила она, широко открыв от удивления глаза, — я знаю его. Но откуда...

— Войди с ним в контакт как можно быстрее, — приказал я ей. — Сейчас у меня нет времени для объяснений. Но Баркеру можно доверять. Скажи ему, что он должен прийти ко мне в первую же ночь после моего возвращения. Правдами и неправдами он должен пробраться ко мне. Ты понимаешь?

Она кивнула, глаза ее стали еще шире.

— Устрой все так, — продолжал я, — чтобы ты тоже была там в эту ночь.

— Хорошо, Джим, — ответила Ева.

Я снова посмотрел на часы. Оставалась минута и сорок пять секунд. Мы использовали их наилучшим образом. Машина остановилась.

— Запомни: Баркер, — прошептал я, открыл дверь и вышел на улицу.

Дверь захлопнулась за мной, и лимузин отъехал. Я стоял рядом с обелиском. Я послушно обошел его кругом. Когда я внимательно оглядывал Пятую авеню, на противоположной стороне, примерно в ста

футах от меня, легко опираясь на тросточку из ротанга, шел джентльмен в точно таком же, как у меня, пальто и такой же шляпе. Мне страшно захотелось выяснить: не это ли мой двойник?

Я двинулся в его сторону, но тут же остановился. Если я последую за ним, я нарушу инструкцию Сатаны. Сейчас мне этого совершенно не хотелось делать. Я неохотно повернул обратно, предоставив ему идти своей дорогой. Я остановил такси и отправился в Клуб.

Яркий свет лился из окон. Меня распирало от радости, прохожие на авеню выглядели необыкновенно веселыми, я чуть было не замурлыкал песенку. Но мысль о Еве отрезвила меня. Яркий свет померк, и песенка умерла. Разум вступил в свои права. Без сомнения, исчезновение ожерелья скоро будет замечено. Двери музея закроют, и никто не сможет уйти необысканным. Возможно, сигнал тревоги прозвучал, едва я успел спуститься на улицу. Вполне вероятно, я был единственным, кому вообще удалось уйти из музея.

А если так, то, естественно, на меня должно было пасть подозрение. Я намеренно привлекал к себе внимание охраны и не только в коридоре, но и в зале, где хранилось ожерелье. Они вспомнят меня. Почему я ушел, проигнорировав происходившее, если у меня не было никаких веских причин? Но какая у меня могла быть причина, кроме как удрать поскорее с этим ожерельем?

А если предположить, что пропажа обнаружится, когда в музее не будет посетителей? По-прежнему мне было нелегко придумать, почему я так быстро исчез из музея, не проявив никакого интереса к случившемуся.

Неужели Сатана упустил что-то в своей сложной игре, сделал ошибку в своих тщательно выверенных расчетах? Или он так все запланировал, чтобы подозрение пало на меня? Хотел он этого или нет, но так оно и должно было случиться. В весьма скверном расположении духа я отпустил такси и вошел в Клуб.

— Быстро вы вернулись, мистер Киркхем, — улыбнулся портье, протягивая мне ключи. Было совершенно ясно, что он нисколько не подозревал, что Киркхем, который вышел отсюда несколько минут назад, и я совершенно разные люди. У меня должен был быть очень качественный двойник, решил я.

— В течение нескольких часов, — сказал я портье, — я буду чрезвычайно занят. Мне нужно кое-что написать, и это требует полной сосредоточенности. И сейчас для меня не существует ничего, совершенно ничего настолько важного, чтобы меня можно было прервать. Возможно, будут телефонные звонки или посетители. Отвечайте всем, что меня нет. Если появятся репортеры, скажите им, что я приму их в восемь часов. Принесите мне все вечерние газеты в семь часов, не раньше. Это должны быть самые свежие выпуски. И кто бы ни звонил, не позволяйте меня беспокоить.

— Я положу в ваш ящик запасной ключ, — ответил он. — Так, пожалуй, будет лучше.

Я прошел в свою комнату и, закрыв ее на замок, быстро осмотрел. На столе лежала накопившаяся за три дня почта. Писем было немного, и ни одного важного, все были распечатаны. Два приглашения спикером на обед. К ним были прикреплены отпечатанные под копирку вежливые отказы. С моей подписью. М-да, по-видимому, способность моего двойника перевоплощаться не ограничивалась только внешним видом и голосом. Я с интересом узнал, что причина отказа — мое отсутствие в те дни в городе. Та-ак... «Где же, черт возьми, я должен быть?» — удивился я.

Рядом с пишущей машинкой лежал объемистый документ. Пролистав его, я выяснил, что это было сообщение о возможных областях залегания полезных ископаемых в Китае. Оно было адресовано тому самому знаменитому адвокату, который прошлой ночью на обеде у Сатаны провозгласил тост за «избежавших проклятия». Исправления и замечания были внесены моей рукой. Я, конечно, понятия не имел, для чего предназначался этот документ, но я был уверен, что если понадобится, адвокат сможет ком-

петентно обсудить его. Моя вера в Сатану снова ожила. Я почувствовал себя увереннее.

Я осмотрел карманы моей одежды, висевшей в стенном шкафу. Нигде не было и клочка бумаги.

Пробило семь часов, и в тот же момент в дверь осторожно постучали. Это был Роберт, ночной портье, с кипой вечерних газет. В его широко открытых глазах я прочел тысячу распивавших его вопросов. Я не мог удовлетворить его любопытство и прокомментировать то, что написано в газетах, потому что как раз из них я и должен был узнать, что мне следует говорить. Но я не мог позволить ему это заподозрить. Поэтому с отсутствующим видом я взял у него газеты и рассеянно закрыл дверь перед его носом.

В первой же развернутой газете мне бросились в глаза заголовки:

ТРИ УБИЙСТВА В МУЗЕЕ МЕТРОПОЛИТЕН, ИСЧЕЗЛА БЕСЦЕННАЯ РЕЛИКВИЯ

На глазах у охраны и посетителей убита женщина. Неизвестный заколол ее убийцу и покончил с собой, когда был пойман.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КИРКХЕМ ЗАДЕРЖИВАЕТ ВОРОВ

Мистическая серия убийств повергла музей в хаос. Благодаря поднятой Джеймсом Киркхемом тревоге двери музея сразу закрыли. Вор спрятал ожерелье египетской принцессы в здании музея и скрылся. Музей будет закрыт до тех пор, пока ожерелье не будет найдено.

Заголовки всех газет кричали одно и то же, различаясь лишь в мелочах. Я принялся читать статьи. И тогда и впоследствии у меня возникало ощущение, будто на меня вылили ушат ледяной воды. Я цитирую наиболее полное сообщение:

Сегодня днем в Музее Метрополитен на глазах у полудюжины охранников и около двадцати посетителей была заколота кинжалом неизвестная женщина. Ее убийца попытался скрыться. Но спутник этой женщины догнал его, сбил с ног и всадил ему нож прямо в сердце. Второго убийцу схватили после непродолжительной погони. Он скончался в течение нескольких секунд после того, как его доставили в служебное помещение музея, где он должен был ожидать полицию. По-видимому, смерть наступила от какого-то сильного яда, который ему удалось бросить себе в рот. Оба убийства и самоубийство произошли около Египетского

зала, где собраны одни из самых великолепных сокровищ музея. Воспользовавшись суматохой, кто-то взломал витрину, где хранилось ожерелье, которое подарил фараон Сенасерт II своей дочери. Это ожерелье — бесценная реликвия прошлого. Тысячи посетителей отдавали дань восхищения этому произведению искусства. Его не удалось вынести из музея благодаря бдительности известного исследователя Джеймса Киркхема. Он приказал закрыть двери музея до того, как кто-либо успел из него выйти.

Но хотя все, находившиеся в музее, были тщательно обысканы, вернуть пропавшее сокровище не удалось. Вероятно, вор был страшно напуган, когда понял, что ему не удастся вынести ожерелье, и спрятал его где-нибудь в укромном месте. Неизвестно, что он собирался делать дальше: проникнуть в музей и забрать ожерелье или просто хотел избавиться от него. Музей будет закрыт для посетителей, пока сокровище не будет обнаружено, а это, благодаря сообразительности Д. Киркхема, только вопрос времени. Ни администрация музея, ни полиция не верят, что существует какая-то связь между произошедшей трагедией и кражей. Скорее всего, подходящая обстановка, возникшая из-за суматохи, породила саму идею кражи.

Пожалуй, я мог бы рассказать им гораздо больше. Как бы дверные петли не заржавели, если они не собираются открывать музей, пока не найдут ожерелье.

Но три жизни за игрушку! Отчаяние сжимало мне сердце. Содрогаюсь от ужаса, я продолжал читать дальше:

В начале третьего в Египетском крыле внимание охранника привлекли женщина и двое мужчин. Они возбужденно спорили, казалось, обсуждая выставку фигурок божков, маленьких деревянных амулетов из захоронений. Женщина была привлекательной блондинкой около тридцати лет, скорее всего англичанка. Мужчины были старше, охранник принял их за сирийцев. Его внимание привлекли удивительная бледность их лиц и необычайно широко открытые глаза.

— Вроде похожи на наркоманов, — предполагает охранник. — Но, с другой стороны, вроде и нет. Их лица были скорее прозрачны, чем болезненно бледны. Да они и не вели себя как наркоманы. Разговаривали вроде вполне разумно. И одеты были отлично.

В конце концов он решил, что это иностранцы, и перестал обращать на них внимание. Через несколько минут один из этих мужчин прошел мимо него, миновал вход в маленький зал, где хранилось ожерелье, свернул в следующий коридор и скрылся из виду. Позднее было установлено, что женщина в сопровождении этого мужчины вошла в музей около половины второго. Гардеробщик тоже обратил внимание на их бледные лица и широко раскрытые глаза.

Женщина продолжала разговаривать со вторым мужчиной. Как выяснилось, он пришел в музей около двух часов. Вдруг

раздался крик. Охранник обернулся и увидел, как мужчина схватил женщину и она пытается защититься от длинного ножа, которым мужчина наносил ей удар за ударом.

Охранник, Вильям Бартон, закричал и бросился к ним. На крик уже сбегались посетители. Они преградили дорогу Бартону, и он не мог стрелять, боясь задеть женщину или кого-нибудь из возбужденных зрителей. Все кончилось в несколько секунд. Нож вонзился в горло женщины! Убийца, размахивая окровавленным клинком, прорвался сквозь толпу зрителей и побежал в том направлении, куда ушел их собеседник. Когда он достиг дверей зала, где хранилось ожерелье, оттуда как раз выбегали посетители. Среди них был один из охранников, наблюдавший за порядком в этом зале. Не желая попасть под руку убийце, люди отпрянули назад, сбивая друг друга с ног. Началась ужасная свалка. Второй охранник попытался прекратить ее. Тем временем на повороте следующего коридора убийца столкнулся лицом к лицу со спутником женщины, бросился на него, но промахнулся и попытался скрыться в оружейном зале. Второй бежал за ним, не отставая ни на шаг, в его руке тоже был нож.

Они схватились, упали, и, катаясь по кафельному полу, каждый старался всадить кинжал в своего врага. Со всех сторон сбегалась охрана и посетители, зал был полон народу.

Все видели, как преследователь взмахнул ножом, раздался нечеловеческий крик — нож попал прямо в сердце!

Убийца вскочил на ноги и, как безумный, бросился бежать, ничего не видя перед собой. Охрана и несколько посетителей — за ним. Он устремился в коридор Египетского крыла. Там его загнали в тупик и повалили на пол. Он был в полуобморочном состоянии. И пока его несли в кабинет директора музея, его тело обмякло и отяжелело. Его положили на пол. Оказалось, он уже был мертв! Он умер от шока или от какого-то сильного быстродействующего яда, который он принял, когда обнаружил, что улизнуть невозможно. Вскрытие покажет, от чего он скончался. Вся трагедия произошла в неправдоподобно короткое время. Меньше пяти минут прошло от первого крика женщины до того, как наступила третья смерть.

Но вору этого времени оказалось достаточно, чтобы в суматохе похитить ожерелье.

Среди посетителей музея в это время оказался известный исследователь мистер Джеймс Киркхем. Он недавно привез из Китая нефриты Йаннана, которые мистер Рокбилт подарил Музею Метрополитен. М-р Киркхем готовил исчерпывающий отчет о возможностях добычи полезных ископаемых в Китае для одного мощного американского синдиката. Он очень напряженно работал над ним последние два дня и испытывал необходимость немного расслабиться. Он решил сходить на пару часов в музей.

Он прошелся до Египетского зала, где хранилось ожерелье, и рассматривал амулеты, выставленные в дальнем углу, когда услышал женский крик. Он увидел, как все, кто находился в комнате, бросились бежать, и поспешил вслед за ними. Как произошли убийства, он не видел, но видел, как схватили второго мужчину.

Озабоченный необходимостью закончить свой отчет, м-р Киркхем решил, что он уже достаточно развеялся, и направился к

выходу. Подозрение возникло у него, когда он уже подошел к дверям музея. Специфика его работы выработала у него острейшую наблюдательность: он вспомнил, что, когда он вслед за всеми торопился к выходу, кто-то метнулся мимо него обратно в зал. Он припомнил также, что вслед за этим раздался резкий шелчок, как будто взламывали замок. Сосредоточив все свое внимание на том, что происходило в коридоре, он сначала не придавал значения своим впечатлениям.

Однако теперь они показались ему очень существенными.

М-р Киркхем тут же повернул обратно и приказал немедленно подать сигнал тревоги, по которому сразу же закрывают двери музея. М-ра Киркхема прекрасно знают в Музее Метрополитен и поэтому ему беспрекословно подчинились. Его профессиональная наблюдательность и умение быстро принимать решения без сомнения сорвали планы вора.

Далее следовало описание того, как обнаружили взломанную витрину, как проверяли, не покинул ли кто музей во время беспорядков или сразу же после, как всех осматривали в кабинете директора, как одного за другим сопровождали к выходу, чтобы никто не мог отступить в сторону и достать ожерелье, где бы оно ни было спрятано. Мне было очень интересно узнать, что, несмотря на протесты директора, я настоял, чтобы меня обыскали тоже! Я добрался до своего интервью — оно было одним и тем же во всех газетах.

— По правде сказать, — приводились якобы сказанные мною слова, — я чувствую себя несколько виноватым в том, что сразу же не придавал значения своим наблюдениям и не вернулся обратно в зал. Возможно, я бы смог схватить вора на месте преступления. Но дело в том, что моя голова уже девятнадцать часов подряд была занята этим чертовым отчетом, который необходимо закончить и отправить сегодня вечером. У меня осталось смутное впечатление, что в комнате было человек двенадцать, но я не могу припомнить, как они выглядели.

Услышав женский крик, я будто очнулся ото сна и направился за всеми почти автоматически. Я уже выходил из музея, когда в моей памяти всплыл этот, совершенный мужчиной украдкой рывок обратно в зал и последовавший за ним шелкающий звук. После этого стало уже совершенно очевидно, что нужно делать. Следовало не выпускать никого из музея, пока не выяснится, все ли на месте. Охранник на входе заслуживает всяческих похвал за быстроту, с которой он подал сигнал тревоги.

Я согласен с директором в том, что не может быть никакой связи между кражей и убийствами. Да и откуда ей взяться? Кто-нибудь, и наверняка это был непрофессионал, потому что профессионал, конечно, понимал бы — такую вещь украсть невозможно, под сиюминутным влиянием решился на этот сумасшедший поступок. И, возможно, следующим его побуждением было

искреннее раскаяние и горячее желание немедленно избавиться от этого ожерелья. Остается только найти, куда он его засунул.

Вы говорите, что это просто счастье для музея, что я вернулся обратно, — улыбнулся м-р Киркхем. — Я думаю, что для меня это еще большее счастье. Я бы не хотел оказаться первым, вышедшим из музея, а может быть, и единственным, потому что кража наверняка скоро бы обнаружилась и вход бы закрыли.

Несмотря на мучавшее его беспокойство, директор музея от души расхохотался.

К этому рассказу еще можно было очень многое добавить, но мое мнимое интервью на этом заканчивалось.

Охранника, давшего интервью, последний раз я видел лежащим ничком на пороге Египетского зала, — он упал на пол от толчка в спину. И в это время кто-то хорошенько саданул мне в ухо. Или может быть что-то? А второй охранник присоединился к погоне.

Одна газетенка высказала «оригинальное» предположение, что вор залез в рыцарские доспехи и умирает там от голода и жажды. Автор, по-видимому, полагал, что рыцарская броня — это железный ящик, в котором можно спрятаться, как в шкафу.

Все сообщения в один голос утверждали, что вряд ли удастся опознать три трупа. Ни в их одежде, ни вокруг них не было обнаружено ничего, что помогло бы установить их личности.

Вот и все, что я прочитал. У меня было полное алиби. Живые шахматные фигурки Сатаны сыграли чрезвычайно точно, включая и тех, которых уже нет. Мне не доставляло никакого удовольствия читать все это. В особенности описание того, как развеселила директора музея сама возможность усомниться в моей честности. Меня передергивало от отвращения, когда я читал об этом.

Но двойник опять сыграл превосходно. Без сомнения, именно он проскользнул мимо меня в музей, когда я нагнулся завязать ботинок, и без видимого перерыва вошел в мою роль там. Это мимо него я прошел около обелиска, когда входил в его роль. Благодаря драке на тротуаре возле музея никто не обратил внимания, как я спустился по лестнице и сел в машину к Бэе. Мое алиби было безупречным.

Трое погибших, которые подняли суматоху в музее, благодаря чему мне удалось украсть ожерелье, служили Сатане за его таинственный наркотик, за кайф. И это подтверждалось описанием их расширенных глаз и бледных лиц. Но мне и не нужны были подтверждения. Слуги Сатаны честно играли доверенные им роли в счастливой уверенности, что наградой им будет вечное блаженство, и не когда-нибудь, а немедленно.

Я перечитал сообщения еще раз. В восемь часов пришли репортеры. Я строго придерживался рамок своего предыдущего интервью. Их визит был чистой формальностью — не так уж много я мог им сказать. И все это время я держал на самом видном месте отчет, якобы столь сильно занимавший меня.

Я пошел еще дальше, продолжая роль своего двойника. Я запечатал свой отчет, надписал адрес и попросил одного из репортеров опустить его в почтовый ящик по дороге в свою газету.

Когда они ушли, я отобедал прямо у себя в комнате. Но через несколько часов, уже лежа в постели, я почувствовал, как зарождается тошнотворный холодок внизу живота. Я готов был поверить, что имею дело с настоящим Сатаной.

Я впервые всерьез испугался его.

ГЛАВА 13

Телефонный звонок разбудил меня рано утром. Звонил портье. Мне принесли срочное письмо, и посыльному было приказано подождать, пока я его прочту. Я попросил передать мне письмо. Я распечатал его и прочел:

«Вы хорошо поработали, Дж. К. Я доволен Вами. Навестите своих друзей в музей сегодня после обеда. Дальнейшие инструкции получите завтра».

Я позвонил портье, чтобы отпустить посыльного, заказал к себе в комнату завтрак и утренние газеты.

Драма была что надо, и все газеты ее муссировали. Сначала меня очень удивило, что они уделяют гораздо больше внимания краже ожерелья, чем двум

убийствам и самоубийству. Потом я понял — это происходило потому, что не было ни малейшего подозрения о связи между убийствами и кражей.

Да и что такое три жизни из многих миллионов? Были — и нет. Осталось еще много, много других. А ожерелье — единственное, уникальное.

Это, без сомнения, был ход, придуманный Сатаной. Для него-то уж точно эти три жизни ничего не значили по сравнению с тем, что он завладел ожерельем. И газеты откровенно поддерживали эту мысль.

Три неопознанные тела оставались в морге.

В музее всю ночь продолжались поиски, но найти ожерелье не удалось. Это были все новости, если, конечно, их можно так назвать.

Я спустился вниз и на какое-то время был втянут в неизбежные обсуждения произошедших событий с постоянными посетителями Клуба.

В час дня посыльный принес мне еще одно письмо. На конверте стоял штамп той самой солидной юридической фирмы, которую возглавлял знаменитый адвокат. В нем был чек на десять тысяч долларов.

В приложенной записке меня благодарили за великолепный отчет. А чек, как было сказано, был оплатой этой, а также будущих услуг. Разумеется, последнее — только как предварительный гонорар. Все прочие работы, которые, возможно, мне предложат, будут соответственно оплачиваться. Опять Сатана сказал правду. Он действительно платил хорошо. Но что это еще за «прочие работы»?

В три часа я отправился в музей. Меня беспрепятственно пропустили. Я ведь до некоторой степени считался героем. Директор был печален, но полон надежд. Когда я уходил, я был еще печальнее, чем он, и не имел никаких надежд когда-либо увидеть здесь ожерелье. Естественно, я очень старался скрыть от него и то и другое. Время шло, но я все еще не получил ни слова инструкции ни от Сатаны, ни от его приближенных. И это меня беспокоило все сильнее.

Предположим, единственное, что он от меня хотел, я сделал, стал больше не нужен ему, и он вышвыр-

нул меня. Однако, хотя бы его владения воистину были Адом, пока там находилась Ева — это был Рай для меня. И я совсем не хотел, чтобы его ворота предо мною закрылись навсегда. Но я не мог взять их штурмом — я не знал, где они находятся. Я почти не спал этой ночью, то сгорая в бессильной ярости, то терзаясь кошмарным чувством невосполнимой потери.

Когда я следующим утром вскрывал письмо Сатаны, мне казалось, что ангел со сверкающим мечом отступил в сторону от запертых ворот Эдема и приветливо кивает мне, приглашая войти.

«В моем загородном доме собирается на несколько дней небольшое общество. Я полагаю, вы найдете его приятным и близким вам по духу. Вы сможете получать свою почту, приходящую на адрес Клуба. Имейте в виду, ответ «нет» я не принимаю. Машина будет ждать вас в четыре часа.

С.»

С виду как будто сердечное и настойчивое приглашение отдохнуть. На самом деле — приказ. Даже если бы я и захотел отказать, я уже был не настолько наивен, чтобы это сделать.

Совість перестала мучить меня. С легким сердцем я отдал распоряжения портье, собрал сумку и с нетерпением ожидал назначенного времени. Ровно в четыре шикарный лимузин остановился напротив Клуба. Вышколенный шофер, одетый в ливрею, приветствовал меня, словно давнего знакомого, взял мою сумку и проводил меня к машине.

В салоне я сразу обнаружил подтверждение тому, что я успешно прошел испытание и признан своим, — занавески были подняты. Мне дозволялось видеть, куда мы едем.

Мы промчались по Пятой авеню, свернули к мосту и въехали на Лонг-Айленд. Примерно через сорок минут мы проскочили въезд на Вандербилскую трассу. Ровно за пятьдесят минут мы пролетели по ней сорок пять миль до озера Ронконкома. Оттуда мы повернули на север к проливу и через Смитстаун выехали на северную дорогу, проложенную вдоль побережья. Только-только миновало шесть, когда мы снова повернули к заливу, и через несколько минут свернули на узкую дорогу, прячущуюся среди густой

поросли сосны и дуба. Через сотню-другую ярдов около небольшого коттеджа нас остановил человек, вооруженный мощным автоматом. Шофер протянул ему какой-то документ. Очевидно, здесь располагалась охрана. Мы проехали примерно с миле или чуть больше до следующего коттеджа, и вся процедура повторилась снова.

Дальше дорога огибала высокую мощную стену. Я понял, что именно о ней и рассказывал Баркер, и был сильно удивлен, что ему удалось через нее перебраться. В шесть тридцать машина остановилась напротив массивных стальных ворот. Шофер посигналил, ворота открылись, мы проехали, и они с лязгом захлопнулись за нами.

За стеной по обеим сторонам дороги стояли низкие куполообразные железобетонные сооружения. Без сомнения, это были воинские укрепления. По их конструкции можно было предположить, что в них находятся тяжелые пулеметы или легкая артиллерия. Несколько человек вышли оттуда, о чем-то спросили шофера, внимательно осмотрели меня через окна машины и пропустили нас дальше.

Мое почтение к Сатане неуклонно возрастало.

Еще через пятнадцать минут машина остановилась у парадного подъезда замка. Как я теперь представлял себе, он находился примерно в десяти милях к Нью-Йорку от Порт-Джефферсона в густом лесном массиве, простирающемся меж ним и Устричным берегом. Дворец был построен в маленькой долине и, возможно, немного был виден с залива, который по моей оценке располагался примерно в трех четвертях мили отсюда. С шоссе его, скорее всего, не было видно, оно лежало довольно далеко, и все пространство до него заросло густым лесом.

Навстречу вышел Конзардине. Мне показалось, он был необычайно рад видеть меня. Он сказал, что мне предоставили новые апартаменты, и добавил, что хочет побыть со мной, если я не возражаю, пока я переодеваюсь к обеду. Я ответил, что его присутствие доставит мне огромное удовольствие. Я действительно так считал, Конзардине нравился мне.

Новые апартаменты также свидетельствовали о моем продвижении по службе: огромная спальня, еще более огромная гостиная и просторная ванная. Обставлены они были более чем великолепно. И в них были окна! Я сразу оценил, как тонко мне дали понять, что я здесь больше не пленник. Высколенный Томас уже ждал меня. Увидев сумку, он откровенно ухмыльнулся — одежда для меня была уже приготовлена и разложена на постели. Пока я мылся и одевался, Конзардине непринужденно болтал.

Сегодня вечером Сатаны не будет. Но он велел Конзардине передать, что я оправдал его ожидания, выполнив все, что требовалось, и завтра он поговорит со мной. На обеде будет много очаровательных людей. После обеда — бридж. Впрочем, если мне не захочется, я могу и не играть, заметил он. Мы ни разу не коснулись событий, связанных с ожерельем, хотя Томас наверняка все знал.

Мне очень хотелось спросить, будет ли на обеде Ева, но я решил не рисковать. Когда же наконец, пройдя сквозь три стены и дважды спустившись в лифтах, мы пришли в столовую, ее там не было.

Всего присутствовало восемнадцать человек. Как и обещал Конзардине, собеседники были интересны, остроумны и занимательны. Более всего мне запомнились потрясающая польская красавица, итальянский граф, японский барон и еще трое, чьи фамилии редко исчезали с газетных полос. Сатана широко раскинул свою сеть.

Это был великолепный обед в прекрасной компании; нет необходимости вдаваться в подробности. Ни о хозяине, ни о делах никто не упоминал. Однако в течение всего обеда я с нетерпением ожидал, когда же я наконец смогу вернуться к себе в комнату и увидеться с Баркером. Знает ли он, что меня переселили в другое место? Сможет ли он до меня добраться? А где Ева? Здесь ли она вообще?

Обед кончился, все перешли в другую комнату, где были расставлены столы для бриджа. Нас было восемнадцать человек — можно было составить четыре партии и двое остались бы свободны. Это дало мне подходящую возможность уклониться от игры. К со-

жалению, этой ситуацией воспользовался и Конзардине и тем расстроил мои планы. Он предложил мне показать некоторые восхитительные уголки дворца. Я, естественно, не мог отказаться.

Мы осмотрели с полдюжины залов и галерей, прежде чем я счел возможным соесться на усталость. Я не буду описывать, что я видел. Это несущественно. Но я был потрясен уникальностью и красотой всего, что там хранилось. Конзардине рассказывал мне, что у Сатаны есть огромнейшие апартаменты, где он держит самые дорогие его сердцу сокровища. А то, что я видел, лишь малая толика всего находящегося здесь.

На обратном пути мы заглянули в зал для игры в бридж. За время нашего отсутствия народу прибавилось, и игра шла еще за несколькими столами.

За одним из них сидела Ева, в паре с ней играл Кохем.

Она равнодушно взглянула на меня, когда я проходил мимо, и безразлично кивнула. Кохем поднялся и дружески пожал мне руку. Мне стало ясно, что зла он на меня не держит. Пока я соображал, с чего начать и как подступиться к Еве, она откинулась на спинку стула и замурыкала навязший в зубах мотивчик, одну из свеженьких джазовых композиций: «Милый, встретимся в полночь, когда часы бьют двенадцать и лунный свет зажигает радость в наших сердцах...»

Мне не нужно было никакого лунного света, чтобы радость вспыхнула в моем сердце. Я понял, что хотела мне передать Ева, — она виделась с Баркером.

Через пару минут я тихонько наступил Конзардине на ногу. Ева вела себя откровенно невежливо: зевала, нетерпеливо перебирала карты. Кохем недовольно посмотрел на нее.

— Так мы играем в бридж или не играем? — довольно грубо спросила она. — Я предпочитаю в полночь находиться в постели.

Это я тоже понял: она еще раз передавала мне свое сообщение.

Я пожелал им спокойной ночи, и мы с Конзардине направились к выходу. В зал ввалилась еще одна небольшая компания и тут же принялась уговаривать нас остаться поиграть.

— Только не сегодня вечером, — прошептал я Конзардине. — Я устал, и меня все раздражает. Уведите меня отсюда.

Он взглянул на Еву и едва заметно улыбнулся ей.

— Мистеру Киркхему нужно поработать, — ответил он им. — А я вернусь через несколько минут.

Он проводил меня в мою комнату, показывая по дороге, как пользоваться панелями и лифтами.

— На всякий случай, — заметил он, — если вы вдруг передумаете и захотите вернуться.

— Я не передумаю, — ответил я. — Я немного почитаю и лягу спать. По правде сказать, Конзардине, я что-то сегодня не могу больше выносить мисс Демерест.

— Я собираюсь поговорить с Евой, — сказал он. — С какой стати вы должны чувствовать себя в ее присутствии постоянно не в своей тарелке?

— Спасибо, не нужно, — отказался я. — Лучше я сам все улажу.

— Дело ваше, — ответил он и добавил, что Томас разбудит меня утром. Сатана, возможно, передаст с ним какое-нибудь сообщение. Если мне понадобится слуга, я могу позвонить по телефону. Почему-то телефон в отличие от звонка вызывал у меня гораздо более теплые чувства и впечатление защищенности. Значит, Томас больше не следит за мной, рассудил я, и меня это очень порадовало.

Конзардине пожелал мне спокойной ночи. И вот наконец я остался один.

Я подошел к окнам. Решеток не было, но снаружи они были затянуты стальной сеткой — вполне эффективная замена. Я погасил везде свет, оставив только одну лампочку, и принялся за чтение. Мои часы показывали десять тридцать вечера.

Было очень тихо. Время едва тащилось. Около одиннадцати я наконец услышал хриплый шепот из спальни:

— Я здесь, капитан. Чертовски рад вас видеть!

Хотя я и был почти уверен, что Баркер придет, мое сердце радостно екнуло — с души словно камень свалился. Я бросился в спальню и схватил его за плечи:

— Боже мой, Баркер! Как я рад тебя видеть!

— Я получил ваше сообщение, — ухмыльнулся он, подмигивая мне своими маленькими глазками. — Сейчас можно не прятаться — никто не посмеет теперь врываться к вам. Вы у Сатаны в большом почете нынче. Что-то вроде члена королевской семьи. Вы отлично сработали, капитан. А я-то уж знаю, что такое хорошая работа.

Он взял сигарету, прикурил и уселся, с восхищением глядя на меня.

— Чудесная работа! Высший класс! — повторил он. — А ведь у вас нет никакого опыта! Даже я не смог бы сделать лучше.

Я поклонился и придвинул к нему графин.

— Это не для меня, — отказался он. — Это то, что надо, если собираешься лечь спать и устроить себе выходной. Но Джон Ячменное Зерно плохой товарищ в такой работе, сэр.

— Я еще новичок, Гарри, — извиняющимся тоном признался я и отставил нетронутый графин. Он одобрительно кивнул.

— Когда мисс Демерест рассказала мне о вас, — продолжал он, — я совершенно обалдел. Приведите его ко мне, сказала она, как только будет возможность. Ночью или днем, неважно, но я хочу видеть его. Только, мол, выберите безопасный момент, не позволяйте ему рисковать. Она чертовски хочет вас видеть, сэр.

— Она недавно передала мне, что вернется к себе около двенадцати часов.

— Хорошо, к этому времени мы там будем, — кивнул он. — У вас есть какой-нибудь план? Я имею в виду, как свернуть ему шею?

Я заколебался. То, что пришло мне в голову, было еще слишком зыбко и неясно, чтобы его можно было назвать планом и выносить на обсуждение.

— Нет, Гарри. Еще нет, — ответил я ему. — Я еще слишком мало знаю о его игре. Здесь необходимо

все взвесить. Я знаю только одно — или я освобожу мисс Демерест от Сатаны, или отправлюсь на тот свет вместе с ним.

Баркер насторожился, как испуганный терьер.

— И если это будет единственный выход, я дам тебе знать, что беру Сатану с собой, — добавил я.

Баркер придвинул свой стул вплотную к моему.

— Капитан Киркхем, — начал он очень серьезно, — такое можно делать только в крайнем случае... В самом крайнем случае, сэр. Я готов сам совершить это, если больше никого не удастся найти.. Если мы больше никого не найдем, кто тоже хочет избавиться от него. Но здесь никто не решится пойти против него, сэр. Никто. Это все равно, что молить Бога, чтобы камень ему на голову свалился или сердце у него лопнуло.

Он немного помолчал.

— Вот так, капитан. И если я или вы попытаетесь прикончить его, можно не сомневаться, что мы отсюда живыми не уйдем. Ни малейшего шанса уцелеть у нас нет. Если не кто другой, так кейф-рабы уж точно об этом позаботятся. Вот так! Вы думаете, нас возьмут за это на небеса? Это просто самоубийство, капитан, и ничего больше. А если они заподозрят, что мисс Демерест хоть что-нибудь знала об этом? Мне даже подумать страшно... Нет, мы должны придумать что-то другое, капитан.

— Конечно, это на тот случай, если другого выхода не будет, — сказал я. — И если до этого дойдет, то я тебя вовсе не собираюсь втягивать. Я все сделаю сам.

— Нет, нет, капитан! — воскликнул он, и его короткая верхняя губа над выпирающими зубами задрожала, лицо болезненно сморщилось, словно он собирался заплакать. — Вы не должны так говорить, сэр. Я всегда буду рядом с вами, на что бы вы ни решились. Черт побери, разве мы не товарищи?

— Конечно, мы товарищи, Гарри, — торопливо ответил я, глубоко тронутый его душевным порывом. — Но если дело дойдет до убийства, тут уж я справлюсь сам. Тебе совершенно незачем подставлять за меня свою голову.

— Да! — огрызнулся он. — Прямо-таки незачем! Ну совсем незачем?! Может, вы думаете, для меня огромное счастье ползать, как крыса, в этих стенах?! Я бы против порядочной тюрьмы и слова не сказал. А это что? Это же настоящий ад! А вы и мисс Демерест для меня точно родные! Незачем! Просто совершенно незачем! Ради Христа, капитан, не говорите так большие.

— Ну, Гарри, я совсем не это имел в виду, — оправдывался я, положив руку ему на плечо. — Я только хотел сказать, что Сатана должен достаться мне. И если самое худшее все же произойдет, постарайся вытащить мисс Демерест отсюда.

— Мы останемся вместе, капитан, — едва слышно ответил он. — Я не отступлюсь, если даже дело дойдет до убийства. Хотел бы я только знать, возьмет ли его обычная пуля...

Последние слова задели меня за живое и снова всколыхнули смущавшие меня сомнения.

— Выбрось это из головы, Гарри, — резко оборвал его я. — Ведь первое, что ты мне сказал, было: «Сатана такой же человек, как ты или я. И нож или пуля запросто отправят его на тот свет». Откуда теперь такие задвиги, Гарри?

— Это была бравада, — едва слышно пробормотал он. — Я трепался, чтобы не было совсем погано на душе. Чтобы не вешать носа, сэр. Я сказал, что он не настоящий Дьявол, но я никогда не говорил, что в нем нет ничего дьявольского. О, Боже, он такой огромный! — закончил он беспомощно.

Мне стало совсем скверно. Я думал, что хотя бы Баркер не испытывает суеверного страха перед Сатаной. И это придавало мне уверенности. А оказалось, все это были лишь слова. Я попытался высмеять его.

— Черт возьми! — с издевкой сказал я. — Ну чего ты, Баркер, хвост поджал? Сатана сказал тебе, что он пришел из Ада, а ты и поверил? Ну, конечно, решил ты, откуда же он еще мог взяться? Я думаю, если бы тебе сказку о Красной Шапочке рассказали, ты бы любую старушку в шали за волка принял? Беги, прячься под кровать, пугливый человечек.

Баркер мрачно посмотрел на меня.

— Он вышел из Ада, — сказал он. — Он знает там все ходы и выходы.

Я начинал злиться. Наверное, потому, что, убеждая Баркера, я сам себя уговаривал. Получалось так, что он вслух произносил мои мысли. Самые скверные мои мысли, которые мне вовсе не хотелось произносить вслух и тем более признавать своими.

— Ну что ж, — ответил я, — если ему удалось внушить тебе это, значит, с тобой он уже справился. Иди, ползай по своим стенам. Ползай и останешься жив. Дьявол он там или нет, но я буду с ним бороться.

Я считал, что обижу этим Баркера. Но, к моему удивлению, он не выказывал негодования.

— И я тоже буду, дьявол он там или не дьявол, — спокойно ответил он. — Хотели посмеяться надо мной, капитан, да? Я же сказал, что всегда буду вместе с вами. Я устал ползать крысой в этих стенах. Вот так, капитан Киркхем.

Меня поразило, с каким достоинством он мне отвечал. Я почувствовал, что краснею. Мне было очень неловко. На самом деле он выказал истинное мужество — он предпочел честно рассказать о своих страхах, он старался избавиться от них и не позволить им завладеть собой. Я протянул ему руку.

— Я чертовски виноват, Гарри... — начал я.

— Не стоит, сэр, — прервал он меня. — Просто вы еще слишком многого не знаете о нем и об этом проклятом месте. А я знаю. Возможно, вам стоит кое-что показать. Вреда от этого точно не будет. Может статься, вы и сами одного или двух волков приметите. Который теперь час?

Он говорил спокойно и твердо. Я удовлетворенно усмехнулся про себя. Удивительная сила духа была в этом маленьком человечке. Он бросил мне вызов, и я принял его. Я взглянул на часы.

— Двадцать минут двенадцатого, — ответил я. — Наше свидание в твоих руках. Веди, Макдуф.

— Ваша рубашка, сэр, — заметил он, — светится, как окно в темноте. Наденьте другой костюм.

Я торопливо переоделся в самый скромный костюм, который нашел в гардеробе.

— Оружие взяли? — спросил он.

Я кивнул, показывая на левую подмышку. В Клубе я восполнил свой арсенал, изъятый Конзардине.

— Положите его в ящик стола, — приказал он.

— Это еще зачем? — изумился я.

— Затем, — ответил он, — чтобы оно вас не ввело в искушение.

— Помилуй Бог! — воскликнул я. — Должна быть весьма веская причина, чтобы я схватился за оружие.

— Может случиться что-нибудь непредвиденное, — заметил Баркер. — И скорее это будет что-либо плохое, чем хорошее. Мы ведь не хотим объявлять всему свету о нашей прогулке, капитан?

Мое уважение к Гарри сильно возросло. Я опустил свой пистолет в ближайшую вазу с достаточно широким горлом, снял кобуру и сунул ее под подушку.

— Ну теперь я не поддамся соблазну, — сказал я. — Ну, а теперь что? И что дальше?

Он полез в карман.

— Галоши, — сказал он, вручая мне пару тапочек из толстой резины. Я натянул их поверх своих туфель. Он полез в другой карман.

— Кастет, — сказал он, протягивая красивую оловянную шутовину. Я надел ее на руку.

— Отлично, — произнес Баркер. — Дальнобойность, конечно, не та, что у пистолета. Но если нас сильно достанут, вы сможете убедиться, что это не плохая штука, — всегда под рукой и бьет быстро и сильно.

— Пошли, — сказал я.

Он погасил свет в гостиной. Совершенно бесшумно вернулся и, взяв меня за руку, подвел к стене спальни.

— Положите руку мне на плечо и идите в ногу позади меня, — велел он.

Я не слышал звука отодвигаемой панели и не увидел и проблеска света. Но панель отодвинулась, так как мгновение спустя я прошел через то, что минуту назад было сплошной стеной. Он остановился, по-видимому, чтобы закрыть проем, затем повер-

нул направо, я последовал за ним. Когда мы снова остановились, я уже насчитал пятьдесят шагов. Коридор оказался довольно длинным. Баркер на мгновение зажег фонарик, и тут же снова наступила полная темнота, словно промелькнул светлячок. Перед нами оказался один из маленьких лифтов. Баркер сжал мою руку и ввел меня в него. Лифт двинулся вниз. Баркер вздохнул как будто с облегчением.

— Это был довольно опасный переход, — прошептал он. — Дальше путь свободен.

Мне казалось, что лифт еле ползет, слишком уж долго мы ехали. Когда он остановился, я решил, что мы где-то очень глубоко под землей.

— Мы идем в его самые потайные апартаменты, — снова зашептал Баркер. — Думаю, даже Конзардине не знает о них. Здесь мы Сатану уже не встретим. И вы сейчас увидите, почему.

Мы выскользнули из лифта, пересекли коридор примерно десяти футов в ширину — темный, как подземная пещера. Как я понял, мы вышли через его противоположную стену в еще один переход и через восемнадцать коротких шагов снова остановились. Баркер прислушался.

Затем передо мной появилась узенькая полоска света. Потихоньку, очень медленно, она расширялась. На ее фоне я различил очертания головы своего спутника. Осторожно, внимательно вглядываясь вперед, он шагнул вперед. Через некоторое время он удовлетворенно кивнул головой, и мы двинулись дальше.

Мы шли по тускло освещенному узкому коридору. Только два человека могли идти в нем рядом. Его стены и пол были выложены черным полированным камнем, который поглощал свет невидимых ламп. Мы были в самом конце этого коридора. Пол постепенно уходил вниз ярдов на сто или даже больше, и там он то ли обрывался, то ли поворачивал, из-за тусклого света и своеобразного эффекта черных стен это трудно было определить.

— Выглядит, как преддверие Ада, правда? — проворчал Баркер. — Через несколько минут вы меня поймете.

Нас неумолимо влекло вниз. Я шел следом за Баркером. Скоро мы добрались до того места, где по моим предположениям должен был находиться поворот. Там действительно был резкий поворот. Дальше коридор вообще не освещался, и его темнота рассеивалась только слабым светом, который доходил сюда из-за наших спин. Я не мог разглядеть, где он кончается. Мы двинулись дальше в сгущающуюся темноту. Пол стал горизонтально ровным.

Неожиданно Баркер остановился, его губы почти касались моего уха:

— Ложитесь! И ни звука, что бы вы ни увидели! Иначе мы не выйдем отсюда живыми. Дышите тише!

Я вгляделся в открывшуюся щель и весь похолодел, волосы у меня на голове зашевелились.

Чуть ниже меня, не более чем в пятидесяти футах, сидел Сатана. Он открывал врата своего черного рая для погибших душ кейф-рабов. Я с первого взгляда понял значение этой сцены.

Чуть подавшись вперед, Сатана сидел на своем огромном черном троне, укрытом пурпурным бархатом и установленном на низком широком помосте. Он был в красных одеждах. Рядом с ним маячило жуткое обезьянье лицо палача Саншалы. Слева от него стояли еще двое с закрытыми вуалью лицами. Один из них держал высокий кувшин, а другой — золотой кубок.

У ног Сатаны поднимался с колен женщина. Еще не старая, светловолосая, она, наверное, когда-то была очень красива. Изумительное тело просвечивало сквозь прикрывавшую его хламиду. Она алчно смотрела на золотой кубок в руках Сатаны. Рот ее приоткрылся, зубы оскалились, она дрожала от страшного напряжения, словно собираясь броситься на него.

Палач ухмыльнулся и со свистом крутанул своим арканом. Женщина отпрянула назад. Сатана поднял кубок над головой. Его звучный и лишенный выражения голос загрохотал, сотрясая своды подземелья:

— Ты, женщина, бывшая Греттой фон Бонхейм! Отвечай, кто я?

— Ты — Сатана, — механически произнесла она.

— Кто я, Сатана?

Она ответила:

— Ты мой Бог!

Я почувствовал, как вздрогнул Баркер. Правду сказать, мне и самому было несколько не по себе. Адский молебен продолжался.

— У тебя не должно быть Бога, кроме меня!

— У меня нет Бога, кроме тебя, Сатана!

— Женщина, чего ты желаешь?

Она прижала сжатые в кулачки руки к сердцу. Ее дрожащий голос был так тих, что я еле расслышал ответ:

— Мужа и ребенка, которых уже нет в живых!

— Я воскрешу их для тебя вновь! Пей!

Едва приметная издевка слышалась в голосе Сатаны. Он иронично смотрел, как женщина выхватила из его рук протянутый кубок и припала к нему губами. Осушив кубок, она низко поклонилась и пошла прочь. Пока я мог видеть ее, поступь ее становилась все тверже, лицо ее осветилось радостью и восхищением, губы шевелились, как будто она разговаривала с кем-то, невидимо идущим рядом с нею. У меня мороз прошел по коже. От того, что я видел, и в самом деле несло какой-то чертовщиной, духом подземного царства. Высокомерие и спесь Сатаны заставляли вспомнить Князя Тьмы. От него действительно исходило что-то адское: я с особенной выразительностью заметил это во время святотатственного молебна. Его горящие глаза, его осанка... Я уже пытался описать это — он был словно механическое чудовище из плоти и крови, ставшееместилищем демона.

Я следил за женщиной, пока она не скрылась из поля моего зрения. Зал был огромный. Через мою щель я мог видеть не более трети. На стенах зала, выложенных розовым мрамором, не было ни орнамента, ни каких-либо навесных украшений. В них были вырублены глубокие ниши, завешенные серебристыми шторами. Из кроваво-красного бассейна бил высокий фонтан, рассыпая вокруг звонкие брызги воды. Повсюду стояли богато убранные лежа из розового камня. На них возлежали мужчины и женщины,

по-видимому, несколько десятков. Даже в поле моего зрения их было около двадцати. Они как будто спали. Потолка зала мне не было видно.

Ударил гонг. Шторы отдернулись в стороны. В каждой нише стояли рабы, снедаемые своей жуткой страстью, они преданно пожирали глазами Сатану. Я невольно поежился.

Сатана поманил кого-то к себе.

Вперед к помосту вышел мужчина. Я принял его за американца из западных штатов. Он был высок, худощав и шел враскачку, как человек, привыкший подолгу сидеть в седле. Его ястребиное лицо из тех, что встречаются в горных местностях, из-за своеобразной бледности и расширенных глаз было похоже на нелепую маску. Безгубый рот придавал ему печальное выражение.

Как и женщина, он пал ниц перед Сатаной. Человек с лицом, скрытым вуалью, державший бокал, поставил его второму — с кувшином. Тот наполнил его какой-то зеленой жидкостью. Затем вручил кубок Сатане.

— Поднимись, — велел Сатана.

Претендент вскочил на ноги, не сводя с чаши горящих глаз. Жуткий ритуал возобновился.

— Ты, мужчина, бывший Робертом Тейлором, отвечай, кто я?

— Ты Сатана!

— Кто я, Сатана?

И опять то же самое богохульное признание:

— Ты мой Бог!

— У тебя не должно быть Бога, кроме меня!

— У меня нет бога, кроме тебя, Сатана!

— Мужчина, чего ты хочешь?

Раб выпрямился. Его лицо исказилось гримасой жестокости, как у палача. Голос утратил свою безжизненность.

— Убить человека, которого я ненавижу... Найти его... Убить его... Убивать его медленно-медленно... Много раз... Разными способами.

— Так ты его уже убил однажды, правда, слишком быстро, — ядовито сказал Сатана.

И добавил безо всякого выражения:

— Я дам тебе найти того, кого ты ненавидишь! Я дам тебе убить его, как ты хочешь! Пей!

Мужчина выпил и ушел. Еще дважды я слышал призывные удары гонга. Еще дважды я видел бледные лица и горящие глаза этих обреченных, появлявшихся из-за серебряных штор и вновь исчезающих за ними. Один испросил власти над миром животных, другой — плотских наслаждений.

Сатана обещал выполнить их просьбы и приказывал им пить зеленый напиток.

Напиток желаний!

Хитроумный дьявольский наркотик, создающий иллюзию исполнившихся желаний. Он натравливает разум на самого себя, заставляет его пожрать самого себя. И в этой дьявольской алхимии постепенно разлагается душа.

Я смотрел на происходящее как зачарованный, позабыв о Еве. Но, к счастью, Баркер обо всем помнил. Закрылась щель, через которую я видел зал. Баркер тронул меня за плечо — мы поднялись и, стараясь не шуметь, пошли вверх по темному коридору. Меня слегка подташнивало.

Не очень-то приятно было наблюдать, как Сатана, словно свинья в грязи, купался в поклонении своих рабов, раздавая любовь и ненависть, темную власть и вождество, с издевательской беспристрастностью подавая каждому то, что тот больше всего желает.

Конечно, это было только иллюзиями, но для того, кто находится под властью наркотиков, они реальнее жизни.

Но, Боже мой, каково будет их пробуждение!

У них останется единственное желание — убежать от действительности, вернуться обратно в мир иллюзий, который может подарить только наркотик! Единственное и самое страстное желание!

Ничего удивительного, что те трое в музее пошли на свою гибель. И если даже Сатана не был тем, за кого себя выдавал, он без сомнения не посрамил честь имени, которое присвоил себе.

Я слепо следовал за Баркером, не пытаясь запомнить дорогу.

— Ну как, — неожиданно прошептал он, — я был прав? Или это не дыра в Ад? Что вы теперь скажете о Сатане, капитан?

Я испуганно отвлекся от своих мыслей.

— Торговец наркотиками, — ответил я. — Логово наркоманов. Вот и все. Я видел притоны курителей опиума в Китае, они таковы, что этот по сравнению с ними — грязная траншея. Но тамошние курильщики ради следующей дозы чикнут тебе глотку с такой же легкостью, как здешние — для Сатаны.

Все эти утверждения не совсем соответствовали истине, но угрызения совести меня не мучили.

— В самом деле? — переспросил Баркер не без цинизма. — Я рад, что вы так думаете. И надеюсь, что вы не измените своего мнения, капитан.

Я, в свою очередь, надеялся, что именно так я и стану думать.

— Молчите, пока не кончится этот переход, — прошептал Баркер. Мы словно привидения двигались по темному коридору. Я смутно помню, что мы несколько раз ехали на лифте. Но я не имел ни малейшего представления, где может находиться моя комната.

— Мы пришли, — пробормотал Баркер. Остановился на мгновение и прислушался. Я полез в карман за своими часами, я сунул их туда, чтобы светящийся циферблат случайно не выдал нас. Я быстро глянул на них. Была половина первого.

Баркер потащил меня вперед. Я уловил нежный аромат духов.

Запах Евиных духов! Мы были в ее комнате.

ГЛАВА 14

— С ума сойти, — неосторожно прошептал я.

Послышался шорох, как будто кто-то торопливо сел на постели.

— Кто здесь? — тихо спросила Ева. — Я сейчас подниму тревогу.

— Это я — Джим, — поспешно ответил я, впрочем, так же тихо, как и Ева.

— Джим! — Зажегся мягкий неяркий свет. — Где же вы были? Я до смерти боялась за вас!

Приподнявшись с подушек, на меня смотрела Ева. Широко открытые карие глаза беспокойно блестели, шелковистая копна волос немного растрепалась. Она была похожа на строгую маленькую девочку, из всех сил сдерживающую свой гнев. Но как она была прелестна! Я еще не встречал никого красивее ее! Каждый раз, когда я видел Еву, она казалась мне все лучше и лучше. «Когда же она перестанет хорошеть?» — про себя удивлялся я. На ней был кружевной пеньюар. Я сразу понял, что с этих пор всю оставшуюся жизнь мое сердце будет биться быстрее при виде розового кружевного пеньюара, даже если он будет висеть в витрине магазина.

Она выскользнула из постели, подбежала ко мне и поцеловала меня. Это было настолько восхитительно, что я замер, забыв обо всем на свете.

Я пришел в себя от странной возни за моей спиной. Гарри с молитвенно стиснутыми руками раскачивался из стороны в сторону. Его полуприкрытые глаза увлажнились, лицо сияло экстатическим восторгом. Он что-то однообразно напевал вполголоса, как влюбленный попугай... Сентиментальный маленький грабитель Гарри.

Ева невольно рассмеялась, увидев его.

— Если ты хочешь сказать: «Благословляю вас, дети мои!» — выходи вперед, Гарри, — беспечно предложила она.

Он недоуменно моргнул, остановился и разулыбался, глядя на нее.

— Вы напомнили мне нас с Мегги, — нежно сказал он, — когда у нас все только начиналось. Эх, согрели вы мне сердце.

— Ну ладно, — сказал я. — Давайте ближе к делу. У нас очень мало времени, а нужно о многом поговорить. Какова вероятность, что нас могут прервать, Ева?

— Почти никакой, — ответила она. — Откровенно говоря, все устраивают вечера в своих комнатах, когда захотят. Поэтому все остерегаются заходить друг к другу без приглашения. Но с другой стороны,

Джим, мне не хотелось бы, чтобы тебя здесь увидели. Мы настолько демонстративно подчеркивали наше отвращение друг к другу... Ты понимаешь, дорогой... Сатане наверняка доложат, что ты здесь был. И первое, что он сделает...

Ей не нужно было продолжать. Я прекрасно знал, что сделает Сатана.

— Да и присутствие Баркера тоже трудно будет объяснить, — добавила она.

— Как ты считаешь, Гарри, — спросил я его, — тебя могут вызвать куда-нибудь? Может, из-за какой-нибудь ерунды на чьей-нибудь вечеринке?

— Нет, если не случится ничего серьезного, — сказал он. — Если меня будут искать в моей комнате, я всегда могу сказать, что работал где-нибудь в другом месте. А Сатана меня точно не будет искать.

— Ну что ж, — сказал я, — все равно придется рискнуть. Давайте выключим свет и будем разговаривать шепотом.

Ева погасила лампу и раздвинула тяжелые шторы на одном из окон. С мутного неба лился слабый свет луны. Вдвоем с Баркером мы отнесли шезлонг в самый дальний темный угол и все трое уселись в него.

Говорили мы долго. Нет ни малейшей нужды приводить хоть слово из этой беседы — мы ни к чему конкретному так и не пришли. Варианты возникали, словно блуждающие огоньки во мраке ночи. Некоторые из них казались великолепными, но через мгновение меркли. То, что я видел в сатанинской молельне, давило на меня тяжелым грузом — я никак не мог сбросить его. И все же я должен был побороть возникшее ощущение бесполезности борьбы. Мы были как три мухи, запутавшиеся в паутине Храма Сияющих Следов. И как только мы выбирались из одной сети, мы тотчас же попадали в другую. Но тепло прижавшейся ко мне Евы, ее отвага, ее вера постепенно возвращали мне уверенность в своих силах. Отсюда был выход. Должен был быть выход.

Прошло больше часа, но мы так и не нашли ни одного пути к нему.

Баркер уже нервно ерзал и становился все рассеяннее и невнимательнее.

— В чем дело, Гарри? — спросил я наконец.

— Мне что-то не по себе, сэр. Не знаю почему, но у меня такое чувство, будто где-то что-то не так.

Это заявление показалось мне довольно смешным.

— По-моему, тебе здесь чертовски хорошо. — Я не смог сдержать смехок. — А мы уже час пытаемся найти способ исправить это положение.

— Нет, — ответил он мрачно. — Я не шучу. Мне очень не по себе. У меня никогда такого не бывает, если не происходит чего-нибудь совсем уж скверного. Мне кажется, пора кончать, капитан, и сматываться отсюда.

Я заколебался. Как я уже сказал, мы так ничего и не придумали. В любой момент кому-нибудь из нас могла прийти мысль, ведущая на верную дорогу. Да и что скрывать, Еву мне тоже покидать не хотелось. Но нельзя было пренебрегать и тем, что маленький человек устал и нервничает. Если бы он ушел и не смог за мной вернуться, я оказался бы в весьма веселеньком положении. Я не имел ни малейшего представления о том, где находятся мои апартаменты и как до них добраться.

— Мы уже решили, чего мы не будем делать, — сказала Ева. — Это звучит малоутешительно, я знаю. Но это действительно некоторый прогресс. Новый день может принести новые идеи. Завтра вечером мы встретимся снова.

— Хорошо, — сказал я. — Мы уходим, Гарри.

По непроизвольно вырвавшемуся у него вздоху облегчения я понял, в сколь сильном напряжении он находился. Ева скользнула к окну и опустила шторы. Комнату заполнила первозданная тьма. Я почувствовал, как ее руки нашли меня и обвили мою шею.

— До завтрашнего вечера еще так долго-долго, Джим, милый, — прошептала она.

— Скорее! — донесся шепот Гарри. — Поторопитесь, капитан.

Я осторожно двинулся в ту сторону, где около стены стоял Гарри.

— О, Боже! — услышал я его сдавленный вскрик.

И такой ужас послышался в его возгласе, что я бросился вперед.

Свет карманного фонарика выхватил из темноты лицо Баркера. Чья-то рука мгновенным, точным, словно змеиным, движением сжала ему горло. Я увидел, как от удушья исказилось его лицо и руки судорожно пытались разжать безжалостную хватку.

Ослепительный свет ударил мне в глаза. Я опустил голову и нырнул вперед.

Но я не успел даже дотронуться до того, кто держал фонарь: круг света упал на ковер и тело Баркера ударило меня, словно сброшенный с высоты мешок с песком.

Я со стоном отшатнулся. В комнате вспыхнул свет.

Прямо передо мной с пистолетом наизготовку стоял Конзардине.

Его глаза были так холодны и беспощадны, словно сама смерть глядела из них. Он перевел взгляд на Еву. Лицо его смягчилось, как будто ему стало легче от того, что не сбылись его самые дурные предчувствия. Но сомнения и подозрительность быстро вернулись к нему. Лицо его снова стало жестким и холодным. Наставленное на меня дуло пистолета не дрогнуло ни разу. Около моих ног вздохнул и заворочался, пытаясь подняться, Гарри. Я протянул руку и поддержал его.

— Что здесь делают эти люди, Ева?

Голос Конзардине прозвучал совершенно спокойно, но мне показалось, что ему стоило большого труда держать себя в руках. По его лицу я догадался, о чем он думал. Сначала он решил, что мы пробрались к Еве с какой-нибудь нехорошей целью. Но потом у него возникли сомнения и в поведении самой Евы.

Я должен был развеять их. Отвести от Евы подозрения. Обыграть первую его идею. Я ответил до того, как она успела заговорить.

— Вы слишком пылки, Конзардине, — сказал я тем же ледяным тоном, что и он. — По-видимому, вы чувствуете себя в полной безопасности со своей пушкой, если позволяете себе бросаться на двух безоруж-

ных людей. Мне было беспокойно, и я решил вернуться поиграть в бридж. Но заблудился в этих ваших чертовых кроличьих клетках. Я встретил этого человека, он сказал мне, что здесь работает. И я попросил его проводить меня обратно в мою комнату. Но он умудрился сделать самую худшую из ошибок — мы попали в комнату мисс Демерест. Дурацкая насмешка судьбы. Поверьте, нам обоим хотелось, чтобы я ушел отсюда как можно скорее. Я полагаю, мисс Демерест соизволит подтвердить мои слова?

Я повернулся к Еве. Я считал, что подкинул ей весьма прозрачную и приемлемую идею объяснения. Конзардине на меня даже внимания не обратил и не обернулся в мою сторону.

— Я вас спрашиваю, Ева. Что здесь делают эти люди? — повторил он.

Ева посмотрела ему прямо в глаза, затем подошла и встала рядом со мной.

— Доктор Конзардине, — сказала она, — мистер Киркхем, как джентльмен, сказал неправду, чтобы спасти меня. На самом деле это я попросила его прийти сюда. И я попросила Баркера проводить его ко мне. Оба они совершенно ни в чем не виноваты, кроме того, что вежливо исполнили мою просьбу. Вся ответственность лежит на мне.

Пистолет в руках Конзардине дрогнул, на висках вздулись вены, кровь бросилась в лицо. Холодная злость явно сменилась неистовым бешенством. Он по-прежнему был очень опасен. Но я сообразил: Ева знала, что делала. Ее внутренний голос указывал ей лучший путь, чем предложил я.

— Вот как! — протянул Конзардине. — Вы думали, что смогли меня надуть! Дурачка из меня сделать! Мне не нравится быть ни дурачком, ни обманутым. Вы давно знакомы?

— С тех пор как вы свели нас. Никогда раньше мы не видели друг друга, — ответила Ева.

— А почему вы послали за ним?

— Чтобы он вытащил меня от Сатаны, — прямо ответила Ева. — Для чего бы еще?

Он впился в нее горящими глазами.

— А почему вы думаете, что он сможет это сделать? — спросил Конзардине.

— Потому что я люблю его и потому что он любит меня, — спокойно ответила Ева.

Конзардине ошалело уставился на нас. Его гнев неожиданно прошел, взгляд смягчился.

— Боже милостивый, — сказал он. — Ну просто «дети в темном лесу».

Ева протянула ему руку. Он взял ее, ласково похлопал по ней своей ладонью. Затем снова внимательно оглядел нас, как будто видел впервые. Он выключил свет, кроме затененной лампы в изголовье Евиной кровати. Подошел к окну, выглянул из-за занавесок и снова вернулся к нам.

— Давайте доведем этот разговор до конца, — предложил он. — Простите, Баркер, что чуть не задушил вас. Извините, Киркхем, что ударил вас. Я сожалею, что я нехорошо о вас подумал. И я очень рад этому. Ева, поверьте, я не шпионил за вами. Я все время думал о вас. Ведь вы еще совсем ребенок. Я заметил, что во время игры вы были очень невнимательны и расстроены. Я решил, что у вас что-то случилось. Я все время думал о вас. Я полагал, что вы, возможно, еще не легли. И, может быть, вам станет легче, если вы поговорите со мной. Я ведь гораздо старше вас — я вам в отцы гожусь. И я должен был вам кое-что сказать. Несколько минут я стоял за стеной, не решаясь войти. Затем решил немного отодвинуть панель и взглянуть, спите вы или нет. Я подумал, что, может быть, вы плачете. И когда я уже хотел отодвинуть ее — она сама открылась и я услышал, как вскрикнул Баркер. Все, что произошло дальше, вы знаете.

Я протянул ему руку. Баркер широко улыбнулся и взял под козырек.

— Мне лучше уйти, сэр? — спросил он.

— Подождите пока, — сказал Конзардине. — Киркхем, вы давно знаете Баркера?

— Он спас мне жизнь, — ответил Баркер. — Из самого Ада меня вытащил. И раз уж мы все тут говорим правду, доктор Конзардине, я решил сделать то же самое для него и его юной леди.

Я кратко описал Конзардине мое знакомство с Баркером. Конзардине одобрительно кивал. Когда я кончил, он заговорил снова:

— Во-первых, вам нужно знать мое положение здесь. Я слуга Сатаны. Я связан с ним определенной клятвой. Я дал эту клятву в полном рассудке, полностью осознавая, что она влечет за собой. Я пришел по своей воле, а не как вы, Киркхем. Я понимаю, что вас принудили дать ему слово, и поэтому вы можете действовать иначе, чем я. Я же не нарушу по доброй воле ни своего слова, ни клятвы. Кроме того, я понимаю, что, если я это сделаю, долго я не проживу. А у меня есть дурацкая тяга к жизни. Я могу обмануть Сатану и лишить его удовольствия помучить меня. Но я не верю ни в какой загробный мир. Зато жизнь временами кажется мне очень привлекательной. Более того, я привык к определенному уровню жизни. Многие мои привычки и пристрастия могут быть удовлетворены только благодаря связи с Сатаной. Если я уйду от него, я не смогу их удовлетворять. И еще... Я был вне закона, когда попал к нему. Я и теперь вне закона, но без его протекции меня бы живо затравили. Это во-первых, а во-вторых — меня сдерживает моя клятва. Таким образом, любая помощь, которую я могу вам обещать, будет носить преимущественно скрытый характер. Я буду предупреждать вас о ловушках, которых следует избегать. И буду закрывать глаза и уши на то, что я могу увидеть или услышать. Как, например, на нашу сегодняшнюю встречу.

— Это все, о чем мы можем просить вас, сэр, — сказал я. — Это даже гораздо больше того, что я смел ожидать.

— Скажу вам прямо, Киркхем, — продолжал он, — я думаю, что вам вряд ли удастся выиграть у Сатаны. Я думаю, что в конце пути, который вы предпочли, — смерть. Я говорю вам так, потому что вы — человек мужественный и должны знать, что я думаю об этом. Я говорю это при вас, Ева, потому что в вас тоже есть мужество, и вы должны решить, дитя мое, нужно ли вам позволять вашему возлюбленному идти

почти на верную смерть, или вам нужно сделать нечто другое.

Я взглянул на Еву: губы ее дрожали, в глазах была невыразимая мука.

— Что это за «нечто другое», доктор Конзардине? — прошептала она.

— Стать мадам Сатана, я полагаю, — ответил я за него. — Пока я жив, этого не будет.

— Это само собой разумеется, — спокойно согласился Конзардине, — но я не это имел в виду... — Он заколебался, быстро взглянул на Гарри и перескочил на другую мысль, или скорее вернулся к началу разговора.

— Понимаете, — сказал он, — я хочу, чтобы вы выиграли, Киркхем. И всеми способами, которые позволят мне не нарушить моей клятвы и не будут угрожать моему пристрастию к жизни, я буду помогать вам. Наконец, я буду просто умыть руки. Но имейте в виду — я слуга Сатаны. Если он прикажет мне схватить вас, я вас схвачу. Если он прикажет мне убить вас, я вас убью.

— Если умрет Джим, умру и я. Если вы убьете его, вы убьете меня, — спокойно сказала Ева.

Именно так она и собиралась поступить. Конзардине понял это и мучительно поморщился.

— И тем не менее, детка, я это сделаю, — ответил он ей.

И я понял, что он поступит именно так. Поняла это и Ева.

— Вы начали... Вы не договорили о другом пути, — запинаясь, пробормотала Ева.

— Я не хочу, чтобы вы выкладывали мне свои планы, Киркхем, — перебил он ее. — Только один вопрос. Вы собираетесь попытаться убить Сатану? По крайней мере, допускаете ли вы такую возможность?

Я заколебался. На этот вопрос отвечать было опасно. В конце концов, Конзардине предупредил меня, насколько ему можно доверять. А что, по его мнению, выходит за рамки его клятвы?

— Я понял, что допускаете, — прервал он мое молчание. — Так вот, вам даже не следует пытаться этого делать. Это единственное, что совершенно не-

возможно. Может быть, вы думаете убить его, когда останетесь с ним один на один? Киркхем, Сатана никогда не остается один. Рядом всегда прячется охрана, в стенах, в потайных местах. Они подстрелят вас еще до того, как вы успеете нажать на курок. И, кроме того, Сатана невероятно быстро соображает. Он схватит вашу мысль еще до того, как она сможет успеть превратиться в действие. Если вы попытаетесь сделать это в присутствии публики, вас свалят с ног до того, как вы успеете выстрелить второй раз, если даже допустить, что вы выстрелите хоть единожды. И потом Сатана нечеловечески живуч. Я не верю, что одна или две пули могут его убить. Это все равно, что стрелять из пистолета в слона. В действительности, однако, вы никогда не сможете даже выстрелить в него.

Мне стало ясно, что Конзардине очень многого не знал. Будь та дыра в стене молельни рабов шириной в полдюйма, а не в четверть, да будь у меня приличная винтовка — я гроша ломаного не поставил бы на то, что Сатана выживет. Если, конечно, предположить, что он все-таки человек.

— Более того, — продолжал Конзардине, словно отвечая на мои мысли, — предположим, что вы делаете то, что я считаю невозможным, — убьете его. Вы все равно не сможете скрыться. Лучше быть убитым сразу на месте. Нигде на всем земном шаре вы не сможете скрыться от мести его людей. И мстить они будут не из страха перед законами, установленными Сатаной. Отнюдь нет. Как он говорил вам, он хорошо платит своим слугам. Вы не представляете себе, для скольких людей его жизнь означает свободу, покой, безопасность, блестящую карьеру, власть и еще очень многое, к чему обычно стремится человек. Сатана — это не только мрак, это еще и великолепие! Его люди разбросаны по всему земному шару. Многие из них занимают высокое положение, о котором вы пока еще можете только мечтать. Разве не так, Ева?

— Это действительно так, — ответила Ева. Ее глаза светились предчувствием горя.

— Учтите, власть Сатаны не из тех, что держатся на спинах угнетенных рабов, — продолжал он. — Естественно, у него есть князья и есть солдаты. Резюмируем то, что я сказал. Я не верю, что вы сможете убить его. Если вы попытаетесь его убить, но промахнетесь, вы умрете страшной смертью. И не спасете Еву. Если вы его убьете, то все равно неизбежно погибнете. Конечно, в этом случае Еву вы от него спасете. Но захочет ли она свободу такой ценой?

— Нет! Нет! — в отчаянии вскричала Ева, заслоняя меня от Конзардине.

— Конзардине, — резко переменял я тему, — почему, когда претендент поднимается по лестнице, Сатана прячет свои руки?

— То есть? Что вы имеете в виду? — Недоуменно воззрился он на меня.

— Я трижды видел его на черном троне, — объяснил я. — Два раза, когда поднимался Картрайт, и один раз, когда поднимался я сам. Он нажимает на рычаг, а потом прячет руки под плащом. Что он там делает, Конзардине?

— На что вы намекаете? Что он нечестно играет? Это абсурд, Киркхем! — насмешливо ответил Конзардине, но я заметил, как сжались его могучие кулаки.

— Я ни на что не намекаю, — ответил я. — Мне хотелось бы понять, в чем дело. Вы, должно быть, не один раз наблюдали, как поднимаются по этой лестнице. Его руки хоть раз были открыты? Постарайтесь вспомнить, Конзардине.

Он молчал. Я понял, что он вспоминает по порядку всех тех, кто всходил по этим ступеням. Его лицо побелело.

— Не могу сказать, — произнес он наконец. — Я не обращал внимания. Но я не думаю, что он всегда их прячет.

Он вскочил на ноги и воскликнул:

— Ерунда! Если он даже их и прячет, это еще ничего не означает.

Я действовал наобум. И оказалось — не зря. Мне удалось найти реальное основание для моих смутных мыслей и неясных подозрений, которые я не решился

выложить Баркеру, мало того, я нашел им подтверждение.

— Ничего не значит? — переспросил я. — И вы верите, что Сатана, который может столь гениально предусмотреть все детали, великолепно разложить все карты, учесть все возможности, — вы верите, что он мог бы оставить хоть одну малюсенькую лазейку, через которую кто-нибудь смог бы пролезть, чтобы управлять им самим? Кто-нибудь хоть раз выигрывал корону и скипетр?

— Да, — в замешательстве ответил Конзардине. — Такие случаи действительно были. И они опровергают ваши сомнения, в которых я сам чуть не запутался. Я уже восемь лет у Сатаны. Три раза я видел, как покорялись эти следы и выигрывались корона и скипетр.

Я был настолько ошеломлен, что не нашелся с ответом. Зато Ева быстро сообразила.

— А что стало с победителями? — спросила она.

— М-да. — Конзардине смущенно взглянул на нее. — Один из них пожелал кое-чего... кое-чего весьма странного. И умер от этого месяцев через шесть.

— Ага, — протянула Ева. — Итак, он умер от своего желания. А остальные?

— Одна женщина погибла в авиакатастрофе между Лондоном и Парижем, — ответил он. — Она умерла на полпути к своей мечте. Даже Сатана не смог ничем ей помочь. Все сгорели дотла.

— Очень печально, правда? — невинно спросила Ева. — Оба погибли. А третий?

— Не знаю, — начиная сердиться, ответил Конзардине. — Я полагаю, что с ним все в порядке. Он уехал в Азию. Я ничего о нем не слышал с тех пор. Он пожелал что-то вроде уединенного карманного королевства, где он мог бы делать все, что ему заблагорассудится. Сатана подарил ему такое королевство.

— Двое умерли, один исчез, — задумчиво произнесла Ева. — Но, может быть, вы все-таки слышали что-то о третьем, доктор Конзардине? Может быть... Может быть, он тоже умер, как и те двое?

— Как заметила Ева, двое из них долго не протянули, — сказал я. — Третий под сомнением. Если бы вы, Конзардине, были на месте Сатаны, разве вам не пришлось бы в голову, что разумно подпитывать в претендентах надежду, показывая им время от времени, что выиграть все-таки можно. Я бы об этом позаботился. И, будучи в шкуре Сатаны, неужели вы не подбирали бы победителей самым тщательным образом? Я бы подбирал. Но я не выбрал бы кандидата, который мог бы прожить долго. А вы? А если бы и взял хорошего, здоровенького, то с мыслью о том, что всегда можно устроить несчастный случай. Как, например, с аэробусом, о котором вы рассказывали.

— Чтоб он провалился! — задохнулся от гнева Гарри. — Свинья такая! Конечно, все это было бы нетрудно устроить! Держу пари, что он так и поступал!

— Что делает Сатана, когда прячет руки под своим плащом? — повторил я.

— И что стало с третьим, выигравшим корону? — пробормотала Ева.

Бисеринки пота выступили на лбу Конзардине. Его трясло.

— Послушайте, Конзардине, — заговорил я снова, — вы сказали нам, что не любите, когда вас обманывают, что вам не нравится, когда из вас делают идиота. А что, если предположить, что Сатана сыграл с вами колоссальную шутку... С вами и со всеми остальными... Что произойдет?

Я увидел, чего ему стоило взять себя в руки. Это меня несколько испугало. В конце концов, я не имел ни малейшего представления, как подтвердить мои смутные догадки. А если Конзардине подумал, что я нарочно морочу ему голову?

Но я говорил правду. У меня были все основания для сомнений. Сатана действительно прятал свои руки. И чем все кончилось для выигравших корону и скипетр, я даже понятия не имел. А Конзардине знал это.

— Баркер, — он повернулся к Гарри, — вы когда-нибудь осматривали механизм, который, как гово-

рит Сатана, управляет выбором следов? Отвечайте! Он в самом деле работает так, как говорил Сатана?

Баркер, ломая руки, жалобно оглядывал меня и Еву. Судорожно сглотнул раз, другой.

— Отвечайте! — приказал Конзардине.

— Господи, помилуй, — Гарри с отчаянием обернулся ко мне. — Еще никогда в жизни мне не хотелось так солгать, как сейчас. Я хотел сказать, что я не видел его. Или что он не управляет этими проклятыми следами. Но, Господи, помоги мне, я осмотрел его весь. Он на самом деле управляет ими, доктор Конзардине. Он работает в точности так, как говорит Сатана!

Ну что ж. Что было, то было. Это разрушало все мои гипотезы до основания. В какой-то момент я надеялся, что маленький человечек окажется дипломатом. Скажет наконец, что ничего не знает. Но я не мог отказать ему в праве говорить правду, если ему так хочется.

— Все в порядке, Гарри, — бодро сказал я. — Именно правду мы и ищем. Я полагаю, то, что ты сказал, все проясняет.

— Я хотел соврать, капитан, — он чуть не плакал, — но не смог.

Неожиданно я обратил внимание, что Конзардине ведет себя весьма странно. Он был совершенно не похож на человека, чья вера в Сатану возродилась с новой силой. Напротив, он выглядел еще более расстроенным, чем раньше.

— Баркер, — сказал он, — вам лучше уйти сейчас. Я сам провожу капитана Киркхема в его комнату.

Гарри тенью проскользнул к одной из стен. С убитым видом он поклонился, панель открылась — и Гарри исчез. Конзардине повернулся к нам.

— Теперь, Ева, я расскажу, что привело меня к вам сегодня вечером. Я уже говорил, что вы не шли у меня из головы. Так оно и было. Мысли о вас не давали мне покоя. Я хотел спасти вас от Сатаны. Я могу предложить конкретный план. Я украл эту идею у Шекспира. Вы помните, что сделал честный монах, чтобы Ромео обрел свою Джульетту и обманул

оба почтенные враждующие семейства, их Сатану, в некотором смысле?

— Глоток лекарства, после которого она стала, словно мертвая, — прошептала Ева.

— Совершенно верно, — кивнул Конзардине. — Я хотел вам предложить что-то в этом же роде. Используя мои медицинские познания, я могу отнять у вас здоровье, красоту и дерзость, точнее, сделать так, чтобы все эти качества временно померкли. Привести вас в такое состояние, которое заставит Сатану изменить свои планы относительно вас, по крайней мере, на ближайшее будущее. И держать вас в этом состоянии, пока он не найдет вам замену для удовлетворения своей потребности в отцовстве. А за это время может много чего произойти. Конечно, здесь есть риск. Большой риск для вас, Ева. Ожидание может оказаться настолько длинным, что я не смогу вернуть вам то, что отнял. Однако, возможно, вы предпочтете такой риск неизбежности попасть в объятия Сатаны. Я собирался предложить вам подумать об этом.

— Подумать? — выдохнула Ева. — Конечно, я согласна на такой риск. О, доктор Конзардине, это кажется мне освобождением!

— В самом деле? — мрачно спросил он. — Я думаю, что теперь это уже не самый лучший вариант спасения. Как вы помните, в первоисточнике, из которого я украл эту идею, произошла трагедия из-за Ромео. Я рассчитывал в предположении, что здесь его нет. Я не знал, что он есть.

— Я не совсем поняла... — удивленно сказала Ева.

— Дитя, — ласково ответил он, взяв ее за руки, — вы хотите расстаться со своим возлюбленным? Никогда не видеть его? Никогда не встречаться с ним? Никогда не общаться с ним? Не недели или месяцы, а годы? Убить свою любовь к нему или оставить ее жить воспоминаниями?

— Нет, — твердо ответила Ева, потряхнув кудрявой головкой.

— Если вы даже и убедите ее пойти на это, Конзардине, что, по-вашему, должен делать я? — Его предложение возмутило и разозлило меня до

глубины души. — Сложить ручки, обратить взор к небесам и кротко шептать: «На все воля Божья»?

— Я никого не уговариваю, Киркхем, — спокойно возразил он. — Я только подсказываю единственную возможность выйти из этого положения. Если бы я сделал с Евой то, что предлагал, что произошло бы? Некоторое время ее бы лечили. Естественно, так, чтобы Сатана мог видеть ее увядание. Потом уход за ней передали бы другим врачам. Симптомы ее болезни невозможно симулировать, они должны быть настоящими. Я не единственный врач в окружении Сатаны. У него в руках много специалистов высокого класса. А если бы их не было, он нашел бы кого вызвать. И найдет, и приведет, если с самого начала не удастся его убедить, что вследствие состояния Евы беременность будет тяжелая и ребенок родится слабый. Простите меня, дитя, что я говорю столь откровенно, но у нас нет времени ходить вокруг да около.

Специалистов я могу взять на себя. Я проведу их. Я могу быть великолепным обманщиком... — Он замылся, вздохнул. — Впрочем, неважно. Но Сатана положил глаз на вас, Ева. Он так легко не отступает от своей цели. Если бы он просто пожелал вас, все было бы не так сложно. Но вы значите для него неизмеримо больше. Вы должны стать матерью его ребенка. Одним только моим словам он не поверит. Он очень многое сделает, чтобы удостовериться в моем диагнозе. И только после этого признает вас негодной для его целей. У него не должно остаться никаких сомнений. С этим сопряжена серьезная опасность для вас, а возможно, и смерть.

Он замолчал и печально взглянул в ее измученные глаза.

— Слишком большой риск, — заметил я. — Сначала я сам попробую, Конзардине.

— Прошу вас, Ромео, — невесело пошутил он. — Вы должны попробовать, Киркхем. Вы должны сделать невозможное. Вы думаете, что жизнь без Евы станет бессмысленна? Правильно я понимаю?

— Я не думаю так. Я это знаю, — ответил я.

— И у вас такое же чувство к Джиму, Ева?

— Да, — прошептала она. — Но чтобы спасти наши жизни, я готова на все...

— Этого не следует делать, — покачал головой Конзардине. — Я знаю и мужчин, и женщин. Независимо от того, на что вы решитесь, Ева, он будет продолжать искать способы и строить планы, чтобы вытащить вас отсюда. Да и вы не такой человек, что будет сидеть, кротко сложа руки, как выразился Джим. Очень может быть, что наша уловка впоследствии раскроется. Тогда мне наверняка придется расстаться с моим дурацким пристрастием к жизни. Мне не хотелось бы принимать в расчет этот вариант. Но предположим, что вам удастся сбежать. Вместе. Вы будете как два зайца носиться по всему свету, преследуемые верными псами Сатаны. Его ищейки всегда наготове. Угроза его кары всегда будет висеть над вами. Разве стоит жить так? А если у вас родится ребенок, Сатана не пощадит и его. Я еще раз вас спрашиваю, разве стоит жить так?

— Нет, — ответил я.

И Ева, горестно вздохнув, покачала головой.

— Что же мы можем сделать? — прошептала она.

Конзардине прошелся по комнате и вернулся обратно к нам. Он остановился прямо передо мной, и я снова увидел, как вздулись вены у него на висках, и его серые глаза снова стали холодного стального цвета. Он трижды легонько пихнул меня кулаком в грудь и сказал:

— Нужно выяснить, что делает Сатана, когда прячет руки!

Он отвернулся от нас, потому что не смог продолжать дальше. Его сотрясала такая ярость, что и я, и Ева с безмолвным изумлением взирали на него.

— Пойдемте, Киркхем. — Ему удалось взять себя в руки.

Он ласково взъерошил Евины кудри и добавил:

— Дети в лесу. — И медленно, медленно пошел к панели — он умел быть деликатным.

— До завтра, — прошептал я Еве.

Ее руки обвили мою шею, губы прижались к моим губам.

— Джим, милый, — прошептала она и отпустила меня.

Выходя через панель, я оглянулся. Она стояла в той же позе, в какой я оставил ее — она протягивала ко мне руки. В глазах ее была мучительная тоска. Она походила на одинокого маленького ребенка, который боится лечь в постель. У меня защемило сердце. Я уже больше не сомневался, что буду бороться до конца. Панель закрылась.

По дороге в мою комнату мы не проронили ни слова. Конзардине вошел вместе со мной и, мрачно взглянув на меня, отрывисто произнес:

— Я надеюсь, вы будете спать в эту ночь лучше, чем я.

Неожиданно я почувствовал, что устал как собака. Настолько устал, что даже не стал выяснять, что он имел в виду. Он вышел. Мне едва удалось раздеться; я уснул, когда голова еще не коснулась подушки.

ГЛАВА 15

Меня разбудил телефонный звонок. Едва проснувшись и еще не до конца осознав, где нахожусь, я схватил трубку. Голос Конзардине, словно ушат ледяной воды, мигом заставил меня очнуться от сна.

— Хэлло, Киркхем, — сказал он. — Я не хотел прерывать ваш сладкий сон. Но не желаете ли вы позавтракать со мной, а потом совершить небольшую прогулку верхом? У нас есть несколько отличных лошадей. Да и жалко терять такое замечательное утро.

— Прекрасно, — ответил я. — Буду готов через десять минут. Как мне вас найти?

— Позвоните Томасу. Я буду ждать. — Он повесил трубку.

Яркие солнечные лучи заливали комнату. Я взглянул на часы. Было почти одиннадцать. Получалось, что я сладко проспал около семи часов. Я позвонил Томасу.

Крепкий сон, купание и яркий солнечный свет были так прекрасны, что тень Сатаны отступила

куда-то бесконечно далеко за пределы этого мира. Насвистывая, я немного виновато подумал, что Ева, возможно, тоже чувствует себя замечательно. Слуга принес мне, как сказал бы Баркер, классный прикид для верховой езды. Он проводил меня в прекрасную старинную залу, выходящую на широкую зеленую террасу. Там за маленькими столиками уже завтракали великолепно одетые милые люди. Человек двенадцать или немного больше. С некоторыми из них я уже встречался накануне вечером. В дальнем углу я увидел Конзардине и присоединился к нему. Это был самый приятный завтрак, в котором я когда-либо участвовал. Казалось, ничто на этой земле не волновало Конзардине. Его несколько сардонический тон очень оживлял беседу. Наш разговор, однако, был невероятно далек от посещения Евиных апартаментов. Настолько далек, что дальше и быть не могло. Конзардине ни разу не упомянул об этом. Следуя его примеру, промолчал и я.

После завтрака мы отправились прямо на конюшню. Конзардине выбрал могучего черного мерина, радостно заржавшего при его появлении. Я оседлал элегантную чалую кобылку. Свежие лошади скакали легким галопом по дорожкам, проложенным среди дубов и сосен. Время от времени мы встречали охрану, которая при виде Конзардине вытягивалась по стойке смирно и отдавала ему честь. Ехали молча.

Неожиданно лес отступил. Конзардине натянул поводья. Мы остановились на голой вершине небольшого холма. Внизу на сотни ярдов простирались сверкающие воды залива.

Примерно в четверти мили от берега дрейфовала великолепная яхта, около двухсот футов длиной и не более тридцати шириной. Яхта сияла белизной, металлические детали оснастки сверкали на солнце золотом.

— «Херувим», — сухо обронил Конзардине. — Это яхта Сатаны. Он назвал ее так потому, что она выглядит такой чистой и невинной. Однако для нее есть куда более подходящее название, правда, неприличное. Между прочим, она может развивать тридцать узлов в час.

Я перевел взгляд с яхты на мощный причал, вдававшийся с берега далеко в море. Маленькая флотилия катеров и быстроходных моторных лодок собралась вокруг него. Почти у самой кромки воды среди деревьев приютился построенный в старинном стиле домик для отдыха во время прогулки.

Я проследил за изгибом берега. В нескольких сотнях футов от пирса громоздились огромные скалы, точнее гигантские валуны, оставленные здесь ледником, некогда покрывавшим эти места. Я внимательно пригляделся к ним.

На одном из валунов в черном плаще со скрещенными на груди руками стоял Сатана, любясь сверкающей на солнце яхтой. Я тронул Конзардине за руку.

— Посмотрите, — прошептал я, — Сата... — Я осекся. На камнях никого не было. Я обшарил взглядом другие валуны, на них тоже никого не было. В мгновение ока Сатана исчез.

— Что вы увидели? — спросил Конзардине.

— Сатану, — ответил я. — Он стоял вон на той скале. Куда он мог подеваться?!

— У него там подземный ход, — равнодушно проговорил Конзардине. — Тоннель тянется от большого дворца к берегу.

Он повернул обратно к лесу. Я последовал за ним. Через час с четвертью мы выехали на прелестную лужайку с весело журчащим ручейком. Конзардине спешился и перебросил поводья через голову своего черного коня.

— Я хочу поговорить с вами, — сказал он.

Я отпустил свою чалую и сел рядом с Конзардине.

— Киркхем, вы до основания разрушили мой мир, — резко начал он. — Вы посеяли во мне ужасные сомнения. Среди нескольких основных принципов, на которых я строил свою жизнь, первым был: игра Сатаны — честная игра. А теперь я не могу в это верить.

— Выходит, вы не доверяете свидетельству Баркера? — спросил я.

— Говорите прямо, Киркхем, — холодно бросил он. — Вы подразумеваете, что Сатана, пряча под

плащом руки, управляет счетчиком со своего черного трона. Если это так, то Баркер, обследуя совершенно другой механизм, никогда этого не заподозрит. Вы сами знаете это. Говорите прямо, прошу вас.

— То, что Баркер может ошибаться, приходило мне в голову, Конзардине, — ответил я. — Но мне хотелось, чтобы вы сами об этом подумали, без моей подсказки. Я и так довольно много вам сказал.

— Слишком много или не очень много, — покачал головой он, — но вы посеяли во мне сомнения. И вы должны избавить меня от них.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что вы должны выяснить правду. И либо вернуть мне веру в Сатану, либо превратить мои сомнения в уверенность.

— А если произойдет последнее?.. — ехидно начал я.

— Вы нанесете ему гораздо более сильный удар, чем сможете сделать ножом или пулей. Вы уже будете не один бороться против Сатаны. Это я вам обещаю.

Голос Конзардине звучал хрипло. Рукоятка кнута неожиданно треснула, сжатая его сильной рукой.

— Конзардине, — мягко начал я, — почему вас так волнует, что игра Сатаны — обман? Насколько я понимаю, вы ближайший к нему человек. И как вы сами говорили, служба у него дает вам все, чего вы желаете. А еще вы рассказывали, что он скрывает вас от закона. Какая же вам разница, честная это игра или нет?

Он сжал мое плечо так, что я поморщился от боли.

— Потому что Сатана приговорил меня к смерти.

— Вас?! — недоверчиво воскликнул я.

— Восемь лет, — продолжал он, — тяготеет надо мной эта угроза. Восемь лет он изводит меня, как ему заблагорассудится. То дает понять, что исполнение приговора близко. То полубещает отменить приговор и дать мне еще одну попытку. Киркхем, я не трус, но все же смерть вселяет в меня ужас. Если бы я был уверен, что жизнь продлится в другой форме, я встретил бы смерть спокойно. Но я знаю, что это

будет бесконечная темнота, забвение, прекращение всего. Что-то во мне восстает против этого, восстает со смертельным ужасом и отвращением. Киркхем, я люблю жизнь.

Однако, если игра была честная, Сатана имеет на это право. Но если здесь кроется обман, значит, все восемь лет он забавлялся мною. Сделал из меня шута и насмеялся надо мной. И, смеясь, будет смотреть, как я, не сопротивляясь, пойду на смерть, которую он выберет, потому что я должен верить, будто к этому меня обязывает моя клятва.

А этого, Киркхем, уже нельзя терпеть. И я этого не потерплю. И никто не потерпит. Я видел многих мужчин и женщин, которые поднимались по ступеням, рискуя всем, поверив слову Сатаны. И я видел, как некоторые из них пошли на смерть так же спокойно, как пошел бы и я. И их честь, как и моя, коренится в бесчестье? Другие не выдерживали: плакали и выли, как Картрайт. А Сатана смеялся. А еще больше таких, как я, живущих с согласия Сатаны. И все это благодаря мошеннической игре?! Если это так, Киркхем, этого нельзя больше терпеть! Нельзя больше терпеть!

Задыхаясь, он вцепился в воротник своей рубашки, словно именно тот душил его.

— О, Боже! — прошептал он. — Я должен расплатиться с ним за это. Если игра была правдивой, я бы с песней пошел на смерть... Но я должен быть уверен, что она была правдивой.

Я подождал, пока Конзардине придет в себя.

— Помогите мне выяснить, правда ли это, — предложил я. — Может оказаться, что одному мне с этим не справиться.

Он отрицательно покачал головой и ответил:

— У вас есть для этого Баркер.

— Я не хочу снова подвергать его риску. — Я решил прикрывать маленького человечка, насколько это будет возможно. — Нужно слишком многое осторожно обследовать, Конзардине. Мы можем нарваться на кого-нибудь не столь благорасположенного, как вы. Втроем мы каким-нибудь образом сможем быстрее выяснить в чем дело.

— Нет, — упрямо ответил Конзардине. — Почему именно я? Это ваша задача, Киркхем. Вы подняли этот вопрос, вы его и решайте. А как вы это будете делать, мне все равно. В конце концов, ваши подозрения основываются на весьма сомнительных данных. Какая-то ерунда и два или три вполне объяснимых несчастных случая. Вероятность того, что вы неправы, неизмеримо выше, чем вероятность того, что вы правы. Зачем я буду ради этого рисковать своей жизнью? Я и так зашел достаточно далеко. Я обещал вам нейтралитет и даже нечто большее. Дальше я идти не хочу. Возьмите Баркера. Я обещаю вам ничего не видеть и не слышать, если встречу вас во время ваших изысканий. Но сейчас я не хочу присоединяться к вам и идти на верную смерть. Если вы не правы, со мной ничего не случится. Если правда окажется на вашей стороне, повторяю вам, вы уже будете не одни.

— Тем временем Майкл Конзардине будет крепко держаться за свое место под солнцем, — иронично заметил я.

Он подозвал своего мерина и вскочил в седло. Мне стало ясно, что дальнейшие уговоры бесполезны. Мы снова въехали в лес и через некоторое время свернули ко дворцу.

Я распрощался с ним на конюшне и пошел к себе переодеться. К подушке была приколота записка от Сатаны. В небрежно написанном послании он выражал надежду, что я наслаждаюсь жизнью, как я того и заслуживаю, и что он увидится со мной в девять часов вечера.

Во второй половине дня ничего существенного не произошло. Чем больше я думал о разговоре с Конзардине, тем больше я проникался сочувствием к его положению. И, что очень странно, мое настроение еще более улучшилось. Я вышел к обеду в весьма беспечном расположении духа. Как и в предыдущую ночь, во главе стола сидел Конзардине. Я сидел рядом с Кохемом, Ева — на другом конце стола, далеко от меня. Она совершенно не обращала на меня внимания. Мне было очень трудно делать то же самое.

Кохем пил много спиртного. По неведомой мне причине он чувствовал себя чем-то мне обязанным. Ни на кого, кроме меня, он не обращал внимания и мне тоже не давал этого делать. Он был довольно интересен, но с течением времени я начал испытывать к нему глубочайшее отвращение. В его понимании жизнь — течение некой электрохимической реакции. Он дал понять, что ни отдельные личности, ни вообще люди ничего не значат для него с точки зрения так называемой гуманности. И очень жестко настаивал на этом.

По-видимому, люди вызывали у него не больше чувств, чем его пробирки для опытов, а может быть, и еще меньше, подумалось мне. И в самом деле, люди представлялись ему чем-то вроде оживших пробирок, с вызывающими минутное любопытство различиями в их содержимом. И он не видел никаких причин, почему в качестве эксперимента их нельзя разбить, опустошить или заменить их содержимое. Он упомянул о нескольких жутких экспериментах с газами на кейф-рабах. Когда я выразил надежду, что опыты будут проводиться только на кейф-рабах, он не подтвердил этого.

Слушая его, я пришел к выводу, что из них двоих Сатана, по-видимому, гораздо гуманнее. Кохем непрерывно пил. Но под действием спиртного его выводы лишь приобретали еще более холодное и бесчеловечное наукообразие.

— В вас заложено слишком много сантиментов, Киркхем, — говорил он. — Может быть, вы думаете, что жизнь священна, — если пользоваться этим жаргоном — и ее нельзя отнять без крайней необходимости? Вздор! Она не более священна, чем свет, который я включаю и выключаю в моей настольной лампе, когда мне этого захочется. Не более, чем ферменты в моих пробирках, которые я выбрасываю, когда они мне больше не нужны. Когда это природа заботилась об индивидуумах? Если бы вы, Киркхем, нейтрализовали в себе слабость, вы могли бы стать великим человеком. Я мог бы помочь вам в этом, если бы вы, конечно, этого захотели.

Я обещал подумать.

В восемь тридцать появился Сатана. Я уже давно прикидывал, где я должен был с ним встретиться. Конзардине уступил ему свое место, и Сатана жестом предложил мне сесть по левую руку от него.

— За моего нового соратника, Джеймса Киркхема, — провозгласил он и поднял бокал.

Пили за меня стоя. Я заметил, что Ева демонстративно села, и точно так же, как будто она подтолкнула его к этому, поступил Сатана.

В восемь сорок пять, словно по сигналу, компания начала расходиться. Через несколько минут остались только Сатана, Кохем и я. Я очень удивился, обнаружив, что Конзардине тоже ушел. Слуги убрали со стола и исчезли по знаку Сатаны.

— Через три дня из Гавра отчалит корабль, — резко начал он, — под названием «Астарта». Тихоходное корыто. Он везет несколько вещей редчайшей красоты. Я считаю, что пришло время потребовать их себе. Там есть одна картина сэра Джошуа Рейнольдса и еще одна, написанная Ромни. А так же двенадцать кубков и кувшин, все из горного хрусталя, восхитительно выгравированные и изукрашенные неограниченными крупными сапфирами и рубинами. Возможно, они были сделаны на древнем Крите для королевы Пасифаи. Во всяком случае, в незапамятные времена. Неведомый гений вложил в них свою душу. Они долго хранились в Кремле. Наконец коммунисты продали их. Еще там есть изумрудное ожерелье, на каждом изумруде выгравирована одна из «Метаморфоз» Овидия. В мире ничего подобного больше не существует.

Он помолчал и затем повернулся ко мне.

— Они должны стать моими, Джеймс Киркхем. Вы и Кохем достанете их для меня.

Я поклонился, ожидая дальнейших подробностей. Я заметил, что, как только вошел Сатана, Кохем совсем перестал пить. По нему было незаметно, что он уже много выпил. Он сидел молча, играя бокалом и не поднимая от него глаз, циничная улыбка блуждала на его полных губах. Я чувствовал, что он незаметно наблюдает за мной, как будто чего-то

ожидая. Я решил, что он уже знает то, что Сатана собирается мне рассказать.

— Я выбрал вас старшим. Не только потому, что это задание может потребовать необыкновенной находчивости, но и потому, что здесь необходимо умение беспрекословно подчиняться приказам. Я сейчас специально подчеркиваю рискованность предприятия, чтобы вы обдумали это. Подробные инструкции вы получите перед отплытием.

Отплытие? Это значит покинуть Еву! Я беспокойно заерзал на месте. Думаю, беспокойство отразилось на моем лице. Во всяком случае, Сатана это заметил.

— Да, — сказал он, — захват драгоценностей должен произойти не на земле после прибытия «Астарты», а в открытом море. Вам придется заняться тем, что предубежденные люди называют пиратством, Джеймс Киркхем. Впрочем, это всего лишь романтическое название.

Он смотрел на меня, в его горящих глаза затаилась злоба.

— Итак, в вас есть романтическая струнка, — снова замурлыкал он. — Я восхищаюсь ею. Потому что она есть и у меня. Поэтому я немного завидую вашему рискованному предприятию.

— Я вам очень признателен за доверие, — улыбнулся я, уверенно встречая его испытующий взгляд. Однако ладони мои взмокли.

— «Астарта», — продолжал он, — пойдет южным путем. Маловероятно, чтобы она попала в сколько-нибудь серьезный шторм в это время года в тех широтах. В день ее отправления вы и Кохем сядете на мою яхту, которой, я заметил, вы сегодня любовались. Кроме команды на яхте будет двенадцать моих любителей кейфа. Они будут использоваться в самом крайнем случае. Но я надеюсь, что этого не произойдет. «Херувим» — не правда ли красивое имя? «Херувим» отправится якобы в прогулочное путешествие вдоль побережья. В первую же ночь яхта сменит свою ангельскую сущность. Уверю вас, херувимами бывают не только мальчики, но и девочки. Она будет искусно преображена в «Морского Волка» — яхту известного и уважаемого финанси-

ста, который в этот момент, ничего не подозревая, будет продолжать свое плавание в Гавану. Это тоже на всякий случай. И, конечно, на всех видных местах название «Херувим» сменится названием «Морской Волк». Через два дня вы встретите «Астарту» в назначенном месте, которое, разумеется, хранится пока в секрете. Ее скорость пятнадцать узлов, ваша — тридцать. Поэтому вы сможете ее остановить, перебросить к себе то, что я хочу, и вернуться сюда на невинном белоснежном «Херувиме». «Херувим» сможет вернуться в порт, по крайней мере, на два дня раньше.

Мне несколько полегчало, хотя до этого было совсем скверно. Из последних слов Сатаны я понял, что он не собирается причинять вреда ни «Астарте», ни ее команде. Иначе он не говорил бы о ее возвращении. Кохем судорожно кашлянул, словно подавляя смех. Его улыбочка стала еще циничнее, чем раньше. Однако его тут же обжег горящий взгляд Сатаны — и Кохем невольно поежился.

— Вы, конечно, продумали, сэр, — сказал я, — как мы должны остановить «Астарту».

— Естественно, — ответил он, — к этому я и перехожу. В это время года на ней обычно не бывает больше ста человек. Некоторые из ее пассажиров мои люди. Но, кроме того, я устроил все так, что пассажиров будет еще меньше, чем обычно. Несколько кают были забронированы туристским клубом. Но очень странно: непосредственно перед отплытием «Астарты» эта броня была снята. Вследствие этого неизбежно возникли новые планы по поводу отправления корабля. Но великодушные представители клуба не стали требовать возвращения уплаченных за броню денег, и пароходная компания была застрахована от убытков. Владельцы ценностей, которые я собираюсь приобрести, были очень обеспокоены и настояли на быстрейшем отправлении «Астарты». Я полагаю, там будет не более тридцати пассажиров, из них, по меньшей мере, десять — мои люди.

Итак, Джеймс Киркхем, мы подошли к развязке вашего приключения. Вторую половину решающего дня вы будете следовать за «Астартой» на расстоя-

нии десяти миль. Ночь будет безлунной. В девять часов в кают-компании «Астарты» начнется ужин. Счастливая маленькая семейная вечеринка для многочисленных пассажиров. Возможно, они все там и соберутся. И еще некоторые офицеры. Вы должны погасить все фонари и приблизиться к «Астарте» на расстояние четырех миль.

С «Астарты» вам подадут сигнал, на который вы должны ответить. В тот же момент два человека, как им и поручено, швырнут несколько бомб в машинное отделение «Астарты». Бомбы будут наполнены газом, изобретенным Кохемом. В тот же момент работа перестанет интересовать персонал, находящийся в машинном отделении. Третий человек из моей команды проскользнет туда и остановит корабль.

Сатана замолчал, испытующе разглядывая меня. Я чувствовал, что и Кохем исподтишка наблюдает за мной. Каким-то чудом мне удалось скрыть ледянящий сердце ужас и заставить свой голос звучать спокойно и равнодушно:

— Хорошо, таким образом мы уберем персонал машинного отделения. Что дальше?

Сатана не отвечал довольно долго, не сводя с меня горящего взгляда, словно пытаюсь просветить меня насквозь. А я представлял, как на полу машинного отделения, задыхаясь, корчатся люди. Изобразив величайшее внимание и заинтересованность проблемой, я выдержал его взгляд. Не знаю, нашел ли он во мне то, что искал, но приводящий меня в замешательство взгляд смягчился.

— Ай-ай-ай, Джеймс Киркхем! — нежно заворковал он. — Убивать совершенно не обязательно. Газ, который я имею в виду, не смертелен. Он только усыпляет. Действие его сказывается почти мгновенно. Ну, не более чем через пять секунд. Но он безвреден. Через шесть часов дышавшие им люди просыпаются. Даже без головной боли. Нет, Кохем, какими кровожадными он нас себе представляет!

Так же, как я прятал свой ужас, я инстинктивно скрыл облегчение и невозможно заметил:

— По-прежнему остаются офицеры и команда. Что делать с ними? Откровенно говоря, Сатана, во всем, что вы сейчас обрисовали, я участвую только как наблюдатель. Мальчик на посылках. Где же романтические пиратские атрибуты?

— Здесь все в ваших руках, — ответил он. — Вы в это время должны подойти вплотную к «Астарте», перебраться туда с Кохемом и приложить все силы, чтобы забрать груз. Возможно, все будет происходить в точности так, как я рассчитал, но все равно потребуется ваше мужество и сообразительность. На «Астарте» будет царить полная неразбериха. Вы должны следить, чтобы ни одна шлюпка не была спущена на воду и никто не удрал с судна. Перед тем, как вы переберетесь на борт «Астарты», капитан и его помощник или оба его помощника пострадают в небольшом инциденте. Нет, нет. Ничего серьезного. Они просто на некоторое время выйдут из строя. Но опять же этого может и не произойти. Тогда вы должны побороть их сопротивление. По возможности без кровопролития. Но так или иначе вы должны нейтрализовать их. Опять-таки все может усложниться погодными условиями. Я думаю, Джеймс Киркхем, вам не покажется там слишком скучно.

Я тоже так считал. У меня возникло чувство, что Сатана чего-то не договаривает.

— В последней инструкции вы получите точные указания, где находится то, что вы должны принести мне, — продолжал он. — Драгоценности хранятся в мощном сейфе в бронированной кладовой. Они настолько ценны, что только капитан знает код сейфа. Не теряя времени, вы должны убедить его дать вам этот код. С вами будет эксперт, для которого сейфы не представляют ничего таинственного. После того как вы получите сокровища, вы должны немедленно покинуть «Астарту» и, прихватив с собой тех моих людей, которые сочтут неудобным остаться, на всех парах возвращаться домой. Это все.

Я задумался на мгновение. Как он предполагает наше общение с его агентами на «Астарте»? Как мы их узнаем? И что мы должны делать на «Херувиме»?

— Вы предусмотрели возможность, что кто-нибудь на «Астарте» впоследствии опознает нас, сэр? — начал я.

— Разумеется, вы все будете замаскированы, — успокаивающе перебил он. Кохем беспокойно заерзал.

— Радиосвязь, — подсказал я. — Я полагаю, она будет выведена из строя до атаки на машинное отделение.

— В этом нет необходимости, — ответил Сатана. — На «Херувиме» сверхмощные передатчики. Сигнал с «Астарты» сразу же будет заглушен, ее радиосвязь подавлена. Ни одно сообщение с нее не сможет пройти сквозь барьер, который выставит квалифицированный радист на «Херувиме».

Я снова погрузился в раздумья. Казалось, все ясно. Однако колющее беспокойство не отпускало меня, а угнетало все сильнее. За гладкими фразами Сатаны крылось что-то страшное, зловещее.

— Я надеюсь, вы удовлетворены своим вознаграждением за рискованное предприятие с ожерельем? — прервал он ход моих мыслей. — Естественно, вознаграждение за новое мероприятие будет больше — пропорционально риску. Приглашение участвовать в нем сильно сократило ваш отдых. А что бы вы сказали о шестимесячном путешествии после этого дельца? Вы сможете отправиться, куда захотите и как захотите, и делать все, что вам вздумается. Плачу, разумеется, я. И позвольте мне добавить — вы можете тратить сколько вам захочется.

— Благодарю вас, сэр, — ответил я, — но я не чувствую необходимости в отдыхе. И, честно говоря, общаться с вами мне бесконечно интереснее, нежели все то, что я могу надеяться испытать вдали отсюда.

Его лицо было по-прежнему непроницаемо, но я почувствовал, что польстил его самолюбию.

— Хорошо, — сказал он. — Посмотрим. Только продолжайте так же, как и начали, Джеймс Киркхем, и у вас не будет повода пожаловаться на мою щедрость.

Он поднялся. Я встал из вежливости, Кохем — из осторожности.

С минуты Сатана разглядывал нас обоих.

— Что вы делаете сегодня вечером? — спросил он меня.

— Кохем предлагал пойти поиграть в бридж, но если у вас есть другие пожелания...

Ничего подобного Кохем не предлагал. Однако он столько всего наговорил, что я надеялся, он поверит, будто так оно и было. Мне совершенно не хотелось сейчас уходить от Кохема. Если Сатана и хотел предложить кому-то из нас составить ему компанию, чего я несколько опасался, то теперь он передумал, кивнул на прощание и направился к стене.

— Было бы неплохо, — обернулся он к нам, уже стоя перед открытой панелью, — если бы вы завтра осмотрели «Херувим». Поближе познакомились с ним. Спокойной ночи.

Кохем с минуту сидел молча, не отрывая глаз от того места, где исчез Сатана.

— Это было чертовски мило свашей стороны, — наконец изрек он. — Не знаю, как вы догадались, но сегодня я уже не в силах переносить Сатану. Чертовски здорово!

Он потянулся за бренди. Я усмехнулся — Кохем все прекрасно помнил и понял мой маневр. Он налил себе половину бокала и выпил залпом, не разбавляя.

— Как не стыдно, — невнятно пробормотал он, — обращаться с вами, точно с ребенком. Обращаться с таким человеком, как вы, как с грудным младенцем. Вы мужчина... Вы мужчина, Киркхем. В вас есть мужество. Зачем обращаться с вами, как с ребенком? Обманывать вас? Черт возьми, Киркхем, вы заслужили правду!

Так! Начинается! То зловещее, что, как я почувствовал, скрывалось за словами Сатаны, готово было сорваться с губ Кохема.

— Выпьем, — предложил я, наклоня графин. — Кто обращается со мной, как с младенцем?

Он свирепо посмотрел на меня. Он уже был пьян.

— Вы думаете, газ усыпит службу в машинном отделении, да? — хохотнул он. — Прелестная маленькая колыбельная для бедных усталых матросов? Миленькая сонная химическая конфетка, сделанная п-напой Сатаной и м-мамой Кохемом? Конечно, Кир-

кхем, вы чертовски правы. Она действительно их усыпит. Навсегда!

Я налил себе еще бренди и неторопливо выпил.

— Ну и что? — спросил я. — Длинный сон или короткий — какое это имеет значение?

Он ошарашенно воззрился на меня и глухо бухнул кулаком по столу.

— Боже мой! Я был прав! Я говорил Сатане, что в вас есть мужество. Я говорил Сатане, что не нужно... не нужно искать ф-ф-формулу, когда имеешь дело с Киркхемом. Он спрашивает: «Какое это имеет значение?» Ха-ха-ха! Выпейте со мной.

Мы выпили. Его трясло от смеха.

— Маски! — хохотал он. — Вы хотите замаскироваться, чтобы когда-нибудь потом люди с «Астарты» не узнали вас! Потом! Ха-ха! Потом! Это замечательно! Просто замечательно! Черт вас возьми, для них не будет «потом»!

Все поплыло у меня перед глазами. Что это он сейчас несет?

— Не совсем точно. Не совсем. Двадцать минут — «потом». Через двадцать минут — бамс! Упадет хорошенькая бомба. Очень по-джентльменски. Очень аккуратная бомбочка. Но мощная. Бамс! И нет днища у «Астарты»! Нет и шлюпок. О них позаботятся любители кейфа. «Астарта» исчезнет без следа. Бамс! Буль-буль, пузыри. Конец!

Он бормотал пьяно и заунывно.

— Не поверил. Не поверил, что можно обмануть старика, Киркхем... Я не поверил, что он подумает, будто Сатана пойдет на риск, чтобы кто-нибудь с «Астарты» встретился с нами «потом». Кто-нибудь рассказал полиции о том, как злые пираты напали на нас в открытом море. Свидетелей — в Ад! Это девиз Сатаны. Оставить еще одну неразрешимую загадку океана. Это наилучший для него выход.

— Прекрасно, — сказал я. — Я чертовски рад это слышать. Именно это меня и беспокоило...

Вдруг в одно мгновение хмель слетел с Кохема. Его лицо вытянулось и побелело. Стакан выпал из рук.

Из темного угла комнаты к нам шел Сатана!

ГЛАВА 16

Это был критический момент. И прескверный. В этом у меня не было никаких сомнений. Соображать нужно было как можно быстрее. Меня не волновало, что будет с Кохемом. Эта бессердечная скотина и без меня отправилась бы в Ад. Но и мне самому грозило сейчас то же самое. Если Сатана подумает, будто я нарочно остался с ним один на один, он тотчас же потребует объяснений. И то, что я не поверил его словам, навлечет на меня наказание.

Хуже всего, что я поймал его на лжи. После этого он, возможно, захочет от меня избавиться. Но это уже второе. Самое главное, что он, как говорят китайцы, «потерял лицо». Если предположение Баркера о происхождении Сатаны верно, ему нанесено непростительное оскорбление. Кроме того, я отлично знал, что он обладает не только дьявольским интеллектом, но и дьявольской гордостью. И сейчас этой гордости был нанесен удар.

Я понял, что единственный шанс избежать наказания — исцелить нанесенную ему рану.

— Ну как? — рассмеялся я. — Я прошел проверку?

И он схватил наживку. А может, решил, что я и в самом деле настолько наивен, что задаю такие вопросы. Этого я не мог узнать. Но почему бы и нет, в конце концов? В известном смысле здесь действительно была ловушка или еще какой-то дьявольский эксперимент, к которым он уже приучил меня и которых я всегда от него ждал.

К тому же я не знал, долго ли он подслушивал. Может быть, он нарочно оставил меня вдвоем с Кохемом, чтобы посмотреть, что получится, и прослушал весь разговор?

А хотя бы и так! Я не произнес ни одного слова, которое могло бы вызвать у него подозрение. В любом случае, только приняв мою идею, он мог спасти свой престиж. Сохранить свое лицо. И он ее принял.

— Вы были правы, Кохем, — сказал он и повернулся ко мне.

— Скажите мне, Киркхем, когда вы заподозрили, что вас проверяют? Мне интересно знать, насколько быстро вы это почувствовали.

Он предложил мне сесть и тяжело опустился на свой стул. Я отвел раздраженный взгляд от Кохема.

— Первое, что насторожило меня, Сатана, — ответил я, — это ваше отношение к «Астарте». Я бы так не стал делать. Только мертвые молчат — это старое доброе правило. Я не отступил бы от ваших инструкций, но я их не одобрял, — добавил я нахально.

Он не сводил с меня глаз во время этой тирады. Я чувствовал, как его воля давит на меня, стремясь выжать всю правду.

— А когда ваше предположение перешло в уверенность? — спросил он.

— Как только вы вошли, — поведал я ему.

Тут я неожиданно для него дал выход своему гневу.

— Я не потерплю больше подобных экспериментов над собой! — заорал я с холодным бешенством, которое не имело никакого отношения к обсуждаемому предмету, но тем не менее было совершенно искренним. — Или вы полностью доверяете мне, или не доверяете вообще! Если я не оправдаю ваше доверие, я готов понести наказание! Но я не желаю больше быть подопытным кроликом, как младенец в психиатрической клинике. И, ей-Богу, не буду!

Я понял, что выиграл. И не только выиграл. Я сильно вырос в глазах Сатаны. Его разгневанное лицо смягчилось, если о нем можно было так сказать.

— Я согласен с вами, Джеймс Киркхем, — спокойно заметил он. — Однако я рад, что устроил вам эту проверку. Теперь я понял, насколько вам можно доверять.

— Я принял решение. И я даю слово, — сказал я довольно холодно. — До тех пор, пока вы будете играть со мной честно, я вам подчиняюсь, Сатана. Поймите это, и вы не найдете более преданного слуги, чем я.

— Я понял, Джеймс Киркхем, — ответил он.

Я решился взглянуть на Кохема. Цвет его лица несколько восстановился. Он с подозрением наблюдал за мной.

— Кохем, — рассмеялся я, — из вас бы получился такой же замечательный актер, как и химик.

— Я всегда очень ценил Кохема, — медленно говорил Сатана. — А сегодня вечером — в особенности.

Я увидел, как Кохем содрогнулся, но притворился, что ничего не заметил. Сатана поднялся.

— Пойдемте со мной, Кохем, — велел он. — Нам нужно кое-что обсудить. А вы... — Он посмотрел на меня.

— Я пойду к себе, — сказал я. — Я уже знаю дорогу.

Сатана неторопливо направился к выходу. Кохем потащился за ним. Один раз Кохем оглянулся и как-то странно, по-собачьи, посмотрел на меня. В его взгляде была благодарность и смертельный ужас.

Я подошел к панели, откуда вела дорога в мою комнату.

— Джеймс Киркхем! — Я обернулся и увидел у противоположной стены Сатану. Его туша полностью загораживала от меня Кохема.

— Сэр? — спросил я.

— Джеймс Киркхем! — сказал он. — Я никогда еще не был так доволен вами, как сейчас. Спокойной ночи.

— Я очень рад, сэр, — ответил я. — Спокойной ночи.

Панель позади него открылась с легким щелчком. Я нажал скрытую пружину, стена отодвинулась. Передо мной оказался маленький лифт. Я вошел в него. Сатана и Кохем уходили через противоположную стену.

Я заметил, как к Кохему направились два кейф-раба с веревками в руках. Моя панель закрылась, но мне казалось, что я вижу, как они связывают ему руки.

Наконец-то я был у себя. Ева будет ждать меня, но сегодняшней ночью мне уже не хотелось предпринимать никаких вылазок. Я убедился, что Сатана проглотил мою наживку. Но Кохема ждало наказа-

ние. Я не мог даже предположить, насколько оно будет сурово. То, что Сатана говорил о полезности Кохема в прошедшем времени, выглядело очень зловеще. Кохем сразу понял угрозу. И то, что я увидел набрасывающихся на него рабов... Сатана может и обо мне вспомнить, независимо от того, что он думает о происшедшем. Возможно, он вызовет меня или даже сам явится ко мне.

Лучше было оставаться на месте. Рано или поздно появится Баркер. Я смогу передать Еве сообщение через него.

Я погасил везде свет, оставил только тусклую лампочку в гостиной, разделся и лег в постель. Я лежал и курил, чувствуя дурноту и наполняясь спасительной жаркой яростью.

Мероприятие с «Астартой» выглядело весьма скверной затеей, даже в интерпретации Сатаны. Откровения Кохема проявили его гораздо более страшную сущность. Естественно, мне придется принять во всем этом участие. Ничего другого не оставалось. Если бы я отказался, погиб бы не только я, но и Ева. А кто-нибудь другой занял бы мое место. По совести говоря, после того, что рассказал Кохем, я обязан был пойти на это дело. Я должен был найти способ избежать жуткого уничтожения «Астарты». Конечно, могло случиться, что я и сам бы погиб. Но нужно было найти способ... Я понимал, что если я останусь в стороне и спокойно позволю пойти ко дну беспомощным людям, я не смогу больше жить в мире с самим собой. Я знал, что и Ева чувствовала бы то же самое.

Я отчаянно надеялся только на то, что мы сможем убрать Сатану до того, как придет время отправляться выполнять его преступное задание.

Внезапно я почувствовал, что в прихожей кто-то есть. Я бесшумно выскользнул из постели и прокрался к шторам. За ними был Гарри.

— Осторожно, Гарри, — прошептал я. — Иди сюда и раскрывай пошире уши. Тут такая каша заваривается!

Я кратко описал ему события дня, от разговора с Конзардине до пьяных откровений Кохема, и то, как

зловеще уводил его Сатана. Маленький человечек содрогнулся при этом.

— О Боже, — пробормотал он. — Кохем сущий дьявол, но мне его жаль. Сатана сделает все, чтобы он больше не болтал. Мы должны быстрее действовать, капитан.

— У меня есть сильное подозрение, что моя работа сегодня — оставаться в этой комнате, — заметил я. — И ты здорово ошибаешься, если полагаешь, что это очень легко, когда меня ждет мисс Демерест.

— Нет, — ответил он, — вы правы, сэр. Я сам должен выяснить все как можно скорее. Это я и пришел вам сказать. Я чуть с ума не сошел прошлой ночью, когда вы догадались, что он что-то делает спрятанными под плащом руками. Честное слово, я чуть не упал, когда это услышал. Вы ошарашили меня. И Конзардине тоже. Мне не следовало уходить от вас, пока я не сообразил бы, как можно все это устроить. Черт возьми, сейчас я готов предложить дюжину способов.

— Хорошо, — прошептал я, — давай короче. Как мы будем выяснять, что он там делает?

— Я над этим ломаю голову весь сегодняшний день, — ответил Гарри. — Как пробраться в храм и осмотреть черный трон? Золотой трон опускается под помост, а черный остается наверху. Два кейф-раба денно и ночно охраняют его. Они сменяются каждые четыре часа. Надо придумать что-то чертовски хитрое, чтобы отвлечь, оторвать их от этого дежурства, капитан.

Попасть в храм — не проблема. За троном полдюжины потайных входов. За десять минут мы бы все выяснили. Но как, черт возьми, получить эти десять минут?! Отвлечь их выстрелами нельзя — сбегутся все остальные и навалятся на нас. Убить их как-нибудь по-тихому тоже нельзя. Как только их найдут мертвыми, Сатана сразу поймет, какая началась игра.

Он помолчал с минуту.

— Вот что! — наконец изрек он. — Если бы только мы смогли упросить сияющего ангела спуститься с небес и поднести им по бокалу зеленого зелья! Они

пойдут за ним, как голодный лев за костью! И больше ничего вокруг себя видеть не будут!

Я обхватил его за плечи, мое сердце бешено колотилось.

— Ей-Богу, Гарри! Ты здорово придумал! — Мой голос дрожал. — Ты знаешь, где он хранит эту гадость? Ты можешь ее достать?

— Конечно, знаю, — ответил он. — И я уже говорил вам, капитан, что меня еще никто не превзошел в моей профессии. Я могу достать зелье, но что дальше?

— Сами будем ангелами, — твердо сказал я. — Оно, по-моему, действует довольно быстро. На сколько времени они уснут?

— Не знаю. Немного больше, немного меньше, это уже не важно. Мы получим наши десять минут, и еще останется... Вот это да! — хохотнул он. — Вот это игра! Если они проснутся до того, как придет смена, они вряд ли станут что-нибудь рассказывать. А если они не проснутся, то у них вряд ли будет возможность что-нибудь сказать. А если их все-таки выслушают, то кто, черт возьми, им поверит?

— Доставай отраву, — кивнул я. — Попробуй получить ее завтра. Только будь осторожен. А сейчас выходи отсюда. Здесь очень опасно. Если тебе удастся задуманное, предупреди мисс Демерест, чтобы она не искала меня сегодня вечером. Скажи ей, чтобы не беспокоилась. Но не рискуй. Гарри, ты просто чудо! Если бы ты был девушкой, я бы тебя расцеловал! Беги!

Он опять хохотнул. В следующее мгновение его уже не было в комнате.

Я прошел в гостиную и погасил тусклый свет. Пожалуй, впервые с тех пор, как я попал в лапы Сатаны, у меня стало легко на душе, исчезли уныние и подавленность. словно мы приоткрыли дверь... Дверь, через которую можно бежать.

Я крепко уснул. Один раз я проснулся среди ночи — мне почудилось, что рядом со мной стоит Сатана и смотрит на меня. Может быть, это был только сон. Но, возможно, он действительно заходил, чтобы разрешить оставшиеся сомнения. В этом слу-

чае мой сон должен был успокоить его: так мог спать только человек, которому не о чем беспокоиться. Я не стал терять времени на раздумья — и тут же снова уснул.

Следующий день прошел довольно быстро. Я встал рано. Когда я одевался, зазвонил телефон. Это был Конзардине. Он передал, что Сатана выразил желание, чтобы я после завтрака отправился на яхту. Он, Конзардине, будет меня сопровождать.

Значит, никаких изменений в планах не произошло. Я по-прежнему годился для роли пирата.

Когда я вошел в зал, где был сервирован завтрак, Конзардине уже ждал меня. Завтракали мы вместе. Мне страшно хотелось узнать что-либо о Кохеме. Но я не задавал вопросов, а Конзардине тоже не вспоминал о нем. Болтая о том о сем, мы спустились к ожидавшей у берега шлюпке. С молчаливого согласия никто из нас не вспоминал о вчерашнем разговоре. Содержание этого разговора, должно быть, более всего занимало мысли Конзардине, впрочем, как и мои. Однако ничего нового мы пока не могли добавить. Он обрисовал свою позицию достаточно ясно.

Ожидавший нас катер сразу помчался к «Херувиму». Внутри яхта была так же прекрасна, как и снаружи. Капитан был приземистый, коренастый, широкоплечий ньюфаундлендец. Он представился мне капитаном Морриси. Возможно, это было его настоящее имя, которое ему дали родители, а может быть, и нет. Скорее второе. Он был прирожденным пиратом. Сотню лет назад он плавал бы под «Веселым Роджером». Первый помощник показался мне очень мрачным парнем откуда-нибудь из Аннаполиса. Команда состояла, на мой взгляд, из самых крутых ребят, которых когда-либо воспитывал Морской корпус.

На борту яхты царила строжайшая воинская дисциплина. В машинном отделении она достигала своего апогея. Машины, выполненные по специальному заказу, были просто чудо. Они настолько заинтересовали меня, что я не заметил, как подошло время ленча. Я не ошибся в капитане Морриси. Он развлекал нас историями о контрабандных перевозках оружия и спиртных напитков, которыми он активно

занимался до того, как познакомился с Сатаной. Для плаваний под черным флагом он опоздал родиться на целых сто лет, поэтому проявлял бешеную активность по отношению к тому, что попадалось под руку сейчас. Но хотя капитан и был в душе пират, он мне понравился.

Когда мы вернулись во дворец, я нашел у себя вызов Сатаны. Полный дурных предчувствий, я отправился к нему. К счастью, ничего плохого не произошло. Я никогда еще столь очаровательно не проводил время. Всего два часа, но каких! Я посетил личные апартаменты Сатаны, его сокровенное хранилище самых прекрасных вещей. Я не могу даже начать описывать ни то, что я там видел, ни атмосферу больших и малых залов, где наслаждалась эта необыкновенная, темная и чуждая мне душа. Все они были храмами, где в настоящих осязаемых и видимых вещах воплощался тот мистический, не поддающийся определению вечный дух, которому всегда поклонялось человечество и который оно всегда пыталось покорить, дух, называемый красотой.

Здесь Сатана был совершенно иным. Он преобразился — ни издевок, ни насмешек ни в словах, ни во взгляде — сама предупредительность и кротость. Он говорил только об окружавших нас сокровищах. Я понял, что он любил красоту гораздо больше, чем власть, что власть для него только способ получать красоту. Пусть он и не был настоящим дьяволом, он чувствовал красоту лучше любого человека, живущего на земле.

Я ушел от него совершенно околдованный. Мне пришлось бороться с предположением, что виденные мной вещи оправдывают те средства, которыми он их добывает. Как бы глупо это ни звучало, но я чувствовал себя чрезвычайно виноватым в том, что задумал против Сатаны. С большим трудом я сдержался, чтобы не сознаться ему во всем, не отдаться на его милость, не поклясться ему. Я думаю, только мысль о Еве остановила меня.

Возможно, это и была его цель. Но снова и снова мне пришлось убеждать себя в необходимости убийства Сатаны. После того как я ушел от него, у меня

вызывала отвращение даже сама мысль о том, чтобы пойти против него. Я могу сказать тому, кто сочтет это плачевной слабостью, что если бы ему самому довелось пройти сквозь эти волшебные чары, послушать идущий от сердца рассказ Сатаны о собранных им чудесах, он перестал бы думать о смерти этого то ли человека, то ли дьявола.

Если это все-таки и была ловушка, я в нее не попался. Но до сего дня я не уверен, что в некоем высшем смысле Сатана не был прав.

За обедом, в компании, мне удалось избавиться от этого наваждения. После азартной игры в бридж я совсем пришел в себя. Я вернулся в свою комнату около полуночи. Еву я не видел целый день. Конзардине вскользь упомянул, что она уехала в город и, вероятно, не вернется этой ночью. Я понял это как намек: идти сегодня к ней — бесполезный риск.

Я улегся спать, надеясь, что придет Баркер, но он не появился.

На следующий день за завтраком я познакомился с несколькими очаровательными людьми. Среди них был австралийский майор, храбрый и обаятельный негодяй. Мы вместе отправились на верховую прогулку. Выбрали мы другую дорогу, не ту, по которой я ездил с Конзардине. На небольшом участке она шла параллельно шоссе. Открытый маленький щеголеватый двухместный автомобиль, словно красивый жучок, жужжал на дороге, направляясь к замку. За рулем была Ева. Она приветливо помахала рукой. Австралийский майор принял это на свой счет и отметил, что проехала чертовски хорошенькая девочка. Все вокруг наполнилось сверкающей жизнью, ведь я мог увидеть Еву сегодня ночью! Больше всего на свете мне хотелось именно этого.

После того как мы отвели лошадей на конюшню, я битый час околачивался вокруг террасы для отдыха, надеясь хоть мельком увидеть Еву, а может, даже и шепнуть ей несколько слов. Около четырех часов явился Конзардине и уселся за столик рядом со мной.

Ему как будто было не по себе. Он выпил два бокала, поговорил о том о сем, но что-то явно не шло

у него из головы. Я не без опасения ждал, когда он заговорит. Наконец он вздохнул, передернул широченными плечами и начал:

— Ну что ж, горькая пилюля не станет слаще, если долго собираться принять ее. Идемте со мной, Киркхем. Сатана приказал.

Я живо вспомнил заявление Конзардине о том, что если его хозяин прикажет, он без колебаний схватит меня. Я был потрясен.

— Это означает арест? — спросил я.

— Отнюдь нет, — ответил он. — Сатана хочет, чтобы вы кое-что... кое-кого увидели. Не спрашивайте, зачем ему это понадобилось. Я не знаю. Возможно, я догадываюсь... Но не задавайте мне вопросов. Пойдемте.

Сильно озадаченный таким оборотом, я пошел за Конзардине. Когда мы наконец остановились, я решил, что мы находимся в одной из башен, и довольно высоко. Мы стояли в маленькой пустой комнате, точнее даже не в комнате, а в склепе. Одна из его стен была немножко закруглена и выдавалась к нам. Конзардине подошел к этой стене и пригласил меня стать рядом. Затем нажал скрытую пружину.

На уровне моих глаз открылось окно размером с квадратный фут.

— Взгляните туда, — приказал он.

Я посмотрел: все было залито ярким, очень неприятным бледно-фиолетовым светом. Я услышал тонкий заунывный звук, тихий, но непрерывный, на одной ноте. Я не настолько музыкален, чтобы определить ноту, но мне показалось, что это напоминало звук, возникающий при полете пчелы. Это тоже было неприятно. Свет и звук сильно действовали на мозг, затуманивая рассудок.

Сначала мне показалось, что я смотрю в какой-то шарообразный зал, где собралась толпа людей, все они стояли лицом к центру зала. Потом я понял, что этого не может быть, потому что все люди находились в одинаковых позах — припав на одно колено. Казалось, что там тысячи коленопреклоненных людей, один за другим, ряд за рядом уменьшаясь, исчезают в бесконечности.

Я посмотрел вправо и влево. Там тоже стояли коленопреклоненные мужчины, но уже в профиль. Я взглянул на потолок: там они висели вниз головой.

Я снова перевел взгляд на стоявших ко мне лицом. Удивительно, как багряно-фиолетовый свет и ноющий звук затуманивали мозг. Из-за них я никак не мог осознать, что происходит.

Через некоторое время до меня дошло, что эти тысячи лиц неотличимы друг от друга.

И каждое лицо — лицо Кохема!

Это было лицо Кохема, искаженное, перекошенное мучительной гримасой, отраженное в тысячах зеркал, которыми были выложены круглые стены и потолок необычного помещения. Сфера примерно семи футов в диаметре была выложена изнутри зеркалами. Все зеркала были сфокусированы на круглой зеркальной плите внизу, на которой и стоял коленопреклоненный Кохем, созерцающий свои бесчисленные отражения, отчетливые и ясные, в этом проклятом багряно-фиолетовом свете.

Вдруг Кохем вскочил на ноги, беспорядочно размахивая руками, как сумасшедший. И тотчас, словно множество роботов, вскочили и замахали руками его бесчисленные отражения. Он повернулся — и они все как один, уменьшаясь ряд за рядом, повернулись следом. Он бросился ничком на плиту. И я понял, что хотя глаза его были закрыты, он все равно чувствует глядящее на него собственное лицо, покоящееся на тысячах затылков, отраженных на потолке. И еще я понял, что ни один человек не сможет долго пробыть в этой комнате с закрытыми глазами, рано или поздно он их обязательно откроет, чтобы смотреть, смотреть, смотреть...

Содрогнувшись, я отпрянул. Это было настолько чудовищно, что можно было потерять рассудок. Спать там было невозможно. Звук волынки изматывал нервы, не давая заснуть. Свет тоже гнал прочь сон, взвинчивая до последней степени и без того напряженные нервы. И бесчисленные множества живых, повторяющих малейшие движения лица отражений медленно и неумолимо сводили с ума.

— Ей-Богу... Ей-Богу... — бессвязно бормотал я побелевшими губами. — Пуля была бы милосерднее, Конзардине...

Он подтащил меня обратно к дыре.

— Просуньте туда голову, — холодно приказал он. — Вы должны увидеть себя в зеркалах, а Кохем должен увидеть вас. Так приказал Сатана.

Я попытался вырваться. Конзардине схватил меня за шею и просунул мою голову в дыру, как щенка суют в миску с водой, заставляя пить.

В этом месте стена была всего лишь пару дюймов толщиной. И моя голова сразу оказалась за ней. Я был совершенно беспомощен. Кохем вскочил на ноги. Я увидел свое лицо, отраженное в зеркалах. И Кохем тоже увидел его. Его глаза перебегали с одного отражения на другое, пытаясь найти оригинал.

— Киркхем! — простонал он. — Киркхем! Заберите меня отсюда!

Конзардине втащил меня обратно и захлопнул окно.

— Вы изверг! Проклятый, мерзкий изверг! — задыхаясь от рыданий, выкрикнул я и бросился на него.

Он схватил меня за руки. И пока я бился, пытаюсь вырваться, и корчился от боли, он удерживал меня с легкостью, так просто, будто я был маленький ребенок. Наконец моя ярость прошла сама собой, так же неожиданно, как и вспыхнула. Я безвольно затих у него в руках, лишь изредка всхлипывая.

— Ну ничего, ничего, приятель, — мягко сказал Конзардине. — Я не отвечаю за то, что вы видели. Я же говорил, что это будет горькая пилюля. Но раз Сатана приказал, я должен подчиниться. Пойдемте, вернемся в вашу комнату.

Я уже ничему не сопротивлялся и молча пошел следом за ним. Сочувствия к Кохему, минуту назад сотрясавшего меня, как не бывало. Скорее всего, он и сам наблюдал за заключенными в этой зеркальной клетке из того же самого окошка. Если бы потребовалось, я застрелил бы Кохема без малейшего сожаления. Но даже трагедия Картрайта не потрясла меня так сильно. То, что произошло с последним,

было ужасно, но в открытую, на людях. И у Картрайта был какой-то шанс вырваться, по крайней мере, так казалось.

Но эта пытка одиночеством в зеркальной клетке... Свет и звук, прогоняющие сон... Медленное убийство человеческого мозга... Здесь происходило что-то настолько чудовищное, что потрясло меня до глубины души.

— Сколько времени это будет с ним продолжаться? — спросил я Конзардине, когда мы вошли в мою комнату.

— Трудно сказать, — мягко ответил он. — Он выйдет из этой комнаты, потеряв память. Он не будет знать ни своего имени, ни кем он был и ничего из того, что когда-либо знал. Он не будет знать об этом ничего отныне и навеки. Как животное, он будет осознавать голод и жажду, холод и тепло. И все. Он будет забывать каждую прошедшую минуту. Он будет жить только настоящим. Лишенная души и разума жизнь пуста. И его жизнь будет такой. Я знаю людей, которые приходили к этому через неделю, другие сопротивлялись три недели. Дольше никто не выдерживал.

Я поежился.

— Я не буду спускаться к обеду, Конзардине, — подавленно сказал я.

— На вашем месте я пошел бы, — мрачно заметил он. — Это будет разумнее. Вы ничем не сможете помочь Кохему. Это, в конце концов, право Сатаны. Так же, как и я, Кохем поднимался по лестнице и проиграл. Он жил с соизволения Сатаны. Кроме того, Сатана будет следить за вами. Он захочет узнать, как вы восприняли это свидание с Кохемом. Соберитесь с силами, Киркхем. Спуститесь вниз и будьте веселым и жизнерадостным. Я скажу ему, что этому замечательному парню было только лишь интересно посмотреть на его экспонат. Или вы хотите, чтобы он узнал о ваших настоящих чувствах? Где ваша гордость? И, помимо всего прочего, такое поведение будет опасно для любых ваших планов. Это уж точно.

— Оставайтесь со мной до обеда, Конзардине, — попросил я. — У вас есть время?

— Я и собирался остаться, — ответил он, — если вы захотите. Я думаю, что нам обоим не мешает немного расслабиться и выпить чего-нибудь.

Когда я наливал виски, я увидел свое отражение в зеркале. Стакан в моей руке дрогнул, виски разлилось.

— Мне никогда больше не захочется смотреть в зеркало, — заметил я.

Конзардине налил мне новую порцию.

— Хватит об этом, — оборвал он меня. — Выбросьте все из головы. Если Сатана будет на обеде, непременно поблагодарите его за приобретенный опыт.

Сатана на обеде не появился. Я надеялся, что он получил нужное сообщение о моем поведении. Без сомнения, так оно и было. Я был достаточно весел, чтобы удовлетворить Конзардине. И пил безрассудно много.

Ева сидела за столом. И я заметил, как время от времени она озадаченно поглядывала на меня.

И если бы она знала, насколько наигранна была моя веселость, какое черное отчаяние сжимало мне сердце, она удивилась бы еще больше.

ГЛАВА 17

Я отказался от игры в бридж и долгое время провел за обеденным столом в немногочисленной компании. Только около двенадцати я вернулся к себе. У меня было такое предчувствие, что сегодня ночью я обязательно увижу Баркера, независимо от того, удалось ему достать зелье или не удалось.

Как только я остался один, воспоминания о Кохеме и зеркальной клетке нахлынули на меня с новой силой. Зачем понадобилось Сатане, чтобы я увидел пленника? И зачем ему было нужно, чтобы я увидел себя в этих проклятых зеркалах? И почему он решил, что Кохем должен меня увидеть?

На первые два вопроса мог быть только один ответ — это было предупреждение Сатаны. Следовательно, мои объяснения не полностью его удовлетво-

рили. Но почему же тогда он не принял более жестких мер? Сатана никогда ничего не оставлял на волю случая. Он не стал бы рисковать. И если он решил не принимать крайних мер, значит, он был удовлетворен. И тем не менее хотел предупредить меня о том, что может произойти, если когда-нибудь он не будет мной удовлетворен.

Зачем Сатане понадобилось, чтобы Кохем увидел меня, если он все равно лишится памяти, мне было совершенно непонятно. Казалось бы, это была просто прихоть. Но, опять-таки, прихотей, как любит говорить Сатана, без причины не бывает. С беспокойной душой я гнал от себя эти мысли.

Ликующий шепот донесся из спальни в половине первого:

— Я достал, капитан!

Пока я шел в спальню, нервозность моя совершенно прошла. Я чувствовал только какую-то боль в горле. Наступил решающий момент. Отступить было некуда. Я готов был к игре. И нашим партнером была смерть в свойственном ей скверном обличье.

— Он здесь! — Баркер сунул в мои ледяные пальцы склянку в полпинты. Она была наполнена такой же зеленой жидкостью, какую давал Сатана своим рабам в мраморном зале.

Прозрачная жидкость искрилась, словно в ней плавали микроскопические частицы, отражавшие свет. Я откупорил флакон и понюхал. Запах был несколько едкий, даже мускусный. Я собрался было попробовать зелье, но Баркер остановил меня:

— Держитесь от этого подальше, капитан. Эту дрянь уж точно в Аду варят, а вы и так недалеко от него.

— Хорошо, — ответил я, закупоривая пузырек. — Когда пойдем?

— Прямо сейчас, — ответил он. — В полночь они сменили охрану в храме. Безопаснее всего отправляться прямо сейчас. Ах да...

Он полез в карман.

— Я подумал, что неплохо прихватить с собой какую-нибудь бутафорию, — улыбнулся он.

Он достал две золотые чаши, в которые наливал зелье кейф-раб с закрытым вуалью лицом, державший кувшин.

— Тебе трудно было достать это зелье, Гарри? — спросил я.

— Я просто взял и ушел, — сумрачно ответил он. — Мне не хочется думать о том, что придется возвращать эти чаши обратно. Хотя, по-видимому, придется их вернуть. Ну ничего, все будет хорошо, — с надеждой добавил он.

— Конечно, Гарри, — бодрым голосом сказал я.

Он явно колебался.

— Капитан, — наконец заговорил он, — я не хочу скрывать от вас: у меня такое чувство, что мы идем в комнату, где в каждом углу сидит по сотне гадюк.

— Думаешь, мне лучше, Гарри? — весело ответил я. — Мне, может, кажется, что там ковер из змей и занавески из скорпионов.

— Ладно, — хмыкнул он. — Пошли, что ли.

— Конечно, пошли, — ответил я.

Я погасил лампу в гостиной. Из стены в спальне мы вышли в тускло освещенный коридор. Чуть дальше по коридору был лифт. В нем мы спустились вниз и вышли в длинный переход, перпендикулярный первому. Пересекли его — и снова вошли в лифт. Еще один короткий спуск, и мы оказались в темном, идущем под уклон переходе. Здесь Гарри взял меня под руку и повел. Вдруг он остановился и на мгновение осветил своим фонариком стену. Нажал пальцем на какую-то кнопку. Я не смог разобрать, каким образом он определил ее местоположение, но маленькая панель скользнула в сторону. За ней открылась щель, из которой торчало несколько переключателей.

— Световой контроль. — Губы Баркера почти касались моего уха. — Мы как раз за стулом, на котором вы сидели. Ложитесь.

Я растянулся на полу. Он мягко опустился рядом. Другое окошко, около шести дюймов шириной и фут высотой, открылось бесшумно и быстро, как затвор фотоаппарата.

Я заглянул в храм.

Щель, в которую я смотрел, находилась на уровне пола. Ее не было заметно из-за техники, которая приковывала меня к стулу, когда Картрайт взбирался навстречу своей гибели. Вытянув шею, я мог разглядеть между ножками стула горизонтальный срез всего огромного храма.

Яркий свет лился прямо на черный трон. Он был пуст, но все равно выглядел угрожающе. Футах в двенадцати по обе стороны от него стояли кейф-рабы. Высокие крепкие парни, одетые в белые хламиды, держали наготове свои арканы. На ярком свете их бледные лица казались совершенно белыми. Недремлющие, лишенные зрачков глаза настороженно глядели вокруг.

Я уловил свет голубых глаз сатанинского двойника, выбитого в камне на стене за черным тронном. Мне показалось, что они весьма злобно смотрят на нас. Я поспешно отвел взгляд и попытался рассмотреть дальнюю часть храма.

Сейчас она тоже была ярко освещена, и я понял, что она даже больше, чем я предполагал. Черные сиденья поднимались вверх полукруглыми рядами, я прикинул, что их по меньшей мере сотни три.

Щель, через которую я смотрел, закрылась. Баркер тихонько подтолкнул меня — я встал с пола.

— Давайте наркотик, — прошептал он. Я передал ему флакончик с зельем. Чаши были у него.

Он еще раз осветил фонариком переключатели, взял мои руки и положил на два из них.

— Считайте до шестидесяти, — велел он. — Потом поверните ручки. Погаснет весь свет. Держите их, пока я не вернусь. Начинайте так: один... два...

Он выключил фонарик. Я понял, что он ушел, хотя не услышал ни звука. При счете шестьдесят я повернул ручки. Мне казалось, что я целую вечность стоял в темноте, хотя прошло не более трех-четыре минут, когда так же бесшумно, как и уходил, вернулся Баркер. Он убрал мои руки и вернул переключатели в прежнее положение.

— Ложитесь, — тихо приказал он.

Мы растянулись на полу, и он снова открыл наблюдательную щель.

Охранники стояли на прежнем месте у черного трона. Они щурились от слепящего света, столь неожиданно вновь вспыхнувшего. Они дрожали от нервного напряжения, как охотничьи собаки в предчувствии добычи. Крутили свои арканы и тщательно оглядывали храм.

На черном троне я увидел два золотых кубка с наркотиком.

В ту же минуту их заметили и рабы.

Они недоверчиво уставились на чаши, потом посмотрели друг на друга. Словно два одновременно включенных автомата, движимые одним импульсом, они жадно шагнули к трону. И снова остановились, глядя на искрящуюся перед ними приманку. На их лицах появилось то самое выражение смертельной жажды, которое я уже наблюдал в храме. Они уронили свои веревки и бросились к трону.

Схватили золотые чаши и судорожно припали к ним.

— Слава Богу! — пробормотал Гарри. Он тяжело дышал и дрожал, как будто вынырнул из ледяной проруби. Да и я выглядел, вероятно, не лучше. В том, как эти двое бросились к зеленому зелью, было что-то отвратительное и жуткое. Чудовищное желание, застилающее их больной мозг, сметало на своем пути все побуждения и страхи, которые еще могли быть у них, кроме одного — желания пить!

Они отошли от черного трона, не выпуская золотых кубков из рук. Сначала один, а потом и второй опустились на ступени. Глаза их закрылись. Тела расслабились. Но пальцы по-прежнему сжимали чаши.

— Пора! — сказал Баркер. Закрыв смотровую щель, поставил на место щиток, прикрывавший переключатели, и быстро повел меня по темному коридору, резко свернув за угол. Я уловил едва различимый шорох. В лицо мне ударил яркий свет, лившийся из открывшейся щели.

— Быстрее! — проворчал Баркер, подталкивая меня вперед.

Мы оказались на помосте, стоявшем за черным тронном. Чуть ниже развалились оба охранника. Семь следов на ступенях настороженно мерцали.

Баркер встал на колени. Рычаг, которым Сатана включал механизм, управляющий следами, лежал в углублении, вырубленном в камне. Проворные руки Баркера колдовали над ним. Затем он отодвинул узкую пластинку, под ней оказался зубчатый механизм. Он что-то в нем повернул. Счетный шар спустился с потолка.

Баркер осторожно освободил рычаг. Установил его вертикально, затем нажал вниз так же, как это делал Сатана. Я не услышал жужжания и сразу понял, что маленький человечек как-то умудрился избавиться от него.

— Нужно, чтобы вы спустились вниз и поднялись по следам, капитан, — прошептал он. — Живее, сэр! Наступайте на каждый след.

Я быстро сбежал вниз по лестнице, повернулся и начал подниматься наверх, твердо ступая на каждый след.

Добравшись до конца лестницы, я обернулся к счетному шару. На светлой половине было три следа, на темной — четыре. У меня сжалось сердце.

— Веселее, капитан, — подбодрил меня Гарри. — Вы, и правда, как будто упали духом. Совершенно напрасно. Я этого и ожидал. Подождите минутку.

Он снова ощупал зубчики, потом лег на живот. Его голова почти скрылась в проеме, где был установлен механизм.

Вдруг он с приглушенным вскриком вскочил на ноги. Лицо его покраснелось, глаза сияли. Он, как возбужденный терьер, бежал черный трон, тщательно осматривая и ощупывая его.

Неожиданно он уселся на трон и начал нажимать то тут, то там что-то по краю сиденья.

— Идите сюда, — кивнул он мне. — Сядьте на мое место и положите пальцы здесь и здесь. Когда я скажу, сильно надавите.

Он отскочил в сторону. Я уселся на черный трон. Он взял мою руку и расставил мои пальцы в ряд примерно в пять дюймов длиной. По краю сиденья были расположены семь едва различимых углублений, на них-то и установил Баркер мои пальцы. На ощупь они были мягче, чем камень.

Баркер вернулся к зубчатому механизму и возобновил свои манипуляции.

— Жмите, — прошептал он. — На все сразу.

Я нажал. Углубления слегка поддались под моими пальцами. Я взглянул на шар. Все отпечатки на нем исчезли.

— Нажимайте теперь снова, по очереди, — велел Баркер.

Я стал нажимать по очереди.

— Вот свинья! — выругался Баркер. — Проклятая хитрая свинья! Идите сюда. Взгляните, капитан.

Я подошел к нему и внимательно посмотрел на механизм, потом взглянул на шар, потом снова на механизм. Я почти не верил своим глазам.

— Попался! — бормотал Гарри. — Добрались мы до него!

Он быстро установил все на свои места и задвинул пластинку. Шар повис на своем обычном месте под потолком.

— Чаши! — вспомнил он. Сбежал по ступенькам и вырвал золотые кубки из все еще сжимающих их пальцев кейф-рабов.

— Добрались! — повторил Баркер.

Мы обошли черный трон. Баркер отодвинул панель, через которую мы заходили, и мы опять оказались в темном коридоре.

Неистовое ликование охватило меня. Однако его все же омрачала тень сожаления — эхо колдовских часов, проведенных среди красоты.

С известием о том, что мы обнаружили, кончалась власть Сатаны над одуроченными людьми.

Он был уже почти свергнут с черного трона!

ГЛАВА 18

Мы добрались до тускло освещенного коридора, который вел до входа в мою комнату. Внезапно Баркер остановился с предостерегающим жестом.

— Тихо! Слышите? — выдохнул он.

Где-то в отдалении я различил слабый звук, как будто разговор.

Там, за стенами, по направлению к нам шли люди. Неужели они так быстро нашли спящих кейф-рабов? — В комнату! Быстро! — скомандовал Гарри.

Мы бросились бегом и тут же остановились. В десяти футах перед нами появился человек. Он словно пролетел сквозь стены. Всклипывая, он на секунду прислонился к стене и обернулся к нам..

Это был Кохем!

Лицо его стало серым, словно иссохшим. Его избороздили морщины. Вокруг блеклых глаз были такие черные круги, что глаза казались маленькими лампочками, вставленными в глазные впадины черепа. Они смотрели тускло и безжизненно, словно разум, скрывавшийся за ними, потерял свою остроту. Его губы распухли и кровоточили, как будто он часто и сильно расшибал их.

— Вы, Киркхем?! — Он качнулся вперед. — Да, я вас узнал. Я шел к вам. Спрячьте меня.

Он с бормотаньем приближался к нам. Я заметил, как Баркер надел на руку кастет и приготовился к прыжку. Я схватил его за руку.

— Бесполезно, — предупредил я. — Они будут его искать. Он почти сумасшедший. Но они могут заставить его говорить. Я возьму его с собой. Гарри, не попадайся ему на глаза.

Я поймал руку Кохема и быстро потащил его к панели, ведущей в спальню. Открыл ее и втолкнул его внутрь. Баркер проскользнул следом за мной. Я закрыл панель.

— Прячьтесь в тот стенной шкаф, — велел я Кохему и запихнул его между висевших на вешалках костюмов. Закрыл дверцы и быстро прошел с Баркером в гостиную.

— Хорошо! — сказал он. — Но мне это не нравится.

— Это единственный выход, — ответил я. — Я смогу найти способ избавиться от него немного позже. Не верится мне, что они придут сюда. Меня они не будут подозревать. Да и с чего бы им подозревать меня? Хотя, конечно, все может быть. Но если они

найдут здесь тебя, толстяк будет взбешен. Ты можешь быстренько отсюда уйти, не слишком рискуя?

— Да, — ответил маленький человек, погрузнев. — Я могу уйти незаметно. Но, Боже мой, как я не хочу оставлять вас одного, капитан.

— Перестань! — резко оборвал его я. — Найди Конзардине, расскажи ему все, что мы выяснили. И мисс Демерест расскажи, что произошло. Если сюда кто-нибудь придет, с тобой будет все кончено, Гарри.

Он тяжело вздохнул. Из спальни донесся шорох. Я подошел к двери и заглянул внутрь. Кохем возился в стенном шкафу. Я легонько постучал ему.

— Сидите тихо, — приказал я. — Они могут войти в любую минуту.

Я погасил свет в спальне и вернулся в гостиную. Баркер уже ушел.

Я снял пиджак и жилет и бросил несколько книг на журнальный столик. Устроившись поудобнее, я раскурил трубку и начал читать. Время тянулось медленно. Нервы были напряжены до предела, все чувства обострились. Но я тешил себе надеждой, что с виду я просто олицетворение человека, поглощенного чтением.

Неожиданно я почувствовал, что на меня смотрят. Кто-то стоял сзади и не сводил с меня глаз.

Я продолжал читать, но безмолвное наблюдение становилось невыносимым. Я зевнул, потянулся, встал и неторопливо обернулся назад..

Передо мной стоял Сатана.

Красный плащ укрывал его от шеи до пят. За его спиной торчало с подюжины кейф-рабов. Еще двое стояли около открытой панели в спальню.

— Сатана! — воскликнул я. Прозвучавшее в этом возгласе удивление было вполне искренним. Я продумывал всякие варианты, но то, что Сатана сам возглавит охоту за Кохемом, мне в голову не приходило.

— Испугались, Джеймс Киркхем? — в его обычно лишенном выражения голосе звучали заботливые нотки. — Я тоже испугался, когда, постучав к вам в комнату, не услышал ответа.

— Я ничего не слышал, — честно ответил я. Может быть, он и в самом деле стучал?

— Вы сильно увлеклись книгой, — заметил он. — И вы, возможно, удивлены, почему меня взволновала тишина в вашей комнате? Я преследую беглеца. Он очень опасен, Джеймс Киркхем. Совершенно отчаявшийся человек. Его следы привели нас сюда. Я подумал, что он мог попытаться спрятаться в ваших комнатах. И, пытаясь помешать ему, вы были ранены.

Все звучало довольно правдоподобно. Я вспомнил, какое благоволение он выказывал мне сегодня. Мои опасения несколько улеглись. Я позволил себе расслабиться.

— Благодарю вас, сэр, — ответил я. — Но я никого не видел. Кого вы...

— Я ищу Кохема, — перебил он меня.

— Кохема?! — Я уставился на него, изображая полное непонимание. — Но я думал, что Кохем...

— Вы думали, что Кохем в зеркальной комнате, — снова прервал он меня. — Вы, без сомнения, были удивлены, почему я отправил его туда. Вы считали его моим верным помощником и полагали, что я очень ценю его. Так оно и было. Однако потом Кохем, которому я доверял и которого я ценил, неожиданно перестал быть моим верным помощником. В него вселился чужой дух, которому я не могу доверять. И поэтому он представляет для меня опасность.

Я заметил холодную насмешку в его горящих глазах. Сердце мое замерло. Я понял он нарочно говорит так громко, чтобы его было слышно во всех комнатах.

— Бедный покойный Кохем, — заливался он словом. — Разве я не должен отомстить за него? Конечно, должен. Я накажу этот дух, захвативший чужое тело. Я буду пытаться его до тех пор, пока он не согласится вернуть украденное тело. Мой бедный погибший Кохем! Ему уже все равно, что я сделаю с этим телом, которое он некогда занимал. Я должен отомстить за него!

Издевка звучала уже совершенно откровенно. У меня перехватило дыхание.

— Вы говорите, что никого не видели? — спросил меня Сатана.

— Никого, — ответил я. — Если бы кто-нибудь вошел ко мне, я бы услышал.

Тут же я понял, что допустил ошибку, и сам себя выругал.

— Ах нет, — успокаивающе заметил Сатана. — Вы забыли, как вы увлеклись чтением. Вы даже не услышали, ни как я постучал, ни как я вошел. Я не могу подвергать вас риску остаться здесь один на один с ним. Мы должны все здесь осмотреть.

Он отдал приказание сопровождавшим его рабам. Но не успели они пошевелиться, как распахнулись дверцы стенового шкафа и оттуда выскочил Кохем. Он одним прыжком преодолел половину комнаты. Я заметил, как сверкнул у него в руках стальной клинок. В следующее мгновение он уже набросился на охранявших выход рабов. Один тут же упал с перерезанным горлом, захлебываясь в крови. Другой отшатнулся назад, схватившись руками за бок, по пальцам у него потекла кровь.

Кохем сбежал!

Сатана коротко что-то приказал. Четверо из шести стоявших позади него рабов бросились к открытой панели. Двое других схватили меня и притянули мои руки к телу веревками.

Сатана разглядывал меня с дьявольской усмешкой в глазах.

— Я так и думал, что он придет сюда, — удовлетворенно сказал он. — Именно поэтому, Киркхем, я и позволил ему сбежать.

Так! И это тоже была паутина, которую сплел Сатана. И я попался в такую жалкую ловушку!

Внезапно меня охватила сумасшедшая ярость. Я больше не желаю лгать! Я больше не буду надевать маску! Я больше никогда не буду его бояться! Он может меня чудовищно изувечить. Он может меня убить! Скорее всего, — он сделает и то и другое. Но я уже знал, кто он такой. Я сдернул с него покров мистики. И у меня еще была дыра из его норы, о которой он ничего не знал. Я глубоко вздохнул и рассмеялся ему в лицо.

— Возможно! — иронично заметил я. — Но вы, однако, не смогли его сейчас удержать. Жаль только,

что он не перерезал ваше проклятое черное горло, когда убегал, а порезал тех бедных ребят.

— О, правда начинает литься из поверженного Киркхема, как вода лилась Моисею из прорубленной скалы, — безо всякого возмущения ответил он. — Я подолгу наслаждаюсь охотой за человеком. Кохем идеальная жертва. Поэтому я и оставил панель открытой. Я надеюсь, охота будет продолжаться много дней.

Он обратился к одному из любителей кейфа, охранявших меня. Я не понимал языка, на котором он говорил. Раб поклонился и выскользнул вон.

— Да, — продолжал Сатана, снова обернувшись ко мне, — она, вероятно, будет продолжаться много дней. И столь же вероятно, что вы, Киркхем, долго не протянете. Кохем никуда не денется. И вы тоже. Сегодня вечером я подумаю, какого рода удовольствия вы мне доставите.

Раб вернулся, приведя с собой еще шестерых. Сатана еще раз проинструктировал их. Они обступили меня и повели к стене. Я не сопротивлялся. Но и на Сатану я не оглянулся ни разу.

Но я не мог заткнуть уши, чтобы не слышать его смех, пока проходил через стену!

ГЛАВА 19

Прошла ночь, миновали еще день и еще ночь, прежде чем я снова увидел Сатану. Все это время я вообще никого не видел, исключая мертвенно бледных потребителей зеленого зелья, приносявших мне еду.

Меня держали, как я понял, в одной из подземных комнат. Она была довольно уютна, но без окон и, разумеется без дверей. Здесь меня развязали и оставили.

Ярость моя быстро угасла. Взамен мною овладело отчаяние. Баркер, конечно, использует все возможности, чтобы добраться до Конзардине. В этом я был уверен. Но сможет ли он сделать это вовремя? Сдержит ли Конзардине свое слово, когда узнает, что мы

обнаружили? В этом я уже несколько сомневался. Конзардине был человеком, который должен сам все увидеть. А если предположить, что он в самом деле поверит? Может быть, ярость толкнет его на необдуманные, поспешные действия и приведет к тому же, к чему пришли я и Кохем? А Сатана останется победителем.

А Ева! Чего она только не сделает, когда узнает от Гарри о случившемся со мной. Я не сомневался, что маленький человек вскоре найдет возможность выяснить, что со мной произошло.

Что за чертовщину решит учинить со мной Сатана для своего развлечения?

Первая ночь не была для меня слишком веселой. День тянулся бесконечно долго. Но когда по прошествии второй ночи я увидел Сатану, то надеялся, что по мне нельзя заметить, сколь мучительные часы я провел.

Он вошел без предупреждения. Его сопровождал Конзардине. Сатана был облачен в длинный черный плащ. Он уставился на меня горящим взглядом. Но я смотрел на Конзардине. Виделся ли с ним Баркер? Конзардине равнодушно разглядывал меня, лицо его было совершенно бесстрастно. Сердце мое замерло.

Сатана сел. Я без приглашения последовал его примеру, достал из кармана портсигар, вежливо предложил Сатане сигарету и немедленно пожалел о своей детской выходке. Он рассматривал меня, не обращая внимания на протянутый портсигар.

— Я не сержусь на вас, Киркхем, — изрек Сатана. — Если бы я мог испытывать сожаление, я бы сожалел о случившемся. Но вы сами всецело виноваты в своем положении.

Он помолчал. Я ничего не ответил.

— Вы хотели обмануть меня, — продолжал он. — Вы хотели укрыть человека, которого я приговорил. И вы лгали мне. Вы осмелились идти против моей воли. Вы поставили под сомнение мое предприятие, связанное с «Астартой», если вообще не сорвали его. Вам больше нельзя доверять. Вы бесполезны для меня. Что вы можете мне ответить? Что, вы полагаете, вас ожидает?

— Небытие, я полагаю, — беспечно ответил я. — Но зачем терять время, оправдывая одно из ваших убийств, Сатана? В настоящее время убийство уже можно считать вашей второй натурой, которая нуждается в объяснении не более, чем тот факт, что вы едите, когда голодны.

Его глаза бешено сверкнули.

— Вы нарочно остались с Кохемом наедине, потому что хотели предотвратить гибель «Астарты», зная, что Я предрешил ее.

— Все верно, — согласился я.

— И вы лгали мне! — повторил он. — МНЕ!

— Одна хорошая ложь всегда вызывает другую, Сатана, — ответил я. — Начали лгать вы. Если бы вы открыто мне все рассказали, я бы попросил вас не поручать мне это задание. Вы этого не сделали. У меня возникло подозрение, что вы меня обманули. Известно же, факт: однажды солгав, человек солжет еще раз.

Я взглянул на Конзардине. Его лицо было столь же непроницаемо и невозмутимо, как лицо Сатаны.

— В ту минуту, когда Кохем выпустил кота из мешка, я потерял к вам всякое доверие, Сатана, — продолжал я. — Насколько я вас теперь знаю, вы могли приказать убийцам с «Херувима» избавиться от меня после того, как я достану для вас каштаны из огня. Как вам уже говорил один из одураченных вами: вините себя, Сатана, а не меня.

Конзардине внимательно смотрел на меня. Мне стало удивительно легко и свободно. В этот момент я не чувствовал никакого страха.

— «Отец лжи», — сказал я, — или лучше называть вас более древним именем: «Князь обмана». Все, что произошло, можно объяснить в двух словах. Вы не можете мне доверять, а знаю я слишком много. Хорошо. И за то, и за другое вы должны благодарить только самого себя. Я уже достаточно знаю вас. И если вы полагаете, что я буду просить у вас пощады, то вы ошибаетесь.

— Конзардине, — спокойно обратился к спутнику Сатана, — Джеймс Киркхем сделан из хорошего

теста. Он мог бы мне быть очень полезен. Все это очень прискорбно, Конзардине. Очень прискорбно!

Он благожелательно рассматривал меня.

— Хотя, откровенно говоря, я не заметил, чтобы ваша осведомленность пошла вам на пользу, — сказал он. — Я хочу, чтобы вы узнали, какая ошибка выдала вас. Да, я хочу вам помочь, Джеймс Киркхем, — мурлыкал он. — Может быть, когда кончится ваш жизненный путь здесь, вы попадете на какую-то другую землю, которая, скорее всего, очень похожа на нашу. Возможно, вы встретитесь там со мной или с кем-то, похожим на меня. И вам не захочется снова повторять свои ошибки.

Я молча внимал этому зловещему витийству, но в конце концов мне стало интересно.

— Ваша первая ошибка — ссылка на игру в бридж. Я заметил, как удивился Кохем. Вы слишком поспешили. Вы должны были дождаться своего часа. Запомните это и, когда попадете в другой мир, никогда не спешите.

Очевидно, у вас была на то причина. Не менее очевидно, что ваша поспешность насторожила меня и послужила поводом для выяснения причины. Урок второй: в том мире, в который вы в скором времени попадете, будьте осторожны и не давайте вашему противнику повода для подслушивания.

Когда я вернулся, вы простодушно сделали вид, что не замечаете явного ужаса Кохема. Вы старательно отводили от него глаза во время последнего разговора. Это тоже слишком наивно, Джеймс Киркхем. Из этого следовало, что вы недооценили разум, который хотели обмануть. Вам следовало тотчас же страшно возмутиться и пожертвовать Кохемом, обвинив его передо мной. В новом замечательном мире, где вы в скором времени можете оказаться, никогда не следует недооценивать своего противника.

Но я тем не менее дал вам еще один шанс. Зная Кохема, я понимал, что во время моей заботливой хм... обработки его мозга вы связывались с убежищем, его последним убежищем. Он прошел обработку, он видел вас, а потом получил возможность бежать. Как я и думал, он пошел прямо к вам. Если бы в

тот момент, когда он к вам вошел, вы схватили его, подняли тревогу и уже теперь пожертвовали бы им, возможно, я бы стал снова вам верить. Вы проявили непростительную слабость и чувствительность. Кто вам этот Кохем? Запомните, в новом мире недопустима сентиментальность.

Из этих циничных разглагольствований мне стали очевидны два факта. Сатана не знает ни того, что я уходил из своих апартаментов, ни того, что я столкнулся с Кохемом в коридоре. Я почувствовал себя увереннее. Но поймали ли они Кохема?

— Между прочим, как поживает Кохем? — вежливо спросил я.

— Неважно, неважно, бедняга, — ответил Сатана. — Однако он сумел доставить мне восхитительный день. Сейчас он лежит в темном тайнике около лаборатории. Отдыхает. Через некоторое время у него появится возможность выйти оттуда. После этого во время своих тщательно продуманных мною скитаний он сумеет найти немного еды и питья. Я не хочу, чтобы он довел себя до истощения и тем испортил мне удовольствие. Или до полного умственного истощения, другими словами, я не позволю ему умереть от изнурения или голода. Нет, нет, великолепный Кохем еще доставит мне много веселых часов. Я не собираюсь отправлять его снова к моим маленьким зеркалам. Они уже сделали свое дело. Но перед его кончиной я расскажу ему, что вы им интересовались. Так как я абсолютно уверен, что вы сами не сможете это сделать.

Он встал и торжественно провозгласил:

— Джеймс Киркхем! Через полчаса вас будут судить. Будьте готовы к этому времени появиться в храме. Пойдемте, Конзардине.

Рухнула моя последняя надежда, что Сатана оставит меня наедине с Конзардине. Мне отчаянно хотелось поговорить с ним. Он вышел следом за Сатаной, даже не обернувшись. Панель закрылась за ними.

Я вспомнил Картрайта. Конзардине привел его в храм и все время стоял рядом с ним, пока не нача-

лась пытка следами. Может быть, он еще вернется ко мне.

Но Конзардине не вернулся. Полчаса пролетели быстро. Четверо потребителей сатанинской отравы вошли ко мне. Они повели меня по высеченным из камня длинным наклонным коридорам вверх, двое впереди и двое сзади меня. Наконец они остановились. Я услышал звук гонга. Открылась панель. Рабы хотели втолкнуть меня внутрь, но я оттолкнул их и шагнул вперед. Панель закрылась за мной.

Я стоял в храме, в полутьме, рядом с кругом яркого света, лившегося на ступени. Я услышал шепот откуда-то слева, где полукругом уходил вверх амфитеатр. Я заметил движение, смутно различил лица. По-видимому, амфитеатр был полон. Мне почудилось, будто я слышу дрожащий Евин голос, зовущий меня:

— Джим!

Я не смог увидеть ее.

На помосте все было точно так же, как при испытании Картрайта. Тускло светился золотой трон. На нем сияли изукрашенные драгоценными камнями скипетр и корона.

На черном троне сидел Сатана. Рядом с ним на корточках примостился Санчала, налач. Изуверски ухмыляясь, он перебирал свою веревку из женских волос.

Снова ударил гонг.

— Джеймс Киркхем! Приготовьтесь выслушать приговор!

Я прошел вперед в круг яркого света и остановился у основания лестницы. Семь отпечатков детских ножек мерцали передо мной на черном камне. С обеих сторон лестницы стояли по семь кейф-рабов, охранявших эти следы. Они не сводили с меня глаз.

Мозг работал с лихорадочной быстротой. Может быть, я должен закричать, рассказать безмолвно сидящим сзади и наблюдающим за мной людям всю правду о черном троне? Я понял, что не успел бы произнести и десятка слов, как веревки кейф-рабов задушили бы меня. Успею ли я проскочить по ступе-

ням и броситься на Сатану? Нет, они схватят меня — я и половину лестницы не успею пробежать.

Единственное разумное действие, которое мне остается, это не спеша подниматься по лестнице. Я должен наступить на четыре следа. Моим последним следом должен стать шестой из светящихся отпечатков. Следы были разбросаны по лестнице так, что шестой был ближе всего к черному трону. Ближе, чем седьмой. Оттуда я смогу достать Сатану. Схватить его за горло руками, зубами... Если я успею в него вцепиться, я уверен, что не так просто будет оторвать меня от него, живым или мертвым.

А Баркер? У него, быть может, свой план. Вряд ли он затаился и, ничего не предприняв, даст мне пройти эти следы.

Конзардине? Знает ли он что-нибудь?

И Ева!

Мысли путались. Я не мог сосредоточиться. Я вцепился в свою последнюю идею и уперся взглядом в горло Сатаны чуть ниже уха, я решил впиться туда зубами.

Но позволят ли мне подниматься по лестнице?

— Джеймс Киркхем! — зарокотал голос Сатаны. — Я положил на золотой трон корону и скипетр, символы власти над миром, чтобы напомнить вам о той возможности, которую вы навсегда потеряли из-за своего неповиновения.

Я взглянул на эти предметы. Они волновали меня не больше, чем кусочки цветного стекла. Но свади донесся приглушенный вздох.

— Джеймс Киркхем! Вы хотели предать меня! Вы изменник! И сейчас я должен только определить вам наказание!

Он снова замолчал. Ни звука не было слышно в храме, даже ни единого дыхания. Вдруг жуткую тишину прорезал свист аркана. Санчала раскрутил веревку, словно примериваясь для броска. Сатана поднял руку, и он замер.

— Однако я склонен поступить с вами милосердно. — Возможно, только я заметил, как злобно сверкнули его глаза. Или мне это только показалось? — Есть три вещи, за которые человек цепляется до

последнего вздоха. При ближайшем рассмотрении видно, что все три у него наличествуют. Они содержатся друг в друге, однако все их можно разделить. Это его душа, его личность и его жизнь. Под душой я подразумеваю ту не видимую и не имеющую конкретного расположения сущность, которую все религии ставят во главу угла и считают бессмертной. Возможно, она действительно бессмертна, а может быть, и нет. Под личностью я подразумеваю эго, то есть разум, который говорит: «Я есть я», — и хранит воспоминания и знания, а также ищет новых знаний и ощущений. Жизнь не нуждается в определении.

Сейчас, Джеймс Киркхем, я предлагаю вам сделать выбор. На одну чашу весов я кладу душу, на другую — жизнь и личность.

Вы можете присоединиться к пьющим напиток желаний. Выпить его — и ваша жизнь и ваше «Я» спасены. Время от времени вы будете счастливы, счастливы так, как никогда не были счастливы в вашей прежней жизни. Но вы потеряете вашу душу! Вы не будете этого чувствовать, по крайней мере, ощущение потери не часто будет мучить вас. Вскоре этот напиток станет для вас превыше всего, что когда-либо волновало вашу душу.

Он снова замолчал, внимательно разглядывая меня. — Если вы откажетесь от кейфа, — продолжал он, — вы пойдете на лестницу. Если вы наступите на три моих следа, вы расстанетесь с жизнью. Медленно и мучительно вы будете освобождаться от жизни в руках Санчалы.

Если вы наступите на четыре счастливых следа, вы сохраните свою жизнь и свою душу, но должны будете оставить свое эго, свое «Я», то есть всю свою память. Это будет не опасно для вас и не больно. Я не отправлю вас к зеркалам. Вы уснете, и вам искусно и аккуратно удалят часть мозга. Вы проснетесь, как новорожденный младенец. Буквально так, Джеймс Киркхем, потому что у вас изымут всю вашу память, все ваши знания о том, кто вы и чем вы когда-то были. И навсегда! Как ребенок, вы начнете сначала ваш жизненный путь. Но ни вашу жизнь, ни ваш драгоценный дух никто не тронет.

Сзади из темного амфитеатра донесся вздох. Сатана поднял руку — наступила тишина.

— Таково мое решение! Такова моя воля! Да будет так!

— Я выбираю лестницу, — без колебаний ответил я.

— Ваши ангелы-хранители без сомнения рукоплещут вашему мужеству, — елеинно промолвил он. — Но, я надеюсь, вы помните, что они бессильны там, где правит Сатана. Я так и знал, что вы выберете лестницу. И сейчас, чтобы доказать вам, как безмерно мое милосердие, я открываю вам, Джеймс Киркхем... Я открываю вам дверь, через которую ведет путь к спасению! Вы сможете ускользнуть через нее целым и невредимым, с жизнью, разумом и душой — всеми тремя вместе!

Теперь я смотрел на него. Напряжение мое невероятно возросло, все чувства обострились. Я прекрасно знал, что никакого милосердия у Сатаны нет. Я знал и секрет этих невинно сияющих следов. И поэтому не сомневался, что его предложение будет лишь еще одной глумливой насмешкой. Но что за издевательство он придумал? Это мне предстояло очень скоро узнать.

— Причиной преступления, которое совершил этот человек, — Сатана обращался к амфитеатру, — была жалость. Он поставил благополучие других людей выше моего. Это послужит уроком для всех вас. Я должен быть первым в ваших мыслях!

Но я справедлив. Он смог спасти других, но не смог спасти себя. Однако, может, найдется кто-нибудь, кто сможет спасти его. Он, возможно, расстанется со своей жизнью, потому что осмелился встать между мной и другой жизнью.

Найдется ли среди вас тот, кто захочет стать между мной и его жизнью?

Снова в темноте храма послышалось движение и шепот, только уже гораздо громче.

— Подождите! — Он поднял руку. — Вот что я имею в виду. Если среди вас найдется тот, кто решит пройти вместо него три следа, то произойдет следующее. Если два следа окажутся счастливыми, то оба

уйдут отсюда свободными и невредимыми! Именно так! И я даже дам им большое вознаграждение!

Но если два следа окажутся моими, тогда оба умрут в тех муках, которые я обещал Джеймсу Киркхему.

— Таково мое решение! Такова моя воля! Да будет так!

— А сейчас, если такой человек есть, пусть выйдет вперед!

Шепот стал громче. Я думал, он заподозрил, что я уже не одинок. Возможно даже, это была ловушка для Баркера. Я не знал, на что могла толкнуть маленького человека его преданность мне. Да, в любом случае это была ловушка для неосторожных. Я поспешно подошел к первой ступени.

— Я сам пройду, Сатана, — сказал я. — Включайте вашу машину.

Ропот позади меня становился все громче и громче. Сатана заерзал на троне.

Я впервые увидел, как исказилось его лицо. Сначала это было недоверие, потом адская ярость. Совершенно ясно, будто растаяло его лицо, я увидел прятавшегося за ним дьявола во всей красе. Кто-то взял меня за руку. Я вздрогнул.

Рядом со мной стояла Ева!

— Уходи! — свирепо зашипел я. — Убирайся отсюда!

— Слишком поздно, — спокойно ответила Ева.

Она бесстрашно смотрела на Сатану.

— Я пройду по лестнице вместо него, — сказала она.

Сатана, сжав кулаки, вскочил с черного трона. Кивнул палачу. Черный изувер нагнулся вперед, раскручивая веревку. Я встал перед Евой, прикрывая ее от палача.

— Ваше слово, Сатана! — выкрикнул кто-то из амфитеатра. Я не узнал по голосу кричавшего. — Это был ваш указ!

Сатана взглянул в темноту, стараясь распознать говорившего. Он сделал знак палачу, и тот убрал веревку. Сатана опустился на трон. С чудовищным усилием он загнал обратно дьявола, вырвавшегося на

свободу и сорвавшего маску с его лица. Лицо его снова стало невозмутимо. Но изгнать дьвола из своих глаз он не мог.

— Да, это мое решение, — медленно и без выражения произнес он. — Да будет так. Вы, Ева Демерест, желаете пройти лестницу вместо него?

— Да, — ответила она.

— Почему?

— Потому что я люблю его, — невозмутимо ответила Ева.

Руки Сатаны сжались в кулаки под плащом. Полные губы перекошились. На огромном лысом черепе выступили блестящие бисеринки пота.

Он резко нагнулся вперед и нажал на рычаг, светящиеся следы загорелись ярким огнем..

Но я не услышал жужжания механизма!

Что это значило? Я взглянул на Сатану. Или он не подал виду, или, оглушенный овладевшей им яростью, он не заметил этого. У меня не было времени раздумывать над этим.

— Ева Демерест! — Его рокочущему голосу не хватало дыхания. — Вы пройдете по лестнице! И все будет так, как я решил. Но я предупреждаю вас: еще никто из поднимавшихся по этой лестнице не умер такой смертью, какой умрете вы. То, что пережили они, — рай по сравнению с тем, что ждет вас, если вы проиграете. И то же самое будет с вашим возлюбленным.

Сначала вы увидите, как умрет он. Но перед смертью он отвернется от вас со столь же сильными ненавистью и отвращением, сколь сильной была его любовь к вам. А потом я отдам вас Санчале, но не для того, чтобы он вас убил. Нет! Нет! Еще нет! Когда он пресытится вами, я отдам вас рабам. Худшим из них. А после них снова Санчале с его веревками, ножами и раскаленными крючьями.. ему на забаву.. И мне тоже!

Он оттянул воротник своего плаща, словно тот душил его. Сделал знак рабам, стоявшим внизу лестницы, и отдал распоряжение на непонятном мне языке. Они направились ко мне. Я весь подобрался,

готовясь к отчаянному броску наверх, к этому проклятому дьяволу на черном троне.

Ева закрыла лицо руками.

— Джим, дорогой, — быстро зашептала она из-под рук, — иди спокойно! Баркер... Что-то должно произойти...

Рабы схватили меня. Я не сопротивлялся. Они подвели меня к стулу, с которого я наблюдал, как Картрайт поднимался навстречу своей гибели. Они усадили меня туда, защелкнулись обручи на руках и на ногах, вуаль закрыла мое лицо. Они вернулись на свои места.

Из-под стула донесся шепот:

— Капитан! Зажимы не держат! Пистолет сразу под пластиной. Она открыта. Я чертовски спешу. Когда вы снова увидите меня, хватайте его и действуйте.

— Ева Демерест! — окликнул Сатана. — Следы вас ждут! Поднимайтесь!

Ева храбро шагнула вперед. Без колебаний она наступила на первый из сияющих следов.

На счастливой стороне шара появился знак. Шепот в амфитеатре стал еще громче, чем раньше. Сатана невозмутимо наблюдал за ней.

Она поднялась выше и наступила на следующий отпечаток...

В ту же минуту Сатана подался вперед, не веря своим глазам.

Второй знак появился на светлой стороне шара! Ева выиграла нашу свободу!

Со скамей для зрителей уже доносился не шепот, а рев.

Но как это произошло? И что же она делает?..

Она подошла к третьему следу и наступила на него.

Третий знак вспыхнул рядом с двумя другими на счастливой стороне шара!

Сатана с перекошенным лицом так бурно ощупывал сиденье, что даже широкий плащ не мог скрыть его движений. Амфитеатр неистовствовал. Я слышал, как ругались мужчины и ахали женщины.

Теперь Ева шла по разделявшим ее и помост следам. Она наступала на все следы подряд. И как

только она ставила ногу на след, на светлой стороне шара загорались один за одним сверкающие их двойники!

Семь отпечатков на счастливом поле!

Ни одного на поле Сатаны!

Поднялся оглушительный шум. Сатана вскочил с трона. Стена позади него открылась, и оттуда вылетел Баркер с пистолетом в руке.

Он бросился вперед и ткнул дулом пистолета в живот Сатане.

— Руки вверх! — зарычал маленький человек. — Ни с места! Одно движение, и я превращу ваши кишки в решето!

Сатана поднял руки высоко над головой.

Я рванулся вперед. Обручи раскрылись так быстро, что я упал на колени. Я дотянулся до щели, открыл ее и нащупал дуло пистолета. Вытаскивая его, я заметил, что Санчала припал к земле, готовясь к прыжку. Я выстрелил прямо с пола. Пуля пробила ему голову. Такая точность доставила мне острейшее удовольствие. Сатана упал на бок. Тело его немного свешивалось со ступенек.

Кейф-рабы застыли в нерешительности от изумления и ждали приказаний.

— Одно движение этих ублюдков — и я тебя на кусочки разнесу, — прошипел Баркер. — Ну! Говори им! Быстро!

Он злобно ткнул Сатану под ребра дулом пистолета.

Сатана заговорил. Только в ночном кошмаре может присниться такой голос. Сатана отдавал приказание на незнакомом мне языке, но у меня сразу возникло нехорошее подозрение, что он сказал им нечто большее, чем стоять на месте и ничего не предпринимать. Они бросили веревки и метнулись к стенам.

В два прыжка я оказался наверху лестницы. Ева стояла рядом с Баркером. Я встал с другой стороны от Сатаны. Она обошла его сзади и остановилась рядом со мной.

Гвалт в амфитеатре поднялся с новой силой. В полутьме боролись мужчины. Все повскакали со скамей. На краю светлого круга столпились люди.

Конзардине вышел вперед.

Лицо его было бело как мел. А в глазах горел огонь ярче, чем в глазах самого Сатаны. Руки с согнутыми, как когти, пальцами тянулись вперед. Он шел, словно призрак смерти, не отрывая от Сатаны горящих глаз.

— Только не сейчас, — прошептал Баркер. — Остановите его, капитан.

— Конзардине! — окликнул я его. — Остановитесь!

Он не обратил на мой оклик внимания. Он шел медленно, как во сне, не сводя жуткого взгляда с Сатаны.

— Конзардине! — крикнул я снова. — Стойте! Я стрелять буду! Я серьезно говорю. Я не хочу вас убивать. Еще один шаг, и я выстрелю. Ей-Богу, выстрелю!

Он остановился.

— Вы... не... убьете его? Вы... оставите его мне?

Голос Конзардине звучал, словно с того света.

— Если сможем, — ответил я. — Только остановите всех остальных. Одно движение в нашу сторону — и Сатаны не станет. И кого-нибудь еще тоже. У нас нет времени разбираться, кто друг, а кто враг.

Он обернулся и сказал несколько слов всем остальным. Снова стало тихо. Все молча ждали.

— Теперь так, капитан, — решительно приказал мне Баркер. — Берите его на мушку и отведите туда. Я собираюсь всем показать...

Я пистолетом подтолкнул Сатану к золотому трону. Он не сопротивлялся. Бесстрастно и спокойно он пошел к нему. Он даже не взглянул на меня. Он неотрывно следил за Конзардине. Его лицо вновь обрело свою обычную неподвижность. Но в глазах сидел спущенный с цепи черт. Мне стало ясно, что именно Конзардине он считает заклятым предателем, полагая, будто он устроил ему западню! А мы всего-навсего его пешки!

Но откуда такая спокойная пассивная покорность? Я не ожидал, что он будет так вести себя. Может быть, у него припрятан козырной туз? Мое беспокойство быстро нарастало.

— Теперь смотрите, вы все! Я хочу показать вам, что так долго делала с вами эта хитрая свинья.

Это говорил Баркер. Но я не решился отвернуться от Сатаны и посмотреть, что он делает. Да мне это и не было нужно. Я и так все знал.

— Обещал вам и то, и это, — растягивал слова маленький человек, — а сам отправлял вас прямо в Ад. И хихикал в кулак при этом. Он до смерти веселился, глядя на вас. А вы вели себя, как кучка доверчивых младенцев. Но я вам все покажу. Мисс Демерест! Не могли бы вы спуститься вниз и подняться по лестнице еще раз?

Я увидел, как Ева сбегает по лестнице.

— Одну секунду, — сказал Гарри, когда она уже остановилась внизу. — Вот я сижу на троне, нажимаю на рычаг и сразу после этого на край сиденья. Вот так, например. Теперь идите, мисс Демерест.

Ева поднималась вверх, наступая на каждый сверкающий след. Краем глаза я мог видеть счетный шар. На нем ничего не появлялось. Ни одного знака, ни на светлой, ни на темной стороне.

Зрители наблюдали в полном молчании. Все они были очень удивлены и, по-видимому, ждали, что будет дальше.

— Не имело ни малейшего значения, на какой след вы наступали, — продолжал Баркер. — Это не фиксировалось. Почему? Когда я нажимаю здесь, на краю сиденья, маленькая пластинка опускается вниз туда, где работает механизм. И тогда зубцы, замыкающие контакты и посылающие сигналы на шар, переключаются на другую систему контактов. Шар работал правильно, когда Сатане этого хотелось. Он показывал верно, пока его не было на своем обычном месте. Но после того, как он усаживался на свой проклятый черный трон, он прятал руки под плащом, нажимал на край сиденья и разъединял контакты. И тогда хоть стадо слонов пройдет по этим чертовым следам, на шаре ничего не появится!

Поднялся невероятный гвалт. И мужчины, и женщины кричали, ругались, проклинали Сатану. Толпа хлынула вперед, в круг света.

— Назад! — закричал я. — Гоните их назад, Конзардине!

— Подождите! — пронзительно завопил Баркер. — Это еще не все, что он для вас придумал!

Шум стих. Они снова пожирали нас глазами. Конзардине уже стоял у основания лестницы. Его лицо стало еще белее. Черные круги под горящими глазами казались нарисованными. Он задыхался. Мне страшно хотелось, чтобы Гарри поторопился. Конзардине мог не сдержаться.

За всем этим я следил лишь краем глаза. Неожиданно я понял, что Сатана к чему-то прислушивается. К чему-то, происходящему далеко за пределами храма. Он ждал и торопил всей своей нечеловечески мощной волей что-то мне неизвестное, что должно было произойти. И, вглядываясь в его лицо, я заметил отблеск торжества, мелькнувший в его глазах.

— Сейчас, — донесся до меня голос Баркера, — я вам еще кое-что покажу. Здесь на краю сиденья расположены семь маленьких кнопочек. В камень вделана черная резина. После того, как он убирал контакты от следов, он ставил пальцы на эти кнопочки. Три из них соединялись с теми контактами, которые зажигали следы на его стороне шара, остальные четыре на вашей. Когда кто-нибудь из вас наступал на след, он нажимал ту кнопку, какую ему хотелось. И зажигался знак, который ему нравился. Не вы зажигали знаки на шаре, а он сам! Он от начала до конца надувал вас!

Подождите минутку! Одну минутку! — Баркер откровенно наслаждался сам собой. — Я сейчас сяду на трон и покажу вам, за каких чертовски замечательных идиотов он вас держал!

— Джим! — тревожно прошептала Ева мне на ухо. — Я только что заметила. Около стены было семь рабов, теперь их осталось только шесть. Один исчез!

Я сразу понял, к чему прислушивается и чего ждет Сатана. Я был прав, когда заподозрил что-то неладное в его приказании рабам. Он велел им найти возможность улизнуть. Улизнуть хотя бы одному и поднять тревогу.

Спустить на нас орду этих бездушных, безжалостных дьяволов, для которых он был царь и бог, потому что только он мог открыть им врата Рая, — вот чего хотел Сатана!

И пока наше внимание было поглощено разоблачением, один из рабов улучил момент и удрал.

За кратчайшую долю секунды промелькнуло все это в моем лихорадочно работающем мозгу.

В тот же момент медленно, но неотвратимо назревавший в храме погром начался. Словно змея, без подготовки, без предупреждающих движений, Сатана обернулся и схватил меня за руку, в которой был пистолет. Пистолет выстрелил, уже падая из моей руки. Баркер отчаянно закричал.

Я увидел, как, перепрыгивая через несколько ступенек, Конзардине несется к Сатане. В храме вспыхнул яркий свет.

С фотографической точностью запечатлелся в моем мозгу начавшийся бедлам. Те, кто решили присоединиться к Конзардине, и те, которые остались верны Сатане, дрались за власть.

Сатана попытался схватить меня, чтобы поднять и швырнуть на Конзардине, но, опередив его, я увернулся и, падая, всем телом ударил его по ногам.

Он пошатнулся. Нога его соскользнула с края помоста. Он пролетел ступеньку или две, пытаясь сохранить равновесие.

Конзардине настиг его!

Его руки мертвой хваткой вцепились в горло Сатане. Могучие руки Сатаны обхватили его. Они упали и, не разжимая объятий, покатались по ступеням.

Раздался вой, словно сбегались стаи волков. В дальней части храма и по бокам открылись панели, оттуда хлынули кейф-рабы.

— Быстро туда, капитан, — Баркер развернул меня и указал на золотой трон. — Сзади него! — крикнул он и бросился бегом вперед. Я схватил Еву за руку и кинулся следом за ним. Он уже был на коленях и с безумной скоростью что-то делал на полу. Раздался щелчок, блок отошел в сторону, и я увидел лаз в подземелье. Туда вели несколько узких ступеней.

— Идите первым, — велел Баркер. — Быстрее!

Ева скользнула вниз. Когда я спускался, я успел из-под ножек трона мельком взглянуть на храм. Повсюду шла резня. Мелькали ножи рабов. Мужчины стреляли. Женщины визжали. Ни Сатаны, ни Конзардине я не увидел. С десятков рабов неслись по ступенькам к нам.

Баркер соскочил почти мне на голову и спихнул меня вниз. Плита закрылась.

— Быстрее! — выдохнул Гарри. — О, Боже! Если они нас сейчас схватят...

Лестница привела нас в маленькую пустую каменную комнату. Над нашими головами раздавался ужасный грохот. Ноги дерущихся били в потолок, как в барабан.

— Присмотрите за лестницей. Где ваш пистолет? Эх! Возьмите мой. — Баркер сунул мне свой пистолет и, повернувшись к стене, начал внимательно исследовать ее. Я подбежал обратно к узкой лестнице, ведущей в храм. Слышно было, как пытаются сдвинуть блок, закрывавший вход.

— Есть! — крикнул Гарри. — Скорее!

В стене открылся проход. Мы вошли туда, и панель закрылась за нами. Я так и не смог заметить то место, где она находилась.

Мы стояли в одном из длинных тускло освещенных коридоров, которые изрешетили весь дом Сатаны.

Шум борьбы по-прежнему грохотал у нас над головами.

Один за другим раздались пять мощных взрывов.

А затем, как по команде, наступила полная тишина. Схватка прекратилась.

ГЛАВА 20

Внезапно наступившая тишина была очень подозрительной. Пять сильных взрывов были похожи, скорее, на выстрелы из ружья, а не из пистолета. Но кто стрелял? И как могли эти несколько пуль прекратить такую свалку?

— Все затихло! Что это значит? — прошептала Ева.

— Кто-то победил, — ответил я.

— Ты думаешь, победил Сатана? — со вздохом спросила Ева.

Кто кого одолел, Сатана Конзардине или Конзардине Сатану, я, конечно, не мог знать. Я отчаянно надеялся, что Конзардине убил Сатану. Но независимо от того, кто кого прикончил, я готов был биться об заклад, что победа в рукопашной схватке досталась кейф-рабам. Если Конзардине и задушил Сатану, кейф-рабы наверняка отправили его душу следом. Но этого я не стал говорить Еве.

— Не важно, выиграл Сатана или проиграл, его власти пришел конец, — ответил я ей. — Он уже не слишком опасен.

— Не слишком, если мы сумеем выбраться из этой чертовой норы до того, как нам свернут шеи, — мрачно заметил Баркер. — Честно признаться, я предпочел бы дослушать продолжение этой вечеринки наверху.

— Что с тобой? — спросил я.

— Я хотел бы обратить ваше внимание на то... — Он искоса взглянул на Еву. — На то, что здесь нет прохода.

— Не смотрите на меня, как на капризную барышню, Баркер, — резко сказала Ева. — Не беспокойтесь за меня. Я не упаду в обморок. Что вы имеете в виду?

— Хорошо, — ответил Гарри. — Я скажу вам прямо. Я не знаю, черт возьми, где мы находимся.

Я тихо свистнул.

— Но вы же знаете, как мы сюда пришли, — сказал я.

— Нет, — ответил он. — Я не знаю. Мы случайно сюда попали, капитан. Я знал только о ходе позади золотого трона и о комнате под ним. В нее опускается золотой трон. Я был там, но только очень недолго. Я, конечно, считал, что там должен быть еще один выход. К счастью, я нашел его. Но как выбраться отсюда, я не знаю.

— Может быть, стоит пойти куда-нибудь по коридору? — предложила Ева.

— Разумеется, — сказал я. — У нас только один ствол. А эти рабы могут сбежаться в любую минуту.

— Я думаю, мы где-то в правом крыле, — задумчиво произнес Баркер. — Рядом с личными апартаментами Сатаны. Их расположение я знаю. Оружие пусть будет у вас, капитан.

Мы осторожно двинулись по коридору. Баркер внимательно оглядывал стены, ощупывал их, тряс головой и что-то бормотал. С тех пор как Ева вышла из темноты амфитеатра, чтобы пройти по лестнице, меня интересовал один вопрос. Я решил, что сейчас самый подходящий момент, чтобы удовлетворить свое любопытство.

— Гарри, как тебе удалось сделать, чтобы все следы отражались только на светлой стороне шара? — спросил я. — Почему Сатана не смог использовать свой черный трон, как обычно? А он очень старался. Ты еще раз приходил в храм после той ночи?

— Я все сделал перед тем, как уйти, капитан, — ответил он. — Вы же видели, что я возился с механизмом после того, как мы его опробовали.

— Я думал, что ты приводишь все в порядок, — ответил я.

— Ну, так оно и было, — еще шире улыбнулся он. — Я установил его так, чтобы контакты от всех следов шли к светлой стороне шара и чтобы с черного трона вообще нельзя было замкнуть контакты. Я воспользовался случаем и сразу все сделал. Я подумал: может, в следующий раз в храме соберутся ради вас. Я боялся только, что он заметит, что механизм работает бесшумно. Но тут уж я ничего не мог поделать. Слава Богу, он не заметил. Он слишком рассвирепел.

— Гарри, — я обнял маленького человека за плечи, — ты сделал для меня даже больше, чем когда-то сделал для тебя я.

— Нет, нет, — отмахнулся он. — Подождите, пока мы выберемся отсюда.

Он резко остановился и прошептал:

— Что это?

Раздался еще один взрыв, значительно мощнее тех, после которых наступила мертвая тишина. Грохнуло совсем близко от нас. Задрожал пол в коридоре. И сразу раздался еще один взрыв.

— Бомбы! — воскликнул Гарри.

Третий взрыв грохнул еще ближе к нам.

— Проклятье! Нужно выбираться отсюда! — Баркер, как терьер, рыскал вдоль стен. Вдруг он хмыкнул и замер.

— Что-то есть, — пробормотал он. — Теперь тихо. Стойте сразу позади меня, пока я загляну, что там.

Он нажал на стену. Панель сдвинулась в сторону, открыв маленький лифт.

— Вниз или вверх? — спросил он, закрыв за нами панель.

— Ты сам-то что думаешь? — ответил я вопросом на вопрос.

— Так, храм на первом этаже. Мы сейчас прямо под ним. Если мы поедem вниз, мы попадем прямо в притон кейф-рабов. Если мы поедem вверх, нам придется проезжать мимо храма. Если нам удастся миновать его... Но очень похоже, что вокруг него, и под ним, и над ним будет очень много кейф-рабов, капитан.

— Едем наверх, — решительно сказала Ева.

— Наверх, — согласился я.

Лифт медленно пошел вверх. Раздался четвертый взрыв. Он был еще громче, чем предыдущие. Задрезжала кабина лифта. Загромычала рушащаяся каменная кладка.

— Подъезжаем ближе, — сказала Ева.

— Если мы сможем пробраться в комнаты Сатаны у нас есть шанс найти его личный тоннель. — Баркер остановил лифт. — Он где-то недалеко отсюда. Это наилучший выход, капитан. Если нам хоть чуть-чуть повезет, мы сможем живыми выбраться на берег.

— Я держу пари, что сейчас все уже знают, что здесь происходит, и торчат где-нибудь поблизости, — заметил я. — Мы проберемся на один из скоростных катеров и смоемся отсюда.

— Кажется, что-то горит. Пахнет паленым, — сказала Ева.

— Проклятье! — Баркер переключил лифт на максимальную скорость. — Ну и дела!

Стена прямо перед нами треснула. Из трещины повалил дым.

Баркер быстро остановил лифт. Осторожно отодвинул панель, выглянул наружу и кивнул нам. Мы вошли в маленькую комнату, стены и пол которой были выложены тусклым серым камнем. С противоположной стороны я увидел узкую бронзовую дверь. Это явно была прихожая. Но перед чем?

Пока мы стояли в нерешительности, один за другим прогремели еще два взрыва. По-видимому, бомбы рвались на нашем этаже. Трещина пошла по полу. Похоже, внизу обвалилась стена. Лифт, из которого мы только что вышли, с грохотом полетел вниз. Через открытую панель вырвались клубы густого дыма.

— Господи! Здесь все горит! — Побелевший Баркер задвинул панель и уставился на нас.

Я вдруг вспомнил о Кохеме.

У Кохема была приличная бомба, предназначенная для того, чтобы пробить днище «Астарты». Сатана обмолвился, что он должен прятаться где-то рядом с лабораторией. Может быть, он воспользовался случаем и сбежал, когда кейф-рабы ринулись на помощь Сатане? Может быть, он выбрался из своего убежища, добрался до лаборатории, достал хранящиеся там бомбы и сейчас, ослепленный желанием отомстить, сеял кругом смерть и разрушение?

Я попытался открыть бронзовую дверь. Она была не заперта. Держа пистолет наготове, я осторожно заглянул за дверь. Мы были в одном конце изумительной анфилады комнат, святилища красоты, которое создал для себя Сатана. Это было то самое магическое место, чары которого так околдовали меня, что я чуть было не отрекался от Евы и не поклялся в верности Сатане. Легкий дым заволакивал комнату. Шпалеры, бесценные картины, золоченая резьба, скульптуры из камня и дерева были видны, словно в туманной завеси. Мы быстро пересекли эту комнату и заглянули в следующую. Она

была еще больше и тоже хранила несметное количество сокровищ. Дым заволакивал дальний конец комнаты, где находилась дверь.

Там громыхнул еще один взрыв.

Из дыма, пошатываясь, вышел Сатана!

При виде его мы все трое сбились в кучу. Во рту у меня пересохло, голова взмокла. Но не от страха. Это было нечто большее, чем просто страх.

Шедший навстречу нам Сатана был слеп!

Его глаза больше не сверкали, как голубые яркие самоцветы. Они были тусклыми и серыми, как необработанные агаты. Они были мертвы. Похоже, их выжгло пламя. На веках вокруг глаз краснел ожог.

Сатана был без плаща. На распухшей шее чернели следы мертвой хватки Конзардине. Одна его рука безвольно свисала. Другая прижимала к груди статуэтку Эроса из слоновой кости. Среди всей красоты, добытой Сатаной интригами, обманом или убийствами, это была его самая любимая вещь. В ней он находил чистое и совершенное воплощение духа красоты, в которой такой дьявол, как Сатана, знал толк и которой он поклонялся.

Он брел вперед, спотыкаясь и качая своей огромной головой из стороны в сторону, как раненый зверь. Из бесцветных глаз его непрерывно лились и блестили на обвисших щеках слезы.

Из облака дыма следом за ним вышел Кохем.

На левом плече у него висела раздутая сумка. Когда он выходил из дыма, он сунул в нее руку и вытащил что-то круглое размером с апельсин, блеснувшее тускло, как металл.

Кохем непрестанно хохотал, так же непрерывно, как Сатана плакал.

Кохем остановился и окликнул его:

— Сатана! Остановись! Время отдохнуть, дорогой Хозяин!

Сатана, спотыкаясь, шел дальше, не обращая внимания на этот крик. Насмешливость исчезла из голоса Кохема, он стал зловещим.

— Остановись, собака! Стой, когда я тебе говорю! Хочешь бомбу под пятки?!

Сатана остановился.

— Обернись, Сатана! — глумился Кохем. — Что, Хозяин, неужели вы откажете мне в свете ваших глаз?

Сатана обернулся. Кохем увидел нас.

Рука с бомбой взметнулась вверх.

— Вальтер! — вскрикнула Ева, заслоняя меня.

Ее руки с мольбой протянулись к нему.

— Вальтер! Не надо!

Стрелять я и не пытался. Честно говоря, мне это даже в голову не пришло. Вид Сатаны совершенно парализовал меня. Но быстрая реакция Евы спасла нас вернее, чем это могла бы сделать пуля.

Кохем опустил руку с бомбой. Сатана не обернулся. Я не был уверен, что он услышал крик Евы. До него не доходило ничего, кроме собственной боли и голоса его мучителя, которому он, скорее всего, подчинялся только ради того, чтобы спасти статуэтку, которую прижимал к своей груди.

— Ева! — голос Кохема казался уже не таким сумасшедшим, как раньше. — Кто с вами? Подойдите ближе.

Мы вышли вперед.

— Киркхем?.. И маленький Гарри. Стоять на месте. Руки вверх! Оба! Я ваш должник, Киркхем. Но я вам не верю. Ева, что вы собираетесь делать?

— Мы пытаемся выбраться отсюда, Вальтер, — ласково ответила она. — Пойдемте с нами

— Пойти с вами? Пойти с вами! — Его глаза снова загорелись сумасшедшим огнем. — Я не могу. Здесь только часть меня. Остальное в комнате из маленьких зеркал. В каждом из них моя частичка. Я не могу уйти и бросить их здесь.

Он замолчал, по-видимому, обдумывая положение. Сатана ни разу не шевельнулся.

— Это расчленение личности, — снова заговорил Кохем, — вот, что сделал Сатана. Но он не выдержал меня там сколько нужно. Я сбежал. Если бы я задержался там еще немного, я бы весь ушел в эти зеркала. В них и через них в никуда... Так как, — продолжал он с ужасающей беспристрастностью, — эксперимент не был доведен до конца, я не могу

уйти отсюда и оставить здесь частички себя. Вы понимаете это, Ева?

— Осторожно, Ева. Не перечь ему, — тихонько подсказал я. Кохем услышал.

— Заткнитесь, Киркхем. Мы с Евой без вас поговорим, — злобно рявкнул он.

— Вальтер, — настаивала Ева. — Пойдемте с нами...

— Я пойду в храм, — перебил он ее несколько спокойнее. Разрушенный мозг резко перескочил к другой идее. — У меня с собой бомбы. Я пока немного истратил. Я использовал сонный газ. Конзардине лежал у подножья лестницы с переломанным хребтом. Сатана только что прикончил его. Он закрыл нос и рот и побежал. Небольшое впрыскивание в глаза кое-чем, что я с собой тоже прихватил... И все кончено. Он забрался сюда, как крыса в свою нору. Даже слепой...

Настроение Кохема резко переменялось. Он снова разразился сумасшедшим хохотом.

— Пойти с вами! Оставить его! После того, что он со мной сделал?! Нет! Нет, Ева! Если бы вы были даже ангелом с неба. Мы жили вместе долго и счастливо, Сатана и я. И уйдем мы тоже вместе. В длинное, длинное путешествие. И я позаботился, чтобы мы поскорее туда отправились! Поскорее!

— Кохем, — сказал я, — я хочу спасти Еву. Тоннель на берег! Вы не скажете нам, как найти тоннель, ведущий к берегу? Или туда уже не пройти?

— Я же сказал, заткнитесь, Киркхем! — Он злобно покосился на меня. — Все всегда подчинялось Сатане. Теперь Сатана подчиняется мне. Значит, и все мне подчиняются. Вы мне не подчинились. Отойдите к стене, Киркхем.

Я отошел к стене. Ничего другого мне не оставалось.

— Вы хотите узнать, как добраться до тоннеля, — снова заговорил он, когда я дошел до стены и обернулся. — Идите через приемную. Там через правую стену. Слушайте меня, Гарри... — Он еще раз зло взглянул на меня. — Через шестую панель по левой стороне коридора войдете в другой переход. Он идет под уклон. Его пройдете до конца и направо

через последнюю панель. Там начинается тоннель. Все, хватит об этом. А теперь, Киркхем, посмотрим, пойдете ли вы с ними. Ловите!

Он поднял руку и бросил мне бомбу.

Мне показалось, что она медленно плывет в воздухе. Я успел подумать, что будет со мной, если я не поймаю ее, или уроню, или поймаю слишком резко... Мне повезло. Счастье от меня не отвернулось. Я удачно поймал бомбу.

— Оп! Хорошо! Вы тоже идете, — осклабился он. — Держите ее на всякий случай, если встретитесь с рабами. Я, правда, думаю, что я их всех утихомирил там, в храме. Газовые бомбы... Газовые бомбы Кохема! Рабы там лежат и спят... и поджариваются...

Он снова разразился чудовищным хохотом и вдруг зарычал:

— Вон отсюда!

Мы вышли через другую комнату, не смея поднять глаза друг на друга. Возле двери я оглянулся. Кохем смотрел нам вслед.

Сатана так и не шелохнулся.

Мы вышли и закрыли дверь.

На полной скорости мы проскочили маленькую переднюю. Она была вся в дыму и, похоже, горела. Первый коридор тоже был полон дыма. Мы задыхались. Второй переход был совершенно чист, но когда мы добрались до его конца, Баркеру пришлось повожиться с панелью. Наконец, она открылась, как дверь.

Перед нами оказался не вход в тоннель, а пустая каменная палата площадью примерно двадцать квадратных футов. Напротив была массивная стальная дверь, запертая тяжелыми засовами. По обеим сторонам двери стояли кейф-рабы. Это были огромные парни, вооруженные ножами и арканами. К тому же у них были и карабины. Я впервые увидел огнестрельное оружие в руках рабов.

Я сунул в карман бомбу Кохема. На мгновение у меня мелькнула мысль использовать ее. Но я тут же ее отверг. Взрыв мог обрушить все вокруг нас. Или просто завалить вход в тоннель. Я взял в руку

пистолет. В тот же момент охрана наставила на нас карабины. Рабы узнали Баркера и только поэтому не выстрелили сразу.

— Привет! Что это с вами? — спросил Баркер, направляясь к ним.

— Что вы здесь делаете? — По легкому акценту, различимому в безжизненном голосе раба, я понял, что он был русским по происхождению.

— Приказ Сатаны! — нахально ответил Баркер и, показывая на оружие, добавил: — Уберите это.

Раб, задавший вопрос, что-то сказал второму на незнакомом мне языке, на котором говорил и Сатана. Тот кивнул. Они опустили дула карабинов, но по-прежнему держали их наготове.

— У вас есть пропуск? — спросил раб.

— Вы взяли с собой, капитан? — Баркер оглянулся и выразительно посмотрел на меня и сразу же повернулся обратно к охране. — Не взяли... Я взял...

Я понял, что имел в виду Баркер. Я держал палец на спусковом курке и выстрелил сразу от бедра во второго раба. Он вскинул руку к груди и упал. Одновременно с выстрелом Баркер бросился под ноги первому рабу. Тот не удержал равновесие и с грохотом полетел на пол. Он не успел подняться — я всадил ему пулю в лоб.

Я не испытывал угрызений совести из-за этих наркоманов. Я не мог считать их настоящими людьми. Но, люди они или не люди, на войне я убивал гораздо лучших мужчин, а причин для этого было куда меньше. Баркер бросился к рабу, которого он сбил с ног, и начал обыскивать его. Он вскочил со связкой маленьких ключей и ринулся к стальной двери. Не больше минуты потребовалось ему, чтобы снять засовы и открыть дверь. Перед нами лежал тускло освещенный, облицованный камнем длинный тоннель.

— Нам ничего не оставалось делать с теми двумя, — пробормотал Баркер, с трудом сводя тяжелые створки двери. — Мне не понравилось, как Кохем сказал, что он и Сатана уберутся вместе и быстро. Я думаю, он собирается взорвать лабораторию. А там

хватит взрывчатки, чтобы взлетел на воздух весь северо-восточный угол этого Ада.

Мы изо всех сил бросились бежать по коридору. Примерно через тысячу футов перед нами выросла еще одна плотно пригнанная панель, превращавшая тоннель в тупик.

Баркер лихорадочно ощупывал стену проворными пальцами дюйм за дюймом. Вдруг плита мгновенно и бесшумно упала вниз, по-видимому, соскользнула в пазы. Мы ринулись через образовавшийся проход.

Внезапно погас свет. Мы остановились в полной темноте. Земля задрожала под нашими ногами. Снизу донесся глухой грохот, словно рев вулкана из недр земли. Я обнял Еву и притянул ее к себе. Пол под ногами ходил ходуном. Грохотали камни, рушащиеся с крыши и стен тоннеля.

— Господи! Сатаны не стало! — истерически воскликнул Баркер.

Я знал, что это должно было произойти. Сатаны не стало. И Кохема. И всех, кто был во дворце, — и мертвых, и живых. И всех сокровищ Сатаны, всей красоты, которую он собрал вокруг себя, — не стало. Все было повреждено или разлетелось вдребезги в этом чудовищном взрыве. Уникальные произведения искусства были утеряны навсегда для всего мира. Стерты с лица земли! Насколько стал беднее без них этот мир!

Ощущение гнетущей пустоты охватило меня. Словно умерла частица меня самого. Ужас и чувство вины, как будто я сам участвовал в свершившемся святотатестве, сжали мое сердце.

Ева прижалась ко мне, дрожа от страха. Я отбросил прочь тяжелые мысли и крепче обнял ее, пытаюсь успокоить. Говорить было невозможно от грохота.

Через некоторое время камни перестали валиться со стен и с потолка. Баркер зажег свой фонарь. Мы пошли дальше, обходя небольшие обвалы и перелезая через нагромождения камней. Тоннель был сильно поврежден. Я впервые молился, — если это можно назвать молитвой, — чтобы не рухнул пол или потолок и не завалило выход из тоннеля. Если бы это

случилось, мы умерли бы здесь, как крысы в крысоловке.

Но по мере того как мы пробирались все дальше от эпицентра взрыва, завалов становилось все меньше, хотя позади нас то и дело слышался грохот валившихся камней. Наконец мы подошли к грубо вырубленной в скалах глухой стене, перекрывавшей проход. Последней, как мы надеялись, преграде перед выходом из тоннеля.

Мы с Баркером долго возились, пытаюсь определить, как она открывается. Иногда от отчаяния опускались руки. Батарейки сели. Фонарик почти не давал света. Но, в конце концов, когда фонарик почти совсем погас, Баркеру удалось найти щиток, закрывавший управление механизмом, и опустить стену. Холодный свежий воздух ворвался в тоннель. Совсем близко слышался шум прибоя. Еще минута — и мы стояли на тех самых валунах, где я видел Сатану, любовавшегося заливом.

Я увидел фонари «Херувима». Яхта качалась на волнах у самого берега. Ее прожектор обшаривал то причал, то дорогу, ведущую через лес к большому дворцу.

Мы поспешно слезли с камней и осторожно начали пробираться вдоль прибоя к причалу.

Справа от нас в небе полыхало зарево пожара. Вершины деревьев казались на его фоне силуэтами карликовых растений на японских пейзажах.

Это были отблески погребального костра Сатаны.

Мы подошли к пирсу и попали в лучи прожектора. Мы храбро продолжали идти вперед. Баркер спрыгнул в подходящий катерок, пришвартованный к причалу. Там, на яхте, должно быть, думали, что мы собираемся к ним. Они направили прожектор прямо на нас.

Загудел мотор. Я помог Еве спуститься в катер и спрыгнув следом. Баркер включил первую скорость, затем вторую, и катер рванулся вперед.

Ночь была безлунная. Над водой стелился легкий туман. Отблески огромного пожара плясали на ленивых волнах.

Баркер правил прямо к яхте. И вдруг резко перевел руль влево и помчался прочь. На палубе «Херувима» поднялся крик. Туман сгущался по мере того, как мы удалялись от берега. Луч прожектора с трудом пробивался сквозь него. Наконец он потерял нас и вернулся обратно к причалу.

Баркер правил к побережью Коннектикута. Он передал мне руль и пошел назад проверить мотор. Ева прижалась ко мне. Я крепко обнял ее свободной рукой. Она опустила головку на мое плечо.

Мои мысли снова вернулись к горящему замку. Что там происходило? Может быть, сильный взрыв и пламя пожара привлекли внимание зевак и добровольцев-пожарных из окрестных деревень, а также и полицию? Скорее всего, нет. Замок был расположен в отдаленном труднодоступном месте. Но рано или поздно они все-таки там появятся. Что они обнаружат? И как они это воспримут? Многие ли успели сбежать оттуда?

А сколько остались запертыми в замке Сатаны? Сколько погибло от ножей рабов и бомб Кохема? Среди них были люди, занимавшие высокое положение в обществе. Какие последствия вызовет их исчезновение?! Газеты очень долго будут муссировать эту тему.

Ну и Сатана! При ближайшем рассмотрении просто жулик, нечестный игрок, которого в конце концов подвели им же изготовленные фальшивые кости. Если бы он честно играл в свою игру, он был бы непобедим. Но он лгал. Вся его власть основывалась на лжи. И она не могла быть крепче того, что было ее основой.

Сатану погубила его собственная ложь.

Нет, это не просто нечистый на руку игрок... Он был чем-то большим, гораздо более опасным, чем просто нечестный игрок...

Может быть, его месть еще настигнет нас?

Поживем — увидим.

Я страхнул с себя оцепенение, отбросил мрачные мысли и решительно вернулся от прошлого к будущему.

— Ева, — прошептал я, — все, что у меня есть, это шестьдесят шесть долларов и девяносто пять центов. В этом состоял весь мой личный капитал, когда я встретил тебя.

— Ну и что? — спросила Ева, поуютнее устраиваясь у меня под рукой.

— Не так много для свадебного путешествия, — заметил я. — Да, конечно, у меня еще есть десять тысяч, которые я получил за дело в музее. Но я не могу оставить их у себя. Их нужно передать музею. С пометкой: «От неизвестного дарителя».

— Разумеется, — равнодушно ответила Ева. — Ах, Джим, дорогой, тебе мало того, что мы свободны?!

Баркер прошел вперед и взял у меня руль. Я обнял Еву. Далеко впереди показались огни какого-то Коннектикутского городка. Они вновь растревожили болезненные воспоминания. Я вздохнул и с сожалением сказал:

— Все сокровища пропали! Почему я не воспользовался случаем и не прихватил с собой корону и скипетр? Ведь была такая возможность!

— Корона здесь, капитан, — сказал Баркер. Он полез в карман, вытащил оттуда корону и положил на колени Еве. Перед нами засверкали бриллианты. Не веря своим глазам, мы посмотрели на корону, потом на Баркера, потом снова на корону, и опять на Баркера...

— Корона немножко мятая, — спокойно заметил Гарри. — Пришлось ее слегка согнуть, чтобы хорошенько спрятать. Скипетр я тоже прихватил, но он, к сожалению, выпал. Мне некогда было его поднимать. Но я подобрал еще несколько хороших вещей.

На колени Еве рядом с короной он высыпал еще две пригоршни колец, подвесок и неотделанных камней.

Мы ошарашенно смотрели на него, полностью лишившись дара речи.

— Разделите их пополам, раз уж вы и мисс Ева собираетесь стать одним целым, — сказал Гарри.

И добавил:

— Я очень надеюсь, что они настоящие.

— Гарри! — задохнувшись от восторга, прошептала Ева, осторожно привстав и поцеловав его.

Он подмигнул и отвернулся к штурвалу.

— Вы так напоминаете Мегги, — печально пробормотал он.

Я почувствовал, что в моем кармане лежит что-то круглое и тяжелое. Бомба Кохема! Не без содроганья я достал ее из кармана и осторожно опустил за борт.

Береговые огни быстро приближались. Я сгреб пригоршню самоцветов с колен Евы и сунул их Гарри в карман. Потом обнял Еву и повернул к себе ее лицо.

— Прямо как я и Мегги! — охрипшим голосом пробормотал Гарри.

Я коснулся губами губ Евы и почувствовал, как они прильнули к моим.

Жизнь воистину сладостна.

А ГУБКИ ЕВЫ СЛАЩЕ ВСЕГО!

СОДЕРЖАНИЕ

Юлиус Шварц

Взгляд на творчество А. Мерритта 5

КОРАБЛЬ ИШТАР

(Пер. с англ. Л. Прозоровой) 11

СЕМЬ СТУПЕНЕЙ К САТАНЕ

(Пер. с англ. Н. Ивановой) 225

Литературно-художественное издание

Абрахам Мерритт

КОРАБЛЬ ИШТАР

Перевод с английского

Ответственный редактор *Геннадий Белов*

Редактор *Николай Иослев*

Художник суперобложки *Владимир Канисев*

Художник *Татьяна Канисев*

Художественный редактор *Виктор Меньшиков*

Технический редактор *Татьяна Раткевич*

Корректоры: *Людмила Ни, Людмила Быстрова*

Верстка *Ольги Колеговой*

Подписано к печати с оригинал-макета 17.12.92.

Формат издания 84 × 108¹/₃₂. Гарнитура школьная.

Печать высокая. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 200 000 экз. Изд. № 119. Заказ 127.

Издательство «Северо-Запад»

191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 18

ГПП «Печатный Двор»

197110, Санкт-Петербург, П-110, Чкаловский пр., 15

Уважаемые читатели!

По вашим просьбам сообщаем полный список книг, выпущенных издательством «Северо-Запад» в серии «Фэнтези».

Но серия на этом не заканчивается. В 1993 году вас ждут новые открытия. Издательство продолжает готовить к выпуску книги лучших авторов, работающих в жанре «фэнтези».

Толкин Джон Рональд Руэл

Властелин колец: Эпопея в 3 ч. 4.1 Братство кольца; 4.2 Две крепости; 4.3 Возвращение короля/Пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого; Ил. А. Николаева. Репринт. изд. — Л.: Северо-Запад, 1991. — VII, 1008 с.; ил., карты + Прил. (с. 1010—1104). — (Fantasy). ISBN 5-7183-0003-8. (В пер. + суперобл.).

Толкин Джон Рональд Руэл

Властелин колец: Эпопея в 3 ч./Пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого; Ил. Д. Гордеева. — 2-е изд., испр. и перераб. — СПб.: Северо-Запад. (К 100-летию Дж. Р. Р. Толкина) — (Fantasy). (В пер. + суперобл.).

Т. 1: Братство кольца. — 480 с.; ил. ISBN 5-8352-0029-3.

Т. 2: Две крепости. — 352 с.; ил. ISBN 5-8352-0030-7.

Т. 3: Возвращение короля. — 512 с.; ил. + Прил. (с. 343—447) — алфавит. указ. имен и геогр. назв. (с. 449—510). ISBN 5-8352-0031-5.

Муркок Майкл

Серебряная рука: Хроника Корума: Роман/Пер. с англ. А. Чеха. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 446 с. — (Fantasy). ISBN 5-8352-0021-8. (В пер. + суперобл.).

Муркок Майкл

Повелитель бурь: Хроника Эльрика: Романы/Пер. с англ. М. Гилинского. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 448 с. — (Fantasy). ISBN 5-8352-0048. (В пер.).

Муркок Майкл

Повелители мечей: Хроника Корума: Роман/Пер. с англ. М. Гилинского. — СПб.: Северо-Запад, 1991. — 384 с. — (Fantasy). (Б-ка ж-ла «Звезда»). ISBN 5-7183-0002-X. (В пер.).

Муркок Майкл

Повелители мечей: Хроника Корума: Роман/Пер. с англ. М. Гилинского. — 2-е изд., доп. и испр. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 464 с. — (Fantasy). ISBN 5-8352-0038-2. (В пер. + суперобл.).

Муркок Майкл

Рунный посох: Хроника Хокмуна: Романы/Пер. с англ. В. Бердника, И. Гречина, Г. Корчагина и др. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 480 с. — (Fantasy). ISBN 5-8352-0039-0. (В пер. + суперобл.).

Ланье Стерлинг

Путешествие Иеро: Романс будущего: Роман/Пер. с англ. М. Нахмансона. — СПб.: Северо-Запад, 1991. — 320 с. — (Fantasy). ISBN 5-8352-0002-1. (В пер.).

Ланье Стерлинг

Путешествие Иеро: Романс будущего: Роман/Пер. с англ. с сокр. М. Нахмансона. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 384 с. — (Fantasy). ISBN 5-8352-0042-0. (В пер. + суперобл.).

Нортон Андре

Колдовской мир: Романы/Пер. с англ. С. Степанова и А. Пахомова. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 416 с. — (Fantasy). ISBN 5-8352-0012-9. (В пер.).

Нортон Андре

Колдовской мир: Романы/Пер. с англ. С. Степанова и А. Пахомова. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 416 с. (Fantasy). ISBN 5-8352-0012-9. (В пер. + суперобл.).

Нортон Андре

Трое против Колдовского мира: Романы/Пер. с англ. А. Пахомова, Н. Лебедевой, А. Смирновой. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 608 с. (Fantasy). Содерж.: III. Трое против Колдовского мира;

IV. Заклинатели Колдовского мира; V. Волшебница Колдовского мира. ISBN 5-8352-0013-7. (В пер. + суперобл.).

Лейбер Фриц

Мечи против колдовства: Роман: Новеллы/Пер. с англ. Г. Велова, Е. Кравцовой, И. Куцковой. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 480 с. — (Fantasy). ISBN 5-8352-0065-X. (В пер. + суперобл.).

Лоумер Кейт

Космический шулер: Роман; Ретиф: Рассказы/Пер. с англ. М. Гишинского. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 352 с. — (Fantasy). ISBN 5-8352-0040-4. (В пер. + суперобл.).

Энтони Пирс

Хтон: Роман; Фтор: Роман/Пер. с англ. С. Хренова. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 448 с. — (Fantasy). ISBN 5-8352-0064-1. (В пер.).

Зилазни Роджер

Хромика Эмбера: Эпопея в 2 ч.: 4.1. Девять принцев Эмбера; 4.2. Ружья Авалона/Пер. с англ. М. Гишинского; послесл. Г. Велова. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 416 с. — (Fantasy). ISBN 5-8352-0027-1. (В пер. + суперобл.).

Зилазни Роджер

Князь света: Роман/Пер. с англ. В. Лапицкого. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 416 с. — (Fantasy). ISBN 5-8352-0041-2. (В пер.).

Зилазни Роджер

Порождения света и тьмы: Сборник/Пер. с англ. В. Лапицкого, Е. Александровой. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 639 с. — (Fantasy). Содерж.: Порождения света и тьмы: Роман; Джек-из-тени: Роман; Князь света: Роман. — ISBN 5-8352-0066-8. (В пер. + суперобл.).

Маккефри Энн

Полет дракона: Роман/Пер. с англ. Ю. Барабаша и М. Нахмансона. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 384 с. — (Fantasy). (Всадники Перна/Э. Маккефри 4.1). ISBN 5-8352-0014-5. (В пер. + суперобл.).

Маккефри Энн

Полет дракона: Роман/Пер. с англ. Ю. Барабаша и М. Нахмансона. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 384 с. — (Fantasy). (Всадники Перна/Э. Маккефри 4.1). ISBN 5-8352-0043-9. (В пер. + суперобл.).

Маккефри Энн

Странствия дракона: Роман/Пер. с англ. М. Нахмансона. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 448 с. — (Fantasy). (Всадники Перна/Э. Маккефри 4.2). ISBN 5-8352-0015-3. (В пер. + суперобл.).

Маккефри Энн

Странствия дракона: Роман/Пер. с англ. М. Нахмансона — 2-е изд., испр. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 448 с. — (Fantasy). (Всадники Перна/Э. Маккефри 4.2). ISBN 5-8352-0050-1. (В пер. + суперобл.).

Стюарт Мери

Полые холмы: Роман/Пер. с англ. И. Бернштейн. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 416 с. — (Fantasy). (Жизнь Мерлина/М. Стюарт, 4.II). ISBN 5-8352-0034-X. (В пер.).

Стюарт Мери

Полые холмы: Роман/Пер. с англ. И. Бернштейн; ил. Г. Пайла — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 478 с. ил. — (Fantasy). (Жизнь Мерлина/М. Стюарт, 4.II). ISBN 5-8352-0080-3. (В пер. + суперобл.).

Стюарт Мери

Последнее волшебство: Роман/Пер. с англ. И. Бернштейн; ил. Г. Пайла, Лукаса Кранаха. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 510 с. ил. — (Fantasy). (Жизнь Мерлина/М. Стюарт, 4.III). ISBN 5-8352-0081-1. (В пер. + суперобл.).

Ле Гуин Урсула

Волшебник Земноморья: Эпопея в 3 ч.: 4.1. Волшебник Земноморья; 4.2. Гробницы Антуана; 4.3. На последнем берегу/Пер. с англ. и послесл. И. Тогоевой. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 608 с. — (Fantasy). ISBN 5-8352-0081-1. (В пер. + суперобл.).

Ле Гуин Урсула

Волшебник Земноморья: Фантастическая трилогия/Пер. с англ. и послесл. И. Тогоевой. — 2-е изд., испр. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 608 с. — (Fantasy). ISBN 5-8352-0058-7. (В пер. + суперобл.).

Вэнс Джек

Глаза чужого мира: Сборник/Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 576 с.; ил. Содерж.: Глаза чужого мира: Роман; Создатели чуда: Роман; Сын древа, Узкая полоса: Повести; Рассказы. — (Fantasy). Оформ. В. Канивец. — ISBN 5-8352-0072-2. (В пер. + суперобл.).

Прэтт Флэтчер

Колодец Единорога: Роман/Пер. с англ. Г. Трубициной. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 480 с. — (Fantasy). ISBN 5-8352-0086-2. (В пер. + суперобл.).

Уайт Томас Хэнбери

Меч в камне: Романы; Кн. I. Меч в камне; Кн. II. Царица воздуха и тьмы/Пер. с англ. С. Ильина. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 416 с. — (Fantasy). (Том I. Тетралогия «Король былого и будущего»). ISBN 5-8352-0094-3. (Т. I). ISBN 5-8352-0093-5. (В пер. + суперобл.).

Андерсон Пол

Сломанный меч: Романы/Пер. с англ. В. Дымшица, Г. Тумановой. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 640 с. — (Fantasy). (Содержание: Сломанный меч: Роман; Дети морского царя: Роман.). ISBN 5-8352-0075-7. (В пер. + суперобл.).

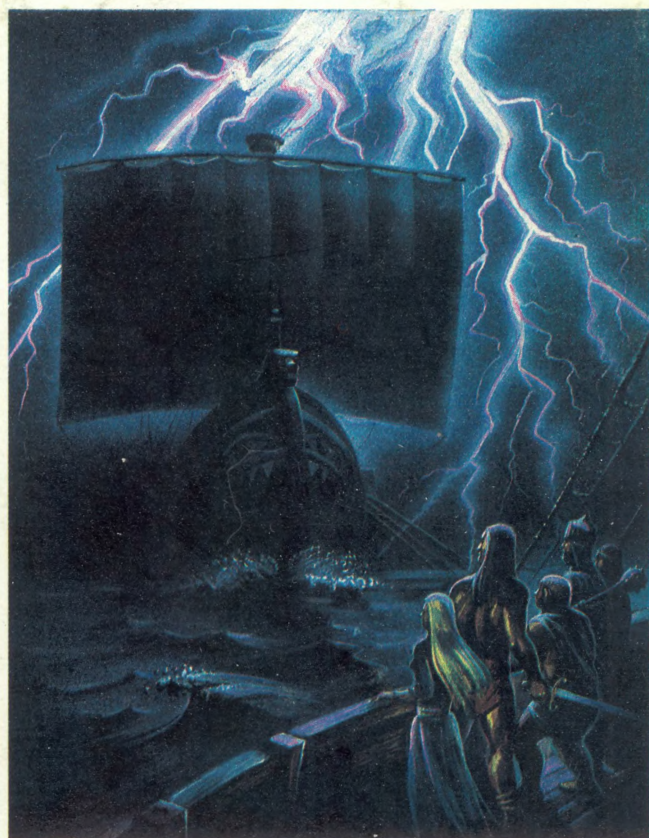
Мунн Уорнер

Кольцо Мерлина: Книга I. Дилогия/Пер. с англ. М. Куренной. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 416 с. — (Fantasy). (Содержание: 4.1. Повелитель земного предела; 4.2. Корабль из Атлантиды.) ISBN 5-8352-0082-X. (В пер. + суперобл.).

fantasy

Корабль Иштар
Семь ступеней к сатане

Северо-Запад®